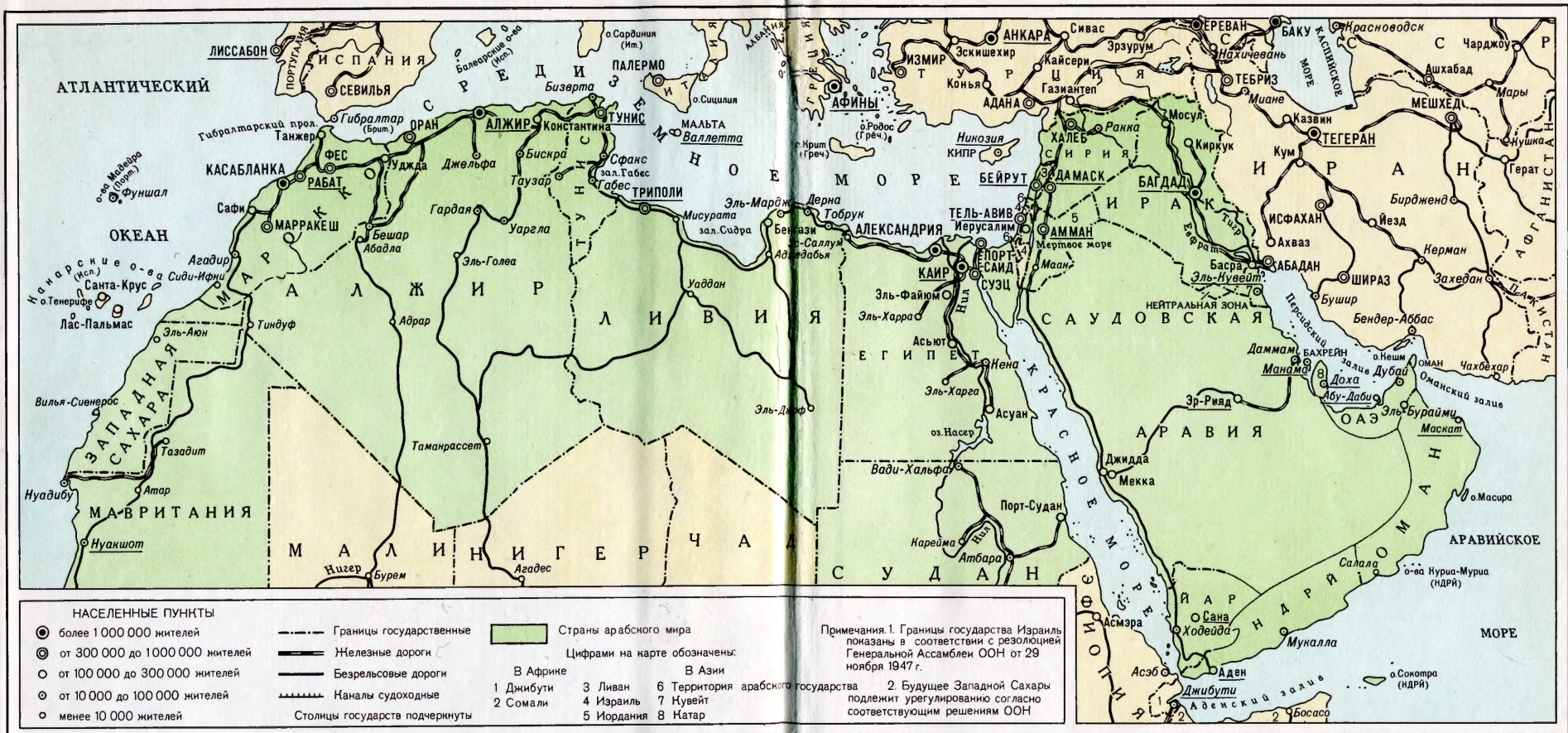

Л.И.Медведко

К ВОСТОКУ
И ЗАПАДУ ОТ
СУЭЦА

Л.И.Медведко

К ВОСТОКУ И ЗАПАДУ ОТ СУЭЦА

(Закат колониализма
и маневры
неоколониализма
на Арабском Востоке)

Москва
Издательство
политической литературы
1980

Медведко Л. И.

М42 К востоку и западу от Суэца: (Закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке) — М.: Политиздат, 1980.— 368 с., карт.

Книга ученого и журналиста международного Л. И. Медведко, длительное время работавшего в арабских странах,— о политической обстановке на Ближнем Востоке в последние десятилетия. В ней рассматриваются эволюция методов и средств, используемых США и другими империалистическими государствами для сохранения своих позиций в этом регионе, капитулянтский курс египетского президента Садата, влияние иранской революции на расстановку сил на Ближнем и Среднем Востоке. Прослеживая эволюцию методов неоколониализма от «доктрины Эйзенхауэра» до «доктрины Картера», автор показывает тщетность попыток империализма остановить процесс освободительных революций на Арабском Востоке.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

М $\frac{11104-310}{079(02)-80}$ 260—80 0803000000

66 4(08)
327.215

© ПОЛИТИЗДАТ, 1980 г

ПРЕДИСЛОВИЕ

Суэц.. Немного на карте мира названий, которые были бы столь широко известны. Суэц не только понятие географическое. Оно связано с величайшим инженерно-техническим гидросооружением XIX века — Суэцким каналом и с одним из крупнейших торгово-финансовых капиталистических предприятий эпохи колониализма — «Всеобщей компанией морского Суэцкого канала».

Суэц занял прочное место в современном политическом словаре. И вот почему. Нельзя обозначить точный временной рубеж между отмиранием колониализма и зарождением неоколониализма. Они тесно взаимосвязаны и переплетены друг с другом. Тем не менее на некоторых крутых поворотах истории особенно убедительно проявилась обреченность каждой из этих форм империалистического господства. К таким историческим вехам, несомненно, можно отнести суэцкий кризис 1956 года и разразившуюся четверть века спустя антимонархическую и антиимпериалистическую революцию в Иране.

Провал «тройственной» агрессии против Египта ознаменовал, можно сказать, закат колониализма на Арабском Востоке и за его пределами. Свержение же шахского режима в Иране — это одно из ярких проявлений начала заката неоколониализма. В Иране был дан отпор своеобразному новому тройственному заговору империализма, сионизма и местной реакции в лице шахского режима. Недаром западная печать называла иранскую революцию «новым Суэцем»

Суэц вызывает ряд ассоциаций и в военной сфере. Провозглашенный Лондоном вскоре после суэцкого кризиса план вывода английских войск из бывших колоний в рамках политики «к востоку от Суэца» как бы подвел черту под «старым» военным колониализмом в арабском мире. Вместе с тем попытки Вашингтона, принявшего колониалистскую эстафету у Лондона, заполучить после капитулянтства Садата военные базы на восточном и западном берегу от Суэцкого канала и утвердить вновь свое военное присутствие на арабской земле свидетельствуют о том, что военная стратегия неоколониализма не выходит из замкнутого порочного круга империалистической политики, будь то в выражении «доктрины Эйзенхауэра» или «доктрины Картера».

Более шести лет после июньской войны 1967 года разрушенные и опустошенные египетские города по обоим берегам Суэцкого канала напоминали о жестокости израильских агрессоров и коварстве их империалистических покровителей. В то же время эти руины и обломки сбитых над берегами Суэца израильских самолетов свидетельствовали о мужестве египетского народа, сумевшего выстоять и, набравшись сил, дать отпор агрессорам.

В дни октябрьской войны 1973 года на Суэцком канале была продемонстрирована эффективность антиимпериалистической солидарности арабов. Опираясь на поддержку Советского Союза и всего мирового революционного движения, они не только освободили часть оккупированных Израилем земель, но и добились некоторых сдвигов в урегулировании ближневосточного конфликта на справедливой основе. Арабские солдаты, успешно форсировав Суэцкий канал, развеяли миф о непобедимости израильской армии. Египетские воины и население окруженного врагом Суэца сумели отстоять свой родной город, несмотря на все ожесточенные атаки и закулисные маневры империализма и арабской реакции.

Но уже тогда двурушническая политика Садата, сменившего безвременно ушедшего из жизни Гамаль Абдель Насера на посту президента Египта, едва не обрекла Суэц и окруженные в том районе египетские войска на позор поражения. Начавшийся вскоре после октябрьской войны недалеко от Суэца сепаратный торг египетского руководства с Тель-Авивом завершился в конце концов заключением при соучастии Вашингтона капитулянтской сделки Садата, оформленной в виде египетско-израильского «мирного договора». Однако этот договор не принес долгожданного мира на Ближний Восток. Израиль продолжает грубо попирает законные права арабского народа Палестины, расширять вооруженные провокации против Ливана и других арабских государств. Несмотря на это, Израиль получил по условиям «мирного договора» право свободного пользования Суэцким каналом.

Проход через Суэцкий канал в мае 1979 года трех израильских военных кораблей, направившихся в Средиземное море, был расценен арабами как удар в спину арабскому освободительному движению.

Но ничто не может остановить развитие революционно-освободительного процесса. Самое убедительное доказательство тому — победа антиимпериалистической революции в Иране, которая нанесла ощутимый удар по позициям неокOLONиализма на Ближнем и Среднем Востоке. Она показала, что революционный антиимпериалистический процесс продолжает развиваться и углубляться.

Противоречивые политические ассоциации, которые связаны с географическим названием «Суэц», отражают тот сложный

процесс антиимпериалистической освободительной революции на Арабском Востоке, который анализируется в этой книге.

Географически Суэцкий канал разделил арабский мир как бы на две части — на азиатскую и африканскую, что почти соответствует делению на Арабский Восток (Машрик) и Арабский Запад (Магриб)¹. Империалисты пытались на свой лад поделить арабский мир. Французские колонизаторы установили свое господство над арабскими странами Магриба, английские империалисты считали своей заповедной зоной Машрик, уступив там французам лишь Сирию и Ливан, а итальянцам — Ливию.

Но сами арабы всегда считали и считают арабский мир единым. Это единство зарождалось и развивалось на основе их общей антиимпериалистической борьбы за подлинную свободу, независимость и социальный прогресс. В богатом по своему словарному запасу арабском языке, на котором говорят более 130 миллионов человек, не случайно, очевидно, понятия «империализм» и «колониализм» обозначают одним словом. Объяснение этому находят не в области филологии и лингвистики, а в политической сфере, в истории арабских народов.

Из более двадцати членов Лиги арабских стран, которые составляют современный арабский мир², нет ни одного, не испытывавшего на себе прямого или косвенного гнета империализма. Чаще всего он выступал в самой циничной и грабительской форме колониализма. Лишь в двух арабских государствах — Саудовской Аравии и Северном Йемене — не было установлено политического господства империалистов в форме классического колониализма. Но нет ни одной арабской страны, которая не столкнулась бы с экономическими и военными формами колониализма в старом, классическом, или в обновленном виде, называемом арабами «новым империализмом», или неоколониализмом.

В свое время английский фельдмаршал Китченер произнес циничную фразу о том, что мораль кончается за Суэцем. И, в понимании западных империалистов, это на самом деле было так. Не только к востоку, но и к западу, и на юг от Суэца в Азии и Африке в свои «права» вступала самая аморальная политика — откровенный, разбой и беззастенчивый грабеж «туземного населения», называвшийся колониальным правлением.

---

¹ Под Арабским Востоком (Машрик) обычно подразумевают не только страны Аравийского полуострова, но также Египет, Ливию и Судан, расположенные на Африканском континенте. К Магрибу принято относить Алжир, Марокко, Мавританию и Тунис.

² В Лигу арабских стран кроме 19 государств, большинство населения которых составляют арабы (Египет, Сирия, Ирак, Судан, Иордания, Ливия, Алжир, Тунис, Марокко, Мавритания, Саудовская Аравия, ЙАР, НДРЙ, Кувейт, Катар, Бахрейн, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Ливан), входят Организация освобождения Палестины, а также Сомали и Джибути.

Та часть арабского мира, которая расположена на стыке трех материков — Европы, Азии и Африки, потому, очевидно, и получила название Ближний Восток, что она географически была самым ближним объектом для европейских колонизаторов. С началом добычи нефти этот район превратился в узел острейших межимпериалистических противоречий колониальных держав. Занимая важное военно-стратегическое положение, Ближний Восток в течение долгих лет был одной из главных арен, на которой испытывались различные военно-политические и экономические методы колониализма и развертывалась освободительная борьба арабских народов против империалистического гнета.

Именно в зоне Суэцкого канала коллективный колониализм был оформлен юридически еще до того, как английские колонизаторы установили свое политическое господство над самим Египтом. Акционерами созданной в 1858 году Суэцкой компании с общим капиталом всего в 8 миллионов фунтов стерлингов были Франция, Англия, США и некоторые другие страны. Значительная доля акций принадлежала хедиву Египта, который, однако, запутавшись в долгах, через шесть лет после открытия канала продал их англичанам за 4 миллиона фунтов стерлингов. Запрошенную сумму английскому правительству ссудил банк Ротшильда. (Несколько позднее этот же банк финансировал создание другого предприятия международного капитала — сионистского движения, ставшего впоследствии рьяным проводником политики колониализма и неоколониализма на Ближнем Востоке.) Доходы Суэцкой компании, составлявшие ежегодно сначала десятки, а затем и сотни миллионов фунтов стерлингов, с лихвой покрыли ее расходы. Ведь при сооружении канала использовался, по существу, принудительный труд.

Каждый месяц в распоряжение предприимчивого французского дельца Фердинанда Лессепса и созданной им Суэцкой компании предоставляли более 60 тысяч египетских крестьян. Работая впроголодь, страдая от жажды, они изо дня в день прокладывали 160-километровую трассу канала. Последний его участок — от Большого Горького озера до Суэца длиной в 26 километров — был прорыт полностью вручную Серо-желтые пески Синайской пустыни занесли тела многих из этих безвестных строителей. За десять лет строительства (1859—1869 годы) здесь, по самым скромным подсчетам, погибло не менее 120 тысяч египтян.

Вода в Суэцком канале, говорят египтяне, горько-соленая не только потому, что его трасса проходит через Горькие озера. Его песчаные берега впитали кровь десятков тысяч египетских солдат и ополченцев, защищавших свою родину от посягательств колонизаторов.

Египтяне с оружием в руках не раз поднимались на борьбу против колониализма. Сначала империалисты установили полный финансовый контроль над Египтом. Затем, когда в 1882 го-

ду египетский народ восстал против иностранного засилья, английская армия оккупировала страну. Англичане подавили восстание самым жестоким образом — тысячи египтян были расстреляны, десятки тысяч ранены, сотни тысяч брошены в тюрьмы или посланы на принудительные работы. Используя «беспорядки» в стране в качестве предлога, Великобритания ввела свой флот в Суэцкий канал. Страной фактически начал править «английский фараон» — генеральный консул Великобритании в Египте лорд Кромер. Но он опирался не только на штыки армии английских оккупантов, но и на египетские феодальные круги, а также крупную компрадорскую буржуазию. Испытывая панический страх перед народом, они рассматривали английских оккупантов как своих спасителей и защитников. Так, уже в тот период зародился симбиоз колониализма и египетской феодально-буржуазной верхушки, против которого, скажем, забегая вперед, была направлена июльская революция 1952 года.

В годы первой мировой войны германский империализм в союзе с Турцией пытался овладеть Суэцким каналом с востока. Турецкая армия, вооруженная Германией и руководимая немецким советником генералом фон Крессенштейном, в течение двух месяцев пыталась форсировать канал, но безуспешно.

В период подготовки второй мировой войны на Суэцкий канал стала претендовать фашистская Италия. Муссолини после захвата Ливии и Эфиопии громко заявил, что теперь «итальянскими проблемами колониального характера являются Тунис, Джибути и Суэцкий канал». Используя Ливию как плацдарм для нападения на Египет, немецко-итальянские полчища под командованием Роммеля попытались овладеть Суэцким каналом с запада. Но мечта Гитлера «через Суэц, через Палестину и Сирию» выйти к южным границам Советского Союза не сбылась. Когда армия Роммеля была уже на подступах к Александрии, судьбу Египта и всей второй мировой войны решило вовсе не танковое сражение под Эль-Аламейном (в 105 километрах от Александрии), а величайшая историческая битва под Сталинградом и последовавшие за ней сокрушительные удары, которые один за другим наносила по фашистским полчищам Советская Армия.

В дни «трояственной» агрессии империалистов против Египта в 1956 году Суэц снова выстоял. В то трудное для Египта время египетский народ, вдохновляясь примером битвы на Волге, черпал силы в поддержке Советского Союза. Вот почему Суэц и Волгоград стали потом городами-побратимами.

Суэцкий кризис как бы обозначил тот переходный рубеж, на котором «старый» колониализм передал на Арабском Востоке эстафету неоколониализму. Ее подхватил американский империализм. И хотя арабский мир был поделен в основном между европейскими колонизаторами, во многих акциях коллективного колониализма США принимали прямое или косвенное участие.

К силовым приемам США прибегали на Ближнем Востоке неоднократно, всякий раз, когда требовалось воспрепятствовать там опасному для Запада развитию революционно-освободительных процессов.

После скандального провала неоколониалистского курса в Иране Вашингтон провозгласил якобы новую «доктрину Картера», а по сути дела, возвратился к старым методам, к которым империализм прибегал уже неоднократно. Это делается, как и во времена «доктрины Эйзенхауэра», под предлогом заполнения «вакуума», но теперь уже не только на Ближнем Востоке, а в обширном регионе Азии и Африки

При опоре на местную реакцию на Ближнем и Среднем Востоке предпринимаются попытки утвердить военное присутствие США и их империалистических союзников, отбросить освободившиеся страны на несколько десятилетий назад, то есть попытаться осуществить заветную мечту империализма, к которой он стремился, но никак не мог реализовать ни в дни суэцкого кризиса 1956 года, ни в ходе англо-американской интервенции 1958 года, ни в результате израильской агрессии 1967 года.

Цель этой книги — на примере развития революционно-освободительного движения на Арабском Востоке за последнюю четверть века не только проследить эволюцию военных, политических и экономических методов неоколониализма, но и показать историческую закономерность и неизбежность победы арабских народов, борьба которых против неоколониализма, за укрепление национальной независимости и социальный прогресс развивается в общем русле мирового революционного процесса.

Арабским революционным силам приходится противостоять неоколониалистским маневрам не только на фронтах арабо-израильской войны или на государственных границах стран Персидского залива, когда возникают вооруженные конфликты, провоцируемые израильскими милитаристами и некоторыми реакционными режимами, но и на фронтах классовой борьбы внутри самих арабских государств.

Успех этого противоборства далеко не всегда определяется чисто военным соотношением сил. Все более важное значение приобретают расстановка и соотношение классовых сил, социальная направленность политики того или иного арабского государства, его внешнеполитическая ориентация.

СУЭЦ — ЗАКАТ КОЛОНИАЛИЗМА

У командующего английскими войсками в зоне Суэцкого канала бригадира Льюси в то солнечное утро, 13 июня 1956 года, было мрачное настроение. Последний год ему то и дело приходилось отправлять отсюда своих солдат вместе со всем громоздким военным имуществом. Его войско таяло прямо на глазах. Сегодня он должен погрузить на прибывшее военно-транспортное судно «Ивэн Гибб» последние подразделения — несколько сот солдат под командованием одиннадцати офицеров и вместе с ними сам покинуть Порт-Саид.

А в городе царил веселье. На набережной — толпы возбужденных людей. Они каждый раз собираются в порту, когда уходит очередное английское судно с солдатами, и устраивают шумные празднества: танцуют, пронзительно улюлюкают, заглушая свирели и барабаны, обнимаются друг с другом, целуются.

Бригадиру Льюси не хотелось дожидаться официальной церемонии, во время которой он должен был передать ключи от своей штаб-квартиры египетскому президенту подполковнику Насеру. Ничего не говоря, Льюси как-то неловко сунул их стоявшему рядом египетскому лейтенанту и, откозыряв, быстро поднялся по трапу на судно.

Да, надо было политикам, думал Льюси, сразу прислушаться к разумным советам военных. Ведь в первые же дни, как в Каире совершилась 23 июля 1952 года революция, которая свергла короля Фарука, командующий английскими войсками в Египте генерал Эрскин советовал правительству «решительно вмешаться» и использовать, пока не поздно, британские вооруженные силы. Но тогда к голосу генерала не прислушались. Вот пусть теперь политики и пожинают плоды своей безмозглой политики!

Уже через два месяца после взятия власти Советом руководства революцией Насер потребовал эвакуации английских войск из Египта. Как ни сопротивлялись в Лондоне, в конце концов пришлось выполнить это требование. Сначала согласились сократить находившиеся в Египте британские силы с 80 до 10 тысяч солдат, которые оставались охранять Суэцкий канал. А потом по соглашению, подписанному в Каире 19 октября 1954 года, Лондон взял на себя обязательство в течение 20 месяцев вывести и эти войска из зоны Суэцкого канала. В июле истекал

срок соглашения, и английским офицерам, оставшимся в Египте, надо было выполнять обязательства, взятые лондонскими политиками

Но бригадир Льюси напрасно сетовал на политиков.

В Лондоне долго взвешивали все «за» и «против» этого соглашения. Позднее, двадцать с лишним лет спустя, бывший министр иностранных дел Селвин Ллойд, пытаясь оправдать проводимый Лондоном курс, который привел к суэцкому кризису, писал в своих мемуарах «Оглядываясь назад, я часто спрашивал себя, не следовало ли нам приостановить вывод войск из зоны Суэцкого канала? Я думаю, что это было бы ошибкой. Мы бы дали повод обвинить нас в несоблюдении взятых обязательств. Более того, я считаю, что на том этапе, когда дела зашли уже слишком далеко, вообще было бы невозможно приостановить вывод войск»¹.

События в долине Нила разворачивались вовсе не так, как того хотелось на берегах Темзы. Революционное правительство Египта последовательно проводило политику освобождения страны от двойного гнета — империализма и феодализма. Насер не просто потребовал вывода английских войск. Свое требование он подкрепил призывом к народу начать партизанскую войну против оккупантов, если они не согласятся сами уйти подобру-поздорову.

В ответ английское правительство прибегло к экономическому давлению — оно заморозило в лондонских банках 10 миллионов фунтов стерлингов, принадлежавших Египту. Но эта мера не возымела ожидаемого действия. В Египте началась запись добровольцев. В ряде районов зоны Суэцкого канала совершались вооруженные нападения на оккупантов. Англичанам поневоле пришлось сесть за стол переговоров, которые они намеренно затянули почти на два года. В Лондоне надеялись, что революционные офицеры долго не удержатся у власти. И не только надеялись, но и делали все возможное, чтобы заменить их более складистым правительством. Но эти расчеты не оправдались.

Египетская революция не ограничилась выдворением из страны короля, она предала суду многих королевских сановников, крупных феодалов и капиталистов, тех, с помощью которых империалисты рассчитывали проводить свою политику после ухода англичан из Египта. Революционное руководство издало закон об аграрной реформе, ограничивший земельную собственность крупных землевладельцев, начало наступление на иностранный капитал, отвергло притязания империалистов диктовать Египту свою волю.

Не суждено было осуществиться и планам создания на Ближнем Востоке «оборонительной организации», с помощью которой империализм надеялся сохранить свои военные базы в Египте и

---

¹ *Lloyd S. Suez 1956 A Personal Account London, 1978, p. 66.*

в других арабских странах под флагом борьбы против мифической «коммунистической угрозы». Насер на состоявшейся еще в начале 1953 года встрече с Даллесом на все его доводы о необходимости вступления Египта в планируемый под эгидой Запада «оборонительный пакт» твердо заявил: «Мы не намерены обсуждать какие-либо пакты или меры безопасности. Для того чтобы народ был действительно заинтересован в защите своей независимости, он должен обрести ее». На запугивания Даллеса «советской угрозой» Насер задал резонный вопрос, которым он и впоследствии не раз ставил в тупик своих западных оппонентов «Почему нам нужно бояться Советского Союза? Он находится за 5000 миль от нас, и мы никогда не имели от него каких-либо неприятностей. Он никогда не нападал на нас. Он никогда не оккупировал нашу территорию. У него никогда не было баз на нашей земле, а англичане находились здесь в течение семидесяти лет»¹.

Тем не менее империалисты не оставляли надежд «пристегнуть» Египет к какой-либо антисоветской военно-политической группировке и тем самым сохранить за собой право военного присутствия в зоне Суэцкого канала. Именно поэтому англичане, подписывая в октябре 1954 года соглашение о полном выводе своих войск из Египта, так настойчиво добивались, чтобы в него была включена специальная статья, позволявшая Англии в течение 7 лет пользоваться военными базами в зоне канала и «реактивизировать» их в случае нападения на Египет, или на одно из арабских государств, или... на Турцию. Дело в том, что уже тогда в Лондоне готовились к созданию нового военного союза на Ближнем Востоке, который, как надеялся английский премьер-министр А. Иден, «мог бы со временем трансформироваться в ближневосточный вариант НАТО»². Он был оформлен в начале 1955 года заключением Багдадского пакта с участием Турции, Ирака, Ирана, Пакистана и Англии. К этому союзу на правах ассоциированного члена присоединились и США. Сразу же с образованием первого звена этого пакта на Египет был оказан сильный нажим. И не только политический, но и военный. Он был осуществлен с помощью Израиля.

Первый прорыв

После заключения арабо-израильского перемирия в 1949 году Израиль, продолжая проводить агрессивно-аннексионистский курс против соседних арабских государств и откровенно расистскую политику по отношению к палестинским арабам, превра-

---

¹ *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents. London, 1972, p. 37.*

² *The Memoires of Sir Anthony Eden. London, 1960, p. 220.*

тился в орудие империализма на Ближнем Востоке, в его аванпост. Естественно, что сионистские руководители пользовались благосклонным отношением бывших колониальных держав и Соединенных Штатов. В своей ближневосточной политике западные державы на словах осуществляли якобы политику «равновесия сил». Но на деле предпочтение явно отдавалось Израилю, куда широким потоком направлялось западное оружие и деньги. Американская помощь Тель-Авиву только по государственной линии составила к 1956 году 600 миллионов долларов. Англия и Франция после июльской революции 1952 года фактически вообще прекратили продажу оружия Египту. Поставки его в весьма ограниченных размерах были возобновлены лишь в 1954 году в надежде втянуть Египет в запланированный военный блок. Когда эти надежды не оправдались, продажа Египту оружия была в 1955 году вновь прекращена.

Хорошо оснащенная западным оружием и укомплектованная по большей части офицерами, получившими военное образование в западных государствах, израильская «Хагана» («Силы обороны») создавалась как агрессивная армия.

В феврале и августе 1955 года израильские вооруженные силы дважды совершали вторжение в находившийся под египетским контролем сектор Газа. Продвинувшись на несколько километров в глубь египетской территории, израильтяне стреляли не только по солдатам, но и по мирному населению. Десятки людей были убиты, около сотни ранено. Тысячи людей были согнаны со своих родных мест — из Яффы и Хайфы, из Катамона и Дейр-Ясина, где была в 1948 году учинена сионистами массовая резня арабов. Теперь лишенные крова люди покидали созданные в Газе лагеря беженцев и устремлялись в пригороды Каира.

Все эти набеги совершались под предлогом якобы ответных акций на действия палестинских партизан и носили, как уверял израильский премьер-министр, «ограниченный» характер. Подобные «ограниченные операции» становились все более систематическими. В период между 1948 и 1956 годами вопрос об арабо-израильском конфликте поднимался в Совете Безопасности не менее 200 раз, и в каждом случае под влиянием империалистических держав Совет отказывался принять какие-либо действенные меры, ограничиваясь лишь констатацией нарушения законных прав палестинского населения¹.

Перед египетским руководством встала первоочередная задача — укрепление своей армии. Оно обратилось за покупкой оружия к США. Но затянувшиеся переговоры по этому вопросу так и не принесли результатов. Продажу оружия империалисты обуславливали унижительными и совершенно неприемлемыми политическими требованиями. Главным из них было вступление Египта в Багдадский пакт. Лондон отказался поставить даже те

---

¹ Johnson P. The Suez War, s. 1, s. a, p. 18.

80 танков «Цептурион», которые были закуплены и оплачены Египтом еще до революции 1952 года. Против Египта были применены и экономические санкции Англия значительно сократила закупку длинноволокнистого египетского хлопка — основной статьи экспорта страны, надеясь тем самым окончательно дезорганизовать ее экономику.

В Каир один за другим приезжали английские и американские эмиссары. Они пытались убедить Насера, что он может обеспечить «безопасность Египта», только вступив в военный союз с Западом. Однако Насер пошел по другому пути. Он укрепляет контакты с неприсоединившимися государствами, участвует в работе Бандунгской конференции, становится одним из ведущих лидеров движения неприсоединения, которое провозгласило политику активного нейтралитета как форму борьбы с империализмом.

«Вы, американцы, концентрируете ваше внимание на военных базах, — заявил в те дни Насер, — но эти базы вместе с размещенными на них атомными и водородными бомбами окажутся бесполезными. Вы можете создать военные базы, но вокруг каждой из них существуют тысячи патристических баз»¹.

Империалисты, однако, мыслили еще старыми категориями. И даже соглашась на вывод сухопутных войск из вчерашних колоний, они больше всего заботились о сохранении своих военно-воздушных и военно-морских баз. А главное, им хотелось утвердить если не прямое, то хотя бы косвенное военное присутствие. Именно поэтому посетивший в конце 1955 года Каир Аптони Иден в беседе с Насером, похваляясь знанием арабского языка и Корана, приложил столько стараний, чтобы убедить его присоединиться к Багдадскому пакту для участия в совместной обороне от мифической «советской угрозы». Однако Насер не поддавался этим уговорам².

Насер расценил затею создания Багдадского пакта как попытку расколоть арабский мир. Даже если империалистам удастся пристегнуть к этому пакту кроме Ирака еще несколько арабских государств, Египет готов один противостоять Израилю и его империалистическим покровителям, отстаивая свою свободу, честь и независимость. Такова была позиция Насера. Сама логика проводимого им антиимпериалистического курса подвела его и к другому важному решению, ознаменовавшему поворотный пункт в истории независимого Египта

В сентябре 1955 года Египет заключил соглашение о закупке оружия с Советским Союзом, Чехословакией и Польшей. А вскоре Насер принимал уже парад, на котором впервые было продемонстрировано советское вооружение — современные танки, артиллерия, реактивные самолеты, молниеносно пронесшиеся в

---

¹ Агарышев А. Гамаль Абдель Насер М., 1979, с. 113.

² Heikal M. Nasser The Cairo Documents, p. 79.

небе Каира, вызывая гордость и радость тысяч ликующих египтян. Их чувства разделяли миллионы людей в других арабских странах. Именно с этого момента имя Насера, свидетельствуют его многие биографы, стало самым популярным в арабском мире.

В популярности Насера вскоре смогли убедиться воочию прибывшие со специальной миссией на Ближний Восток английские министры Гарольд Макмиллан и Селвин Ллойд. Они пытались еще изменить ход событий, направить их в русло политики Лондона и Вашингтона. Один из них хотел оказать нажим на Иорданию, чтобы посулами так называемого «плана Макмиллана», предусматривающего увеличение экономической и финансовой помощи, ускорить ее вступление в Багдадский пакт. Однако он так и не выполнил своей миссии. Не большего добился и приехавший вслед за ним в Амман начальник имперского генерального штаба фельдмаршал Темплер, который стал свидетелем массовых антиимпериалистических выступлений. Демонстранты выкрикивали: «Долой Багдадский пакт! Да здравствует Насер!»

В тот самый вечер 1 марта 1956 года, когда английский министр иностранных дел Селвин Ллойд пытался убедить Насера в прочности позиций Англии в Иордании и в районе Персидского залива, посол Великобритании в Каире Хэмфри Тревелиян доложил, что из Аммана выдворен английский генерал Глабб. Он более 20 лет командовал в Иордании так называемым Арабским легионом, выполнявшим, по существу, функции колониальных войск. Вместе с Глабб-пашой были изгнаны из страны и другие английские офицеры¹.

На Бахрейне, который после Каира посетил английский министр иностранных дел С. Ллойд, состоялись многочисленные демонстрации. Многие несли портреты Насера и выкрикивали антиимпериалистические лозунги, требуя отставки Белграйва — английского политического резидента на Бахрейне.

Все эти события на Ближнем Востоке были в значительной степени неприятным сюрпризом для Лондона. «Выбор своего дальнейшего пути, сделанный Египтом,— пишет советский историк В. Г. Трухановский,— привел лондонских политиков в бешенство. Иден возненавидел Насера, считая, что тот его лично обманул. Действия египетского правительства нанесли тяжкий удар кабинету Идена и самому премьер-министру»².

Весть о закупке Египтом советского оружия и о расширении сотрудничества с социалистическими странами была не столь уж неожиданной. Во всяком случае, она не грянула для Запада как гром с ясного неба. И английский посол в Каире, и американский резидент ЦРУ, как свидетельствует в своих мемуарах египетский публицист М. Хейкал, имели такие сведения раньше и

---

¹ *Trevelyan H. The Middle East in Revolution* Boston, 1970, p. 63—64.

² *Трухановский В. Г. Антони Иден* М., 1974, с. 383

пытались всеми силами помешать Насеру заключить это соглашение и избежать «коммунистической ловушки». Но даже получив от них тревожные сигналы, Джон Фостер Даллес отказывался им верить, считая, что Насер лишь «блефует».

Зато, когда буквально на следующий день после подписания соглашения Насер официально уведомил об этом американского и английского послов в Каире, Даллес был буквально взбешен. По свидетельству одного из его приближенных, он «вел себя, как разъяренный буйвол, и был решительно настроен, чтобы сделка была немедленно прекращена. Он подготовил даже ультиматум с требованием аннулирования Насером этого соглашения. А если это не будет сделано, США угрожали осуществить следующие меры: 1) прекратить Египту все виды помощи; 2) прекратить торговлю; 3) порвать дипломатические отношения; 4) осуществить блокаду Египта, чтобы воспрепятствовать прибытию судов с оружием». Потом Насеру не раз приходилось узнавать о такой реакции Даллеса на многие решения египетского руководства, которые отвечали национальным интересам египетского народа, но противоречили целям империалистов. «Мы все слышали, что государственный секретарь взбешен,— вспоминает М. Хейкал.— Мы слышали это так часто, что в конце концов это стало навязчивой фразой: «Государственный секретарь взбешен!»¹

Сообщение о «вызове Насера» западным странам с быстротой молнии облетело весь мир, и вот тогда на голову египетского руководства действительно обрушился гром проклятий и угроз. Даллес в те дни прямо заявил, что он пришел к заключению о невозможности вести дела с Насером и считает его врагом². Как только буржуазная западная печать не называла в те дни Насера! Какие только оскорбительные слова не раздавались по его адресу! В Англии этот шаг Насера произвел даже большее впечатление, чем в свое время свержение короля Фарука и решение о закрытии английских военных баз в зоне Суэцкого канала. Теперь все неуспехи английской политики на Ближнем Востоке связывали с «кознями Насера». На страницах лондонской печати стали раздаваться призывы пересмотреть решение о выводе английских войск из зоны Суэцкого канала и «предпринять военную операцию с целью спасти Англию от бедствия на Ближнем Востоке». В английском парламенте во время развернувшихся дебатов о положении на Ближнем Востоке глава созданной так называемой «Суэцкой группы» Ч. Уотерхауз счел необходимым даже напомнить Идену и депутатам, что «Англия — все еще могучая держава» и «при необходимости» должна применить силу³.

¹ *Heikal M Nasser The Cairo Documents*, p 47—49

² *Lloyd S Suez 1956 A Personal Account*, p 68, 193

³ *Johnson P The Suez War*, p. 24—25, *Lloyd S Suez 1956 A Personal Account*, p. 234,

Эти угрозы были подкреплены позднее конкретными действиями: Иден принял решение увеличить силы командующего английскими сухопутными войсками на Ближнем Востоке генерала Чарлза Кейтли. На Кипр, на юг Аравийского полуострова и в зону Персидского залива стали перебрасываться новые воинские подкрепления. (Часть из них была двинута на подавление восстания в Омане и на захват оазиса Бурайми.) Тогда же наметились контуры созданного позже «тройственного союза» Англии, Франции и Израиля. В первые дни 1956 года было проведено экстренное совещание Антони Идена и Селвина Ллойда в Вашингтоне с американскими руководителями для выработки совместной англо-американской политики на Ближнем Востоке. Вспомнили забытую всеми Тройственную декларацию 1950 года, в которой Англия, Франция и США выражали намерения — правда, в довольно туманных выражениях — принять совместные меры для «стабилизации положения» в этом районе. Группа лейбористских депутатов потребовала создать в восточной части Средиземного моря «международные вооруженные силы, способные обеспечить проведение в жизнь Тройственной декларации». Однако обнаружившиеся тогда англо-американские разногласия по ближневосточной политике — в частности, из-за оазиса Бурайми — помешали прийти к согласованным решениям.

Тем не менее именно в тот период империалисты решили использовать весь возможный арсенал колониалистских и неоколониалистских методов, чтобы заставить Насера свернуть с избранного им пути. В ход были пущены и политическое давление, и дипломатические маневры, и подрывные акции английской и американской разведывательных служб, и военный нажим, и экономические санкции.

Когда Насер узнал от прибывшего в Каир специального американского эмиссара Кермита Рузвельта о подготовленном ультиматуме Египту, он напомнил, что США имеют дело с независимой страной.

Предупреждение возымело действие. Приехавший по поручению Даллеса заместитель государственного секретаря Джордж Аллен более полутора часов дожидался приема у Насера и несколько часов потом убеждал его пересмотреть решение о закупке советского оружия, но ультиматум вручить не решился. Он уехал, так ничего и не добившись¹. Столь же безрезультатно закончился и последовавший вскоре после этого визит в Каир американских сенаторов, которым тоже не удалось соблазнить Насера щедрыми обещаниями об оказании американской помощи взамен «кое-каких политических» уступок. Насер уже хорошо знал цену этим обещаниям и опасность для Египта возможных последствий требуемых от него уступок.

¹ Hoopes T The Devil and John Foster Dulles Boston — Toronto, 1973, p 326—327.

На подрывные действия американского ЦРУ Насер ответил решительными мерами по пресечению деятельности американской агентуры. По его личному указанию из страны был выдворен американский шпион Ферч, который под видом дипломата занимался в зоне Суэцкого канала сбором разведывательных данных. Насер имел неопровержимые доказательства о стремлении Запада заменить его «более сговорчивым человеком». Наличие подобных замыслов признает американский историк Кеннет Лав, который пишет, что Дж. Ф. Даллес проявлял постоянный интерес к планам подготовки государственного переворота в Каире, а представители английской и американской разведывательных служб всерьез рассматривали возможность их реализации¹. Наличие подобных планов не отрицает также бывший в то время начальником бюро ЦРУ на Ближнем и Среднем Востоке К. Рузвельт, который уже имел опыт организации переворота в Иране с целью восстановления шаха на троне в 1953 году.

Насер не стал для империалистов более «сговорчивым». Попыткам втянуть Египет в Багдадский пакт он противопоставил политику активного нейтралитета на антиимпериалистической основе и внес значительный вклад в движение неприсоединения. В ответ на вооруженные провокации Израиля Насер стал теснее координировать действия с другими арабскими государствами. Когда же империалистическая пропаганда стала обвинять его в «подстрекательстве» и поддержке освободительных арабских движений, Насер начал оказывать им еще более широкую помощь, считая, что подлинная независимость Египта и дело ликвидации остатков колониализма неразрывно связаны и с борьбой палестинских патриотов против израильских оккупантов, и с освободительной войной алжирского народа против французских колонизаторов, и с партизанским движением Омана, и с антиколониалистскими выступлениями в Иордании, на юге Аравийского полуострова, в княжествах Персидского залива.

На первых же этапах противоборства с силами колониализма и империализма Насер осознал, что арабское освободительное движение является частью общего антиимпериалистического фронта борьбы, опирающегося в первую очередь на силу и могущество стран социализма, на поддержку Советского Союза — самого надежного союзника всех народов, борющихся за свою свободу и независимость.

Вступив в контакт с социалистическим миром, Насер и в дальнейшем всегда учитывал наличие столь мощного противовеса империалистическому лагерю.

Заслуга Насера состояла в том, что он первым из политических деятелей «третьего мира» оценил те огромные возможности, которые открыла перед развивающимися странами мировая социалистическая система, «понял — и проверил на собственном

---

¹ *Loew K Suez The Twice Fought War New York, 1969, p 216.*

опыте,— что империализм уже не обладает монополией ни на поставку оружия, ни на экономическую, техническую и финансовую помощь»¹.

Все же Запад продолжал делать расчеты по крайней мере еще на два фактора. Во-первых, на то, что Советский Союз, учитывая его заинтересованность в укреплении отношений с западными государствами и в разрядке напряженности в Европе, можно будет заставить отказаться от поддержки арабской освободительной борьбы или же, в противном случае, с помощью готовившихся провокаций в Европе отвлечь его внимание от Ближнего Востока. Во-вторых, предполагалось использовать такое важное средство экономического давления на Египет, как его заинтересованность в западном займе для строительства Асуанского гидротехнического узла. Однако ни в тот период, ни в последующем империалистическим политикам не удалось и никогда не удастся сделать предметом торга основные принципы политики Советского государства, использовать в спекулятивных целях его заинтересованность в разрядке международной напряженности или обуславливать развитие отношений с Советским Союзом его отказом от борьбы с колониализмом во всех формах и проявлениях.

Просчеты в расчетах

Ставка империалистов — привязать Египет кредитами на строительство Асуанской плотины не только не оправдалась, но и оказалась, как считают многие западные авторы, роковой. Оглядываясь назад с целью уяснить причины суэцкого кризиса, некоторые буржуазные историки и политики склонны приписать этой «ошибке» вообще все просчеты Запада и возлагают вину главным образом на Даллеса. Дескать, именно от этой небрежно вытасченной руками Даллеса «костяшки домино» рухнула впоследствии вся столь тщательно создаваемая неоколониалистская пирамида на Ближнем Востоке. Она должна была держаться на трех «китах»: военных базах, включая Суэцкий канал, политической структуре Багдадского пакта и на экономической заинтересованности Египта в Асуанской плотине. Однако эти просчеты явились следствием ошибочных расчетов. И не только одного Даллеса.

Перекрытие Нила, использование его вод для ирригации, поднятия сельского хозяйства и создания национальной промышленности — давнишняя мечта египетского народа. Еще в начале XX века у первого нильского порога была построена невысокая плотина, которая создала водоем около 5 миллиардов кубиче-

---

¹ *Мирский Г. И.* «Третий мир»: общество, власть, армия. М., 1976, с. 202.

ских метров. Однако возможности ее расширения очень скоро оказались исчерпанными, а проблема орошения посевных площадей становилась все актуальней.

С победой революции вопрос о сооружении новой Асуанской плотины впервые был поставлен на практическую основу. Стоимость строительства была определена в 1 миллиард американских долларов. Правительство Египта сперва обратилось за помощью к Западу. После длительных переговоров в декабре 1955 года США, Англия и Международный банк реконструкции и развития (МБРР) обещали, наконец, предоставить для этого Египту заем в 270 миллионов долларов (США — 56 миллионов, Англия — 14 миллионов и МБРР — 200 миллионов)¹.

Как стало известно позднее, правительство США уже в начале 1956 года пересмотрело свое решение о предоставлении займа Египту под воздействием просионистских и некоторых оппозиционных групп в конгрессе. Кроме того, США учитывали также возражения своих «друзей» по Багдадскому пакту, которые продолжали настаивать на решительных мерах для устранения Насера. Американцы приняли самое активное участие в подготовке и осуществлении таких мер. За ширмой переговоров о предоставлении Египту займа развернулась широкая пропагандистская кампания против Насера. Она достигла апогея именно после окончания вывода английских войск из зоны Суэцкого канала.

Бывший в те дни английским послом в Каире Хэмфри Тревельян признается, что Запад уже тогда был на пути к началу открытых враждебных действий против Египта. И все это происходило в те самые дни, когда вслед за выводом английских войск правительство Египта отменило закон о военном положении, введенный после июльской революции 1952 года, были амнистированы все политические заключенные, была выработана новая конституция и создавались конституционные органы власти. В стране был проведен плебисцит, в ходе которого народ одобрил конституцию и избрал Насера президентом Египта.

Решение об отказе в американском займе Даллес сообщил египетскому послу в Вашингтоне 19 июля 1956 года. Это было первой официальной внешнеполитической акцией США в отношении Республики Египет, возглавляемой президентом Насером². И эта акция явилась как бы сигналом для начала открытой конфронтации Запада против Египта, вылившейся через неделю в суэцкий кризис, а через три с лишним месяца — в вооруженную агрессию против молодого независимого арабского государства.

---

¹ Было обещано давать не более 70 миллионов долларов в год. Это означало, что строительство плотины должно было растянуться на многие годы.

² Hopkins H. Egypt. The Unfinished Revolution of the Arab World. London, 1969, p. 178.

Первый же опыт налаживания делового сотрудничества с Западом подвел Насера к выводу об истинных целях и характере обещаемых империалистами займов и «помощи». «Даллес и Иден только водили нас все это время за нос,— сказал Насер, узнав об их отказе в займе.— Они требовали от нас мира с Израилем, участия в пактах, продления концессии на Суэцкий канал, но стремились они лишь к усилению своего влияния». Оскорбительная и грубая форма этого отказа не оставляла к тому же у Насера сомнения, что это не просто отказ, а вызов.

Ответ на вызов

Насер принял этот вызов. Ровно через неделю после получения отказа Даллеса в займе, 26 июля 1956 года, выступая на митинге в Александрии, Насер объявил о решении египетского правительства национализировать «Всеобщую компанию Суэцкого канала». Свою историческую речь он завершил словами: «Американцы, задыхайтесь от бешенства! — Годовой доход компании Суэцкого канала составляет 100 миллионов долларов. Почему бы нам самим не получать его? Мы построим высотную плотину, какую нам хочется! Компания Суэцкого канала будет национализирована. И ею будут управлять египтяне! Египтяне!»¹

Весть о национализации Суэцкой компании была встречена с ликованием в Египте и во всех арабских странах. Смелое решение Насера сразу нашло отклик и горячее одобрение во многих странах Азии и Африки, боровшихся, как и Египет, за избавление от колониального гнета и эксплуатации. Оно имело большое значение для всего национально-освободительного движения. Стали раздаваться голоса, призывающие последовать примеру Насера. В сирийском парламенте секретарь палаты депутатов призвал все арабские страны немедленно национализировать иностранные нефтяные компании, действующие на их территории.

Советский Союз и другие социалистические страны в первые же дни суэцкого кризиса решительно выступили на стороне Египта. В заявлении Советского правительства ясно была выражена его принципиальная позиция и особо подчеркивалось, что решение правительства Египта о национализации Суэцкого канала является вполне законным действием, вытекающим из суверенных прав Египта.

Совсем другая реакция была на Западе.

Идену сообщили эту сенсационную новость во время обеда, который он давал в честь своих единственных арабских союзни-

---

¹ *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents, p. 100—101.*

ков — короля Ирака Фейсала и его премьер-министра Нури Саида. Хозяин был вынужден прервать обед. Английский премьер решил действовать немедленно и готов был отдать приказ о начале военных действий против Египта. Это советовал сделать и Нури Сайд, который тут же поделился своими соображениями с Иденом: «Если оставить Насера безнаказанным, он покончит со всеми нами!» Предсказание, действительно, оказалось пророческим и для Фейсала, и для Нури Саида, да и для самого Идена — все они были скоро сметены с политической арены.

Газета «Таймс» от имени влиятельных финансовых и политических кругов призвала правительство Англии и Франции действовать смело, даже если «американские союзники не смогут или не захотят присоединиться» к ним. «Захват (!) канала,— писала газета,— представляет собой акт международного разбоя. Если Насер докажет, что он может захватывать безнаказанно западную собственность, то другие, несомненно, последуют его примеру»¹.

Реакция в Париже была не менее бурной. На следующий же день, 27 июля 1956 года, французский министр иностранных дел К. Пино в разговоре по телефону с А. Иденом настаивал также на необходимости «предпринять быстрые и решительные действия военного характера против Египта». Они пришли к заключению, что Насер должен быть свергнут, а единственным быстрым и реальным средством достижения этой цели была угроза применения силы или фактическое ее применение².

В тот же вечер в министерствах обороны и в ряде военных учреждений Англии и Франции была объявлена «боевая тревога». В телеграмме, отправленной 27 июля президенту США Эйзенхауэру, Иден информировал американцев, что английское правительство убеждено в «необходимости быть готовым в качестве последнего средства применить силу с целью образумить Насера».

Почему правящие круги Англии и Франции столь нервно реагировали на национализацию компании Суэцкого канала? На то было много причин. «Для старых империалистических держав Запада,— писал английский журналист Поль Джонсон,— слово «Суэц» звучало как заклинание. Для Франции канал был величайшим в своем роде шедевром галльской изобретательской мысли, великолепно осуществленной мечтой ее выдающегося инженера Фердинанда Лессепса... Для англичан Суэц был расчетной палатой империи; по этому узкому каналу проходили транспорты с войсками, направляющимися на завоевание Кабула, Мандалая и Куала-Лумпура. По нему проплывали Киплинг и Робертс, Керзон и Китченер. Это был путь в Индию, путь к сказочным сокровищам Востока»³.

¹ The Times, 28. VII. 1956.

² Johnson P. The Suez War, p. 40.

³ Ibid., p. 9.

Но главные причины находились, конечно, не в сфере колониальной ностальгии и даже не в крайне враждебном отношении руководителей Англии и Франции лично к Насеру, на чем часто акцентируют внимание в своих мемуарах министр иностранных дел С. Ллойд и английские бывшие государственный секретарь по иностранным делам А. Наттинг, его коллега К. Янгер и министр иностранных дел Франции К. Пино. Дело в том, что в создавшихся тогда тяжелых условиях все более обострявшегося экономического и политического кризиса Суэц представлялся западным лидерам тем ключевым звеном, нейтрализовав которое можно было якобы остановить неумолимо развивающуюся цепную реакцию распада их колониальных империй и укрепить свои позиции внутри страны.

«Было ясно,— откровенно признается Селвин Ллойд,— что если нам не удастся сохранить международный статус Суэцкого канала (то есть оставить канал под контролем Запада.— Л. М.), мы постепенно потеряем все наши интересы и капиталы на Ближнем Востоке. Даже если бы нам пришлось действовать в одиночку, мы бы не остановились перед применением силы для защиты наших позиций»¹.

Отвлекающие маневры

Несмотря на поспешно принятое английскими и французскими руководителями решение «стукнуть кулаком», они не пошли на немедленное применение силы против Египта. Между тем Насер более всего опасался именно быстрого военного вмешательства Англии и Франции, полагая, что каждая неделя отсрочки уменьшает шансы успеха подобной операции. Это, очевидно, сознавали и в Лондоне, и в Париже. В вышедшей десять лет спустя после суэцкого кризиса книге бывшего командующего французским экспедиционным корпусом генерала Бофра «Суэцкая экспедиция 1956 года» содержится весьма любопытное признание о том, что англичане и французы с целью немедленного свержения режима Насера подготовили план, предусматривавший высадку войск в Александрии и быстрое их продвижение на Каир².

Что же помешало в таком случае колонизаторам осуществить немедленную военную операцию? В появившейся на Западе, да и в некоторых арабских странах литературе, посвященной суэцкому кризису, чаще всего отсрочку и последующий неуспех агрессии против Египта объясняют позицией, занятой США, которые якобы тогда воспрепятствовали применению силы, а впоследст-

---

¹ *Lloyd S. Suez 1956. A Personal Account*, p. 98—99.

² *Beaufre A. The Suez Expedition 1956*. London, 1969, p. 32.

вии «отмежевались» от коллективной вооруженной акции. Не приходится оспаривать, что США, готовясь заменить Англию и Францию на Ближнем Востоке, стремились выдать себя за противника старых колониальных методов и извлечь максимальную выгоду из своей посреднической роли в урегулировании споров между арабскими странами и бывшими колониальными государствами, а также арабо-израильского конфликта. Поэтому в условиях обострившейся борьбы за будущее влияние на Ближнем Востоке, тем более в преддверии президентских выборов, республиканское правительство США не было заинтересовано в преждевременном обострении суэцкого кризиса, кульминация которого увязывалась, как это впоследствии стало ясно, с готовившейся тогда крупной провокацией империализма против сил социализма в Центральной Европе. Это нашло свое подтверждение в синхронности развернувшихся событий на Суэцком канале и в Венгрии. Однако всего через два года США выступили сами в роли инициатора использования военной силы против Ливана и для оказания давления на Ирак и Сирию. В тот же период Даллес чисто из тактических соображений предпочел занять выжидательную позицию. Что же касается стратегических целей США, то они, по существу, не отличались от целей англо-французских колонизаторов: и те и другие стремились свергнуть революционный режим в Египте и помешать дальнейшему развитию революционно-освободительного движения на Арабском Востоке.

Адмирал флота лорд Маунтбеттен и фельдмаршал Темплер, с которыми советовался Иден, отказались от проведения воздушного десанта до тех пор, пока основные силы вторжения не смогут последовать за парашютистами в течение 24 часов, ибо, как пишет М. Хейкал, они хорошо знали о танках и истребителях «МиГ», полученных Египтом из России¹. Затяжная же военная кампания была крайне нежелательной как по политическим, так и по экономическим соображениям. Во-первых, она неизбежно вызвала бы резко отрицательную реакцию на международной арене, особенно в арабском мире, что угрожало еще большим ослаблением позиций Англии и Франции в Азии и Африке. Во-вторых, по заключению экспертов, имевшихся запасов нефти могло хватить при обычном потреблении на три недели, а в случае войны — не более чем на одну неделю.

Доводы, изложенные военными специалистами, действовали несколько отрезвляюще на политиков Англии и Франции, однако не настолько, чтобы вовсе отказаться от задуманной авантюры. После состоявшейся в Лондоне в начале августа встречи Идена, Пино и Даллеса было решено ограничиться оказанием на Египет экономического давления, продолжая одновременно вести военные приготовления к интервенции в Египет. С целью же прикрыть эти приготовления стороны договорились использовать «дымовую завесу» переговоров.

---

¹ *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents*, p. 84.

Уже через день после национализации Англия предприняла по отношению к Египту экономические санкции, блокировав в своих банках 116 миллионов египетских фунтов и запретив перевод капиталов компании Суэцкого канала на текущий счет Египта. Аналогичным образом поступила и Франция. Вслед за Англией и Францией США тоже начали осуществлять экономическую блокаду Египта. Они «заморозили» 21 миллион египетских фунтов, находившихся на счетах в американских банках, сократили поставки Египту ряда промышленных товаров, отказали в продаже продовольствия и медикаментов для борьбы с эпидемическими заболеваниями среди детей, прекратили переговоры о предоставлении «помощи», которая была ранее обещана и определена в сумме 25 миллионов долларов. Это было равнозначно объявлению экономической войны. Затем с целью помешать нормальной работе канала западные государства отозвали своих служащих и лоцманов, хотя египетская администрация приняла все необходимые меры, чтобы обеспечить им нормальные условия для работы.

Суэцкий кризис в своем первоначальном развитии прошел несколько фаз, на каждой из которых дипломатия империалистов не столько старалась найти политическое урегулирование, сколько прикрывала военные приготовления генеральных штабов. Более того, не только целенаправленность, но и даты созывов различных совещаний и конференций были обусловлены степенью подготовки англо-французских вооруженных сил к агрессии. На заключительном этапе суэцкого кризиса, по признанию Селвина Ллойда, уже из политических соображений начало военной операции переносилось несколько раз, сначала с 15 на 19 сентября, а затем — с 26 сентября на 30 октября¹.

Тем временем генеральные штабы Англии и Франции лихорадочно проводили военные приготовления. Английские и французские войска концентрировались в Восточном Средиземноморье. В первой половине августа в Англии было призвано около 25 тысяч резервистов, на Кипр и на Мальту перебрасывались крупные сухопутные силы, танковые части и боевые самолеты. В Никозии уже действовал штаб объединенных англо-французских сил, а в секретном убежище в Лондоне, под дном реки Темзы, которое сохранилось со времен второй мировой войны, специальная англо-французская группа планирования вносила необходимые коррективы в разработанные планы. Общее руководство действиями англо-французских войск было возложено на командующего английскими сухопутными войсками на Ближнем Востоке генерала Кейтли, его заместителем был назначен французский адмирал Баржо.

Эти военные приготовления Англия и Франция тщательно

---

¹ *Lloyd S. Suez 1956. A Personal Account*, p. 135, 170; *Beaufre A. The Suez Expedition 1956*, p. 61—63.

маскировали до самого последнего момента. Идеи даже после возвращения из Парижа, куда он и его министр иностранных дел Ллойд вылетали 16 октября на секретное совещание с французскими руководителями, продолжал утверждать, что Англия и Франция будут претворять в жизнь выдвинутый Даллесом план создания Ассоциации пользователей Суэцким каналом (АПСК). Этот план под предлогом «интернационализации кризиса» преследовал цель возвращения контроля над каналом империалистических государств под эгидой США. По существу, пользователи каналом, так и не поняв неизбежности происшедших событий, намеревались объединиться и определить такие условия навигации, которые лишили бы Насера доходов от канала «Египет увидит, как деньги уплывают у него из-под рук. Это будет лучше, чем угроза силой или применение силы». Даллес в то же время недвусмысленно дал понять, что необходимо изыскать любые средства, чтобы заставить Насера «вернуть» Суэцкий канал. Правительство США не исключало возможности использования силы, если не дадут эффекта все другие средства. «План АПСК,— заключает Ллойд,— был хитрым маневром, избранным Даллесом для того, чтобы затянуть события и не дать им разразиться в разгар президентских выборов в США»¹.

Пока шли разговоры и дебаты вокруг Ассоциации пользователей, было разработано несколько вариантов военных операций по возвращению канала, как пишет С. Ллойд, «под международный контроль». Наиболее «оптимальным и надежным» из них был признан вариант, предусматривающий «нанесение главного удара по Александрии, захват порта и аэродрома, затем продвижение к Суэцкому каналу через район Каира». Позднее, однако, в этот план, получивший название «Мушкетер», были внесены некоторые изменения, которыми предусматривалась высадка десанта не в Александрии, а в Порт-Саиде².

Сионистские руководители Израиля уже в первые дни суэцкого кризиса предложили свои услуги в качестве третьего участника готовящейся агрессии против Египта. Они не только изъявляли готовность в любой момент начать боевые действия на Синае, но и подталкивали к быстрейшему развязыванию агрессии своих партнеров. Париж к тому времени установил тесные контакты с Тель-Авивом, представители которого один за другим посещали Францию, чтобы поторопить события и ускорить отправку очередной партии оружия. Сначала в Париже побывал личный представитель израильского премьер-министра Шимон Перес, затем Моше Даян. Вскоре туда пожаловал и сам Бен-Гурион в сопровождении Даяна. В конфликте из-за Суэцкого канала Тель-Авив увидел удачную возможность для осуществления своих давних замыслов о нанесении «превентивного удара» по Египту.

¹ Lloyd S. Suez 1956. A Personal Account, p. 131—132.

² Ibid., p. 134.

Решение об этом было принято между ноябрем 1955 и июлем 1956 года, как только стала очевидной возможность оказания поддержки со стороны Англии и Франции.

Израильское командование, проводя курс на подготовку агрессии против Египта, еще до национализации Суэцкого канала осуществляло периодические операции против соседних арабских стран с целью запугать и помешать укреплению их военно-политического сотрудничества с Насером, а также с палестинским освободительным движением. Так, по признанию Даяна, в начале 1956 года генштаб Израиля подготовил военную операцию по уничтожению оборонительного форта Калькилия в Иордании. «Форт Калькилия,— пишет Даян,— был выбран в качестве цели операции потому, что он находился в центре густонаселенного района, и ликвидация этого форта произвела бы глубокое впечатление на общественное мнение... так что цель этой военной операции была политическая.. Мы хотели,— откровенно признавался Даян,— лишить египтян равновесия, иными словами, устроить арабов, оказать психологическое воздействие на их вооруженные силы и население»¹.

Однако политики и стратеги Тель-Авива не могли тогда решиться одни на развязывание войны в широком масштабе

Правительство Ги Молле проявляло особенно большую активность в налаживании взаимодействия с израильскими экспансионистами Недаром де Голль презрительно называл членов кабинета Ги Молле «политиканами-политкарликами», обвинив их в том, что они «превратились в охвостье Израиля»². На союз с Израилем французские деятели типа Ги Молле шли вполне сознательно. Дипломатические отношения с Египтом были уже прерваны, Франция вела открытую войну в Алжире; осуществлялись карательные операции в других странах Магриба. Свои военные неудачи Париж в значительной степени связывал с помощью Насера алжирским повстанцам. В свержении режима в Каире Ги Молле видел выход из создавшегося «арабского тупика». Ради этого, считали французские руководители, можно было вступить и в союз с сионистским Израилем. Поэтому они с готовностью благословили израильтян на проведение рейда в глубь Синая, который на практике должен был сыграть роль детонатора для выступления англо-французских войск. Все заявки Тель-Авива выполнялись безотказно. Французское оружие шло в Израиль широким потоком. Для быстрейшего освоения новой техники в Израиль направлялись французские инструкторы. В первой половине октября 1956 года в Париже было заключено секретное соглашение, которое подписали Абель Тома и Шимон Перес.

На последнем этапе, после того как Антони Иден и Ги Молле утвердили 16 октября окончательный вариант плана нападения

¹ *Dayan M. Diary of the Sinai Campaign. London, 1966, p. 45.*

² *Молчанов Н. Н. Генерал де Голль. М., 1973, с. 326.*

на Египет с участием Израиля, состоялась заключительная встреча высокопоставленных представителей трех стран, которые подписали документ, официально оформивший создание блока агрессоров. Это произошло 25 октября 1956 года во французском городе Севре. От имени Израиля документ подписал премьер-министр Давид Бен-Гурион, от Франции — министр иностранных дел Кристиан Пино, от Англии — личный представитель Идена Патрик Дин. Поскольку Иден не скрепил своей личной подписью этот документ, он впоследствии пытался всех убедить, что он не был причастен к сговору с Израилем. Позднее тайны тройственногоговора в Севре были раскрыты в мемуарах Селвина Ллойда, хотя его участники дали тогда друг другу слово, что это соглашение никогда не будет опубликовано¹.

Непосредственный участник этой секретной встречи английский министр иностранных дел Селвин Ллойд, отрицая факт тройственногоговора в Севре, тем не менее впервые признал то, что так тщательно скрывалось английскими официальными кругами. После тайных переговоров «совершенно неожиданно» (!), — с циничным протодушием пишет С. Ллойд, — появился документ, который и вошел в историю как «секретный севрский договор»².

В соответствии с этим секретным документом развязывание Израилем военных действий против Египта должно было послужить прелюдией к осуществлению англо-французского вторжения в зону Суэцкого канала. Израильская операция носила кодовое название «Кадеш» («Очищение»), которое, очевидно, содержало намек на «очищение» Синая от египтян и заодно «очищение от грехов» союзников Израиля — англичан и французев. Таким образом, Тель-Авив взял на себя наиболее грязную работу по развязыванию агрессии.

Хотя в 1956 году США непосредственно и не участвовали в военных действиях против Египта, их вооруженные силы в восточной части Средиземного моря и на Ближнем Востоке всячески демонстрировали свою поддержку агрессорам. Под предлогом «необходимости защищать жизнь и имущество американских граждан» (эту версию Вашингтон не раз впоследствии использовал для военных демонстраций против арабов), США, по существу, сразу приняли участие в антиегипетской кампании военных угроз Запада. К египетскому побережью немедленно был двинут весь 6-й флот США, находившийся в Средиземном море, а затем в Александрии было высажено даже небольшое подразделение американской морской пехоты опять с той же целью «обеспечения безопасности граждан США»³ и якобы одновременно для противодействия вторжению Англии и Франции.

¹ Robertson T. Crisis: the Inside Story of the Suez Conspiracy. London, 1965, p. 49. См. также: Вопросы истории, 1976, № 5, с. 75.

² Lloyd S. Suez 1956. A Personal Account, p. 188.

³ Белащенко Т. К. США: 200 лет — 200 войн. М., 1976, с. 191—192.

в Египет. Эту акцию буржуазные историки и публицисты попытались использовать для доказательства, будто «Соединенные Штаты спасли Насера» и, дескать, Средиземноморский флот США был использован для предупреждения нападавших. На самом деле, хотя военные приготовления Англии, Франции и Израиля тщательно маскировались до последнего момента, творцы политики США не только были в курсе дел, но и всячески поощряли агрессоров. Известно, что Даллес не раз заявлял о том, что США не исключают использования военных средств в разрешении суэцкого кризиса. Однако США не поддержали тогда открыто агрессоров по ряду причин, связанных прежде всего со стремлением ослабить позиции старых колониальных государств на Арабском Востоке, защитить, а по возможности и укрепить свои нефтяные интересы, особенно в Саудовской Аравии, которые оказались бы под угрозой в случае открытого присоединения к агрессорам.

Отнюдь не случайно именно в те дни буржуазную прессу захлестнула волна антисоветской клеветы, реакционная печать подняла шумиху вокруг инспирированных самими же империалистами контрреволюционных событий в Венгрии. Это было сделано с целью маскировки агрессии против Египта, с целью отвлечь внимание мировой общественности от акта вопиющего колониального разбоя.

Целью «тройственной» агрессии, как показали факты, были свержение режима Насера и замена его правительством прозападной ориентации, нанесение таким образом удара по всему арабскому национально-освободительному движению, подрыв авторитета СССР в арабских странах.

Далеко идущие военные и политические цели ставил перед собою Израиль. Это, прежде всего,— нанести военное поражение, которое могло бы привести к падению прогрессивного режима в Египте и вместе с тем ослабило бы на длительный период его военный потенциал; уничтожить базы палестинских патриотов на Синайском полуострове и тем самым ликвидировать палестинское движение сопротивления; заставить Египет заключить «мирный» договор на выгодных для Израиля условиях, то есть фактически с помощью вооруженной силы навязать ему капитуляцию.

Чисто в военном плане разработанная израильским командованием операция преследовала две основные цели: во-первых, в кратчайший срок достигнуть Суэцкого канала и, создав угрозу свободному судоходству, дать повод Англии и Франции для военного вмешательства, во-вторых, овладев южной частью Синайского полуострова, островами Тиран и Синнафир, установить контроль над Акабским и Суэцким заливами. Эту операцию планировалось осуществить в течение семи-восьми суток. Для нападения на Египет была создана крупная группировка, включавшая десять бригад (около 100 тысяч человек), 200 танков, около

600 орудий и минометов, около 150 боевых самолетов и до 20 боевых кораблей¹.

Однако израильскому командованию приходилось учитывать значительно возросшую уже к тому времени боеспособность вооруженных сил Египта.

В соответствии с подписанными в 1955 году соглашениями с СССР, Чехословакией и Польшей Египет получил значительную военную помощь. И хотя египетские вооруженные силы находились в то время в стадии реорганизации, а новая боевая техника, поступившая из социалистических стран, еще не была полностью освоена, Израиль не мог решиться при таком соотношении сил и с учетом возможности получения Египтом военной поддержки других арабских государств на самостоятельное развязывание войны.

«Если бы не англо-французские действия,— позднее открыто признался Моше Даян,— Израиль вряд ли начал бы военную кампанию, а если бы решился на нее, то она в военном и политическом отношениях носила бы совершенно иной характер»².

Главная задача Израиля состояла в создании повода для вовлечения Англии и Франции в войну и в разгроме египетских войск на Синае, англо-французские войска должны были захватить зону Суэцкого канала и Каир. Поскольку в результате открытой кампании угроз и шантажа против Египта и длительных военных приготовлений агрессивные намерения Англии и Франции стали известны мировой общественности, особое значение придавалось сохранению в полной тайне готовящегося нападения со стороны Израиля. И этого организаторам «тройственной» агрессии удалось достигнуть.

Как отмечал советский ученый И. П. Беляев, Насер не предвидел возможного участия Израиля в интервенции против Египта. Он не полностью оценил особенности сложившейся обстановки на Ближнем Востоке, когда колонизаторы в условиях возрастания подъема национально-освободительного движения арабских народов готовы были обратиться за помощью даже к сионистскому Израилю, пренебрегая опасностью окончательно подорвать свой престиж в арабском мире. «Имперская политика Великобритании на Ближнем Востоке беспрестанно наталкивалась на непреодолимое препятствие — подъем национально-освободительного движения арабских народов. В этих условиях Иден уже был готов обратиться за помощью к кому угодно. Израиль в его глазах становился наилучшим исполнителем заговора против Египта»³.

---

¹ Marshall S. Sinai Victory. New York, 1958, p. 25—28

² Dayan M. Diary of the Sinai Campaign, p. 59.

³ Беляев И. П. Страницы недавнего прошлого Египта.— Вопросы истории, 1976, № 10, с. 129.

Операция «Мушкетер»

В вечерних сумерках 29 октября 1956 года моторизованные подразделения израильской воздушно-десантной бригады, усиленные танковым батальоном, пересекли египетскую границу в южной части Синайского полуострова и овладели Эль-Кунтилой. Одновременно несколько восточнее перевала Митла был выброшен израильский воздушный десант, который завязал бой с оборонявшим этот перевал египетским батальоном. С наступлением темноты в район высадки израильского десанта французские транспортные самолеты начали доставлять агрессорам боевую технику, боеприпасы, горячее, продовольствие и питьевую воду. Ведь маршрут агрессоров проходил через всю Синайскую пустыню, где на источники воды не приходилось рассчитывать.

На центральном направлении две израильские пехотные бригады, перейдя границу, глубокой ночью устремились к Эль-Кусейме. Встретив упорное сопротивление египетских войск, они были вынуждены остановиться. Только к исходу 30 октября, после продолжительной артиллерийской и авиационной подготовки с применением напалма, интервентам удалось овладеть Эль-Кусеймой. На приморском направлении наступление израильских войск было вообще остановлено в районах Газа, Рафах. Действия сухопутных войск поддерживались с воздуха самолетами, управляемыми не только израильскими, но и французскими летчиками. За день до начала операции «Очищение» в Израиль через английскую базу на Кипре было переброшено 60 французских реактивных истребителей с французскими экипажами, а к египетским берегам уже двигались английские и французские эскадры. Так что операция «Мушкетер», по существу, началась до предъявления англо-французского ультиматума Египту и даже раньше израильского вторжения на Синай.

Тем не менее политическое и военное обеспечение союзниками израильской агрессии проходило далеко не гладко. Предполагалось, что на следующий день после израильского вторжения правительства Англии и Франции предъявят Египту и Израилу ультиматум, содержащий требование в течение 12 часов прекратить военные действия и отвести вооруженные силы воюющих сторон на 10 миль от Суэцкого канала, не препятствуя оккупации английскими и французскими войсками ключевых позиций в зоне канала — в Порт-Саиде, Исмаилии и Суэце. В случае отклонения египетским правительством этого ультиматума Англия и Франция осуществляли вооруженную интервенцию, ссылаясь на условия англо-египетского договора 1954 года. Таким образом, все должно было выглядеть вполне «благородно». Англо-французские интервенты выступали якобы в роли не агрессора,

а неких беспристрастных посредников, действующих во имя «пресечения агрессии», «в интересах восстановления мира».

Но сразу же вышла заминка. Антони Иден, ознакомив членов своего кабинета и представителей оппозиции с текстом ультиматума, который был выработан вместе с прибывшими срочно в Лондон Ги Молле и Кристианом Пино, столкнулся не только с колебаниями, но и возражениями ряда своих коллег, не говоря уже о лидерах лейбористов. Во-первых, Идену резонно возразили, что ссылки на англо-египетский договор 1954 года выглядят несостоятельными, поскольку в этом договоре специально оговаривалось, что действие статьи, разрешающей Англии в случае войны вновь оккупировать зону канала, не распространяется на арабо-израильский конфликт. Во-вторых, Идену напомнили, что предъявление подобного ультиматума противоречит Тройственной декларации 1950 года и обязательствам Англии в рамках Британского содружества, так как это решение принималось без предварительной консультации с США и другими союзниками Англии. В-третьих, это противоречило Уставу ООН, ибо такой шаг, равнозначный объявлению войны, предпринимался в тот момент, когда Совет Безопасности ООН, собравшийся в связи с израильским нападением на чрезвычайное заседание, еще не принял никакого решения.

Почти все английские газеты резко критиковали правительство в связи с этим ультиматумом. «Манчестер гардиан» назвала ультиматум «безумием, которого ничем, кроме разве соображений минутной целесообразности, оправдать нельзя».

Тем не менее английских и французских руководителей, сделавших первые шаги к пропасти, остановить уже было нельзя. 30 октября заместитель министра иностранных дел сэр Айвон Кирпатрик в присутствии французского министра иностранных дел К. Пино принял одного за другим египетского и израильского послов и зачитал им текст ультиматума. Составители ультиматума, очевидно, сами настолько не верили в реальность выполнения своих требований, что, позабыв об элементарной логике, даже не постарались свести концы с концами. По свидетельству Генриха Финера, когда посол США в Лондоне ознакомился с текстами ультиматума, адресованного Египту и Израилю, он невольно воскликнул: «Ведь это же абсурд!» В обоих текстах значилось требование об отводе войск на 16 километров к востоку от канала. Но израильтяне к тому времени еще не вышли к каналу, а египетские войска находились на западном берегу и, следовательно, могли отступать только на запад, а не на восток¹.

Естественно, Египет отклонил этот ультиматум, а израильтяне восприняли его как благословение на быстрейшее продвижение к каналу.

---

¹ *Finer H.* Le Dossier secret Suez — Il y a 10 ans, Paris, 1967, p. 29

Иден хотя и призывал в те дни своих коллег по кабинету к твердости и решительности, сам, как пишет Т. Робертсон, выглядел жалким и «производил впечатление как мошенника, так и дурака, когда сгибался под тяжестью, которую сам на себя взвалил»¹.

Но неразумный шаг был уже сделан. 31 октября срок ультиматума истек. Теперь вступать в дело была очередь военных. Дальнейшие события уже диктовала логика войны. Однако, как признал десять лет спустя командующий французским экспедиционным корпусом генерал Бофр, военная операция «трех мушкетеров» не могла быть удачной, поскольку она проходила в неблагоприятной политической обстановке².

Генерал Бофр не раскрыл до конца смысл главной ошибки. А она состояла в том, что агрессоры недооценили прочность революционного режима, возглавляемого Насером, и силу международной солидарности с Египтом, особенно твердую позицию, занятую Советским Союзом, и решительную поддержку, которую оказали арабские страны жертве империалистической агрессии. Главная цель — свержение прогрессивного режима Насера, которую ставили перед собой не только агрессоры, но и империалистические круги, непосредственно не участвовавшие в интервенции и даже на словах осуждавшие ее, не была достигнута. В результате не оправдались расчеты ни Лондона, ни Парижа, ни Вашингтона.

Организаторы агрессии надеялись на то, что первые разрывы бомб, обрушенных на египетские города, послужат сигналом для выступления реакционных сил в Египте. Те, кто готовил «тройственную» агрессию, рассчитывали не только на активную поддержку империализма, сионизма, но и арабской реакции, чего тогда не произошло.

Начав вечером 31 октября военные операции против Египта, англо-французское командование решило ограничиться сначала лишь воздушными налетами на египетские города и военные объекты. В первые три дня английские и французские самолеты подвергли бомбардировке Порт-Саид, Каир и другие города. Были совершены налеты на аэродромы и другие военные объекты в Альмазе, Абу-Суэйре, Иншасе, а затем в Файиде и Кантаре. В результате этих налетов египетские ВВС потеряли до 140 боевых самолетов, что позволило агрессорам завоевать господство в воздухе и обеспечить беспрепятственную высадку воздушных и морских десантов. 3 и 4 ноября авиация союзников неоднократно совершала налеты не только на военные объекты, но и на жилые кварталы. Была выведена из строя радиостанция «Голос арабов» в Каире, разрушено здание телеграфа в Александрии. Большие разрушения были причинены таким густонаселенным городам, как Суэц, Исмаилия и особенно Порт-Саид. В Суэцком

¹ Robertson T. Crisis. The Inside Story of the Suez Conspiracy, p. 25

² Beaufre A. The Suez Expedition 1956, p. 49.

заливе английский крейсер потопил египетский фрегат «Акка». Движение по Суэцкому каналу было прервано. Таким образом, нормальное судоходство, о котором якобы так пеклись Англия и Франция, оказалось нарушенным не египетским правительством, а действиями интервентов. Более того, ущерб был нанесен судоходству и в сопредельных с Суэцким каналом районах, поскольку командование военно-морских сил Англии и Франции объявило закрытыми для торгового судоходства определенные зоны в восточной части Средиземного моря и северной части Красного моря¹.

Во время налетов на мирные египетские города сбрасывались не только бомбы, но и миллионы листовок с призывами свергнуть правительство Насера. День и ночь вели целенаправленные передачи с Кипра находившиеся в ведении руководителя «психологической войны» против Египта бригадира Фергюсона радиостанции, призывавшие население к восстанию против «тирана Насера». Однако ни предполагавшегося переворота, ни антиправительственных выступлений в Египте не произошло. Напротив, агрессоры получили возможность убедиться в стойкости и патриотизме египетского народа, в братской солидарности с ним народов арабских и мусульманских стран, даже тех, где у власти находились зависимые от Лондона монархи, реакционные правители и правительства. Как признает в своих мемуарах Иден, в Каире не нашлось тех «внутренних противников» режима, которые могли бы устранить Насера. Даже «внутренние враги», на которых рассчитывали агрессоры, были вынуждены позднее констатировать, что никогда еще Насер не был так популярен, как в дни суэцкого кризиса.

Почти все независимые арабские страны порвали дипломатические отношения с Англией и Францией. В Сирии был взорван нефтепровод иностранной компании «Ирак петролеум компани» и началось формирование народного ополчения. Саудовская Аравия запретила перекачивать нефть на английские танкеры и на нефтеочистительный завод в Бахрейне Иордания запретила Англии использовать военные базы на своей территории и вместе с Сирией объявила готовность оказать Египту непосредственную поддержку в соответствии с заключенным с Египтом в октябре 1956 года военным соглашением о создании объединенного командования. Во многих арабских странах происходили антиимпериалистические демонстрации. Правительство Нури Саида, напуганное размахом антианглийских выступлений в Ираке, вынуждено было также разорвать дипломатические отношения с Францией и не только публично осудить участие Великобритании в «тройственной» агрессии, но и даже временно отказаться от сотрудничества с ней в рамках Багдадского пакта.

---

¹ *Conuel G. The Most Important Country.* London, 1957, p. 175.

Против агрессивной политики Англии выступили многие страны — члены Содружества. Индия, Пакистан, Цейлон подписали совместное заявление об осуждении англо-французской агрессии против Египта, а Индия пригрозила даже выходом из Содружества. В самой Англии против войны выступила лейбористская оппозиция и состоялись массовые митинги и антиправительственные демонстрации. Интервенция была решительно осуждена общественным мнением всего мира. Это нашло отражение в фактической изоляции интервентов в первые же дни агрессии. Даже представитель США вынужден был в Совете Безопасности 30 октября 1956 года внести предложение об осуждении агрессии, прекращении огня и об отводе израильских войск на линию перемирия. За выдвинутую им резолюцию, которая призывала воздержаться от применения силы или угрозы применения силы, проголосовали все, кроме Англии и Франции, которые применили вето. Примечательно, что в то время как Советский Союз впервые использовал свое право вето в ООН в 1946 году с целью ускорить вывод иностранных войск из арабских стран — Сирии и Ливана, Англия применила его десять лет спустя, стремясь помешать выводу израильских войск с оккупированной египетской территории.

Советский Союз, другие социалистические страны, занявшие с первых дней суэцкого кризиса твердую и последовательную позицию поддержки Египта, самым решительным образом призывали Генеральную Ассамблею ООН осудить вооруженное нападение Англии, Франции и Израиля на Египет и потребовать от них немедленного прекращения огня и отвода войск.

В эти критические дни США оказали агрессорам немалую услугу, представив на сессии Генеральной Ассамблеи два многословных проекта резолюции, охарактеризованные советским представителем как попытка «утопить в бесплодной дискуссии по общим вопросам... главный вопрос — прекращение агрессии». Именно в тот момент, когда требовалось осуществление быстрых и решительных мер по пресечению агрессии, американцы хотели навязать обсуждение... палестинской проблемы. Такая позиция США способствовала не урегулированию кризиса, а его дальнейшему усугублению.

Пока США блокировали работу ООН, агрессия нарастала. Убедившись в тщетности попыток навязать свой диктат Египту с помощью бомбардировок и учитывая складывающуюся крайне неблагоприятную обстановку на международной арене, агрессоры пустили в ход свои десантные силы. Иден позднее в своих мемуарах пытался оправдать эти действия чуть ли не стремлением подтолкнуть создание чрезвычайных сил ООН¹.

---

¹ В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 5 ноября 1956 года по инициативе Канады, были созданы чрезвычайные силы ООН, которые должны были обеспечить выполнение условий о прекращении

Конечно, эти доводы трудно принять всерьез. На самом деле агрессоры решились на этот отчаянный шаг, чтобы упредить любые возможные коллективные или односторонние действия по пресечению агрессии и попытаться быстрее достичь главной ее цели — свержения правительства Насера, поставив таким образом мировое общественное мнение перед совершившимся фактом.

Ранним утром 5 ноября 1956 года началась высадка десантных частей интервентов. Израильские войска к этому времени приблизились к восточному берегу Суэцкого канала и двигались по побережью Суэцкого и Акабского заливов. У агрессоров был значительный перевес в сухопутных, в военно-воздушных и в военно-морских силах.

Объединенные англо-французские силы вторжения включали 65 тысяч человек, более 430 танков, 520 орудий и минометов. У агрессоров было около 700 самолетов, 122 корабля, в том числе 6 авианосцев, 6 подводных лодок и 60 транспортов¹.

Около 600 английских и 500 французских парашютистов было десантировано в западной и южной частях Порт-Саида. Египетские подразделения береговой охраны оказали противнику упорное сопротивление, поддерживаемые огнем самоходных орудий, врытых в землю. Вооруженные жители города принимали также участие в боях. Утром 6 ноября английский флот подверг бомбардировке египетские позиции, а затем был высажен морской десант. Французские войска овладели сначала Порт-Фуадом. К вечеру 6 ноября после ожесточенных боев были подавлены последние очаги сопротивления и в Порт-Саиде. Агрессоры намеревались 7 ноября овладеть Эль-Кантарой, 8 ноября взять Исмаилию и не позднее 12 ноября — Суэц. Но замысел остался неосуществленным.

Несомненно, Египет находился в эти дни в тяжелом положении. Египтяне готовились к партизанской войне. Однако казавшаяся такой близкой победа интервентов обернулась в крупнейшее для англо-французских империалистов поражение, последствия которого в полной мере проявились не столько в те дни, сколько в последующие годы. И не только в Египте, но и за пределами арабского мира, в обширном регионе Азии и Африки, где некогда господствовал колониализм.

огня. Эти силы включали 3400 солдат — норвежцев, шведов, индусов, югославов, бразильцев и канадцев. Практически эти силы в период 1957—1967 годов выполняли функцию буфера между израильскими и египетскими войсками, осуществляя патрульную службу на 56-километровом участке в секторе Газа и вдоль 185-километровой границы в Синайской пустыне, а также контролируя Шарм-аш-Шейх с целью обеспечения свободы судоходства через Тиранский пролив и в Акабском заливе. Срок их пребывания был оговорен условием: «до момента, пока не будет выполнена их задача». *Burns E. L. Between Arab and Israeli. Beirut, 1969, p. 210.*

¹ См.: Военно-исторический журнал, 1961, № 10, с. 42.

Поражение «победителей»

О суэцком кризисе на Западе, в Израиле, в арабских странах вышли сотни книг самых различных жанров: научные монографии, публицистические брошюры, объемистые мемуары политических и военных деятелей, прямых и косвенных участников событий. Их авторы, придерживаясь различных взглядов и преследуя разные цели, естественно, дают весьма противоречивые оценки событий. Тем более важно отметить, что большинство авторов волей или неволей признают, что в те трудные для Египта дни именно твердая позиция Советского Союза сыграла важную, можно сказать, решающую роль не только в срыве «тройственной» агрессии, но и в ликвидации ее последствий в течение относительно короткого срока. Однако есть и такие, кто стремится умалить значение Советского Союза в срыве планов империализма, пытается представить дело так, будто советская поддержка носила чисто символический характер и ограничивалась только дипломатической сферой. Подобные утверждения можно встретить даже в трудах отдельных египетских авторов, которые, руководствуясь явно неблагоприятными целями, тшятся внести свою лепту в фальсификацию истории. Между тем в арабских странах, да и на Западе до сих пор хорошо помнят, какой резонанс произвела направленная 5 ноября 1956 года в Совет Безопасности ООН советским министром иностранных дел телеграмма, в которой содержалось требование немедленно прекратить военные действия и в трехдневный срок вывести все вторгшиеся на территорию Египта войска, а также предложение в случае невыполнения этого требования оказать Египту военную помощь со стороны всех членов ООН, и прежде всего СССР и США. В тот же день Советское правительство обратилось к президенту США с предложением совместно использовать с санкции ООН вооруженные силы для прекращения агрессии против Египта.

Советская инициатива не встретила поддержки в Вашингтоне. Иначе и не могло быть, ибо США, проводя с самого начала суэцкого кризиса политику поощрения агрессии против Египта, вовсе не были заинтересованы в срыве ее, прежде чем она достигнет своих целей. Позднее шеф американского ЦРУ Аллен Даллес признал, что США были информированы о «тройственной» агрессии, но не захотели ее предотвращать, ожидая, как развернутся последующие события

А события развернулись вовсе не так, как хотели агрессоры и те, кто им сочувствовал. 5 ноября 1956 года Советское правительство направило послания главам правительств Англии, Франции и Израиля с предупреждением о самых серьезных последствиях продолжения агрессии и готовности Советского Союза принять решительные меры для восстановления мира на

Ближнем Востоке. Этот шаг отрезвляюще подействовал на участников «тройственной» агрессии.

6 и 7 ноября 1956 года были получены ответные послания от премьер-министров Англии и Франции, в которых сообщалось, что они отдали приказ своим войскам в Египте прекратить огонь в ночь с 6 на 7 ноября, а 8 ноября аналогичное послание было получено и от главы правительства Израиля. Однако прекращение огня не могло автоматически положить конец агрессии. Нужно было заставить интервентов вывести свои войска с оккупированной египетской территории. И в этом вопросе позиция Советского Союза также сыграла важную роль. Она была ясно выражена в заявлении ТАСС, опубликованном 11 ноября 1956 года, где подчеркивалось, что советские люди не останутся пассивными наблюдателями международного разбоя, если агрессоры не выведут своих войск с территории Египта.

15 ноября 1956 года Советское правительство направило Англии, Франции и Израилю новые послания, в которых было выражено настойчивое требование о немедленном выводе войск интервентов с египетской территории. Мужественная борьба египетского народа и решительная позиция Советского Союза, поддержанные всеми миролюбивыми силами, сорвали замыслы агрессоров и заставили их покинуть не только берега Суэцкого канала, но и весь Синайский полуостров. Они вынуждены были это сделать без каких-либо политических условий и без всяких территориальных уступок со стороны Египта.

В декабре 1956 года подразделения англо-французских войск оставили зону Суэцкого канала, в январе 1957 года вынуждены были уйти с Синая и израильские оккупанты, а затем, в марте 1957 года, — и из сектора Газа.

При анализе противоречивых результатов суэцкой войны 1956 года прежде всего бросается в глаза определенное несоответствие ее военных и политических итогов.

Обе стороны понесли значительные людские и материальные потери. Египетские войска только на Синае в боевых действиях с израильскими агрессорами потеряли около 3 тысяч человек убитыми и ранеными. Но еще больше было жертв среди мирного населения египетских городов, подвергшихся варварским бомбардировкам и обстрелу англо-французских интервентов. Многие кварталы Порт-Саида были полностью разрушены. «Порт-Саид пожертвовал собой ради Египта и арабского мира, — говорил впоследствии Насер, — и расстроил план империалистов, которые заявили, что они оккупируют Египет в 24 часа»¹.

Агрессоры хотя и не смогли полностью осуществить военные цели — в течение недели овладеть всей зоной Суэцкого канала и Каиром, смогли тем не менее оккупировать почти весь Синайский полуостров и значительную часть приканальной зоны. Еги-

---

¹ Новейшая история арабских стран. М., 1968, с. 417.

петские вооруженные силы и отряды ополченцев оказали интервентам упорное сопротивление, проявив большое мужество и стойкость в боях на Синае в районах Умм-Катаф, Рафах и Газа. В ходе этих боев израильские войска потеряли около тысячи человек убитыми и ранеными, а также большое количество танков. Еще больше интервентов нашло смерть в Порт-Саиде и Порт-Фуаде. Упорное военное сопротивление Египта сорвало расчеты империалистов на молниеносную победу.

Осуществленная против Египта коллективная вооруженная акция Англии и Франции была выражением их стремления старыми методами колониализма достичь, по существу, неоколониалистских целей. Они состояли не в завоевании Египта и не в восстановлении колониального господства в его старом обличье, а в свержении прогрессивного режима и в замене его прозападным марионеточным правительством, которому можно было бы навязать капитулянтские условия мира с Израилем и кабальные соглашения с Западом. Однако выявилось не только бессилие военных методов колониализма, но и беспомощность Англии и Франции в достижении политических целей неоколониализма без активной поддержки США.

Как отмечал позднее Г. Киссинджер, будучи в то время профессором Гарвардского университета, суэцкий кризис убедительно показал, что Англия теперь уже неспособна к серьезным самостоятельным действиям. В суэцкой войне «она в известной степени сама себя ранила» сильнее, чем во всех других случаях. «После Суэца,— заключает Г. Киссинджер,— английская дипломатия во многом утратила прежнюю уверенность»¹.

Частично осуществленные Англией и Францией военные цели суэцкой кампании были достигнуты ценой непропорционально больших экономических и политических издержек.

Суэцкая авантюра буквально потрясла экономику Англии и Франции. Особенно дорого она обошлась Франции, ее валютные запасы почти иссякли, а инфляция и рост цен в стране приобрели невиданные до сих пор масштабы. Участием в суэцкой войне Ги Молле, пишет советский историк Н. Н. Молчанов, «нанес такой удар по системе Четвертой республики, от которого она уже не оправилась»².

Суэцкая война поставила Англию, по свидетельству бывшего в то время канцлером казначейства Г. Макмиллана, «на грань банкротства» и обошлась ей по меньшей мере в 250 миллионов фунтов стерлингов³.

Что касается позиции Вашингтона в суэцком кризисе, то она при всей ее двойственности и противоречивости преследовала, по существу, империалистические цели в отношении арабского мира, которые, однако, он пытался осуществить чисто неколо-

¹ Kissinger H. A. The Troubled Partnership. London, 1965, p. 72.

² Молчанов Н. Н. Генерал де Голль, с. 326.

³ См.: Вопросы истории, 1976, № 5, с. 75—76.

ниалистскими методами. Сыграв роль одного из подстрекателей суэцкой агрессии, США в момент кульминации кризиса сочли для себя более выгодным отмежеваться от своих союзников. Все это, естественно, привело к определенному обострению разногласий между империалистами, что объективно способствовало успешному противоборству Египта в отражении «тройственной» агрессии.

Однако Насер признавал, что эти разногласия в основном касались сферы методов и тактики, а конечные цели империалистов в конце концов были одинаковы — помешать укреплению независимости Египта и его движению по пути прогресса, не допустить углубления египетской революции и дальнейшего расширения арабского освободительного движения, восстановить и укрепить позиции империализма на Ближнем Востоке.

После перерастания суэцкого кризиса в военную фазу правительство США учло непопулярность затеваемой агрессии в глазах мирового общественного мнения, особенно в арабском мире, а также возможные последствия ее провала. Поэтому оно прибегло к лицемерной тактике: на словах Вашингтон как будто отмежевался от своих союзников, а на деле оказывал им не только политическую, но и экономическую поддержку, снабжая Англию и Францию нефтью и предоставив Лондону заем в сумме 500 миллионов долларов.

Не случайно впоследствии известный американский политический деятель Р. Мэрфи в порыве откровенности упрекнул Ги Молле в том, что Англия и Франция не продолжили войну до победного конца. «Я знаю своих соотечественников, — заявил он, — Эйзенхауэр и Даллес изменили бы свои позиции перед фактом успеха»¹.

США не ограничивались только платоническим сочувствием. Позднее стало известно, что по заданию Дж. Ф. Даллеса ЦРУ предприняло в то время ряд неудавшихся попыток устранить Насера и направило для этой цели в Египет три группы убийц². Президент Насер знал или догадывался об этом и имел все основания в тот период и в последующем не доверять «бескорыстному посредничеству» США в урегулировании ближневосточного конфликта. Насер знал, что и старые, и новые колонизаторы связывали осуществление своих империалистических планов в Египте с подрывной и заговорщической деятельностью внутренней реакции. Она, объявив Насера «врагом Аллаха № 1», организовала на него несколько покушений и вела продолжительную подпольную войну против нового режима. Поэтому Насер параллельно с решительными мерами по выкорчевыванию остатков колониализма вел постоянную борьбу с местными реакционными силами. Однако этот курс Насера уже тогда, как признают в

---

¹ *Tournoux J. Secret d'état. Paris, 1960, p. 151.*

² См.: Правда, 1976, 13 февраля.

своих мемуарах А. Садат и его сподвижник С. Марей, встречал недовольство и противодействие не только феодально-клерикальных кругов, но и правого крыла египетского руководства.

Выступление Израиля в качестве застрельщика агрессии показало арабским народам подлинную сущность сионистского государства, выступающего в роли форпоста и жандарма колониализма на Ближнем Востоке. Участие Израиля в «трояственной» агрессии безусловно облегчило ее организаторам осуществление чисто военных целей интервенции, однако это повлекло за собой самые тяжелые политические и экономические издержки для империалистов. После 1956 года борьба против израильской агрессии более тесно стала связываться арабскими народами с их борьбой против колониализма и империализма. В силу этого сам арабо-израильский конфликт приобрел более ярко выраженный международный характер.

Попытки некоторых буржуазных историков, вроде американского политолога И. Гласмена, представить агрессивные действия Израиля как «превентивные» или «ответные меры» на «поставки арабам советского оружия» преследуют цель не только оправдать Тель-Авив, но и вбить клин в советско-арабское сотрудничество¹. Утверждение Гласмена, будто именно поставки советского оружия Египту в 1955—1956 годах «спровоцировали» нападение Израиля, так как они, дескать, «дестабилизировали баланс вооружений», истине носит не только смехотворный, но и явно провокационный характер. Ведь хорошо известно, что массовые поставки Израилю новейшего оружия из западных стран, как отмечает А. Наттинг, начались в 1954 году, то есть задолго до того, как в Египет стало поступать вооружение из социалистических государств².

Нельзя не согласиться с утверждением бывшего посла Великобритании в Египте Х. Тревельяна, что «тень 1956 года» витала над событиями 1967 года на Ближнем Востоке³. «Трояственная» агрессия против Египта посеяла семена, давшие кровавые всходы и в последующих событиях.

В условиях нерешенности ключевых проблем арабо-израильского конфликта все туже затягивался узел ближневосточного кризиса, расширялись его рамки, и одновременно происходило все более четкое размежевание социальных и классовых сил в этом регионе. И неизменно на всех крутых поворотах истории, при каждом обострении арабо-израильского конфликта и при возникновении других региональных конфликтов происходило по классовому признаку и размежевание внешних сил, которые в той или иной степени оказывались в него вовлеченными. Империалисты в лице колонизаторов и неоконизаторов, как пра-

¹ *Glassman I.* Arms for the Arabs. The Soviet Union and War in the Middle East. Baltimore, 1975, p. 21.

² *Nutting A.* No End of a Lesson. The Story of Suez. London, 1967, p. 57.

³ *Trevelyan H.* The Middle East in Revolution, p. 30.

вило, поддерживали агрессивный курс сионистского Израиля, происки и заговоры арабской реакции; что касается Советского Союза и других стран социалистического содружества, то они всегда занимали последовательную и принципиальную позицию, поддерживая борьбу арабских народов против империализма, сионизма и реакции, за укрепление национальной независимости, за социальный прогресс и справедливый мир.

Уроки суэцкого кризиса 1956 года, как и последующие события на Ближнем Востоке, убедительно доказали, что борьба арабских народов против израильской агрессии объективно носит антиимпериалистический характер. Поэтому ее успех зависит не только от конкретного соотношения военных сил, но и от последовательности антиимпериалистического курса арабских руководителей во внешней и внутренней политике, от правильного учета ими реальной расстановки сил на международной арене.

Уже сразу после окончания «тройственной» агрессии президент Насер имел возможность убедиться в неокOLONиалистской сущности ближневосточной политики США, в ее неискренности и двуличии. Вашингтон оказывал существенную поддержку Тель-Авиву в затягивании полного вывода израильских войск со всех оккупированных территорий. Американцы за спиной Египта вступили с Израилем в сепаратные переговоры, а также настаивали на передаче войскам ООН в секторе Газа несвойственных им функций административного управления этой территорией. Таким образом, уже в то время Вашингтон, выдавая себя за миротворца на Ближнем Востоке, начал прибегать к методам закулисной дипломатии. На словах американская дипломатия увещевала и даже иногда «осуждала» агрессоров, а на деле всячески потворствовала и помогала оккупантам удерживать захваченные арабские земли.

После суэцкого кризиса США сочли время подходящим для того, чтобы занять место старых колониальных держав, что отвечало давним планам американского империализма на Арабском Востоке. В январе 1957 года группа из 70 американских конгрессменов потребовала «интернационализации» части территории Египта, граничащей с Израилем, и лишения Египта права управления Суэцким каналом. Это была попытка провести пресловутый план, выдвинутый Даллесом еще в период суэцкого кризиса. Одновременно ряд американских монополий во главе с «Чейз Манхэттен бэнк» предложил египетскому правительству сдать Суэцкий канал в аренду. Американская дипломатия настойчиво стремилась навязать ООН «суэцкий вопрос», чтобы под видом «интернационализации» добиться установления над каналом контроля США.

В результате политической поддержки со стороны СССР, других стран социализма, а также ряда неприсоединившихся африканских и азиатских государств Каир смог отстоять свои пози-

ции в отношении Суэцкого канала. В начале 1957 года египетское правительство в специальном меморандуме, направленном всем странам, изложило принципы, которые должны быть положены в основу режима судоходства, в том числе возмещение убытков по обоюдной договоренности или путем арбитража. В конце апреля 1958 года переговоры в Риме между представителями Египта и акционерами компании завершились парафированием соглашения относительно их компенсации. Тем самым получила официальное признание национализация компании Суэцкого канала.

Антиимпериалистическая направленность проводившейся Насером политики нашла отражение во взятом им на последующих этапах курсе на решительное вытеснение иностранного капитала и монополистических компаний внутри страны. Мероприятия, осуществленные в этом отношении в период после «тройственной» агрессии, приняли широкий масштаб и носили радикальный характер. Позиции иностранных монополий в экономике страны были серьезно подорваны, что имело важнейшее значение для проведения независимой внешней политики Египта. Одновременно было начато осуществление первого пятилетнего плана развития промышленности, в котором большое место занимал государственный сектор, и предусматривалось проведение ряда прогрессивных социально-экономических мероприятий.

В этих условиях британский империализм оказался вытесненным из Египта, а США вынуждены были отказаться от планов «интернационализации» части египетской территории, за которыми скрывались их намерения установить там в тех или иных формах неокOLONиалистское господство. Принципиальная и бескомпромиссная внутренняя и внешняя политика Насера, его решительный отказ от участия в военных блоках империалистов вызывали их гнев и раздражение, но зато служили воодушевляющим примером для всех арабских стран в их борьбе за укрепление национальной независимости и социальный прогресс.

Важное значение имел также тот факт, что в борьбе против происков колониализма и сионистского экспансионизма на Ближнем Востоке Насер добивался консолидации арабских сил на антиимпериалистической основе и опирался на поддержку мирового революционного движения, в первую очередь — стран социалистического содружества.

Особенно высоко руководители Египта и других арабских стран оценили последовательную и решительную позицию Советского Союза во время суэцкого кризиса. Президент Насер в мае 1966 года, выступая на митинге в Порт-Саиде по случаю прибытия туда советской правительственной делегации, особо отметил, что поддержка СССР вселила в египетских патриотов уверенность в победе над империализмом и помогла отразить «тройственную» агрессию в 1956 году.

Пытаясь объяснить причины провала агрессии, некоторые западные и арабские авторы на первый план выдвигают особые заслуги и личные качества президента Насера. Безусловно, личные качества Насера играли важную роль в политике. Но гораздо большее значение имели, конечно, те политические принципы, которые были им разработаны на опыте долголетней борьбы против происков империализма и агрессивных вылазок израильских милитаристов. И главный из этих принципов основывался на понимании исторической реальности второй половины XX века: соотношение сил в мире все больше изменяется в пользу социализма и национально-освободительных революций. Поэтому только в опоре на них освобождающиеся страны могут отстоять и укрепить свою независимость. Насер прекрасно сознавал, что любая уступка империализму неизбежно отразится на положении внутри страны, приведет к свертыванию прогрессивных социально-экономических преобразований, к ослаблению ее военного потенциала, к отступлению от независимого внешнеполитического курса. В лице Советского Союза Насер видел наиболее надежного и верного гаранта свободы, независимости и прогресса Египта.

Весь последующий ход событий на Ближнем Востоке свидетельствует о том, что Советский Союз постоянно поддерживал справедливую борьбу арабских народов против империализма и сионизма, а США были не только опорой этих сил, но и сами вскоре выступили в роли агрессоров и интервентов.

Один из творцов империалистической политики того периода Селвин Ллойд вынужден прямо признать: «Не может быть двух мнений — ясно для всех, что мы потерпели дипломатическое и политическое поражение». О других проявлениях суэцкого фиаско он предпочел умолчать, отнеся к «активу» суэцкого кризиса лишь появление «доктрины Эйзенхауэра», приведшей к ослаблению позиции Англии на Ближнем Востоке. Однако и этот «актив» оказался весьма сомнительным, ибо заполнение «вакуума силы», по признанию С. Ллойда, не уменьшило напряженность, а увеличило ее¹. К такому же выводу пришел двадцать лет спустя и французский коллега С. Ллойда — Кристиан Пино, признавший, что «Суэц был ошибкой» и Англии, и Франции².

---

¹ *Lloyd S. Suez 1956. A Personal Account*, p. 256.

² *Pineau C. 1956. Suez. Paris, 1976*, p. 195.

БИТЫЕ СТАВКИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

..Едва корабли с английскими и французскими солдатами скрылись за горизонтом, как полуразрушенный и казавшийся почти вымершим Порт-Саид ожил. Толпы людей, ликующих, смеющихся и плачущих от радости, заполнили улицы, переулки и площади города. Людские потоки стекались на набережной и устремлялись к памятнику Лессепсу.

Долгие годы памятник французскому дельцу воспринимался каждым египтянином как символ колониального господства. И вот теперь, когда интервенты, причинившие столько горя и страданий, покинули египетскую землю, всем не терпелось быстрее низвергнуть эту статую.

Взоры всех были обращены на молодого солдата, забравшегося на плечи своего товарища, чтобы просверлить дырку в каменном изваянии, олицетворявшем тяжелое прошлое. Сделав в верхней части памятника небольшое углубление и заложив туда взрывчатку, солдат спрыгнул на землю. Дрожащими от волнения руками он зажег фитиль и присоединился к толпе. Раздался взрыв. Дрогнула земля. Но люди, привыкшие за дни оккупации к разрывам бомб и снарядов, не шелохнулись. Как только дым рассеялся, толпа разочарованно загудела. Памятник продолжал стоять на прежнем месте только без бронзовой головы. Каменная часть памятника будто выросла в землю, глубоко пустив корни. Люди ближе придвинулись к каменной глыбе. Казалось, каждый готов был ногтями вырвать из земли это изваяние, символизирующее ненавистный колониализм, пустивший глубокие корни в стране¹...

Сразу же вслед за второй, еще более позорной эвакуацией войск колонизаторов из зоны Суэцкого канала правительство Насера продолжило наступление на иностранный капитал. Уже в январе 1957 года был принят закон о «египтизации», который лишал иностранных граждан права собственности на большую группу экономических предприятий. В первую очередь были национализированы англо-французские банки, которые, имея капитал в 5,6 миллиона фунтов стерлингов, по сути, контролировали средства вкладчиков на сумму более 280 миллионов фунтов стерлингов. Кроме банков были ликвидиро-

¹ См.: *Латифа-аз-Зайят*. Открытая дверь. М., 1964, с. 230—231.

ваны 64 английские, французские и австралийские страховые компании с общим капиталом 17,1 миллиона египетских фунтов и многочисленные иностранные торговые фирмы и компании¹. Двери египетской экономики оказались захлопнутыми перед тысячами иностранных капиталистов, дельцов и спекулянтов, которые десятилетиями грабили Египет. В результате около 2,5 тысячи английских и 3,5 тысячи французских граждан, имущество которых попало под секвестр, вынуждены были покинуть страну².

Впоследствии были национализированы также бельгийские и итальянские компании. Для управления созданными на их месте государственными и полугосударственными предприятиями в январе 1957 года была создана государственная экономическая организация.

Политика последовательного вытеснения иностранного капитала привела к ослаблению, а затем и к значительному подрыву его позиций в экономике Египта. Это было следствием не только вооруженной агрессии империалистов, но и экономической блокады, которую империалисты фактически объявили Египту после национализации компании Суэцкого канала. Как в срыве «тройственной» агрессии, так и в прорыве этой блокады большую роль сыграла позиция Советского Союза, который в трудный час оказал египетскому народу бескорыстную дружескую помощь и поддержку, в то время как США и другие западные страны стремились поставить Египет на колени.

Если ослабление позиций старых колонизаторов на Арабском Востоке после провала «тройственной» агрессии вполне устраивало американских неокolonизаторов, стремившихся занять там место Англии и Франции, то нарастающий подъем национально-освободительного движения, поднявшийся авторитет Советского Союза и расширение арабо-советского сотрудничества не могли не внушать за океаном серьезного беспокойства. Вашингтон решил действовать немедленно.

Доктрина силы

Не успели еще отошедшие от египетских берегов последние транспортные суда с войсками интервентов вернуться в Англию и Францию, как 5 января 1957 года президент США провозгласил так называемую «доктрину Эйзенхауэра». В специальном послании о политике на Ближнем и Среднем Востоке президент потребовал права использования в этом районе американских вооруженных сил, а также выделения на реализацию «программы военной помощи и сотрудничества» суммы в размере 200 миллионов

¹ См.: Мирский Г. И. Арабские народы продолжают борьбу. М., 1965, с. 40—41.

² Nutting A. No End of a Lesson. The Story of Suez, p. 166.

долларов Эта доктрина не случайно получила название «доктрины заполнения силового вакуума». Она должна была служить инструментом практического осуществления выдвинутой Даллесом «теории заполнения вакуума».

Неоколонизаторская сущность этой «теории» заключалась в фальшивом тезисе, будто освобождающиеся народы, в частности арабы, не в состоянии сами распоряжаться своими судьбами, строить свою государственность и экономику, наладить отношения между собой и поэтому нуждаются, дескать, в «помощи» извне, без которой якобы могут возникнуть «беспорядки», «дезорганизация» и т. п. Пропаганда «теории заполнения вакуума» была призвана замаскировать американскую экспансию на Ближнем Востоке, а также в других регионах Африки и Азии.

В принятой 30 января 1957 года конгрессом США программе для Ближнего Востока («доктрине Эйзенхауэра») говорилось: «Соединенные Штаты готовы использовать вооруженные силы для оказания помощи любой нации или группе таких наций, обращающихся с просьбой о помощи против вооруженной агрессии, совершенной любой страной, контролируемой международным коммунизмом .»¹ Тем самым была сделана попытка в рамках «стратегии массированного возмездия» односторонним актом конгресса США узаконить вооруженную интервенцию в качестве инструмента политики, в нарушение элементарных принципов международного права и Устава ООН

«Доктрина Эйзенхауэра» переносила на Ближний Восток методы, применявшиеся уже американским империализмом в «банановых республиках» Латинской Америки, в том числе организацию заговоров, переворотов для установления реакционных режимов и т. п. В этом политическом курсе сочетался традиционный колониализм, делающий ставку на силу оружия, с элементами неоколониализма, в большей мере использующего местную реакцию — феодальные круги и компрадорскую буржуазию. Учитывая в определенной степени уроки Суэца, «доктрина Эйзенхауэра» предусматривала несравненно большее, чем прежде, использование арабских реакционных сил, различных по своей социальной структуре, но объединяемых общей ненавистью к социальным преобразованиям.

Творцы «доктрины Эйзенхауэра» использовали то обстоятельство, что последствия «тройственной» агрессии были ликвидированы не до конца, а ближневосточный кризис в целом не был урегулирован. Именно поэтому американская дипломатия и в ООН и непосредственно на Ближнем Востоке способствовала затяжке вывода израильских войск из сектора Газа, оказывая тем самым давление на Египет и другие арабские страны. Правящие круги США рассчитывали, что это даст им определенные политические преимущества.

¹ Цит. по: *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978, с. 222.

Для приведения в действие «доктрины Эйзенхауэра» требовалось лишь доказать, что в определенном районе арабского мира возник «вакуум» или какой-либо стране грозит опасность «агрессии международного коммунизма». Однако арабские страны никак не устраивала роль «вакуума», которая отводилась им американским империализмом. На поверку оказалось, что никто не хочет считать себя «пустым местом». Очевидно, поэтому буквально через несколько месяцев после принятия доктрины американская пропаганда и дипломатия стали уверять, что США вовсе не собираются «заполнять вакуумы». Эта теория, оскорблявшая национальное достоинство и самолюбие арабских народов, была сразу ими отвергнута. А вместе с ней большинство арабских стран отвергло и «доктрину Эйзенхауэра». Официально ее поддерживали лишь Израиль и английский вассал Ирак, а несколько позднее — Ливан¹.

Американский империализм хотел избежать ошибок «тройственной» агрессии. Расчет делался на то, что, натравливая арабов против арабов, империалистам удастся осуществить свои цели чужими руками. При этом они рассчитывали, во-первых, изолировать арабские страны от мирового революционного движения, особенно от Советского Союза, во-вторых, внести раскол в арабский мир и остановить в нем процесс консолидации на антисионистской, а следовательно, на антиимпериалистической основе.

Однако и на этот раз расчеты империалистов вновь обернулись их просчетами

Советский Союз решительно противодействовал осуществлению империалистических планов, их стремлению навязать арабским народам с помощью «доктрины Эйзенхауэра» диктат Вашингтона.

СССР предложил правительствам США, Англии и Франции принять совместную декларацию в отношении Ближнего Востока, в которой были бы зафиксированы четкие принципы, которые до сих пор являются основополагающими в ближневосточной политике СССР. Суть этих принципов сводилась к следующему: невмешательство во внутренние дела, уважение суверенитета и независимости стран Ближнего Востока; отказ от попыток вовлечения их в военные блоки с участием великих держав; ликвидация иностранных военных баз и вывод иностранных войск с их территорий; прекращение гонки вооружений в этом районе и содействие его экономическому развитию

Однако вместо принятия этих предложений Вашингтон, который раньше из тактических соображений официально не присоединялся к Багдадскому пакту, в марте 1957 года после встречи Эйзенхауэра с английским премьер-министром Макмилланом на

---

¹ См.: *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта, с. 230.

Бермудских островах, официально объявил о вступлении США в военный комитет этого блока ¹.

Правительство ряда арабских стран отвергли попытки вмешательства США и других иностранных государств в дела стран Ближнего Востока. Сирия, отклонив «доктрину Эйзенхауэра», заявила, что она полна решимости отстаивать законное право на обеспечение независимости и территориальной целостности. В ответ США усилили нажим на эту арабскую страну. Проведение Сирией последовательного антиимпериалистического курса, развитие и расширение сотрудничества с социалистическими странами, осуществление в стране ряда прогрессивных социально-экономических реформ, укрепление позиций прогрессивных и демократических сил — все это было расценено империалистами как «потенциальный вакуум», который чреват «опасностью коммунизма».

Механизмы Багдадского пакта и «доктрины Эйзенхауэра» заработали на полную мощь. В ход были пущены заговоры, угрозы, провоцирование пограничных инцидентов, демонстрация военной силы и вооруженный шантаж. В течение 1957 года в Сирии были раскрыты два антиправительственных заговора. И в каждом из них были замешаны американские дипломаты и агенты ЦРУ. В августе из страны были выдворены по обвинению в организации антиправительственного заговора сотрудники посольства США в Дамаске, в октябре была задержана большая группа заговорщиков, переброшенных из-за границы в район Латакии и связанных с американской агентурой. Американские круги субсидировали наемников. В заговоры были вовлечены некоторые офицеры сирийской армии. Предполагалась организация антиправительственных выступлений воинских частей и с их помощью восстановление у власти реакционного режима.

Дипломатия США подогревала и поддерживала турецкие притязания на часть территории Сирии, участились пограничные инциденты, провоцировавшиеся турецкой военщиной. В Турции побывал помощник государственного секретаря США Гендерсон, после визита которого на сирийской границе были сконцентрированы крупные вооруженные силы. В турецкие порты начали прибывать американские корабли с военными грузами и вооружением. Участились вооруженные провокации на израильско-сирийской границе.

США явно взяли курс на подготовку нападения на Сирию. С целью оказания нажима на нее были приведены в боевую готовность 6-й флот США в восточной части Средиземного моря и американские ВВС в Европе. В конце октября на территории Турции и в Восточном Средиземноморье начались совместные учения войск НАТО. Все эти мероприятия носили характер де-

---

¹ См.: Туганова О. Э. Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. М., 1967, с. 61.

монстрации силы. Интервенцию, однако, замышлялось осуществить силами соседних стран, главным образом Турции и Израиля, поскольку Иордания и Ирак отказались участвовать в подготавливаемой вооруженной интервенции. Подобная авантюра была чревата слишком большими опасностями для монархов этих стран.

В эти трудные для Сирии дни Советский Союз занял решительную позицию поддержки ее борьбы против происков империалистов и их приспешников. Советское правительство предупредило США, Англию, Францию и Турцию об опасных последствиях их политики на Ближнем Востоке. В заявлении ТАСС, опубликованном 19 октября 1957 года, говорилось, что «в случае нападения на Сирию Советский Союз, руководствуясь целями и принципами Устава ООН и интересами своей безопасности, примет все необходимые меры к тому, чтобы оказать помощь жертве агрессии»¹.

На XII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, несмотря на активное противодействие империалистов, по настоянию Советского Союза и других социалистических стран вопрос об угрозе агрессии против Сирии был поставлен на обсуждение и оказался в центре внимания мировой общественности. Готовившаяся агрессия была сорвана.

Не оправдалась ставка империалистов на противопоставление одних арабских стран другим, на раскол арабов. В условиях раздуваемой антисирийской кампании даже официально принявшие «доктрину Эйзенхауэра» арабские страны — Ирак и Ливан — вынуждены были отмежеваться от американского курса подготовки агрессии против Сирии. Более того, даже прозападные политические деятели Саудовской Аравии, Ирака, Ливана и Иордании заявили о «готовности помочь» Сирии в отражении агрессии. Что касается Египта, то он на деле продемонстрировал эту готовность, направив в Латакию контингент египетских войск в соответствии с заключенным в октябре 1957 года сирийско-египетским соглашением о совместной обороне². Империалистические происки против Сирии дали дополнительный импульс к консолидации арабских сил. Это нашло свое выражение в объединении Сирии с Египтом и создании Объединенной Арабской Республики в феврале 1958 года.

Нажим на Иорданию

В этих условиях Вашингтон сделал главную ставку на упрощение прозападных режимов для более активного их использования против прогрессивных арабских сил. Однако и зависимые от Запада арабские государства отнеслись одни — сдержанно,

¹ Правда, 1957, 19 октября.

² Saab E. La Syrie ou la revolution dans la rancoe. Paris, 1968, p. 88.

другие — настороженно к идеям, провозглашенным «доктриной Эйзенхауэра». И хотя специальный представитель президента США Дж. Ричардс приложил немало усилий, чтобы расширить круг сторонников «доктрины Эйзенхауэра», ему не удалось добиться официального ее принятия ни Саудовской Аравией, ни Иорданией. Лишь под большим нажимом американцы заставили Иорданию вступить в экономическую комиссию Багдадского пакта. Но позже король Хусейн в автобиографической книге «Трудно быть королем» и его английский биограф Питер Сноу вынуждены были признать, что этот шаг поставил иорданского монарха в изоляцию не только в арабском мире, но и в собственной стране¹.

Еще до развязывания «тройственной» агрессии против Египта США стремились, вытеснив Англию, укрепить свои позиции в Иордании. После высылки из страны в начале марта 1956 года английского генерала Глабб-паши и смещения с ключевых постов в армии других английских офицеров позиции Англии в Иордании в значительной мере оказались ослабленными².

В то же время это благотворно сказалось на дальнейшем развитии антиимпериалистических и демократических процессов в стране. В октябре 1956 года в результате победы патриотических сил на выборах к власти пришло правительство Сулеймана Набулси, заявившее о намерении проводить независимую внешнюю политику, отменить кабальный англо-иорданский договор 1948 года, ликвидировать английские военные базы и удалить английские войска с территории страны. Новое правительство выступило также против участия Иордании в Багдадском пакте.

С началом «тройственной» агрессии против Египта Иордания запретила использование своих аэродромов британскими самолетами, разорвала дипломатические отношения с Францией, объявила всеобщую мобилизацию в поддержку Египта и для защиты своей территории от возможного нападения Израиля. Все эти мероприятия правительства Набулси получили широкую поддержку народа. Поражение колонизаторов под Суэцем дало новый импульс движению демократических и патриотических сил страны.

Иорданское правительство настояло на возобновлении с Англией переговоров о расторжении договора 1948 года. Лондон был вынужден уступить. С 14 марта 1957 года этот кабальный договор был признан утратившим силу. Англия начала эвакуацию своих войск и военных баз с территории Иордании³. Правительство Иордании решительно выступило против «доктрины Эйзенхауэра», заявив, что будет пользоваться американской помощью лишь в том случае, если ее предоставят без всяких ус-

¹ Snow P. Hussein. A Biography. London, 1972, p. 91—94.

² Glubb Pasha. Soldat avec les Arabes. Paris, 1958, p. 186—190.

³ См.: Политика Англии на Ближнем и Среднем Востоке. 1945—1965. М., 1966, с. 170.

ловий Планы империалистов, рассчитанные на вовлечение Иордании в военные группировки, оказались под угрозой. Вашингтон, не надеясь больше на Лондон, решил взять инициативу в свои руки.

В апреле 1957 года империалисты с помощью своих ставленников организовали в Иордании государственный переворот. Показательно, что опиравшаяся на империалистов реакция не решилась сразу официально порвать с независимой политикой: слишком сильно было впечатление от суэцкого фиаско. Для вида «переходный» кабинет, просуществовавший всего две недели, провозгласил верность принципам позитивного нейтралитета

Сейчас доподлинно известно, что правительство Набулси, проводившее антиимпериалистический курс, было свергнуто в результате заговора, организованного американским послом в Иордании Мэллори и военным атташе Суини. Чтобы не допустить развития прогрессивных антиимпериалистических тенденций в Ливане и Иордании, США широко использовали и демонстрацию силы, и подкуп политических деятелей, и даже террористические акты.

После свержения правительства Набулси в Иордании был установлен фактически режим военной диктатуры.

США, стремившиеся занять место английских колонизаторов, применяли обычные методы нажима: отказ в экономической помощи, подрывную деятельность, дипломатическое давление. Под предлогом предотвращения «вмешательства» ОАР в дела Ливана и Иордании в Восточное Средиземноморье были подтянуты корабли 6-го флота США. Сразу же после переворота США предоставили Иордании субсидию в 10 миллионов долларов, в июне того же года — еще в 20 миллионов долларов, причем половину этой суммы — на военные цели. За два месяца для укрепления реакционного режима США выделили столько средств, сколько Иордания получила за предыдущие шесть лет.

Для борьбы с национально-освободительным движением в Иордании была использована Саудовская Аравия, которая оказала проимпериалистическим силам в этой стране военную и политическую поддержку. В распоряжение реакции были переданы дислоцировавшиеся там две бригады саудовских войск. После переворота Саудовская Аравия оказала реакционному правительству Иордании также финансовую помощь на сумму в 30 миллионов долларов¹.

Англия, со своей стороны, стремясь восстановить собственное влияние в Иордании, возобновила платежи по соглашению о займе, заключенному еще в 1955 году, и даже согласилась завершить к 31 мая 1957 года эвакуацию своих войск и баз.

После образования ОАР англо-американская дипломатия предприняла меры по созданию так называемого военно-полити-

---

¹ *Goichon A. Jordanie réele. Paris, 1967, p. 383.*

ческого объединения королевств Иордании и Ирака. Предполагалось, что к этому объединению присоединится также Саудовская Аравия и, таким образом, ОАР окажется блокированной с востока и юго-востока ориентирующимися на США и Англию монархическими государствами.

В феврале 1958 года было объявлено о создании иракско-иорданской федерации, которая, по замыслу ее организаторов, должна была противодействовать процессу укрепления арабского единства. План создания этой федерации особенно устраивал Англию, которая добивалась сосредоточения фактической власти в руках своего верного ставленника в Ираке Нури Саида, ставшего главой федерального правительства. США тоже имели достаточно прочные военно-политические позиции в Ираке. Именно по инициативе американской дипломатии реакционное правительство Ирака сразу же выступило с планами присоединения к так называемой Арабской (иракско-иорданской) федерации других арабских монархических государств.

Ливан отвергает диктат

Оценивая роль «доктрины Эйзенхауэра», некоторые западные политики и ученые считают, что именно она «вовлекла Ближний Восток в «холодную войну». С этим можно согласиться, но с одной существенной оговоркой. Если такие арабские страны, как Сирия, ставшая объектом агрессивного курса американской политики, были вовлечены не только в «холодную», но и фактически подведены к грани «горячей» войны, то для Ливана «доктрина Эйзенхауэра» сыграла еще более зловещую роль. Можно сказать, что именно она, как орудие неоколониалистской политики, направленной на «арабизацию» функций подавления революционно-освободительного движения на Ближнем Востоке, превратила эту маленькую арабскую страну в 1958 году в арену кровопролитной гражданской войны, а затем в объект вооруженной интервенции американского империализма.

И в последующем каждый раз, когда империализм делал главную ставку на неоколониалистские методы раскола общееарабского антиимпериалистического фронта, на разжигание межарабских конфликтов, Ливан становился одним из наиболее горячих точек и опасных очагов напряженности на Ближнем Востоке. Так было вскоре после окончания израильской агрессии в 1967 году. Так произошло и в середине 70-х годов, после окончания октябрьской войны 1973 года. Разница между событиями 1958 и последующих годов была лишь в том, что обострение внутривосточной борьбы в 50-х годах привело к непосредственному вооруженному вмешательству США, а в 60-х и 70-х годах внутривосточные кризисы в стране сопровождались военными провокациями и агрессивными вылазками Израиля.

Эти кровавые события разыгрывались в Ливане, хотя он был единственной арабской страной, граничащей с Израилем, которая не принимала непосредственного участия в последних арабско-израильских войнах, несмотря на то, что эта страна исторически и традиционно считалась экономической и политической опорой Запада на Арабском Востоке, его торговым контрагентом и посредником, финансистом и в определенной степени проводником западной политики.

Эту роль Ливан играет благодаря своему географическому положению и исторически сложившимся религиозным, этническим и социальным особенностям состава населения. И дело не только в том, что Ливан — единственная страна, около половины населения которой немусульмане. Более важно то, что именно эта немусульманская часть занимает наиболее сильные экономические, торговые и финансовые позиции, ее представители имеют тесные и прочные связи с западным капиталом и занимают ключевые позиции в политическом и военном руководстве страны. Ливанские феодалы и богачи, как мусульмане, так и христиане, компрадорская торговая буржуазия и банкиры всегда были и остаются не только проводниками, но и защитниками интересов Запада. Однако они не могут абстрагироваться от той реальности, что Ливан все же относится к арабскому миру. С ним он связан кровно — и в экономической, и в культурной, и в политической сферах. В этой сложной ситуации правящая правохристианская верхушка страны старалась придерживаться принципа, сформулированного одним из ее лидеров: «Нам надо прислушиваться к Западу, но не забывая присматриваться к арабскому миру».

Руководствуясь этой формулой, ливанские правящие круги старались в ближневосточных делах придерживаться курса своеобразного нейтралитета с креном на Запад. Но всякий раз, когда этот крен становился слишком явным и заметным, ливанский народ, считающий себя органической частью общеарабского антиимпериалистического фронта, поднимался на борьбу против агентов и ставленников империализма. Так получилось и в конце 50-х годов, когда механизм «доктрины Эйзенхауэра» был впервые полностью использован именно в Ливане.

Правящая верхушка Ливана в лице прозападных лидеров — президента К. Шамуна и министра иностранных дел Ш. Малика сразу откликнулась на призыв присоединиться к «доктрине Эйзенхауэра».

Однако, прислушавшись к Западу и заверив его в послушании, Шамун и Малик пренебрегли общественным мнением страны. Вопрос о присоединении к доктрине был вынесен на обсуждение парламента. В канун заседания парламента ранним апрельским утром на рейде Бейрутского порта появился американский авианосец «Форрестол». Поднявшиеся с его палубы реактивные истребители с воем пронеслись над Бейрутом.

Взрывы от преодолеваемых ими воздушных барьеров угрожающе ухали и над Иорданией, где в этот момент завершался организованный американскими дипломатами переворот против законного национально-патриотического правительства Набулси. Министры правительства и депутаты парламента Ливана, прежде чем отправиться на заседание, были приглашены посетить американский авианосец. Нажим возымел действие: парламент одобрил присоединение к доктрине.

Но на следующий день многие бейрутские газеты вышли с большими красными аншлагами через всю первую полосу: «Парламент говорит «да», но народ говорит «нет»!» По всей стране развернулось массовое движение протеста против проимпериалистического правительства, которое, нарушив конституцию, с помощью фальсификации сумело на парламентских выборах в июне 1957 года добиться победы и продления полномочий президента Шамуна.

Как отмечают американские буржуазные исследователи Э. Фишер и М. Шериф Бассиоуни, «Даллес очень желал, чтобы Шамун остался на своем посту, ибо в арабском мире не было другого лидера, столь охотно поддающегося американским амбициям»¹. В дни выборов на рейде Бейрутского порта снова появились корабли 6-го флота США, а над крышами домов с ревом пронеслись американские реактивные самолеты.

Империализм и реакция не гнушались методами террора и запугивания. Они организовали 7 мая 1958 года убийство редактора и владельца газеты «Телеграф» Насиба Метни. Этот выстрел в прогрессивного ливанского журналиста послужил сигналом к народному вооруженному выступлению против прозападного правительства и американского вмешательства. Религиозная рознь, раздуваемая империалистами, оказалась на этот раз ненадежным барьером. Мусульмане вместе с христианами поднялись на вооруженную борьбу против слуг империализма, за свободу и независимость своей родины.

Во втором по величине городе страны — Триполи началось вооруженное восстание против реакционного режима Шамуна. Отсюда восстание быстро распространилось на весь Северный и Северо-Восточный Ливан. К повстанцам присоединилось трудовое население южных и горных районов страны, а также трудящиеся Бейрута, где выросли баррикады. «Народный гнев, — пишут Э. Фишер и М. Бассиоуни, — превратился в ярость. Толпы народа и полиция вели бои 1958 год не предвещал ничего хорошего для «доктрины Эйзенхауэра»².

Восстание приняло форму гражданской войны, но не между мусульманами и христианами. Оно носило ярко выраженный антиимпериалистический характер и имело уже тогда тенденцию

¹ Fisher E., Bassiouni M. Storm over the Arab World. Chicago, 1972, p. 36.

² Ibid., p. 138—139.

перерасти в социальную революцию против реакционной социальной структуры, за ликвидацию остатков колониализма, за слияние феодализма, компрадорства и клерикализма.

Майские события в Ливане вызвали тревогу в правящих кругах США и Англии. Сразу после начала восстания американский посол в Бейруте созвал секретное совещание с представителями реакционных сил в правительстве в целях принятия срочных мер в защиту Шамуна. Был усилен 6-й флот, в Восточное Средиземноморье переброшены дополнительные части морской пехоты. Из США в ФРГ в середине мая было переброшено авиационное соединение в составе 18 транспортных самолетов, каждый из которых мог принять на борт до 200 солдат. По сообщению «Нью-Йорк таймс», армейская группа США, дислоцировавшаяся в Западной Германии, была приведена в состояние боевой готовности для «возможных действий на Ближнем Востоке»¹. Таким образом, уже в тот момент правящие круги США планировали проведение прямой вооруженной интервенции.

Однако на первых порах в Вашингтоне решили пустить в ход дипломатические методы и подрывные действия, рассчитанные на разобщение ливанских прогрессивных сил. В этих целях американская реакционная печать и пропаганда, пытаясь замаскировать вмешательство США во внутренние дела Ливана, пустила в оборот версию о якобы «коммунистической угрозе» этой стране, изображая народное восстание в качестве результата действий «международного коммунизма» и вмешательства ОАР.

Одновременно США постарались укрепить внутренние реакционные силы в Ливане. На самолетах в Ливан доставлялись оружие, бомбы со слезоточивым газом и другие боеприпасы. Представитель госдепартамента откровенно заявил, что дополнительные поставки оружия имеют целью укрепить позиции Шамуна.

Однако ливанская армия не желала выступать в неприглядной роли карателей.

Тогда прибегли к разжиганию межобщинной розни, к использованию правохристианских реакционных сил. Вмешательство во внутриливанские дела проводилось под видом «посредничества». Эта политика сочетала приемы традиционного колониализма с элементами неоколониализма, военный, экономический и политический нажим.

Эти же методы с некоторыми коррективами неоколониализм использовал в полной мере в 70-х годах под предлогом той же «коммунистической угрозы» и борьбы против «палестинской оккупации Ливана». США на деле в широких масштабах осуществляли подрывную деятельность против Ливана и внутри

---

¹ The New York Times, 15. V. 1958.

самой страны, добиваясь установления и сохранения марионеточного режима. Американская политика вмешательства в гражданскую войну на стороне реакции вела к затягиванию конфликта, к поощрению сепаратистских тенденций в ущерб социальному прогрессу и развитию страны. Впоследствии империалисты, варьируя различные комбинации, не раз прибегали к военно-политическим методам колониальной экспансии в Ливан, стремясь при этом осуществлять враждебные арабам замыслы руками самих арабов и используя в своих целях право-христианскую реакционную верхушку.

Серьезные успехи повстанцев, получивших повсеместную поддержку трудового населения, вскоре показали, что ливанская реакция не сможет с ними справиться собственными силами. Поэтому уже 17 мая на совещании военного комитета Багдадского пакта было принято решение об оказании поддержки режиму Шамуна. В течение второй половины мая и в июне в Ливан на самолетах перебрасывались иракские солдаты и офицеры. Правительство Ирака выделило Шамуну крупную субсидию, а также оружие и боеприпасы. Однако всего этого оказалось недостаточно для подавления восстания, и сторонники Шамуна на протяжении всего этого времени неоднократно обращались за помощью к Арабской федерации.

Англия положительно отнеслась к планам интервенции в Ливан, поскольку рассчитывала таким образом укрепить свое влияние в этой стране. Вопрос о вторжении в Ливан «арабской армии» обсуждали в госдепартаменте США во время визитов в Вашингтон ведущих деятелей иракско-иорданской федерации. Для маскировки этих планов американская пропаганда развязала кампанию против Объединенной Арабской Республики, обвинив ее во «вмешательстве в дела Ливана». Несмотря на то, что с опровержением этой версии выступили видные ливанские деятели, правительство Шамуна обратилось в Совет Безопасности с жалобой на вмешательство ОАР. Между тем наблюдатели ООН, находившиеся на ливано-сирийской границе, и генеральный секретарь ООН должны были констатировать, что обвинение во вмешательстве ОАР не соответствует действительности.

В защиту суверенных прав ливанского народа с первых же дней обострения обстановки вокруг Ливана выступил Советский Союз. В опубликованном 19 мая 1958 года заявлении ТАСС говорилось, что «решение вопросов, касающихся ливанского государства, есть неотъемлемое право ливанского народа, и никакое другое государство не имеет права вмешиваться в эти дела»¹.

Тем не менее колонизаторы не хотели отказываться от своих планов. Империалисты рассчитывали, что им удастся подавить

---

¹ Правда, 1958, 19 мая.

восстание, используя арабские наемные войска, в первую очередь иракскую армию. Однако в середине июля повстанцы контролировали примерно две трети территории Ливана¹. Ход гражданской войны предвещал полную победу антиимпериалистических сил. В правящих кругах США и Англии видели, что им нужно торопиться, если они хотят предотвратить окончательное падение режима Шамуна. В штабах Багдадского пакта и иракско-иорданской федерации завершали подготовку военного вторжения в Ливан. Восстание в Ливане побудило империалистов впервые ввести в действие военный механизм «доктрины Эйзенхауэра» и Багдадского пакта. Шамун официально обратился к Ираку с просьбой о военной помощи, ссылаясь именно на Багдадский пакт. При активном участии американцев иракско-иорданские войска готовились к вступлению в Ливан, американские самолеты уже ожидали их для переброски по воздуху.

В течение мая—июня около тысячи иракских солдат и офицеров воздушным путем были доставлены в Ливан. Но этого было недостаточно для подавления восстания. В середине июля положение западных ставленников настолько ухудшилось, что в Вашингтоне и Лондоне сочли необходимым прибегнуть к вооруженной интервенции.

В роли главных интервентов должны были выступить войска Арабской федерации, то есть Ирака и Иордании. Империалисты обещали военное, политическое и экономическое обеспечение готовящейся операции. Израиль выразил также готовность оказать содействие в подавлении народного восстания в Ливане. Однако, памятуя уроки суэцкого кризиса, от его услуг решили воздержаться. Тем не менее от Тель-Авива было получено согласие на использование его воздушного пространства в экстренном случае. Таким образом, вооруженная интервенция в Ливан замышлялась как кульминация закулисного тройственного заговора империализма, реакции и сионизма, направленного не только против Ливана, но и против арабского революционного освободительного движения в целом.

«Доктрина Эйзенхауэра», являясь выражением пресловутой неоколониалистской политики «кнута и пряника», предусматривала под предлогом борьбы с «международным коммунизмом» применение военной силы США против некоторых «радикальных» арабских государств и предоставление американской военной и экономической «помощи» наиболее реакционным прозападным режимам. Идеальным для Вашингтона казался такой вариант, когда «кнут» оказался бы в руках тех, кто изъявил готовность получить американский «пряник» в качестве дивиденда к обязательствам, вытекавшим из принятия ими «доктрины Эйзенхауэра».

---

¹ См.: Современный Ливан. М., 1960, с. 132.

Однако тот, кто пытается повернуть колесо истории вспять, сам оказывается под ним. Так получилось и на этот раз. Империалистам снова пришлось взять «кнут» в свои руки, но его понадобилось пустить в ход не для наказания «радикальных», а для спасения именно тех реакционных правительств и режимов, которые согласились принять «доктрину Эйзенхауэра». Однако ее военный механизм был приведен в действие с опозданием, когда из создававшейся с таким трудом цепи Багдадского пакта выпало главное и единственное арабское звено, которое казалось империалистам самым надежным на Ближнем Востоке.

«Суэц позвал Багдад»

В Стамбуле готовилась пышная встреча иракского монарха. В июле 1958 года здесь должны были состояться с его участием два важных события: открытие сессии Багдадского пакта и женитьба молодого короля Фейсала на турецкой принцессе Фазиле, ведущей свою родословную, как утверждали стамбульские газеты, от османских султанов. Белоснежная королевская яхта, бросившая якорь в бухте Флорья на Босфоре, вечерами сияла разноцветными огнями. Оттуда доносилась музыка, вокруг нее сновали катера и лодки, доставлявшие все необходимое для готовившегося бала. В те дни турецкая печать предрекала, что предстоящее бракосочетание будет символизировать прочность военно-политического союза, окрещенного по месту его рождения Багдадским пактом, которому, как таинственно намекали тогда некоторые турецкие журналисты, предстояло этим летом выдержать серьезное испытание.

Прогнозы турецкой печати оказались отчасти пророческими. Это «серьезное испытание» Багдадский пакт не сумел выдержать, а намечавшийся брак не состоялся. Принцесса Фазиле и турецкие государственные деятели, выехавшие утром 14 июля на аэродром Ешилкей для встречи иракского монарха и его премьер-министра Нури Саида, так и не дождались высокопоставленных гостей.

Лишь к полудню стало известно, что короля Фейсала, его дядя регента Абдул Иляха и Нури Саида нет в живых. Иракского Хашимитского королевства больше не существовало. Багдадский пакт остался без Багдада.

Назначенная на 14—15 июля в Стамбуле сессия Багдадского пакта была отменена. Между тем именно она должна была установить точную дату вооруженного вторжения в Ливан, план которого уже детально был обсужден Нури Саидом в Вашингтоне и Лондоне. Империалисты не сомневались, что этот план будет утвержден У Вашингтона для этого были достаточно действенные рычаги. ведь к тому времени США являлись членами трех основных комитетов Багдадского пакта — экономического, по борьбе

с «подрывной деятельностью» и военного. Со вступлением в военный комитет США, по существу, стали одним из главных участников пакта и хотя официально не входили в его руководящий орган — Постоянный совет, играли в нем ведущую роль. Кроме того, Вашингтон оказывал непосредственное влияние на каждого участника пакта, используя двусторонние соглашения в рамках «доктрины Эйзенхауэра».

Еще до начала суэцкого кризиса США начали активно осуществлять военно-политическую экспансию в Ирак на основе подписанных в апреле и июле 1954 года американо-иракских соглашений, предусматривавших предоставление Ираку американской военной помощи. Королевское правительство Ирака обязалось быть верным союзником США и Англии, которая к тому времени все еще имела там наиболее прочные позиции. Посольство Великобритании в Багдаде определяло политику Ирака. Экономика страны в значительной степени также зависела от английского капитала, контролировавшего через «Ирак петролеум компани» (ИПК) и другие иностранные компании нефтяную промышленность Ирака. Специальная британская военная миссия держала под своим контролем иракские вооруженные силы. В апреле 1955 года правительство Нури Саида подписало с Англией соглашение, которое фактически передавало иракскую армию под командование британских военных инструкторов. Англия обязалась также предоставить по требованию иракского правительства в его распоряжение свои вооруженные силы для защиты от «агрессии». Хотя формально британские военные базы в Хаббании и Шуайбе были переданы правительству Ирака, английские военно-воздушные силы получили право пользоваться ими и совершать полеты над всей территорией страны.

Во время «тройственной» агрессии против Египта правительство Нури Саида в соответствии со своими обязательствами не препятствовало использованию иракских аэродромов английскими боевыми самолетами.

После провала «тройственной» агрессии США усилили свое проникновение в Ирак. С помощью заключенного в 1955 году соглашения о предоставлении Ираку американской военной помощи США сумели значительно укрепить свои военные и политические позиции в стране. Группа американских военных советников в Ираке к 1958 году насчитывала 85 человек и находилась в непосредственном подчинении у главнокомандующего американскими вооруженными силами в Европе. С принятием Ираком «доктрины Эйзенхауэра» возросла и роль американской дипломатии в определении внутренней и внешней политики страны. Если англичане использовали Ирак для укрепления своих пошатнувшихся позиций в Иордании, то США использовали для усиления своего влияния в Ираке Саудовскую Аравию, добываясь сближения в своих интересах Багдада и Эр-Рияда.

После потери Англией Суэца Багдад стал оплотом империалистической политики на всем Ближнем и Среднем Востоке. В Багдаде размещались все постоянно действующие органы пакта, в том числе его военный комитет. В Ираке, а также в других странах — участницах пакта во время маневров и в случае «резкого обострения обстановки» могли приземляться и базироваться эскадрильи американских бомбардировщиков.

Поскольку интервенция против Ливана была предрешена и оставалось лишь назначить дату, а точнее, санкционировать ее, то начальник генштаба иракской армии уже заранее получил приказ направить две бригады в Иорданию и подготовить их для переброски в Ливан. Такова была схема сценария империалистов, которую, однако, им не удалось реализовать.

В Ираке уже в течение длительного времени назревала революционная ситуация. Еще в октябре — ноябре 1956 года, в период суэцкого кризиса и «тройственной» агрессии, по всей стране прокатились манифестации протеста против политики колонизаторов и их прислужников. В ответ на кровавый террор Нури Саида иракский народ поднялся на восстание, которое продолжалось около двух недель. Хотя оно и было подавлено войсками и полицией, но не прошло бесследно. В результате переговоров между представителями Иракской коммунистической партии, Национально-демократической, Баас и Партии независимости в феврале 1957 года был образован фронт национального единства.

Социальная база оппозиции реакционному режиму была весьма широкая: трудящиеся города и деревни, учащаяся молодежь, интеллигенция, национальная буржуазия. В Ираке создались объективные предпосылки для буржуазно-демократической революции. События ускорили созревание революционного процесса. С помощью Багдада империалисты хотели взять реванш за Суэц, сделать его оплотом арабской контрреволюции. Но Багдад, подняв знамя революции 14 июля 1958 года, стал, по выражению французского публициста Росси, «вторым Суэцем». Иракские войска, получившие приказ двигаться в Иорданию, а затем в Ливан для подавления народного движения, направились в Багдад и свергли монархию. Выступление армии встретило широкую поддержку народных масс.

«Суэц позвал Багдад» — так назвал Пьер Росси посвященную этим событиям главу своей книги «Ирак повстанцев». «Два года физической жизни, которые были им (монархии и ее прислужникам — Л. М.) еще отпущены, — пишет Росси, — оказались лишь отсрочкой для тщетной суеты... Уже к концу 1956 года королевский режим оказался в полной изоляции. Даже иракская буржуазия, которую он обогатил, не решалась афишировать свою верность. В шикарных салонах деловых людей на самом видном месте устанавливались портреты египетского президента подполковника Насера, который превратился в подлинного кумира Ирака. Над Хашимитами (королевской семьей) открыто насме-

хались. Армия чувствовала себя морально подавленной. Генерал Касем позднее признался, что именно с того момента он стал серьезно думать о революции и начал устанавливать контакты не только с единомышленниками в армии, но и с представителями гражданской оппозиции»¹.

Багдадский пакт лишился самого важного для империалистов звена. В результате оказалась разорванной вся цепь военных союзов на Ближнем и Среднем Востоке, иракско-иорданская федерация рухнула. Позиции феодализма как важнейшей социальной опоры колонизаторов пошатнулись во всем этом регионе. Это было второе после национализации Суэцкого канала тягчайшее поражение империализма и колониализма на Арабском Востоке.

Революция в Ираке явилась, по признанию западных авторов, полной неожиданностью для империалистов. Подъем национально-освободительного движения в Египте, в странах Магриба, в Сирии, Иордании и даже в Ливане еще можно было объяснить тем, что все эти страны представляют собою слабые звенья, уязвимые места колониальной системы. Но Ирак был тогда главной опорой колонизаторов, считался самым прочным и надежным звеном колониальной системы на Ближнем и Среднем Востоке. Именно поэтому иракская революция оказалась для империалистических кругов особенно ощутимым ударом и в политическом, и в экономическом, и в военном отношениях. События наглядно показали, что американский курс в этом регионе, основанный на «доктрине Эйзенхауэра», в такой же степени мало отвечает реальности и бессилён изменить ее, как и колониалистская англо-французская политика.

Возрождение «дипломатии канонерок»

Июльская революция в Ираке означала для империалистов крах их попыток остановить революционно-освободительный процесс в арабском мире с помощью местной реакции. Но они не хотели мириться с поражением. Пренебрегая свежими и, казалось, столь наглядными уроками суэцкого кризиса, империалисты снова прибегли к обанкротившимся военным методам колониализма — к «дипломатии канонерок». То, чего им не удалось добиться в 1956 году с помощью операций «Мушкетер» и «Кадеш», они в июле 1958 года попытались осуществить, начав почти одновременно в Ливане и в Иордании операции «Синие летучие мыши» и «Золотая рыбка»

Романтические названия этих операций никак не соответствовали их коварным замыслам и агрессивным целям. В течение

---

¹ Rossi P. L'Irak des révoltes. Paris, 1962, p. 235, 244.

трех дней после революции в Багдаде под дулами американских кораблей, вплотную подошедших к берегам Ливана, и прикрытием сотен самолетов в Ливане были высажены морские десанты. Их общая численность — около 17 тысяч — превышала численность всей ливанской армии. Утром 17 июля английская парашютная бригада «Красные дьяволы» была десантирована в Иордании.

Одновременно подкрепления английских войск прибыли в Аден, Кувейт, Оман, на Бахрейн. Всего в этот период на Ближнем Востоке США и Англия сосредоточили сухопутные войска численностью около 70 тысяч человек. На военно-воздушных базах, а также на авианосцах находилось в общей сложности около тысячи самолетов, а в военно-морских силах — до 120 боевых и десантных кораблей. Американские самолеты и корабли были снабжены атомным оружием¹. Масштабы военных акций и приготовлений были на этот раз еще более широкими, чем во время «тройственной» агрессии против Египта в 1956 году.

Оккупировав, по существу, Ливан и Иорданию, англо-американские интервенты собирались двинуться на Ирак, а затем, возможно, и на Сирию. Высадка десантов в Ливане и Иордании должна была стать лишь прелюдией к более широкой агрессии, преследовавшей цель задушить иракскую революцию и остановить арабское национально-освободительное движение. Западные державы не скрывали тогда этих целей. О них цинично говорили сами интервенты. «Мы здесь затем, чтобы закончить то, что мы начали в Суэце», — заявил американскому корреспонденту командир одного из подразделений английской парашютной бригады, высадившейся в Иорданию.

Впервые после суэцкого кризиса США и Англия выступили на Ближнем Востоке сообща. Общие интересы колонизаторов по подавлению арабского национально-освободительного движения возобладали над их соперничеством. Правительства обеих этих держав стремились с помощью чисто колониальных методов обеспечить нефтяные интересы монополий, удержать политические и военные позиции неокOLONиализма. По существу же это был обновленный вариант «тройственной» агрессии, поскольку Израиль тоже был ее косвенным соучастником.

Из ставшего известным позднее официального документа — телеграммы представителя монархического Ирака в ООН — выяснилось, что еще в конце июня Израиль выразил согласие на проход через его территорию иракской дивизии в Ливан. А накануне революции в Ираке на закрытом заседании израильского кабинета министров было принято решение об участии Израиля в запланированном в рамках Багдадского пакта вторжении в Ливан. В американских штабах, очевидно, считали, что Израиль

---

¹ См.: Международные отношения после второй мировой войны, т. 3. М., 1965, с. 622.

тогда еще не был готов к «большой войне», но, видимо, допускали его соучастие в подавлении национально-освободительного движения вместе с силами арабской реакции. После начала англо-американской интервенции через территорию Израиля перебрасывались войска и оружие агрессоров в Иорданию

С самого начала интервенции проявлялось стремление западных держав придать ей широкие масштабы. США, не ограничиваясь выступлением против Ливана, имели в виду распространить свое вооруженное вмешательство и на Иорданию. Командующий 6-м флотом США откровенно заявил тогда, что американские военно-морские силы готовы оказать Иордании такую же «помощь», как и Ливану. Этот рецидив «дипломатии канонеров» наглядно раскрывал действительные цели «доктрины Эйзенхауэра» как орудия неокOLONиализма

Как США, так и Англия всячески старались использовать пребывание своих войск на ливанской и иорданской территории для подавления прогрессивных сил и укрепления своих позиций, для самого бесцеремонного вмешательства во внутренние дела этих стран. В условиях английской оккупации в тюрьмы и концлагеря были посажены сотни иорданских патриотов. Британская военная миссия снова поставила под свой контроль иорданскую армию.

В Ливане американские оккупационные войска открыто подержали реакцию. Представители США осуществляли прямое вмешательство в выборы нового президента, что делал, в частности, эмиссар госдепартамента Мэрфи, прибывший с этой целью в Ливан. Поддерживая реакционные группировки, США фактически разжигали в своих интересах гражданскую войну в стране.

В этой исключительно острой, можно сказать, переломной для судеб всех арабских народов ситуации, как и в период «тройственной» агрессии, с особой силой и эффективностью проявилась принципиальная внешняя политика Советского Союза. В заявлении Советского правительства от 16 июля 1958 года было указано, что истинной причиной вооруженной интервенции США в Ливане является желание сохранить колониальную систему в странах Ближнего и Среднего Востока. Правительство СССР высказалось за то, чтобы в рамках ООН были приняты незамедлительные и решительные меры для пресечения интервенции и для защиты национальных интересов арабских государств, подвергшихся неспровоцированной агрессии. Советское правительство подчеркнуло, что Советский Союз не может оставаться безучастным к событиям, создающим серьезную угрозу миру в районе, прилегающем к его границам, и оставляет за собой право принять необходимые меры, диктуемые интересами мира и безопасности.

Аналогичное заявление было сделано Советским Союзом 18 июля в связи с английской интервенцией в Иордании. Эти

акции внешней политики СССР имели самое серьезное значение. 19 июля Советское правительство выдвинуло предложение о созыве совещания глав правительств СССР, США, Англии, Франции, Индии при участии генерального секретаря ООН для обсуждения действий США и Англии и скорейшего вывода их войск с территории Ливана и Иордании. Англо-американскую интервенцию решительно осудили также другие страны социализма. Выступая в Совете Безопасности ООН, представитель СССР показал, что вторжение английских войск в Иорданию, последовавшее за американской интервенцией в Ливане, свидетельствует о сговоре между США и Англией с целью подавления национально-освободительного движения в арабских странах.

В те дни американская дипломатия сбросила с себя маску дружелюбия, прикрываясь которой США еще совсем недавно заверяли арабские страны в своем «бескорыстном» отношении к ним. США отклонили советское предложение провести в Женеве или в ином любом месте совещание глав правительств пяти государств при участии генерального секретаря ООН. Под специальной декларацией участников лондонской сессии Багдадского пакта, одобрявшей агрессию, стояла подпись государственного секретаря США Даллеса

На чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в августе 1958 года столкнулись два диаметрально противоположных курса политики на Ближнем Востоке. Делегация СССР выступила с программой разрядки международной напряженности в этом регионе и потребовала немедленного вывода войск интервентов из Ливана и Иордании. Западные державы всячески стремились отвлечь внимание от этого главного вопроса. США и Англия хотели провести через Совет Безопасности решение о создании «Вооруженных сил ООН по поддержанию мира на Ближнем Востоке» и тем самым подвести юридическое оправдание под агрессию. Однако этот маневр не удалось осуществить.

Попытки США оправдать свои агрессивные действия не нашли поддержки в ООН. Генеральная Ассамблея единогласно одобрила внесенный 21 августа десятью арабскими государствами проект резолюции, в котором генеральному секретарю ООН было поручено предпринять практические шаги по поддержанию целей и принципов ООН в отношении Иордании и Ливана. За эту резолюцию вынуждены были голосовать и делегации стран-агрессоров, которые оказались в полной изоляции.

В конце сентября, воспользовавшись новым обострением внутривосточной обстановки в Ливане, США предложили свое «посредничество» в переговорах между законным ливанским правительством и заговорщиками-реакционерами. Ливанская общественность расценила эти действия США как открытое нарушение суверенитета страны. В начале октября реакционные силы

спровоцировали вооруженные столкновения с ливанской армией и пытались организовать антиправительственный путч.

Этой ситуации США и добивались, для того чтобы, вопреки резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, продолжить агрессию. 9 октября в Бейрут были введены американские войска, практически поддерживавшие реакционные силы. Под давлением США и их ставленников законное правительство вынуждено было подать в отставку. Однако и в новом кабинете при поддержке американской дипломатии реакционные круги сохранили определенные позиции. Таким образом, американская интервенция и оккупация, проходившие под предлогом «помощи» Ливану, на деле служили интересам колонизаторов и их ставленников. Ту же роль сыграли британская интервенция и оккупация Иордании.

Но оставить свои войска в этих арабских странах США и Англии не удалось. Дело интервентов было проиграно. Требования ливанских и иорданских народных масс, поддержанные всей мировой прогрессивной общественностью, вынудили империалистов выполнить решение ООН. 25 октября США завершили вывод войск из Ливана, а 2 ноября последние английские солдаты покинули территорию Иордании. Планы США и Англии по удушению национально-освободительного движения в этих странах и расширению агрессии против Ирака и Сирии были сорваны.

Крах англо-американской интервенции еще раз показал, что после Суэца военные методы империализма бессильны остановить арабское национально-освободительное движение. Это нашло свое выражение и в бесславной участи Багдадского пакта, на руинах которого год спустя была создана Организация центрального договора (СЕНТО). В последующий период попытки вовлечь в нее арабские государства также оказались тщетными. Выявились и полное банкротство «доктрины Эйзенхауэра». Показательно, что уже 10 декабря 1958 года правительство Ливана официально отказалось от нее. Это был как бы финальный аккорд провалившейся интервенции.

Попытка британского империализма взять реванш за Суэц оказалась тщетной, даже несмотря на совместные действия с империализмом США. Слова английского офицера-оккупанта о том, что интервенты высадились в 1958 году для того, чтобы завершить начатое в Суэце дело, обернулись совсем не тем смыслом, который вкладывали в них империалисты. Крах их новой авантюры, можно сказать, ознаменовал закат военного и политического колониализма в арабском мире от Атлантического океана до Персидского залива. Вслед за ликвидацией английских военных баз в Ираке после расторжения им в марте 1959 года соглашения о «военной помощи» с Англией были ликвидированы в 1961 году английский протекторат и военные базы в Кувейте, в 1962 году после продолжительной кровопролитной борьбы завоевал свободу народ Алжира, несколько ранее полу-

чили независимость Тунис и Марокко, где также вскоре были ликвидированы иностранные военные базы

Вместе с тем вывод англо-французских и израильских войск из Египта, вынужденный уход американских и английских интервентов из Ливана и Иордании, а также срыв планов организации вооруженной интервенции против Иракской Республики и Сирии еще раз подтвердили роль Советского Союза как надежного и прочного оплота в борьбе арабских народов за их свободу и независимость.

«Империализм в дворцах буржуазии»

После провала попыток неокOLONиализма укрепить свои позиции на Ближнем Востоке при помощи методов военного колониализма империалисты не сразу дали «зеленый свет» Тель-Авиву для развязывания новой, по сути дела, тоже колониальной агрессии против арабов. К этому крайнему средству они вынуждены были прибегнуть, убедившись в том, что их неокOLONиалистские ставки на использование антикоммунизма и антисоветизма, межарабских конфликтов и противоречий, а также реакционных заговоров оказались несостоятельными.

Хотя объединение Египта и Сирии в 1958 году объективно было продиктовано прежде всего мотивами совместной антиимпериалистической борьбы против происков неокOLONиализма, крупная египетская буржуазия рассматривала создание ОАР прежде всего как средство завоевания нового рынка и подчинения сирийской экономики. Уже в тот период наглядно проявилась реакционность и антисоветизм крупной египетской буржуазии и ее неспособность возглавить движение арабского единства на антиимпериалистической основе.

Естественно, всем этим не замедлили воспользоваться империалисты, которые в тактических целях стали заигрывать с Каиром. Правительство США добилось даже в этот период принятия закона о продаже Египту излишков пшеницы.

Однако и империалисты, и реакция сразу же изменили свое отношение к Насеру, как только убедились в неизменности его стратегического курса, направленного на углубление социально-экономических преобразований в обоих районах ОАР и на расширение всестороннего сотрудничества с социалистическими странами.

Реакционные силы, поощряемые империализмом, попытались вскоре перейти в контрнаступление. Воспользовавшись некоторыми ошибками, допущенными руководством ОАР при осуществлении ряда политических и экономических реформ без учета специфических условий Сирии, высшие офицеры сирийской армии, связанные с правыми буржуазными кругами, 28 сентября

1961 года совершили государственный переворот, после которого было объявлено о выходе Сирии из ОАР.

За спиной организаторов переворота стояли силы неокOLONиализма и арабской реакции. Позднее король Саудовской Аравии Сауд признался Насеру, что на организацию государственного переворота в Сирии им было выделено 12 миллионов фунтов стерлингов¹. Не столько размер суммы, сколько сам этот факт весьма красноречив

Египетская буржуазия активно противодействовала всем прогрессивным социальным и экономическим преобразованиям в стране, переводя нажитые ею огромные капиталы в заграничные банки. Усилившееся сопротивление буржуазии осуществлению принятых в июле 1961 года декретов о национализации банков и крупных промышленных предприятий, а также о проведении аграрной реформы заставило руководителей ОАР признать наличие классов и классовой борьбы в египетском обществе. Опыт борьбы с империализмом и внутренней реакцией показал Насеру, на кого надо ориентироваться и опираться в борьбе за укрепление национальной независимости и углубление революции

Совершенный сирийской буржуазией переворот наглядно показал ему реакционную сущность буржуазии, связанной с иностранным капиталом и неокOLONиализмом. Вот почему в своем выступлении 16 октября 1961 года Насер признал, что он переоценил свои силы и недооценил силы реакции, боролся против империалистических пактов и баз, в то время как империализм находился также в дворцах буржуазии². Как показали последующие события, империализм в неокOLONиалистском обличье находился не только в дворцах богачей, но и сумел замаскироваться в структуре самого государства, с тем чтобы потом ее размыть и повернуть революцию вспять

Национально-освободительная революция в Египте в 1961—1962 годах вступила в новый этап с ярко выраженной антиимпериалистической и антикапиталистической направленностью. Это было зафиксировано в обнародованной президентом Насером в мае 1962 года Национальной хартии. В ней был обобщен опыт антиимпериалистической борьбы не только египетского, но и других арабских народов. Важное значение имеет содержащийся в Хартии вывод о том, что арабские и другие освобождающиеся страны могут преодолеть свою отсталость и укрепить независимость не на пути капиталистического развития, а только при помощи социалистических преобразований и последовательной борьбы против империализма

«Научный социализм,— записано в Хартии,— это благоприятная форма для открытия правильного пути к прогрессу. Любой другой путь не может обеспечить желанный прогресс... Капитал

¹ *Heikat M. Nasser. The Cairo Documents*, p. 168.

² См.: *Насер Г. А. Проблемы египетской революции. Избранные речи и выступления 1952—1970 гг.* М., 1979, с. 74.

в своем естественном развитии в стране, которая была принуждена к отсталости, не в состоянии больше повести к экономическому подъему в то время, когда в развитых странах выросли крупные капиталистические монополии, опирающиеся на эксплуатацию богатств в колониях»¹. Из этого главного вывода логически вытекает не менее важный вывод о неразрывности и взаимосвязи борьбы против империализма на международной арене и против «эксплуататорского капитала» внутри страны.

В числе основных внешнеполитических принципов в Хартии выдвигались положения о необходимости ведения борьбы против империализма и колониализма, за ликвидацию иностранных военных баз на территории стран Азии и Африки, а также оказание помощи всем арабским и африканским народам, борющимся за свободу и независимость.

Провозглашенные Хартией принципы египетское руководство, возглавляемое Насером, осуществляло на деле. Египет превратился тогда в центр и опору антиимпериалистической борьбы народов Арабского Востока и Африки. Активно поддерживая национально-освободительное движение в этом регионе, Каир внес большой вклад в победу алжирской революции. Он оказывал в различные периоды значительную материальную и моральную помощь борющимся народам Марокко, Судана, Иордании, Ирака, Сирии, юга Аравийского полуострова.

Не случайно получившее распространение в тот период во многих арабских странах движение «насеризма» ассоциировалось в умах арабов прежде всего как движение за арабское единство на антиимпериалистической основе.

Насер был душой и главным инициатором укрепления арабской солидарности и развития межарабского сотрудничества не только в политической и культурной сфере, но и в военно-экономической области. Именно в Египте состоялась первая и вторая конференции глав арабских государств (январь и сентябрь 1964 года), на которых были приняты важные решения и резолюции, касающиеся координации действий и политики в борьбе с империализмом и сионизмом.

Созванная по инициативе Насера в Касабланке третья конференция в арабских верхах (сентябрь 1965 года) приняла важный документ — «Пакт арабской солидарности» — как дополнение к Уставу Лиги арабских стран. В этом пакте, вдохновителем которого был президент Насер, были зафиксированы основные принципы общеарабской стратегии в борьбе против империализма и сионизма.

Вместе с тем Насер, сознавая важную роль Египта как ведущей тогда арабской страны, обладающей наиболее значительным военно-экономическим потенциалом и самым многочисленным населением в арабском мире, старался эффективно и гибко исполь-

---

¹ Цит. по: *Мирский Г. И.* Арабские народы продолжают борьбу, с. 50.

зывать все эти возможности не только для оказания поддержки арабским народам, борющимся за свободу и социальный прогресс, но и для разрешения межарабских конфликтов, которые ослабляли общеарабский фронт борьбы против империализма.

При решении всяких конфликтов и споров, а также урегулировании кризисных ситуаций в арабском мире Насер подходил к ним с критерием, насколько они способствуют или мешают борьбе с империализмом, являются ли они ответвлением этой борьбы или становятся помехой в проведении стратегического курса антиимпериалистической борьбы против колониализма и неоколониализма во всех их формах.

Это особенно наглядно проявилось в процессе развития и урегулирования йеменского кризиса, разразившегося после того, как в Сане 27 сентября 1962 года была свергнута монархия и провозглашена Йеменская Арабская Республика.

«Счастливая Аравия» борется за счастье

В древности Йемен из-за благоприятных природных и климатических условий называли «Счастливой Аравией». Йемену, казалось, повезло и в эпоху начавшейся империалистической экспансии на Арабский Восток. Он был одной из немногих арабских стран, не покоренных колонизаторами. Но народ этой древней страны никак нельзя было назвать счастливым. В ней господствовал один из самых реакционных и деспотических режимов в арабском мире.

Совершенный группой «Свободных офицеров» во главе с Абдаллахом ас-Салялем переворот, который 27 сентября 1962 года низвергнул с трона имама Мухаммада аль-Бадра, сразу нашел всенародную поддержку. Это был не обычный дворцовый переворот, а революция, открывавшая стране путь из средневековья в XX век, к социальному прогрессу. Это вынуждены были признать буржуазные западные журналисты, которые отмечали, что республиканцы за несколько месяцев после прихода к власти сделали для народа больше, чем королевский режим за столетие: в стране немедленно было отменено рабство, конфискованы поместья имама, а его лучшие земли были распределены между феллахами или отданы государственным фермам, было увеличено более чем в два раза число школ, стали выпускаться газеты.

Руководители йеменской революции не скрывали, что их вдохновлял пример египетской революции и ее идеалы. Империалисты понимали, что сквозь пробитые сначала иракской, а затем йеменской революциями бреши ветры свободы и великих перемен могут прорваться и в те нефтяные королевства и шейхства, на которых зиждилась вся разваливавшаяся система коло-

ниализма на Арабском Востоке. Ведь Йемен находится в самом центре «нефтяной империи» Запада. Йеменская революция угрожала последним бастионам колониализма на юге Аравийского полуострова и могла оказаться заразительным примером для Саудовской Аравии и других арабских монархических государств.

Вот почему силы империализма и арабской реакции сразу ополчились против йеменской революции. Саудовская Аравия при поддержке США и Великобритании повела настоящую войну за реставрацию монархии в Йемене, возлагая надежды на спасшихся бегством из Саны имама аль-Бадра и его дядю эмира Хасана бен Яхья. Сформированные в приграничных районах Саудовской Аравии банды контрреволюционеров и наемников вторглись и оккупировали значительную часть северных провинций Йемена, на юге также действовали отряды наемников, которые совершали набеги с территории Адена и поддерживались английскими войсками и военными формированиями марионеточной Федерации Южной Аравии.

Монархисты использовали также наемников-европейцев. Не отрицая самого этого факта, американский журналист Д. Шмидт пытался представить дело так, будто эти наемники выполняли лишь «инструкторские функции» и использовались как «военно-технический персонал»¹.

Впоследствии неопровержимыми фактами было доказано непосредственное участие в йеменской войне на стороне монархистов не только европейских, но и американских наемников.

Английский полковник Стирлинг создал под видом руководимой им торговой фирмы «Уочгард интернэшнл» специальную службу, которая в тесном взаимодействии с американцами и саудовцами устраивала диверсии. Руководил действиями этого «отряда особого назначения» английский майор Б. Милс.

Молодая йеменская республика вела войну сразу на нескольких фронтах против роялистов, наемников и интервентов. За их спиной стояли не только английские колонизаторы, но и американские неокolonизаторы США, объявив формально о своем нейтралитете, оказывали всестороннюю помощь королю Сауду в формировании, вооружении и засылке наемных банд и подкупленных племен с территории Саудовской Аравии. Помощь оказывалась не только деньгами и оружием. Позднее стало известно о прямом участии американских инструкторов и летчиков в интервенции против Йеменской Арабской Республики.

Когда несколько саудовских летчиков перешли на сторону республиканцев, их заменили американские пилоты, которые перебрасывали на военно-транспортных самолетах США оружие и отряды наемников к северным границам Йемена.

Даже после установления дипломатических отношений с ИАР США не прекращали подрывной деятельности против рес-

---

¹ Schmidt D. Yemen: The Unknown War. London, 1968, p. 217.

публиканского режима По специальному решению Совета национальной безопасности США была организована массовая доставка американского вооружения монархистам и наемникам. Огромные склады американского и английского военного снаряжения, боеприпасов и ремонтные мастерские были созданы в районе Хариба. Американский персонал в Санае оказывал содействие монархистам в организации диверсий и террористических актов. В августе 1965 года в одном из кинотеатров Саны взорвалась бомба замедленного действия, которую, как потом выяснилось, доставил американский инженер, агент ЦРУ, работавший в Йемене на строительстве дороги.

В тяжелые для Йеменской Арабской Республики дни большую помощь оказал ей Египет. В соответствии с заключенным 10 ноября 1962 года соглашением о взаимной обороне президент Насер послал в Йемен египетские войска, которые совместно с вооруженными силами ЙАР нанесли ряд сокрушительных ударов по силам наемников и контрреволюционеров. Объединенные войска ЙАР и Египта одерживали одну победу за другой в различных районах страны. Наемники и ополченцы из мятежных племен переходили на сторону республики. Ход военных действий изменился в пользу республики. В этих условиях Саудовская Аравия вынуждена была отказаться от открытой интервенции. Роялистские войска перешли к партизанским действиям. Гражданская война в Йемене приняла затяжной характер. Только к концу 1963 — началу 1964 года республиканским войскам совместно с египетскими подразделениями удалось освободить от роялистов важнейшие районы и города на севере и востоке страны. Но и после этого республиканскому Йемену приходилось держать значительные силы не только в приграничных с Саудовской Аравией районах, откуда банды роялистов и наемников периодически совершали набеги, но и на границах с английскими протекторатами, где колонизаторы и их наемники постоянно провоцировали вооруженные столкновения и пограничные инциденты.

Правительство ЙАР неоднократно заявляло протесты и обращалось с жалобами в Совет Безопасности ООН по поводу агрессивных действий Великобритании и ее марионеток на южных и восточных границах республики. Советский Союз и другие социалистические страны активно поддерживали борьбу республиканского Йемена не только на политической арене, но и оказывали ему всестороннюю помощь.

Длительная гражданская война, непрекращающиеся заговоры, острые разногласия в республиканском руководстве, а также вооруженные провокации на границах республики привели к тяжелому экономическому положению и до предела обострили внутривнутриполитическую обстановку в стране.

В ноябре 1964 года, после вступления на трон Саудовской Аравии короля Фейсала, сменившего Сауда, было достигнуто

соглашение о прекращении огня в Йемене, но уже через два дня военные действия в стране возобновились. Обстановка там долго еще не могла стабилизироваться. Поэтому египетские войска оставались в Йемене и последующие три года.

В результате империалистических происков в стране то и дело вспыхивали новые мятежи и антиправительственные заговоры. Один из таких заговоров был организован в августе 1966 года, однако он был подавлен силами верных правительству частей и египетских войск. В середине 1967 года вновь возобновились вооруженные выступления мятежников-монархистов и наемников. Одновременно усилился нажим на ЙАР со стороны арабских реакционных сил, под нажимом которых правительства Иордании и Туниса взяли обратно свои заявления о признании республиканского строя в Йемене¹.

Но несмотря на все происки империализма и заговоры реакции, республиканский режим в Йемене устоял. Более того, случилось именно то, чего так боялись империалисты и реакционеры. Победа революции в Северном Йемене ускорила крушение колониализма и феодализма на юге Аравии, где вскоре родилась еще одна независимая арабская страна — Народная Демократическая Республика Йемен, начавшая движение по пути прогресса и строительства подлинно счастливой Аравии.

От военных переворотов к революционному повороту

Реакционный буржуазно-помещичий переворот в сентябре 1961 года, приведший к расколу ОАР и выходу из нее Сирии, был не первым и не последним в политической жизни страны. После вывода из Сирии в 1946 году войск колонизаторов в стране чуть ли не ежегодно происходили государственные перевороты или попытки военных путчей. Они осуществлялись руками военных. Но за кулисами этих переворотов в большинстве случаев действовали буржуазные политики, связанные с империалистическими и арабскими реакционными кругами, пытавшимися в условиях постоянной нестабильности помешать молодой республике развиваться по пути укрепления национальной независимости и экономической самостоятельности, по пути социального прогресса.

Кто заказывал эти перевороты и путчи, тот и диктовал их исполнителям соответствующие «правительственные программы» и «заявления».

Пришедшие после сентябрьского переворота к власти буржуазные правительства, возглавляемые Маамуном Кузбари, затем

---

¹ См.: *Котлов Л. Н. Йеменская Арабская Республика (Справочник)*. М., 1971, с. 210.

Мааруфом Давалиби, Баширом аль-Азме и Халедом Аземом, постелили в первую очередь возратить помещикам отобранные у них земли, а капиталистам — национализированные Насером предприятия и акционерные компании. Восстановлены были антидемократические законы, ограничившие свободу партий, профсоюзов и печати. Крестьяне сгонялись с земель, переданных им по аграрной реформе.

Казалось, буржуазия, помещики, дельцы, политиканы могли праздновать победу. Однако их торжество было преждевременным. Страна, начавшая движение по пути прогресса, не хотела возвращаться назад. Народные массы требовали проведения последовательного антиимпериалистического курса и осуществления глубоких социально-экономических преобразований.

Не прошло и полугода после сепаратистского переворота, как последовали новые военные мятежи. один — в Дамаске, другой — во втором по величине сирийском городе Халебе. Они сопровождались массовыми демонстрациями трудящихся — рабочих, крестьян, интеллигенции, студентов, — которые настаивали на продолжении аграрной реформы и осуществлении прогрессивных декретов, провозглашенных в свое время Насером. Офицеры, взявшие власть в Халебе, потребовали немедленного объединения Сирии с Египтом.

Напуганные новым подъемом демократического движения и перспективой укрепления арабского единства на антиимпериалистической основе, силы неокOLONиализма вновь пришли в движение. На рейде Бейрута, как всегда в подобные периоды, появились корабли 6-го флота США, другая его часть находилась поблизости от берегов Сирии и Ливана. Израильская военщина участвовала вооруженные провокации против Сирии. Заметно возросла напряженность на границах Сирии с Иорданией и Турцией. Но империалистам приходилось учитывать уроки прошлого, тем более в условиях, когда демократические и прогрессивные силы в Сирии окрепли, когда они могли опереться на поддержку всего арабского освободительного движения, на мощь стран социалистического содружества Советский Союз, который первым из великих держав признал независимую Сирию, на основе подписанных к тому времени соглашений о развитии сотрудничества между двумя странами оказал ей значительную помощь в укреплении экономической независимости и военного потенциала страны.

После серии военных переворотов, правительственной чехарды, парламентских интриг и политических заговоров в марте 1963 года власть в Сирии взяла партия Баас (ее полное название — Партия арабского социалистического возрождения — ПАСВ). Эта партия пришла к власти и в Ираке и в Сирии под лозунгом «Единство, свобода, социализм!» Однако внутри самой партии как в Ираке, так и в Сирии этот лозунг трактовался по-разному. Ее правые лидеры, основатели партии — Мишель Аф-

ляк, Салах Битар и их сторонники подчеркивали прежде всего буржуазно-националистическую сущность арабского единства и затушевывали его антиимпериалистическую и социальную направленность. Именно проповедуемые ими взгляды идейно обосновывали и оправдывали реакционный сепаратистский переворот в Сирии и отдельные эксцессы антикоммунизма. Правобаасистские лидеры вместе с сирийской буржуазией пошли в 1958 году на объединение с Египтом и готовы были сотрудничать с Насером до тех пор, пока он выступал лишь как знаменосец арабского национализма, рассчитывая с его помощью не допустить укрепления левых сил в стране. Но как только египетское руководство начало осуществлять радикальные социально-экономические преобразования в Сирии, они пошли на разрыв с ним. Позднее сирийское руководство, преодолевая сопротивление сторонников Афляка и Битара, сделало необходимые выводы и, учитывая настроения широких народных масс, продолжило начатые ранее прогрессивные преобразования. Уже в конце 1964 — начале 1965 года при активной поддержке левых сил страны оно национализировало все банки, страховые компании, до 80 процентов промышленных предприятий, нефтяные и минеральные ресурсы страны, а также иностранные нефтяные компании, занимавшиеся сбытом нефтепродуктов.

Сирия была первой арабской страной, национализировавшей свои природные богатства и нанесшей тем самым серьезный удар по позициям иностранного капитала. Среди национализированных иностранных компаний были также крупнейшие империалистические нефтяные монополии «Сокони вакуум», «Шелл» и «Эссо», которые покрывали своими поставками до 67 процентов спроса местного рынка в нефтепродуктах. Под контроль государства было поставлено около 60 процентов всего внешнеторгового оборота страны.

Все эти меры правительства встретили сначала глухое, а затем и открытое сопротивление буржуазии. В конце 1964 года был раскрыт антиправительственный заговор, к которому были также причастны и некоторые правобаасистские деятели. После того как этот заговор провалился, крупная буржуазия при помощи духовенства сумела организовать в Дамаске «всеобщую забастовку» торговцев. В мечетях произносились политические проповеди, в которых предавались анафеме мероприятия по национализации, проклипались «баасисты и коммунисты», хотя деятельность компартии была вообще запрещена в стране. Духовенство открыто призывало верующих к «священной войне» против правительства. Откликаясь на эти призывы, торговцы делали пожертвования для создания «отрядов Мухаммеда». В тайниках мечетей накапливалось оружие и боеприпасы.

Вся эта подстрекательская и заговорщическая антиправительственная деятельность направлялась реакционной религиозно-политической организацией «Братья-мусульмане». Эта орга-

низация издавна известна своими секретными связями с империалистическими кругами. Руководство и финансирование этой организации, имеющей свои филиалы во всех мусульманских странах, осуществлялось из Саудовской Аравии. «Братья-мусульмане» подобно другим многочисленным религиозным тайным организациям, таким, как «Тахрир», «Хатмия», «Ансар», всегда служили постоянной опорой и орудием империалистических заговоров против прогрессивных режимов и революционных движений во всем мусульманском мире, в частности на Арабском Востоке.

«Братья-мусульмане» пользовались широким арсеналом методов подрывной деятельности. Это они стреляли в вождя египетской революции президента Насера, устраивали покушения на многих других видных борцов и руководителей освободительных революций в арабских странах, организовывали антиправительственные мятежи и заговоры, вместе с монархистами и реакционными шейхами провоцировали гражданскую войну в Йемене. «Братья-мусульмане» подталкивали правых баасистов на расправу с коммунистами в Ираке. В Сирии «братья-мусульмане» избрали другую тактику. Увидев, что здесь идеи социализма получали широкое распространение, а баланс сил в сирийской партии Баас складывается не в пользу правых, «братья-мусульмане» выдвинули провокационный лозунг «исламского социализма без баасистов и коммунистов». Однако им не удалось обмануть народные массы, которые оказали активную поддержку осуществлению прогрессивных мер правительства.

Проведение радикальных социально-экономических преобразований, встретивших яростное сопротивление буржуазии и реакционного духовенства, ускорило процесс классового размежевания сил как в масштабах страны, так и внутри самой правящей партии Баас. Разногласия между левыми и правыми баасистами достигли в конце 1965 года кульминации и привели к острому политическому кризису. Попытки правобаасистских лидеров заморозить осуществление социально-экономических реформ, расколоть профсоюзное движение, деполитизировать армию под лозунгом «вернуть военных в казармы», строить «арабское единство» на религиозно-национальной основе были решительно отвергнуты широкими народными массами. В ряде городов состоялись забастовки и демонстрации. Их участники требовали продолжения начатого прогрессивного курса, последовательной борьбы с империализмом, укрепления единства с прогрессивными арабскими странами, развития дружбы и сотрудничества с социалистическими государствами, пресечения происков арабской реакции по сколачиванию неокOLONиалистского «исламского пакта».

В этих условиях левые баасисты, не добившись созыва чрезвычайной конференции партии Баас, совершили 23 февраля 1966 года революционный переворот. Этот переворот обозначил

важный поворот в истории страны, избравшей некапиталистический путь развития и поставившей цель создания надежной базы для обеспечения прогресса и осуществления не эфемерного, а подлинного арабского единства. Эти цели были подтверждены созданной в марте 1966 года чрезвычайной конференцией сирийской партии Баас.

Новое сирийское руководство сразу взяло курс на дальнейшее углубление социально-экономических преобразований на базе широкого сотрудничества с прогрессивными силами внутри страны и на международной арене. Оно провозгласило своей основной задачей построение «социалистического общества на научной основе с учетом конкретных условий, существующих в арабском мире» через превращение государственного и общественного сектора в ведущий сектор экономики. Впервые за время правления в Сирии ПАСВ в правительство помимо баасистов вошли представители коммунистов и других прогрессивных сил страны. Их сотрудничество стало осуществляться в местных органах власти и в профсоюзном движении.

Это подготовило условия для создания в последующем Прогрессивного национального фронта и позволило уже тогда за сравнительно короткий срок провести важные социально-экономические преобразования. Увеличена была заработная плата ряду категорий рабочих и служащих. На национализированных предприятиях возобновилось распределение 25 процентов прибылей между рабочими. Были созданы советы по самоуправлению государственных предприятий с участием рабочих. Более ускоренными темпами стала проводиться аграрная реформа. К концу 1966 года у помещиков было экспроприровано около 1,5 миллиона гектаров земли, которую распределили среди безземельных крестьян.

На международной арене Сирия стала более решительно проводить антиимпериалистический курс политики, активно выступая против агрессивных пактов, за искоренение остатков колониализма на арабской земле, за ликвидацию иностранных военных баз, против засилья в экономике капиталистических монополий и нефтяного неоколониализма, за справедливое урегулирование палестинской проблемы. Приобрело еще более широкие масштабы сотрудничество Сирии со странами социалистического содружества.

В апреле 1966 года в результате переговоров правительственной делегации САР в Москве был подписан новый протокол о советско-сирийском техническом и экономическом сотрудничестве, в соответствии с которым Советский Союз начал оказывать содействие в строительстве «сирийского Асуана» — Евфратского технического гидрокомплекса и в осуществлении ряда других важнейших экономических объектов.

Такая политика революционного правительства Сирии, обнародованная программа которого подкреплялась конкретными де-

лами, не могла не тревожить империалистов и арабскую реакцию.

Над Сирией снова стали сгущаться тучи. На Ближнем Востоке складывалась обстановка, отдельные черты которой были весьма знакомыми по событиям десятилетней давности. В Анкаре состоялась сессия Совета министров СЕНТО, в которой активное участие принял государственный секретарь США Дин Раск. Среди обсуждавшихся на ней проблем опять фигурировала «сирийская ситуация». Участились вооруженные провокации израильской военизированной организации. В Бейрутский порт вошли корабли 6-го флота США, в том числе авианосец «Америка» с ядерным оружием на борту. Шесть с половиной тысяч американских моряков разгуливали по улицам Бейрута.

В конце апреля 1966 года в Бейрут, который еще не покинули моряки, съехались на совещание американские дипломаты, аккредитованные в странах Ближнего и Среднего Востока. Туда же прямо из Анкары прибыл и Дин Раск. На совещании обсуждались последние события в районе в свете интересов США.

Со страниц западной, израильской и арабской реакционной печати в это время раздавались голоса о «коммунистической угрозе», зреющей якобы в Сирии.

Снова подняла голову сирийская буржуазия и «братья-мусульмане», которые распространяли провокационные слухи с целью дискредитации правительства. Ставка сначала была сделана на правобаасистских лидеров и связанных с ними некоторых офицеров-авантюристов.

При этом реакционные круги всячески старались разжечь в стране национальную и религиозную рознь, используя доставшиеся в наследство от колониализма давнишние разногласия между различными народностями и религиозными сектами. Так, антикоммунизм они в ряде случаев направляли в русло антикурдской кампании, используя тот факт, что среди сирийских коммунистов немало курдов. Кампанию против левобаасистских лидеров реакция повела под лозунгом борьбы с «засильем алавитов», используя то, что многие руководящие деятели ПАСВ являются выходцами из этой секты.

В сентябре 1966 года органы безопасности страны раскрыли и ликвидировали сразу два антиправительственных заговора. Первый из них готовился смещенными правобаасистскими лидерами Мишелом Афляком и Салахом Битаром. Последнему при содействии нескольких офицеров удалось совершить побег из тюрьмы, где он находился под стражей в течение нескольких месяцев. Вместе с ним из тюрьмы бежало еще несколько правобаасистских лидеров. Воодушевленные этим успехом, тайные сторонники Битара в армии решили бросить открытый вызов правительству, потребовав, по существу, его отставки. Заговорщики рассчитывали, что их поддержат воинские части, дислоцирую-

щиеся на юге страны. Однако организаторы заговора и их сообщники были арестованы.

Одновременно с арестами мятежников началась чистка государственного аппарата, засоренного ставленниками свергнутых правых баасистских лидеров. Отличительной особенностью этой чистки было то, что она проводилась при непосредственном и активном участии рабочих профсоюзов.

Другой заговор под антиалавитскими и архилевыми лозунгами возглавил бывший член руководства партии Баас майор Селим Хатум, который, как показало потом следствие, был связан с правыми баасистскими лидерами, а также с Центральным разведывательным управлением США¹. С. Хатум, укомплектовав находящееся в его подчинении подразделение выходцами из секты друзов, к которой принадлежал сам, попытался арестовать руководящих деятелей ПАСВ, выходцев из алавитов, во время их пребывания в одном из военных гарнизонов на юге Сирии.

В создавшихся условиях сирийские власти приняли срочные меры по подавлению мятежа: батальон Хатума был блокирован, сухопутные границы временно закрыты, организаторы мятежа арестованы. Однако самому Хатуму и еще нескольким офицерам удалось бежать в Иорданию, где он при поддержке американцев начал готовить вооруженное вторжение в Сирию.

В подавлении этих мятежей и ликвидации их последствий самое активное участие приняли созданные по инициативе руководства профсоюзов вооруженные формирования рабочих. Создание таких отрядов, объединивших в своих рядах коммунистов и баасистов, социалистов и насеристов, было совершенно новой в условиях Сирии формой борьбы против антисоциалистических элементов.

Антиправительственные мятежи, заговоры, инспирированные империалистическими кругами и арабской реакцией, потерпели фиаско. Но чем меньше оставалось надежд у империалистов на использование сирийской реакции, тем откровенней они поощряли и толкали израильских милитаристов на вооруженные провокации против Сирии.

По данным наблюдателей ООН, с момента образования государства Израиль его военщина спровоцировала 4600 вооруженных конфликтов и инцидентов на границе с Сирией². После установления в Сирии левобаасистского режима эти провокации особенно участились. Почти еженедельно, а то и по нескольку раз на неделе на Голанских высотах гремели выстрелы. В качестве поводов для организации провокаций Израиль использовал ведение сельскохозяйственных работ сирийскими крестьянами в демилитаризованной зоне и действия палестинских партизан с территории Сирии и Иордании.

---

¹ *Dan B L'Espion qui venait d'Israel*. Paris, 1967, p. 198.

² См.: Правда, 1967, 12 июля.

В ноябре 1966 года израильские войска вторглись на иорданскую территорию, где располагались лагеря палестинских беженцев, подвергнув их артиллерийскому обстрелу и бомбардировке с воздуха. В результате разбойничьего налета была почти полностью разрушена деревня Самоа, убито и ранено более 150 ее жителей¹.

Эта вооруженная провокация израильской военщины по своим масштабам была самой крупной после «тройственной» агрессии против Египта в 1956 году. Она была развязана всего лишь через несколько дней после обсуждения в Совете Безопасности ООН жалобы Сирии на агрессивные действия и неоднократные нарушения израильскими войсками сирийской границы. На этот раз факт агрессии со стороны Израиля был настолько очевиден, что даже западные державы, в том числе США, были вынуждены в Совете Безопасности публично осудить его действия.

Но их осуждение было лицемерным. На деле же империалисты всячески поощряли агрессивность Израиля и даже подкрепили его провокацию демонстрацией военной силы. Не случайно именно в этот период у берегов Сирии¹ опять начали курсировать корабли 6-го флота США, а на страницах западных и реакционных арабских газет все чаще стали появляться открытые угрозы по адресу Сирии.

Активизация внутренней контрреволюции, а также происков империализма и сионизма ускорили процесс сплочения и мобилизации всех прогрессивных сил в Сирии. Реорганизованное в октябре 1966 года правительство, в которое помимо баасистов вошли также коммунисты и представители других левых сил страны, расширило политическую базу режима. Повсеместно в стране проводилась запись добровольцев в отряды народной обороны. В ходе этой записи во многих населенных пунктах были созданы мобилизационные местные комитеты из представителей баасистов, коммунистов, социалистов и насеристов. К концу 1966 года в армию народной обороны записалось более 150 тысяч добровольцев.

Перед лицом опасности израильской агрессии и усилившихся происков империалистов стало укрепляться и расширяться сотрудничество Сирии с прогрессивными арабскими странами. В ноябре 1966 года было заключено сирийско-египетское соглашение о совместной обороне, предусматривающее координацию политических и военных действий в случае, если одна из этих стран подвергнется агрессии. В том же месяце в Каире состоялась встреча руководителей Сирии, Египта и Алжира, на которой также обсуждались вопросы об укреплении и расширении сотрудничества.

«Американский флот, убирайся из арабских вод!», «Единство левых сил — залог победы над реакцией и империализмом!» —

---

¹ *Abu-Lughod* (ed.). *The Arab-Israeli Confrontation of June 1967. An Arab Perspective*. Evanston (USA), 1970, p. 49.

под такими лозунгами в ноябре 1966 года в Дамаске состоялась мощная антиимпериалистическая демонстрация, в которой приняло участие более 100 тысяч человек. Через несколько дней в Дамаск съехались посланцы рабочих почти из всех арабских стран для участия в специальной сессии Всеобщей федерации арабских профсоюзов.

Как заявил тогда ее генеральный секретарь Фавзи ас-Саед, цель этой сессии заключалась в том, чтобы выразить солидарность с Сирией и выработать конкретные меры в поддержку сирийского народа перед лицом плетущегося заговора империализма, реакции и сионизма¹. Не разрешили выехать представителям рабочих на эту сессию только власти трех монархических арабских государств — Саудовской Аравии, Кувейта и Ливии.

Многие выступавшие на этом форуме ораторы подчеркивали, что ситуация, сложившаяся вокруг Сирии, во многом напоминает обстановку, которая предшествовала «тройственной» агрессии против Египта в 1956 году и англо-американской интервенции в Ливан и Иорданию в 1958 году.

Мобилизация прогрессивных сил внутри Сирии и выражение братской солидарности с ней большинством арабских государств позволили сирийскому руководству не только отразить наскоки империализма и реакции, но и одержать еще одну крупную победу в схватке с нефтяным неокOLONиализмом.

В конце 1966 года сирийское правительство бросило вызов империалистическим нефтяным монополиям в лице «Ирак петролеум компани», потребовав от нее немедленной уплаты образовавшегося долга и увеличения концессионных платежей за нефть, которая перекачивалась по нефтепроводам этой компании, проложенным по сирийской территории. ИПК отказалась выполнить это требование. Тогда сирийские власти наложили секвестр на все имущество ИПК, предупредив, что он не будет снят до тех пор, пока компания не уплатит свои долги. В ответ ИПК перекрыла нефтепроводы, лишив Сирию иракской нефти. Этим шагом империалисты хотели достичь сразу нескольких целей: во-первых, обречь страну на нефтяной голод, во-вторых, вызвать тем самым в стране недовольство и спровоцировать новые антиправительственные выступления и, наконец, в-третьих, столкнуть Сирию с Ираком и Ливаном, чьи интересы должны были быть ущемлены прекращением транспортировки нефти и уменьшением концессионных платежей. Однако ни один из этих расчетов не оправдался.

«Арабская нефть — арабам!» — этот лозунг появился в Сирии именно в те дни. Его можно было увидеть и на страницах дамасских газет, и на огромных полотнищах, натянутых через центральные улицы сирийской столицы, и услышать в песне, ко-

---

¹ См.: Известия, 1966, 25 ноября.

торая по несколько раз на день передавалась по радио и телевидению Дамаска.

Слова этого призыва цепкой арабской вязью были выведены краской на стене нефтеперерабатывающего завода в городе Хомсе. Этот завод работал на нефти, перекачиваемой из Ирака по нефтепроводу к средиземноморским портам Банияс в Сирии и Триполи в Ливане. Поступление иракской нефти прекратилось. Но завод в Хомсе не остановился. Он продолжал бесперебойно снабжать страну бензином и другими нефтепродуктами. Нефть из заполненных ранее резервуаров в Баниясе доставляли на завод автоцистернами. Они двигались непрерывным потоком днем и ночью по дороге в несколько сот километров. Эта асфальтовая лента, выполнявшая тогда функцию нефтепровода, напоминала дорогу войны. Вся страна тоже жила в атмосфере войны, которую она объявила нефтяному неокOLONиализму.

И сирийский народ выиграл эту битву. Вопреки ожиданиям неокOLONизаторов, Ирак и Ливан поддержали справедливую борьбу сирийского народа. Такую же позицию заняли правительства Египта, Алжира, Йемена и ряда других арабских стран.

В начале 1967 года «Ирак петролеум компани» отступила. Генеральный директор ИПК подписал в Дамаске соглашение, в соответствии с которым компания обязалась уплатить Сирии свою задолженность и увеличить на 50 процентов отчисления в счет арендной платы в последующие годы.

В эти напряженные для всей страны дни реакционные круги и религиозные фанатики из организации «Братья-мусульмане» предприняли новую попытку поднять антиправительственный мятеж, запланированный империалистами. На этот раз они решили дезорганизовать торговлю и снабжение населения продуктами, вызвать в стране панику и беспорядки, которые облегчили бы осуществление очередного заговора, нити которого тянулись в Иорданию. Сирийские власти арестовали зачинщиков беспорядков и национализировали магазины крупных торговцев, основных организаторов экономического саботажа.

Детали готовившегося заговора раскрыл вскоре один из сподвижников американского агента майора Селима Хатума, добровольно возвратившийся в начале 1967 года из Иордании и сдавшийся сирийским властям. Выступив по сирийскому радио, он сообщил, что спровоцированы «братьями-мусульманами» беспорядки в различных районах страны должны были стать сигналом для вооруженной интервенции в Сирию бандитов — предателей во главе с Хатумом, которые вооружены американским оружием и проходили специальную подготовку на территории Иордании вблизи от сирийской границы. Хатума должны были поддерживать израильские войска, переодетые в форму сирийских военнослужащих¹.

---

¹ См.: Комсомольская правда, 1967, 9 мая.

В свете последующих событий эти показания одного из организаторов провалившегося заговора убедительно доказывают, что израильская вооруженная интервенция в Сирию готовилась задолго до решения руководства Египта о выводе войск ООН из приграничной полосы на Синае, использованного Тель-Авивом в качестве повода для развязывания широкой агрессии против арабских стран.

Тщательно разработанный и согласованный с американцами план интервенции в Сирию в начале 1967 года остался нереализованным. В новом варианте и в более широком масштабе империалисты с помощью Израиля попытались его осуществить летом 1967 года.

БУМЕРАНГ АГРЕССИИ

В отличие от других «святых мест», у берегов Тивериадского озера, или, как принято его называть в библейской литературе, Галилейского моря, туристов никогда не видно, хотя этот уголок считается поистине райским. В его южной оконечности, на стыке сирийской, иорданской и израильской границ — в курортном месте Химе, расположенном почти на сто метров ниже уровня моря, круглый год цветут олеандры, под пальмами журчит вода реки Ярмук и бьют горячие серные источники. Севернее озера, у подножья зеленого холма Голанских высот шумят водопады реки Баньяс, столетиями шлифующие остатки древнеримских колонн, рухнувших когда-то в воду с обрывистого берега. Отсюда открывается живописный вид на озеро Хуле и широкую зеленую долину.

Туристские маршруты обходят стороной этот район, ибо давно уже нет мира и спокойствия на берегах Тивериадского озера. К югу и к северу от него тянется так называемая демилитаризованная зона между Сирией и Израилем. В ней с приходом весны — а она приходит здесь вместе с Новым годом — начинают вестись сельскохозяйственные работы. Однако в первые дни 1967 года здесь чаще слышался грохот танков и артиллерии, чем стрекот тракторов. Раскаты орудийных залпов заглушали шум водопадов Баньяса. Оружейно-пулеметная стрельба чуть ли не ежедневно нарушала мир и покой над гладью озера. Иногда перестрелки продолжались по несколько часов, перерастая в настоящие сражения с участием артиллерии и танков.

Наблюдатели ООН, как правило, констатировали, что зачинщиками этих инцидентов были израильские солдаты, которые обстреливали сирийских феллахов, обрабатывавших землю. Сирийская сторона, чтобы защитить мирный труд крестьян, открывала ответный огонь.

В западной печати эти столкновения назывались «сезонными» — их объясняли началом сельскохозяйственных работ в пограничной полосе. Но сирийские газеты связывали участвовавшие вооруженные конфликты на границе с Израилем не с коротким сезоном сельскохозяйственных работ, а с продолжительным «сезоном империалистических заговоров» против Сирии. Последующие события подтвердили правильность этого вывода.

7 апреля 1967 года в совершенно безоблачном небе над Дамаском вдруг раздались громовые разрывы. Удивленные жители города, запрокинув головы, увидели незнакомые силуэты самолетов. Это были израильские «Миражи», вторгшиеся в воздушное пространство Сирии. Над сирийской столицей завязался воздушный бой. Израильские самолеты, преодолевая звуковые барьеры над жилыми кварталами Дамаска, нагло демонстрировали свою готовность переступить хрупкую грань между миром и войной на Ближнем Востоке.

5 июня 1967 года израильские агрессоры переступили эту грань. Первые удары были нанесены по Египту. А через несколько часов израильские бомбы и снаряды рвались на сирийской и иорданской земле.

Зловещий «Голубь»

Война была развязана израильскими агрессорами внезапно, но готовилась она заблаговременно. Организаторы этой агрессии и их покровители пытались представить ее как «превентивную меру», направленную против Египта и Сирии, а Иорданию изобразить лишь как «случайную жертву» агрессии. В многочисленной литературе об июньской войне, опубликованной на Западе и в Израиле, до сих пор делаются попытки взвалить ответственность за возникновение этой войны на арабов. Египет обвиняется в том, что он, потребовав в мае 1967 года вывода войск ООН из демилитаризованной зоны на Синайском полуострове, готовился якобы нанести удар по Израилю. На Сирию возлагается вина за то, что она стала якобы плацдармом для «подрывной деятельности» и «террористических актов» палестинских партизан против Израиля.

Однако каждый из этих лживых тезисов опровергается историческими фактами. Развязанная Израилем война была не «ответной» и не «превентивной», а агрессивной акцией против арабских стран. Как всякая война, она была продолжением политики И не только экспансионистской политики Тель-Авива. Она была логическим продолжением и средством осуществления империалистической политики Запада в отношении арабских стран после того, как он убедился в банкротстве военных и политических методов колониализма.

Откровенно произраильский курс США в их ближневосточной политике был продиктован рядом соображений.

Во-первых, в результате изменившегося соотношения сил на мировой арене в пользу социализма Вашингтон в 50-х годах вынужден был отказаться от политики «массированного возмездия» и заменить ее в 60-х годах военной доктриной «гибкого реагирования». Эта доктрина предусматривала в конфронтации с

Советским Союзом смещение центра применения сил с глобального на региональный уровень, отводя при этом Ближнему Востоку первостепенное значение. Другими словами, империалисты, стремясь заранее представить будущие конфликты на Ближнем Востоке как локальные, хотели придать им чисто национально-религиозную окраску и тем самым попытаться лишить арабские страны активной поддержки Советского Союза, других социалистических государств и всего мирового революционного движения.

Во-вторых, в экспансионизме, агрессивности и антиарабском шовинизме Тель-Авива, опирающегося на «израильское лобби» в США, а также на мощную финансовую и моральную поддержку мирового сионизма, империалисты усматривали возможность оказывать постоянное давление на арабские страны с прогрессивными режимами.

В-третьих, к началу 60-х годов Израиль благодаря широкой материальной поддержке империалистического Запада и мирового сионизма уже настолько окреп, что мог самостоятельно выполнять роль жандарма в борьбе против арабского освободительного движения или устрашающего бронированного кулака по отношению к соседним арабским государствам. К середине 60-х годов Израиль получил только от США «экономическую» помощь в размере около 2 миллиардов долларов по государственной линии, кроме того, через Всемирную сионистскую организацию — 7,7 миллиарда долларов, значительная часть которых была израсходована на закупку современного западного вооружения.

За счет предоставленных ФРГ кредитов и так называемых выплат в «счет репараций», составивших к 1967 году сумму около 2 миллиардов долларов, в Израиль были поставлены самолеты, танки, подводные лодки, стрелковое вооружение. В Израиле были построены военные заводы, а на территории ФРГ в бундесвере проходили подготовку несколько тысяч израильских солдат и офицеров. По оценке иностранных военных специалистов, к середине 1967 года у Израиля имелось около 1000 современных американских и английских танков и 450 боевых самолетов, в том числе истребители «Скайхок», поставленные американцами незадолго до развязывания июньской агрессии¹.

В-четвертых, с помощью созданной и оснащенной Западом военной машины Израиля империалисты рассчитывали нанести сокрушительное поражение прогрессивным арабским режимам и вызвать их падение или добиться материального истощения и моральной дискредитации в глазах арабского общественного мнения, а заодно раскола в арабском мире и подчинения обессленных войной прогрессивных стран богатым нефтяным араб-

---

¹ См.: Демченко П. Арабский Восток в час испытаний. М., 1967, с. 52; O'Ballance E. The Third Arab-Israeli War. London, 1972, p. 46, 51.

ским государствам с реакционными монархическими режимами, которые придерживаются прозападной ориентации.

Однако применение американской «доктрины гибкого реагирования» на Ближнем Востоке с использованием сионистского Израиля против арабов вызвало с их стороны еще большее антиимпериалистическое противодействие, чем акты коллективно-«массированного возмездия» империалистов против Египта в 1956 году и против Ливана и Иордании в 1958 году. Это произошло прежде всего потому, что империалисты недооценили прочность союза сил мирового социализма с арабским освободительным движением, не поняли антиимпериалистического и социального характера арабских национально-освободительных революций. Не сумев в 50-х годах направить их в русло антисоветизма и антикоммунизма, вовлечь арабские страны в агрессивные военные пакты, империалисты рассчитывали придать арабскому освободительному движению только националистическую, антиизраильскую направленность, изолировав его тем самым от мирового революционного процесса. Но ставка на «слепой арабский национализм» оказалась несостоятельной. Арабы понимали, что широкая помощь, оказываемая империалистами Израилю, далеко не бескорыстная. В глазах арабов Израиль был и остается плацдармом колониализма и аванпостом империализма на Арабском Востоке. Вот почему арабские народы в борьбе против сионистской экспансии считают своими естественными союзниками всех, кто борется против империализма и колониализма. На опыте своей истории арабы убедились, что Советский Союз является самым последовательным таким борцом, самой надежной опорой в противоборстве с империализмом, самым верным союзником и бескорыстным другом.

В свою очередь Советский Союз всегда придерживался принципиальной ленинской позиции в оценке арабо-израильского конфликта, рассматривая его не как «столкновение двух национализмов и двух религий», а как противоборство между силами империализма и колониализма, с одной стороны, и арабского национально-освободительного революционного движения, с другой стороны.

Именно исходя из этой позиции, Советский Союз проводил последовательную принципиальную политику и оказывал решительную поддержку арабским государствам в их противоборстве с империализмом и сионизмом, добиваясь справедливого урегулирования ближневосточного конфликта.

Два диаметрально противоположных подхода к арабо-израильскому конфликту нашли разнообразное проявление особенно в период подготовки и после развязывания израильской агрессии в июне 1967 года.

В течение 1964—1967 годов при рассмотрении в Совете Безопасности ООН жалоб арабских стран на вооруженные провокации Израиля Советский Союз каждый раз выступал с кон-

кретными предложениями, направленными на принятие строгих мер по пресечению агрессивных устремлений Тель-Авива. Напротив, США и их партнеры стремились навязать Совету Безопасности ООН такие резолюции, в которых или осуждались арабские страны, или предлагались меры, которые, по существу, приравнивали агрессора к его жертве. Выдвигаемые американскими представителями в ООН аргументы были стереотипными при обсуждении всех пограничных инцидентов, самых откровенных агрессивных акций Израиля против Сирии и Иордании. Подобными действиями США и их партнеры потворствовали агрессивным устремлениям Израиля.

После предпринятой Израилем 7 апреля 1967 года вооруженной агрессии против Сирийской Арабской Республики СССР развернул интенсивную дипломатическую деятельность, стремясь предотвратить опасное развитие событий и помешать осуществлению агрессивных планов израильских милитаристов. Советское правительство самым серьезным образом предупредило Израиль о тяжелой ответственности за проводимую им авантюристическую политику и призвало его проявить сдержанность и благоразумие.

Однако Тель-Авив не внял этим предостережениям. Более того, в ответ на законные шаги Египта, Сирии и Иордании, направленные на обеспечение безопасности своих границ и укрепление военного сотрудничества перед лицом возраставшей агрессивности Израиля, Тель-Авив стал еще более активно вести приготовления к войне. На границах с Сирией и Египтом создавались крупные группировки войск. Израильские руководители выступали с открытыми угрозами по адресу сирийского правительства. Премьер-министр Л. Эшкол недвусмысленно намекал, что Израиль готов «наказать Дамаск» и для этого он сам «изберет время, место и средства для эффективных действий»¹. В свою очередь начальник израильского генерального штаба И. Рабин выразился еще более определенно, заявив, что целью Израиля является «свержение режима в Дамаске»².

9 мая 1967 года израильское правительство получило от кнессета (парламента) полномочия на принятие решения о проведении военных операций

Президент Насер на закрытом совещании 13 мая 1967 года сообщил, что египетское руководство «имеет точные сведения о концентрации израильских войск на границе с Сирией» и о принятии Израилем решения «начать агрессию против Сирии 17 мая 1967 года»³. Чтобы ввести в заблуждение мировое общественное мнение и отклонить обвинение о сосредоточении израильских войск, власти Тель-Авива предложили провести инспекцию при-

¹ Israel et les Arabes. Le troisième combat. Paris, 1968, p. 24.

² Bloomfield L. P., Leiss A. C. Controlling Small Wars. A Strategy for the 1970. New York, 1969, p. 282.

³ Donovan R. Six Days in June. New York, 1967, p. 66.

границных с Сирией районов. Но этот несложный маневр никого не мог обмануть. Ведь при сравнительно небольшой территории Израиля требуется не более одних суток, чтобы перебросить крупные контингенты войск в любой приграничный район страны. Так оно и было на самом деле.

В середине мая на сирийской границе была создана крупная группировка израильских войск, а к концу мая значительная их часть уже была переброшена на Синай. Эти меры осуществлялись вовсе не как ответные шаги на решение президента Насера об отводе войск ООН с Синайского полуострова, а в соответствии с внесенными израильским военно-политическим руководством коррективами в стратегический план развязывания войны против арабских стран, который предусматривал нанесение в первую очередь главного удара по Египту.

Египетское правительство приняло 14 мая 1967 года решение об усилении своей синайской группировки войск и призыве резервистов, поскольку заявления руководителей Израиля и их действия не оставляли сомнения, что Сирии угрожает опасность. Осуществлявшиеся Израилем вооруженные провокации против Сирии и Иордании преследовали цель не только оказания на них военного нажима, но и прощупывания эффективности арабской солидарности, в частности подписанного в ноябре 1966 года между Египтом и Сирией договора о взаимной обороне. Президент Насер это хорошо понимал. Если бы Египет в такой ситуации остался безучастным наблюдателем, Израиль постарался бы достичь по крайней мере двух целей: во-первых, дискредитировать Насера как арабского лидера, не выполняющего своих союзных обязательств, во-вторых, навязать арабским странам свой диктат поодиночке. Ни того ни другого египетское руководство не могло допустить. Именно поэтому Египет, как писала 15 мая 1967 года каирская газета «Аль-Ахрам», «принял необходимые меры, чтобы быть готовым выполнить соглашение о совместной обороне с Сирией».

Однако за первым шагом должен был последовать и второй. Ведь египетские войска в случае резкого обострения обстановки не могли войти в соприкосновение с противником, поскольку в приграничной полосе на Синае, в секторе Газа и в районе Шарм-аш-Шейх размещались с конца 1956 года чрезвычайные силы ООН. Египетское командование потребовало отвода этих войск только с Синая. В планы египетского руководства вовсе не входил вывод войск ООН из района Шарм-аш-Шейх, контролировавшего вход в Акабский залив¹ Однако его практически вынудили на этот шаг, поскольку под давлением США Египет был поставлен перед альтернативой: отказаться от своего требования или же согласиться на вывод всех войск ООН.

В течение пяти дней войска ООН покинули Египет, а их по-

---

¹ Foreign Affairs, vol. 46, № 2, January 1969, p. 314.

зиции заняли египетские вооруженные силы. Вслед за этим 22 мая президент Насер объявил о закрытии Акабского залива для израильских и других судов, доставляющих стратегические грузы в Израиль. Эти меры египетское руководство приняло в чисто оборонительных целях. Они вытекали также из союзнического долга перед Сирией и другими арабскими странами. Насер рассматривал также эти шаги как активное средство военно-политического давления на эвентуального агрессора.

Израиль вынужден был на время отвести сжатый кулак от Сирии. Основная часть израильских сил была брошена на египетскую границу. На созданном против Египта Южном фронте было сосредоточено 14 бригад (около 70 тысяч человек и 600 танков), на Северном фронте против Сирии — 9 бригад (около 50 тысяч человек и 300 танков), на Центральном фронте против Иордании — 5 бригад¹. Действия Египта лишили Израиль возможности осуществить нападение на Сирию. Египет выполнил союзнический долг и доказал на деле верность арабской солидарности. Не случайно после этого арабская солидарность, получившая такой действенный импульс, вступила в новую фазу. В конце мая и в начале июня 1967 года с Египтом подписали соглашения о взаимной обороне Иордания, а затем и Ирак. О готовности прийти на помощь в случае агрессии Израиля заявили также правительства Алжира, Кувейта, Йемена, Ливана и Судана.

Другая цель осуществленных президентом Насером мер состояла в том, чтобы с более сильных позиций заставить Израиль пойти на переговоры. При этом Насер рассчитывал, что западные страны, прежде всего США, окажут нажим на Израиль и не допустят развязывания им войны. Именно в этом состоял политический просчет египетского руководства.

США и Англия не только не предприняли никаких мер по сдерживанию Израиля, а, напротив, сыграли роль пособников агрессора. На словах они выражали готовность содействовать политическому урегулированию конфликта, а на деле пытались оказать нажим не на Израиль, а на Египет всеми средствами политического и даже военного давления.

Вашингтон, воспользовавшись усилением напряженности на Ближнем Востоке, попытался прежде всего применить, как и в 1956 году, методы коллективного военного колониализма для оказания нажима на Египет. Администрация Джонсона предложила Франции и Великобритании предпринять совместные действия на Ближнем Востоке в соответствии с Тройственной декларацией 1950 года. Иными словами, Вашингтон выражал готовность осуществить новую «тройственную» агрессию против Египта. На этот раз она планировалась без прямого участия Израиля, но в его интересах и под флагом обеспечения «свободного

---

¹ Newsweek, 6. VI. 1967; *Donowan R. Six Days in June*, p. 66.

судоходства» не в Суэцком канале, а в Тиранском проливе и Акабском заливе. Однако Франция отказалась участвовать в подобной аванюре, дав понять, что она придает также важное значение в урегулировании ближневосточного кризиса позиции Советского Союза и решила вообще занять в арабо-израильском конфликте нейтральную позицию, ведя «взвешенную и осторожную» политику.

Руководствуясь такой позицией, президент де Голль заявил израильскому министру иностранных дел Эбану, что та страна, которая первой применит оружие, будет осуждена Францией. Позднее, узнав, что Израиль напал на арабские страны, де Голль приказал прекратить военные поставки оружия агрессору. Представитель Франции в ООН выступил вместе с СССР и группой неприсоединившихся стран с осуждением Тель-Авива. На заседании правительства де Голль указал на прямую связь американской войны во Вьетнаме с новым очагом агрессии. Именно поэтому для многих органов буржуазной прессы де Голль превратился в те дни в главную мишень, «отравленные стрелы лети в него со всех сторон... заработала вся разветвленная по разным странам сеть всемирного сионизма»¹.

Великобритания, попавшая в более зависимое, чем Франция, положение от США после провала «тройственной» агрессии в 1956 году, в принципе согласилась на возможность применения силы, чтобы «прорвать египетскую блокаду» Тиранского пролива. Но Англия предпочитала создать для этой цели специальное военно-морское соединение «под флагом многих наций», чтобы таким образом обезличить ответственность за последствия вооруженной интервенции. Этот вариант США не устраивал. Именно тогда, очевидно, и был дан «зеленый свет» израильским агрессорам.

Не приходится сомневаться, что в критический момент назревания ближневосточного кризиса в мае 1967 года израильское правительство тщательно согласовало свои действия с Вашингтоном и Лондоном. Уже после окончания войны американская газета воспроизвела интервью с израильским премьер-министром Эшколом, который признал, что в тот момент, когда США и Англия собирались послать свои корабли в Акабский залив, он «отсрочил военные действия по просьбе Джонсона»².

США предпочитали избежать прямого военного участия в совместных с Израилем военных действиях против Египта. Вашингтон, конечно, не мог не учитывать возможные отрицательные для него последствия от самостоятельного развязывания Израилем войны против арабских стран при косвенной поддержке США. Но эти издержки представлялись Вашингтону не такими тяжелыми для американских интересов на Ближнем Во-

¹ Молчанов Н. Н. Генерал де Голль, с. 459.

² См.: Демченко П. Арабский Восток в час испытаний, с. 64.

стоке в долгосрочном плане. Впоследствии Вашингтону за этот просчет пришлось дорого расплачиваться.

Американские политологи и пропагандисты утверждают, будто израильская война вспыхнула вопреки желаниям США. Но факты говорят о другом. Нападение Израиля было совершено не только с ведома, но и при прямом поощрении США из-за ширмы, сотканной из лживых слов американских дипломатов. Известно, например, что правительство США заверяло египтян после закрытия Тиранского пролива и вывода войск ООН из Синая, что Израиль «не нападет», пока будут продолжаться переговоры по дипломатическим каналам. Недаром позднее, уже после развязывания израильской агрессии, американский журнал «Ньюсуик» признал существование согласованного между Вашингтоном и Тель-Авивом плана, которым предусматривалось, что «комбинация израильской мощи и сладкоголосия США принесет в высшей степени положительные результаты»¹. Наличие такого плана подтвердил бывший президент США Л. Джонсон, который в своих мемуарах признает, что на встрече 26 мая 1967 года с израильским министром иностранных дел А. Эбаном он заверил его в готовности США энергично поддерживать любые меры и «все возможные условия» для открытия Тиранского пролива². В тот же день министр обороны США Р. Макнамара подбодрил израильского министра оптимистическими оценками ЦРУ, которое предсказало уверенную победу Израиля в случае войны с Египтом.

Прежде чем дать старт агрессии, Вашингтон согласовал с Тель-Авивом детальный план израильского наступления на Египет, провел массированную «психологическую подготовку» с целью ввести в заблуждение мировое общественное мнение³. Империалистическая и сионистская пропаганда заработала полным ходом. Не жалели никаких денег, не пренебрегали никакими средствами, чтобы доказать, будто «арабы готовятся сбросить израильтян в море», и представить осуществленные Египтом военные мероприятия как подготовку к «развязыванию войны» против Израиля. Общественному мнению внушалась мысль о «миролюбии Израиля», изображавшегося в виде «маленького Давида перед огромным Голиафом», и об «агрессивности и кровожадности» арабов, мечтающих уничтожить всех израильтян. Отождествляя безответственные заявления некоторых арабских экстремистских деятелей с официальной позицией руководителей Египта и Сирии, израильские и западные буржуазные органы пропаганды стремились представить дело так, будто египетские вооруженные силы готовы к нападению на Израиль.

¹ См.: *Кременюк В. А.* Политика США в развивающихся странах. М., 1977, с. 141.

² *Johnson L.* The Vantage Point Perspectives of the Presidency. 1963—1969. New York, 1971, p. 293.

³ *Deacon R.* The Israel Secret Service. London, 1977, p. 178—179.

Президент Насер официально заверил в те дни генерального секретаря ООН, правительства многих государств, включая СССР и США, что предпринятые египетские командованиями меры носят чисто оборонительный характер. Он решительно опроверг приписанные ему западной пропагандой слова, будто Египет собирается «сбросить Израиль в море» и осуществить меры «тотального геноцида».

Многие иностранные авторы считают, что Насер был, по существу, втянут в войну империалистическими и реакционными кругами, мечтавшими о свержении революционного режима в Египте. В этом отношении можно сослаться на мнение хорошо информированного французского журналиста, находившегося во время войны в Каире, — Эрика Руло, который, характеризуя обстановку накануне июня 1967 года, отмечает, что именно «консервативные противники Насера — король Фейсал и другие — контратакуют его, выступая за усиление борьбы против Израиля и упрекая в сохранении войск ООН в Шарм-аш-Шейхе». В те же дни каирский журнал «Роз-эль-Юсеф» писал: «Нас толкают к войне якобы для того, чтобы уничтожить государство Израиль, но в действительности речь идет о том, чтобы спровоцировать падение насеровского режима».

В свете этих высказываний становится более понятным и раздувавшаяся империалистической пропагандой клеветническая кампания против Советского Союза, который она пытается до сих пор обвинять в «подталкивании» Египта и Сирии к войне. Весьма любопытно в этом плане свидетельство египетского журналиста М. Хейкала о том, что один из тех, кто готовился к свержению Насера, бывший военный министр Египта Бадран, вернувшись из Москвы после переговоров, пытался намеренно дезинформировать президента о действительной позиции Советского Союза в арабо-израильском конфликте¹.

События, последовавшие за выводом войск ООН не только с Синая, но и из Шарм-аш-Шейха, на чем Египет не настаивал, показали, что возникновению войны способствовали империалистические круги, которые стремились создать Израилю повод для развязывания агрессии. Именно они повлияли в этом направлении на генерального секретаря ООН У Тана, поспешность которого в принятии самостоятельного решения о выводе войск ООН представляется многим западным политологам, в том числе американским ученым Л. Блумфилду и А. Лейсс, «непонятной» и «непростительной».

Позднее Насер совершенно ясно заявил корреспонденту французской газеты «Монд»: «Я не хотел развязывать войну в 1967 году, и израильские руководители это прекрасно знают»².

И они, действительно, хорошо это знали. Уже в декабре 1967 года начальник генерального штаба Израиля И. Рабин вы-

¹ *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents*, p. 69.

² *Le Monde*, 21. II. 1970.

сказал израильской газете «Гаарец» свое убеждение в том, что концентрация египетских войск на границе «не была нацелена на развязывание войны» против Израиля¹. Бывший начальник тыла израильской армии генерал М. Пелед сделал 17 марта 1972 года еще более откровенное признание. Он заявил, что утверждение, будто Израилю в июне 1967 года «угрожал геноцид» и он «боролся за свое физическое выживание, является не чем иным, как блефом»². Пелед напомнил, что в мае 1967 года египтяне создали на Синае группировку, насчитывающую около 80 тысяч солдат, которая просто не в состоянии была вести наступательные действия против Израиля, который к тому времени «отмобилизовал против них сотни тысяч людей».

Это заявление, вызвавшее большое недовольство правящих кругов Израиля, было тогда воспринято как «скандальная сенсация». Тем не менее в ходе развернувшейся по этому поводу дискуссии подобные признания вынуждены были сделать в открытой или завуалированной форме и другие военные и политические деятели Израиля, в частности занимавшие руководящие посты во время июньской войны 1967 года генералы Барлев и Герцог, бывший министр в правительстве Эшкола Бейтов и даже бывший командующий ВВС генерал Э. Вейцман, занявший в 1977 году пост министра обороны

В период подготовки нападения Израиля на арабские страны шумиха об «агрессивности» арабов требовалась для того, чтобы создать ширму, за которой велись последние приготовления для развязывания израильской агрессии. В конце мая Эшкол расширил состав израильского правительства, введя в него таких известных «ястребов», как лидер крайне правой партии «Херут» М. Бегин (впоследствии он возглавил блок правых партий «Ликуд» и стал в 1977 году главой израильского правительства) и ярый сторонник войны с арабами генерал М. Даян, занявший пост министра обороны. К концу мая была завершена полная мобилизация и созданы соответствующие группировки войск на египетской и сирийской границах.

Документы и факты, ставшие теперь достоянием истории, неопровержимо свидетельствуют о том, что агрессия Израиля против арабских стран была заранее спланирована и подготовлена в израильском генеральном штабе при участии и содействии военных органов и разведки США и НАТО.

Наглость агрессоров подстегивалась и поощрялась империалистическими государствами. 23 мая 1967 года президент США Джонсон в своем заявлении о положении на Ближнем Востоке недвусмысленно дал понять о готовности США поддержать Израиль в его агрессии против арабских стран³. И эта готовность

¹ Гаарец, 22. XII. 1967.

² *Coubard J.* La guerre des 6 jours. Paris, 1973, p. 7.

³ *Johnson L.* The Vantage Point. Perspectives of the Presidency. 1963—1969, p. 293.

подкреплялась конкретными действиями. К концу мая в восточную часть Средиземного моря была переброшена основная часть 6-го флота США — всего около 50 кораблей, включая авианосцы «Америка», «Саратога», «Интерпид» с 200 самолетами и 25 тысячами матросов и солдат морской пехоты США¹. Десять американских кораблей с «визитами вежливости» срочно были направлены на Мальту и в Грецию. Отряд кораблей вместе с одним авианосцем находился в районе Красного моря. Одновременно были приведены в боевую готовность американские войска, размещенные на военных базах в Турции. Крупную группировку военно-морских сил в восточной части Средиземного моря создала также Англия, направив туда два авианосца и отряд кораблей к южным берегам Кипра. Государственный департамент США рекомендовал американским гражданам покинуть арабские страны и Израиль.

В этих условиях Советское правительство в заявлении, опубликованном 24 мая 1967 года, предупредило, что СССР, сообразуясь со складывающейся обстановкой, «делает и впредь будет делать все возможное в целях недопущения нарушения мира и безопасности на Ближнем Востоке, в целях ограждения законных прав народов». В заявлении указывалось на возможные опасные последствия военного конфликта на Ближнем Востоке. «В таком конфликте может быть заинтересована только горстка колониальных нефтяных монополий и их приспешников. В этом могут быть заинтересованы только силы империализма, в фарватере политики которых идет Израиль»².

Несмотря, однако, на предупреждения Советского Союза и призывы ООН политическим путем урегулировать назревающий конфликт, израильское правительство 5 июня 1967 года развязало войну против арабских стран. Эта агрессивная акция носила мирное библейское название «Голубь».

Весьма показательны, что война была развязана Израилем в тот самый момент, когда, казалось, уже появились надежды на политическое урегулирование конфликта. Внезапность нападения Израйля была обеспечена опять же американской дипломатией, которая попыталась усыпить бдительность Египта, согласившись принять 7 июня 1967 года первого вице-президента ОАР Закария Мохи эд-Дина в Вашингтоне для ведения якобы переговоров об урегулировании конфликта. В свете этих фактов тщетными выглядят попытки американских политиков и пропагандистов доказать, будто США строго придерживались «нейтралитета» во время июньской войны. В действительности США активно поддерживали Израиль не только политическими, но и военными средствами. Известно, например, что незадолго до начала июньской войны в Израиль прибыло около тысячи американских «до-

¹ См.: Киселев В. И. СССР и Арабский Восток. М., 1971, с. 26.

² Правда, 1967, 24 мая.

бровольцев» различных военных специальностей, из которых не менее 200 приняли непосредственное участие в боевых действиях против арабских стран¹.

Туман рассеивается

В иностранной, в том числе и арабской, печати сразу после июньской войны много писалось о загадочном «инциденте», происшедшем у берегов Синая с американским специальным судном «Либерти», которое было атаковано и потоплено израильскими самолетами и торпедными катерами. В результате этого «инцидента» погибло и было ранено более 100 членов экипажа «Либерти». Об этом рассказывалось в вышедшей вскоре после войны книге И. Беляева, Т. Колесниченко и Е. Примакова «Голубь спущен». В этой загадочной истории много было тогда неясного. Советские авторы поэтому и назвали главу, посвященную этой истории, «Туман над «Либерти». До сих пор много еще остается неясностей. Официальная израильско-американская версия гласит, что произошло «досадное недоразумение»².

Но теперь уже доподлинно известно, что это было не простое судно, а военный разведывательный корабль, находившийся в ведении ЦРУ. Большую часть его экипажа составляли высококвалифицированные специалисты по радиотехнической разведке и дешифровке, в совершенстве владевшие арабским языком и ивритом. Экипаж корабля был укомплектован за несколько дней до начала израильской агрессии. 2 июня 1967 года корабль покинул испанский порт Рота и взял курс к берегам Египта. В день открытия военных действий он находился непосредственно у берегов Египта. Часть экипажа вместе с аппаратурой высадилась на берег где-то в районе Эль-Ариш, другие остались на корабле. Их секретная деятельность уже не составляет секрета. Одни из них отправляли ложные приказы на арабском языке об отступлении командирам египетских частей, которые пытались организовать на Синае оборону. Ложные приказы, как свидетельствует египетский журналист М. Хейкал, получали и некоторые египетские летчики. «Либерти» перехватывала и расшифровывала радиogramмы и секретные приказы как арабов, так и израильтян. Секреты арабов отправлялись и израильскому командованию и руководству американского ЦРУ. Шифровальные донесения и приказы, переводившиеся с языка иврит, накапливались, а наиболее важные докладывались только непосредственному начальству — руководству ЦРУ.

Как же могло получиться, что хваленая израильская разведка, которая всегда кичится своим «всезнайством», вдруг не мог-

¹ См.: Беляев И. День седьмой, как день первый..., М., 1979, с. 93.

² Life, 7. VII. 1967,

ла отличить своего союзника от противника? Этому никто не может поверить. Не поверили этому и американцы, которые получили тогда из Тель-Авива официальные извинения за «досадное недоразумение». Позднее стало ясно, что эта трагикомедия была разыграна, очевидно, с целью не только замести следы соучастия США в израильской агрессии, но и скрыть некоторые секреты, которыми Тель-Авив не хотел делиться даже с Вашингтоном.

К числу таких секретов следует, очевидно, отнести те коррективы, которые на ходу были внесены Даяном в заранее разработанный и, надо думать, согласованный с американцами план, носивший кодовое название «Удар Сиона».

Хорошо осведомленные о закулисной политике Тель-Авива израильские журналисты Д. Кимхе и Д. Боули в книге «Израиль перед лицом арабов», вышедшей вскоре после войны 1967 года, пытались доказать, будто израильские министры долго колебались, прежде чем решиться на войну, ибо над ними «тяжело висела тень Синайской войны 1956 года» и они испытывали страх, помня предупреждения своего духовного учителя Бен-Гуриона, что «Израиль никогда не должен воевать без союзников, по крайней мере без поддержки хотя бы одной великой западной державы, которая могла бы ему полностью компенсировать уже в ходе войны или сразу после нее все его возможные потери»¹.

Те же Кимхе и Боули, американский журналист Донован и английский историк Дикон, автор книги об израильской разведке, пишут, что первоначальным планом, который был известен американцам, предусматривалось лишь нападение на Египет², оккупация сектора Газа и части территории Синай, которые можно было бы потом использовать в «будущем торге», чтобы заставить египтян открыть Тиранский пролив. На осуществление этого плана отводилось не более 2—3 суток. Корабль «Либерти» был потоплен израильцами 8 июня, то есть именно по истечении трех суток войны, когда израильцы, опьяненные своими легкими военными успехами, взяли курс на «перевыполнение» намеченного плана, то есть начали второй тур агрессии против Иордании и Сирии и продолжали расширять боевые действия даже после принятой 7 июня 1967 года Советом Безопасности повторной резолюции о немедленном прекращении огня, за которую голосовал и представитель США.

Но самое важное состоит в том, что ни израильская атака на «Либерти», ни гибель американских военнослужащих, ни чрезвычайное рвение израильских оккупантов не вызвали резкой реакции администрации Джонсона. И у Тель-Авива, и у Вашингтона была одна главная общая цель — свергнуть прогрессивные режимы в Египте и Сирии. А эта цель не была достигнута аг-

---

¹ *Kimchè D., Bowly D.* Israel face aux arabes. Hier, demain, aujourd'hui. Paris, 1968, p. 144.

² *Deacon R.* The Israel Secret Service, p. 179.

рессором ни в первые три дня, ни в последующие дни. Вот почему в дни войны израильская военщина проявила в ряде случаев показную гуманность, отпуская пленных египетских солдат домой, чтобы они готовились к «свержению Насера». В это же время израильские радиостанции на арабском языке вели психологическую обработку сирийцев, призывая их также покончить с режимом партии Баас. Дело не ограничивалось только призывами. В первые же дни войны в Сирию для организации антиправительственного мятежа был послан все тот же авантюрист — майор Хатум со своими людьми, переодетыми в сирийскую форму, которые находились все это время на содержании американского ЦРУ. В тылу сирийской армии действовали многочисленные диверсанты и лазутчики, которые устраивали диверсии и выполняли задание по целеуказанию. Большинство из них, в том числе Хатум, были обезврежены.

Израильские агрессоры, вопреки резолюциям Совета Безопасности ООН о прекращении огня, продолжали творить разбой и расширять захват арабских земель, ибо, как подчеркивают Д. Кимхе и Д. Боули, эта война выявила «почти полное совпадение интересов» США и Израиля, которые действовали заодно. Вот почему в те дни американские покровители сионистов кричали, что Израиль нужно не осуждать, а решительно поддерживать. Сенатор-республиканец Джавитс даже призывал США применить силу, чтобы помочь Израилю открыть проливы, а обозреватель газеты «Вашингтон пост» Олсоп, помогая официальному представителю США в ООН, доказывал, что действия Израиля — это не агрессия, а «самооборона»¹.

Если у некоторых израильских министров и были кое-какие колебания относительно возможной позиции Запада в случае развязывания войны, то военные в Тель-Авиве не имели никаких сомнений в поддержке США и большинства стран НАТО.

Вместе с тем напрасно американские ученые Л. Блумфилд и А. Лейсс пытаются доказать, будто война в 1967 году на Ближнем Востоке возникла из-за того, что «СССР и арабские страны переоценили степень влияния США на Израиль». Это утверждение опровергают те же Кимхе и Боули, которые приходят к правильному выводу. «Если бы США в действительности хотели помешать Израилю развязать войну, им достаточно было хотя бы дать об этом знать более ясно»².

Поистине яснее не скажешь!

После окончания июньской войны М. Даян заявил, что разведка сыграла в обеспечении успеха не меньшую роль, чем авиация и бронетанковые войска. Признание многозначительное, тем более из уст самого Даяна, который, как доказала документаль-

¹ См.: *Беляев И., Колесниченко Т., Примаков Е.* «Голубь» спущен. М., 1968, с. 87.

² *Kimche D., Bowly D.* Israel face aux arabes. Hier, demain, aujourd'hui, p. 149.

но газета «Гаолам газе», в течение долгих лет находился на службе английской и американской разведок¹. Именно при содействии американского ЦРУ Даян в 1966 году в качестве корреспондента газеты «Маарив» совершил поездку в Южный Вьетнам для приобретения необходимого опыта руководства боевыми действиями в современных условиях и особенно борьбы с партизанским движением. Скрытый смысл заявления Даяна вполне понятен. Секрет военных успехов Израиля был не столько в действиях израильской армии, сколько во взаимодействии ее с разведывательными органами США и НАТО, а также в их военной и политической поддержке

По свидетельству западной печати, американская разведка во время войны оказала Израилю такую помощь, которая по эффективности может сравниться с применением значительных воинских сил.

Американский дипломат Д Нес, бывший во время июньской войны 1967 года поверенным в делах США в Каире, писал в статье «Израиль — 51-й штат?», опубликованной в газете «Нью-Йорк таймс»: «В месяцы, предшествовавшие войне 1967 года, задания по линии военной разведки, спускавшиеся Вашингтоном посольству в Каире, работникам ЦРУ и органам военной разведки, в основном диктовались нуждами Израиля. Эффективность ударов, нанесенных израильскими ВВС 5 июня 1967 года, была обеспечена — по крайней мере отчасти — информацией о египетских аэродромах и о дислокации самолетов, полученной через американские каналы. Что касается политической и экономической информации, государственный департамент имел обычай в то время снабжать посольство Израиля в Вашингтоне копиями всех донесений американских посольств на Ближнем Востоке, которые представляли хоть какой-нибудь интерес»². Известно также, что накануне 5 июня 1967 года израильскому командованию были переданы снимки арабских аэродромов и других военных объектов, осуществленные с американских спутников и самолетов-шпионов³.

В период между «тройственной» агрессией 1956 года и израильской агрессией в июне 1967 года активно развивалось сотрудничество Запада с Израилем не только по разведывательной линии. С помощью США и других западных стран Израиль был превращен в милитаристское государство гарнизонного типа. Он имел хорошо подготовленные вооруженные силы, насчитывавшие после мобилизации около 275 тысяч человек. На их вооружении имелось около 1000 танков и самоходных орудий, 450 боевых самолетов и вертолетов, около 20 боевых кораблей. Буквально за несколько дней до развязывания Израилем агрессии ему были

¹ Гаолам газе, 11. XI. 1970.

² The New York Times, 5. VI. 1971.

³ См.: *Беляев И.* День седьмой, как день первый..., с. 126.

отправлены новые большие партии современного оружия: из США — самолеты и боеприпасы, из Англии — бронеемобили, орудия, пулеметы и боеприпасы¹.

Неосуществленные цели

Израиль и его покровители, развязывая агрессивную войну против арабских стран, стремились по мере возможности попытаться изменить соотношение сил в пользу империализма, усилить его ослабленные позиции на Ближнем Востоке. По признанию израильского генерала Герцога, автора книги «Шесть решающих дней», агрессия против арабских стран в июне 1967 года полностью соответствовала одобренной на сессии НАТО в декабре 1966 года доктрине, требовавшей укрепления «флангов» Атлантического пакта и СЕНТО². Не случайно, очевидно, по прошествии многих лет израильский премьер-министр М. Бегин перед поездкой в 1977 году в Вашингтон счел необходимым напомнить о «заслугах» Тель-Авива десятилетней давности, когда Израиль, блокировав Суэцкий канал, затруднил доставку помощи Вьетнаму, боровшемуся против американской агрессии.

Тель-Авив имел, конечно, и свои собственные цели, совпадавшие в значительной степени с целями империализма. Агрессоры, во-первых, рассчитывали с помощью молниеносной войны сокрушить прогрессивные арабские режимы и воспрепятствовать дальнейшему развитию арабского освободительного и революционного движения; во-вторых, подорвать арабо-советскую дружбу и сотрудничество как основу укрепления независимости молодых арабских государств; в-третьих, ставилась цель расширить путем захвата арабских земель территорию Израиля, отодвинуть как можно дальше его границы; наконец, четвертая цель состояла в том, чтобы на израильский манер решить сложную палестинскую проблему, свести ее до уровня проблемы палестинских беженцев.

Военные цели агрессии, в основу которой была положена стратегия «молниеносной войны», состояли в разгроме вооруженных сил и в значительном ослаблении военного потенциала соседних арабских государств с нанесением главного удара по Египту.

Используя момент внезапности нападения на арабские страны, агрессоры сумели в течение шести дней захватить весь Синайский полуостров, сектор Газа и восточный берег Суэцкого канала, Голанские высоты Сирии и Западный берег Иордана. В целом они оккупировали более 60 тысяч квадратных километров,

¹ *Heikal M. Nasser. The Cairo Documents, p. 269; O'Ballance E. The Third Arab-Israeli War, p. 37—47.*

² *Herzog Ch. Les six jours decisifs. Tel-Aviv, 1967, p. 63.*

то есть втрое больше территории, которую занимал Израиль в границах 1949 года. Осуществление Израилем военной операции «Голубь», вылившейся в широкую агрессию, принесло неисчислимы бедствия арабским странам. Десятки тысяч убитых и раненых, тысячи разрушенных домов, десятки остановившихся промышленных предприятий. Сотни тысяч людей, лишенных крова, пополнили и без того переполненные лагеря палестинских беженцев в Иордании, Сирии, Ливане. Ущерб, причиненный войной, оценивался в несколько миллиардов долларов.

На Западе, в Израиле и арабских странах вышли сотни книг, посвященных итогам июньской войны. Большинство авторов сосредоточивает внимание на вопросах, связанных с причинами военного поражения арабских стран и «молниеносной» победы над ними Израиля. К числу таких главных причин относят обычно ряд военно-политических просчетов руководства Египта и Сирии, неподготовленность их вооруженных сил к отражению агрессии, переоценку боевых возможностей своих армий и недооценку израильских вооруженных сил, недостатки в планировании и отсутствие согласованности действий арабских стран, существенные недостатки в боевой и морально-политической подготовке личного состава арабских армий, особенно Египта.

Сам президент Насер указывал сразу после войны на такие военные причины поражения Египта в июне 1967 года, как недооценка сил и возможностей агрессора, недостаточное воздушное прикрытие перед лицом решающего превосходства противника, неполная отмобилизованность войск, их слабая готовность к отражению удара врага¹

Однако некоторые буржуазные историки и пропагандисты пытаются сместить акценты при анализе причин поражения арабов и военных успехов Израиля. При этом просматривается две ярко выраженные тенденции. Во-первых, всячески принижаются не только боевые, но и личные качества арабских солдат, которые якобы по природе своей обладают «комплексом неполноценности», и восхваляются какие-то особые качества израильских солдат, которых представляют некими «непобедимыми суперменами». Во-вторых, наблюдается, особенно в последние годы, стремление западных и некоторых реакционных арабских исследователей взвалить главную вину за поражение арабских стран в июньской войне на президента Египта, с тем чтобы дискредитировать вместе с военным курсом всю политику Насера в социально-экономической области, а также на международной арене.

Нетрудно усмотреть антиарабскую и даже расистскую подоплеку подобного рода рассуждений. Арабские солдаты неоднократно доказывали свое умение воевать — не только в октябрьской войне 1973 года, но и в критические первые дни войны в июне 1967 года.

¹ См.: *Беляев И., Колесниченко Т., Примаков Е.* «Голубь» спущен, с. 65—66.

Западная и израильская пропаганда создала совершенно неправильное представление о том, будто июньская война была для израильтян если не увеселительной, то чем-то вроде «военно-туристической прогулки» по библейским местам соседних арабских государств. Даже воздушные налеты израильтян на Египет и Сирию не были такими уж безболезненными для израильских ВВС, как это пытаются представить буржуазные военные историки. За два первых дня войны, пока не были фактически выведены из строя почти все египетские и сирийские аэродромы, средства ПВО арабских государств сбили 28 израильских самолетов.

Египетские, сирийские и иорданские солдаты, бойцы из Армии освобождения Палестины, мирное население городов и сел арабских государств, подвергшихся агрессии, проявляли в ряде случаев подлинный героизм, мужество и стойкость в борьбе с превосходящими силами противника. На Синае египетские войска трижды выбивали израильтян в течение первых двух дней войны из города Рафаха, окружив в этом районе израильский батальон и уничтожив большое число солдат и танков противника. Наступление израильских войск под командованием генерала Таля вдоль побережья Средиземного моря было остановлено в первый день египтянами, пока к интервентам не прибыло подкрепление. Египетские войска, лишенные поддержки с воздуха, 6 июня нанесли на отдельных участках большие потери противнику, отбрасывали израильтян и восстанавливали свои позиции. Египтяне отбили, например, опорный пункт Гирана на побережье Средиземного моря. По признанию израильского генерала Таля, здесь израильтянам пришлось выдержать «тяжелый бой». Однако отсутствие поддержки авиации помешало египетским войскам развить этот успех¹.

Далеко не так развивались события, как это предусматривалось планами агрессора, на центральном и южном участках фронта, где израильские войска под командованием генерала А Шарона долго не могли овладеть египетским укрепленным Абу-Авейгила. Здесь велись тяжелые бои в течение более 36 часов, в ходе которых обе стороны понесли большие потери в живой силе и технике, особенно танках. На южном направлении первый эшелон бронетанковой группы израильтян, наступавшей на Эль-Кунтиллу силой до трех батальонов, был почти полностью уничтожен, и только после ввода в бой второго эшелона израильтяне сумели прорвать позиции упорно оборонявшихся египетских войск².

Наступление израильских войск на южном (суэцком) направлении в первый день агрессии, по существу, остановилось. На этом направлении египтяне силой одной мотопехотной дивизии сумели отразить атаки израильских войск и даже перейти в

---

¹ O'Ballance E. The Third Arab-Israeli War, p. 104—105.

² Ibid., p. 120—127.

первый день в контрнаступление, вклинившись на территорию Израиля на глубину 5—10 километров.

На отдельных участках фронта сирийские войска в первые дни войны также вклинивались на территорию Израиля.

Более двух суток шли бои за сирийский город Эль-Кунейтра. Тяжелые уличные бои происходили также в Восточном Иерусалиме. Арабские солдаты проявляли и на других участках фронта стойкость и мужество.

Конечно, нельзя отрицать ряда серьезных просчетов египетского руководства и общей неподготовленности к войне вооруженных сил арабских государств, подвергшихся агрессии, на что указывал сам президент Насер. Однако причины военного поражения арабских стран в июньской войне следует искать все же не в политических просчетах президента Насера и не в «комплексе неполноценности» арабских солдат, а в отсутствии у некоторых египетских генералов и офицеров должного патриотизма и чисто военного профессионализма. Именно на ту египетскую военную верхушку и реакционное офицерство, которые впоследствии предстали перед судом, падает значительная часть вины за поражения не только на египетском, но и на сирийском и иорданском фронтах. Ведь координация действий и общее руководство войной было возложено на египетское военное командование, которое оказалось неспособным руководить вооруженными силами в быстро меняющихся условиях маневренной войны. Более того, их непростительная беспечность граничила с предательством, поскольку в ряде случаев они сознательно шли на обман президента Насера.

Внезапность нападения Израиля на Египет и другие арабские страны, безусловно, явилась одним из важных факторов, обусловивших завоевание израильскими ВВС полного господства в воздухе. Однако нельзя сказать, что вероломное нападение Израиля было неожиданным в широком военно-политическом плане. Буквально за несколько дней до израильской агрессии каирская газета «Аль-Ахрам» писала, что нападение Израиля на Египет, очевидно, неизбежно. Это предположение подтверждала и египетская разведка. Президент Насер, выступая перед египетскими офицерами ВВС, прямо предупредил их о возможном нападении Израиля в первых числах июня.

И все-таки высшее военное командование Египта не сделало из этих предупреждений нужных выводов и не приняло мер по защите аэродромов и других важных военных объектов. В результате на земле была сожжена почти вся египетская авиация, и армия на Синае, оставшись практически без воздушного прикрытия, в последующие дни вынуждена была беспорядочно отступать. А в это же время египетские военные руководители, дезориентируя президента Насера и арабское общественное мнение, оглашали победные репортажи о «сотне сбитых израильских самолетов» и о «победных сражениях» в Синайской пустыне.

А ведь вооруженные силы Египта на самом деле располагали первоклассной современной военной техникой, которая успешно и эффективно могла бы быть использована для отражения агрессии. И если этого не случилось, то только потому, что отдельные генералы и высшие офицеры, группировавшиеся вокруг маршала Амера, фактически были не готовы к выполнению служебного и патриотического долга. Они в душе всегда были против проводившихся Насером прогрессивных социально-экономических преобразований. Именно они составляли, по существу, ту потенциальную «пятую колонну» в Египте, на которую делали ставку агрессоры и их империалистические покровители. Им были чужды социально-экономические цели революции, они поэтому и не могли быть ее стойкими защитниками¹.

Вот почему многие из них активно противились целенаправленной политической работе среди личного состава армии, что, естественно, не могло не отражаться на ее боеспособности. Это по их вине, как указывают многие иностранные авторы, египетские войска не сумели оказать должного сопротивления агрессору, оставив на поле боя в исправном состоянии большое количество первоклассной боевой техники. В общей сложности израильские войска захватили и уничтожили 800 египетских танков, из которых около 300 были в полной или частичной исправности и даже с неизрасходованными снарядами. Это по их вине ряд египетских опорных пунктов, в том числе крепость Шарм-аш-Шейх, были оставлены врагу без всякого сопротивления. Это они первыми бежали с поля боя, оставляя на произвол судьбы своих подчиненных. О нестойкости и низком моральном уровне реакционного командования Египта свидетельствует хотя бы тот факт, что на Синайском полуострове израильтянами были взяты в плен 21 генерал и более 3 тысяч египетских офицеров. Большинство генералов и офицеров Египта составляли выходцы из помещиков и национальной буржуазии. Они были оторваны от народа и от солдат, относились к ним высокомерно и с презрением. Не удивительно, что они не пользовались авторитетом в вооруженных силах, а народ после поражения египетской армии не скрывал своего недовольства и даже ненависти к разжиревшей «военной бюрократии». Не случайно консервативная военная верхушка еще до окончания войны пыталась организовать путч против президента Насера и с помощью членов запрещенной им реакционной мусульманской организации «Братья-мусульмане» (их насчитывалось в стране когда-то более 2 миллионов) вызвать в стране антисоветские настроения и свалить прогрессивный режим.

Глубокий знаток египетской действительности английский писатель Джеймс Олдридж, который прожил в Египте много лет,

---

¹ Подробнее см.: *Беляев И. П., Примаков Е. М.* Египет: время президента Насера. М., 1974, с. 327.

свидетельствует, что большая группа правых офицеров, возглавляемых Амером, используя поражение Египта в войне, «хотела избавиться от Насера, отказаться от идей арабской революции и коренным образом изменить внешнюю политику ОАР, чтобы прийти к соглашению с Соединенными Штатами»¹.

Этот реакционный заговор тогда провалился. Часть его организаторов при жизни Насера предстала перед судом, другие были удалены из армии. Однако их социальная опора не была полностью ликвидирована в Египте. Вот почему оставшаяся часть участников военного заговора и их единомышленники сумели все же после смерти Насера повернуть египетскую революцию вспять и добиться осуществления некоторых целей, ставившихся Амером и его сторонниками.

Хотя Тель-Авив торжествовал «молниеносную победу», для Израиля она обошлась недешево. Несколько тысяч человек было убито и ранено. Выведено из строя более 200 танков и 100 самолетов². Но эти военные потери не идут ни в какое сравнение с морально-политическими издержками Израиля. Перед лицом всего мира Израиль предстал в роли агрессора. По признанию ряда западных авторов, и в США, и в Западной Европе от него отвернулись многие из тех, кто раньше ему сочувствовал или симпатизировал. Но главное, как показали последующие события, особенно октябрьская война 1973 года, огромные оккупированные арабские территории и далеко отодвинутые границы все не обеспечили безопасности и мира Израилю. Напротив, эти «границы» не смогли даже стать линиями перемирия. Они превратились в передовую линию фактически непрекращавшихся военных действий.

Несмотря на военное поражение арабских стран, потерявших в июньской войне около 20 тысяч солдат и офицеров убитыми³, израильская агрессия в политическом и экономическом плане привела во многих отношениях к результатам прямо противоположным тем целям, которые преследовали ее организаторы и исполнители.

Авторитет Советского Союза, решительно вставшего на сторону арабов и поддержавшего их справедливую борьбу против агрессии, значительно возрос, а позиции империалистических государств, в первую очередь США, в арабском мире, оказались подорванными. Ничего нет удивительного, что после первых же налетов израильской авиации на Каир и Дамаск почти во всех арабских столицах стихийно состоялись мощные антиимпериалистические демонстрации. И это были не просто политические манифестации, а взрыв гнева и ненависти к империалистам. Народ понял, кто стоит за спиной агрессоров. Самолеты и бомбы,

¹ Олдридж Д. Каир. Биография города. М., 1970, с. 281—282.

² См.: Зарубежное военное обозрение, 1974, № 4, с. 112.

³ *Abu-Lughod* (ed.). *The Arab-Israeli Confrontation of June 1967: An Arab Perspective*, p. 57.

которые обрушились на арабские города и селения, были поставлены Израилю из США. Вот почему демонстрации в Каире, Дамаске, Аммане, Багдаде, Бейруте сразу вылились в выступления антиамериканской и антианглийской направленности. Демонстранты забрасывали камнями посольства, громили пропагандистские центры империалистических государств. Большинство арабских стран разорвали дипломатические отношения с США, Англией и ФРГ. В некоторых странах было запрещено распространение американской пропагандистской литературы и показ западных фильмов. Арабские страны — экспортеры нефти временно прекратили поставку нефти США, Англии и некоторым другим западным странам, поддерживающим Израиль.

Правда, в Египте и Сирии империалистические агенты и прислужники попытались использовать военные неудачи арабов для провоцирования антисоветских и антиправительственных выступлений. Однако этим провокационным вылазкам был сразу дан решительный отпор. Выступая вскоре после окончания войны, президент Насер дал высокую оценку позиции Советского Союза при отражении израильской агрессии. «Советский Союз.. поддержал нас в политическом плане и оказал экономическую помощь,— заявил Насер.— Он помог укрепить наши вооруженные силы... Мы не хотим, чтобы Советский Союз воевал за нас. Не думайте, что египетский и весь арабский народ хочет, чтобы Советская Армия пришла к нам и воевала вместо нас. У нас есть люди, готовые умереть за родину»¹.

Такую же решительную отповедь антисоветским проидам реакции дало сирийское руководство. Оно четко и ясно заявило, что никому «не удастся обмануть и втянуть в кампанию, поднятую США, Англией и Израилем, которые пытаются вселить в сирийский народ сомнение, подорвать дружбу и сотрудничество со странами социализма, в первую очередь с Советским Союзом»².

Агрессоры и их покровители явно недооценили прочность советско-арабской дружбы. Их надежды на свержение прогрессивных режимов и разжигание антисоветизма с помощью местной реакции снова не оправдались. Даже американская газета «Нью-Йорк геральд трибюн» вынуждена была признать, что в результате войны Израиль не достиг ни одной важной политической цели, и уточнила при этом: «Ему так и не удалось свергнуть режимы Каира и Дамаска».

В Сирии демократические силы еще более сплотились под лозунгом не только отражения агрессии, но и защиты своих прогрессивных преобразований. Отряды вооруженных рабочих и крестьян из состава созданной перед войной «народной армии» в ряде мест оказали серьезное сопротивление войскам захватчи-

---

¹ Цит. по: Демченко П. Арабский Восток в час испытаний, с. 73.

² Ас-Саура, 16.VI. 1967.

ков. В городе Эль-Кунейтра они вели бои за каждую улицу, за каждый дом, защищая город даже после того, как его оставили подразделения регулярной армии. Большую роль в формировании этих отрядов и в организации сопротивления агрессорам сыграли сирийские коммунисты. Они первыми записывались добровольцами на фронт и принимали самое активное участие в работе народных комитетов, создаваемых на местах в целях самообороны и мобилизации населения для отпора врагу. После прекращения огня отряды «народной армии» и комитеты проводили большую работу по укреплению единства и координации действий всех демократических сил для защиты родины.

Не удалась попытка и египетской реакции свергнуть правительство Насера. Народ Египта — сотни тысяч каирцев, жителей Александрии, Асуана, Порт-Саида, Исмаилии и других городов участвовали в стихийных массовых демонстрациях, возникших 9 и 10 июня 1967 года в поддержку прогрессивного, антиимпериалистического курса президента Насера. Народ интуитивно сознавал, что последовательность и результативность такого курса непосредственно зависят от направленности и глубины социально-экономических преобразований в стране.

Состоявшиеся в те дни массовые демонстрации стали своеобразным референдумом, в ходе которого египетский народ активно поддержал внутреннюю и внешнюю политику Насера и высказался за продолжение борьбы против империализма, неокolonиализма и израильской агрессии.

На референдуме 2 мая 1968 года получила единодушное одобрение выдвинутая президентом Насером «Программа 30 марта», предусматривавшая решение таких задач, как создание современного государства, поощряющего демократию и прогресс науки, способствующего развитию экономики и профсоюзного движения, укрепляющего связи между общественностью и вооруженными силами.

Опираясь на волю и поддержку народа, революционные и прогрессивные режимы после израильской агрессии сумели не только удержать, но и значительно укрепить свои позиции также в Ираке и Алжире. Дальнейшее развитие освободительного, антиимпериалистического движения привело к установлению республиканских прогрессивных режимов в Южном Йемене и Ливии. Из оплотов колониализма и неокolonиализма в арабском мире они превратились в опорные базы арабского освободительного движения, активно включившись в борьбу за искоренение остатков колониализма на арабской земле и ликвидацию последствий израильской агрессии.

Арабская солидарность с жертвами израильской агрессии выразилась в самых различных формах. Ирак принял непосредственное участие в отражении агрессии. Другие арабские страны, заявившие о готовности оказать военную поддержку Египту, Сирии и Иордании, не смогли ее оказать из-за скоротечности

войны. Помощь жертвам агрессии приняла другие формы. Сплочение арабов происходило на основе общности борьбы не только против израильской агрессии, но и против происков империализма.

В конце августа 1967 года состоялось совещание глав арабских стран в Хартуме. На нем было принято решение о том, что три нефтедобывающие страны — Кувейт, Саудовская Аравия и Ливия ежегодно будут выделять из поступлений за нефть 135 миллионов фунтов стерлингов Египту и Иордании (Сирия не участвовала в совещании). Совещание подчеркнуло значение использования нефти в интересах арабских стран. Большую роль сыграло решение совещания об активном использовании также политических и дипломатических средств борьбы против агрессии, хотя участники совещания и не смогли выработать единой политической платформы урегулирования ближневосточного конфликта.

Немаловажное значение для укрепления арабской солидарности имела также достигнутая в Хартуме договоренность о выводе из Йеменской Арабской Республики египетских войск и прекращении помощи антиреспубликанским силам со стороны Саудовской Аравии. Это объективно помогало мобилизации военного потенциала арабских стран для борьбы с израильской агрессией. Вместе с тем компромисс, достигнутый в Хартуме, не ослабил, а, напротив, укрепил фронт прогрессивных арабских сил. Этому способствовали, в частности, позитивные изменения, происшедшие в Ираке после июльских событий 1968 года, когда к власти в стране пришло левое руководство партии Баас, добившееся ряда серьезных успехов на пути национально-демократической революции. Во внешнеполитическом плане Ирак стал расширять сотрудничество с государствами социалистического содружества и со всеми антиимпериалистическими силами.

Историческая победа в национально-освободительной борьбе алжирского народа и углубление прогрессивных социально-экономических преобразований в Алжире позволили ему тоже увеличить свой вклад в борьбу за ликвидацию последствий израильской агрессии и уничтожение остатков колониализма.

Помощь друга

В июне 1967 года в решающий для судеб арабских народов час Советский Союз вместе с другими социалистическими странами сделал все возможное, чтобы остановить агрессию. Социалистические страны потребовали от Израиля немедленно прекратить военные действия и подкрепили это требование конкретными шагами. Поскольку Израиль сразу не прекратил огня, представители семи социалистических государств Европы, собрав-

шись 9 июня на совещании в Москве, приняли заявление, в котором предупредили, что, если Израиль будет продолжать агрессию, они сделают все необходимое, чтобы помочь народам арабских стран дать решительный отпор агрессору.

«В трудный час для государств Арабского Востока социалистические страны заявляют, что они целиком и полностью солидарны с их справедливой борьбой и будут оказывать им помощь в деле отражения агрессии и защиты национальной независимости и территориальной целостности», — подчеркивалось в заявлении. И эта солидарность была немедленно проявлена Советский Союз и другие социалистические страны порвали дипломатические отношения с Израилем и предприняли решительные шаги, которые привели к прекращению агрессии и срыву ее целей.

Насущные вопросы, связанные с положением на Ближнем Востоке и оказанием действенной поддержки арабским странам в борьбе против израильской агрессии, обсуждались также 11 и 12 июня 1967 года в Будапеште на втором совещании руководителей братских партий и правительств социалистических стран, а также в сентябре 1967 года в Белграде на заседании представителей правительств европейских социалистических стран. На заседании в Белграде особо обсудили конкретные меры по оказанию экономической помощи арабским странам и развитию с ними экономического сотрудничества.

Участники этих совещаний заявили, что они решительно поддерживают и впредь будут поддерживать арабские государства в их справедливой борьбе за ликвидацию последствий агрессии. Они высказались за еще более полное использование соответствующих средств, отвечающих интересам борьбы против агрессии, за восстановление мира на Ближнем Востоке.

Огромное значение в связи с этим имели решения XXIV съезда КПСС, на котором подверглось всестороннему рассмотрению положение на Ближнем Востоке. Съезд одобрил политику ЦК КПСС и Советского правительства, поручив им и в дальнейшем проводить курс на всемерную поддержку справедливого дела арабских народов. При этом подчеркивалась необходимость для установления мира на Ближнем Востоке вывода войск агрессора с арабских земель и удовлетворение законных прав арабского народа Палестины¹. В специальном заявлении «За справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке!», единодушно принятом съездом, декларировалась широкая поддержка правого дела арабов.

Поддержка Советского Союза нашла конкретное выражение в многочисленных политических и других акциях, направленных на защиту независимости, повышение обороноспособности арабских стран.

---

¹ См.: Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 195—196.

Выступая на открытии IV сессии Всеобщего национального конгресса Арабского социалистического союза 23 июля 1970 года, президент Насер напомнил, что «когда мы вспоминаем о друзьях, которые были рядом с нами в мрачные дни наших испытаний и бедствий 1967 года, мы говорим, что первыми такими друзьями, наиболее дорогими для нас и наиболее достойными нашей безграничной признательности, были Советы, Советский Союз. 11 июня 1967 г. я получил послание от руководителей Советского Союза, в котором говорилось, что мы не должны отчаиваться, что Советский Союз всеми средствами нам поможет, снабдит нас бесплатно вооружением, возместит то, что было нами потеряно в боях на Синае.

Эта помощь явилась краеугольным камнем в восстановлении наших вооруженных сил»¹.

Не только прогрессивные арабские деятели, но даже монархи и лидеры прозападных арабских государств неоднократно отмечали важную роль советской помощи и поддержки в борьбе арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии. Английский военный обозреватель Э. О'Бэллэнс признает, что вооруженные силы Египта и Сирии были почти целиком оснащены советской военной техникой, которая и в количественном и в качественном отношении превосходила израильскую².

В результате военного поражения в июньской войне Египет оказался серьезно ослабленным перед лицом израильского агрессора, который захватил большие военные трофеи и фактически аннексировал богатые арабские земли, в том числе нефтеносные районы Египта. К тому же империалистические покровители сионистов после войны резко увеличили финансовую и военную помощь Израилю, который, по существу, продолжал агрессию. В этих условиях восстановление вооруженных сил Египта и Сирии стало жизненно важной для них задачей. Именно поэтому СССР и другие страны социалистического содружества сразу пришли им на помощь.

Египту и Сирии было предоставлено большое количество современного вооружения, в кратчайшие сроки их оборонный потенциал был не только восстановлен, но и значительно усилен. По оценке американского эксперта Иона Глассмена, уже к середине 1968 года египетские ВВС почти полностью достигли своего довоенного уровня. Годом позже танковый парк египетских вооруженных сил даже значительно превзошел довоенный уровень³. Тот же Э. О'Бэллэнс отмечает, что благодаря советской помощи Египет через несколько месяцев после поражения смог выдержать «войну на изнурение» против Израиля. Это была лишь часть той обширной помощи, которую оказал в тот период

---

¹ *Насер Г. А.* Проблемы египетской революции, с. 239.

² *O'Ballance E.* The Third Arab-Israeli War, p. 59.

³ *Glassman J.* Arms for the Arabs, p. 186—187.

Советский Союз Египту, а также другим арабским странам для противоборства с агрессором.

Советская военная помощь арабским странам логически вытекает из его принципиальной позиции. Еще в критический момент июньской войны Советское правительство, используя прямую связь с Вашингтоном, предупредило правящие круги США, что если Израиль не прекратит военных действий, то СССР не остановится перед принятием самых решительных мер. И это предупреждение, как и послания главам правительств Англии и Франции в ноябре 1956 года, возымело результаты. В последующие несколько месяцев Советский Союз помог Египту и Сирии восстановиться и даже усилить свой военный потенциал настолько, что они в состоянии были наносить ощутимые ответные удары по агрессору.

Советско-арабская дружба и сотрудничество развивались не только в совместной борьбе, но и в совместном созидательном труде, который закладывал фундамент экономической независимости арабских государств, освободившихся от гнета колониализма и ставших на путь социального прогресса.

Известный египетский журналист М. Хейкал, который всегда любит уточнять, что он «не коммунист и не связан особой дружбой с Советским Союзом», сделал десять лет спустя после израильской агрессии весьма многозначительное признание. Наилучшим доказательством экономического и социального прогресса на арабской земле, пишет он, является то, что осуществлено арабско-советским сотрудничеством. «Символом и подтверждением этой истины является высотная Асуанская плотина в Египте и Евфратская плотина в Сирии»¹.

Хейкал не случайно называет эти плотины символами арабского экономического и социального прогресса и относит их строительство к важнейшим этапам борьбы народов Египта и Сирии за укрепление национальной независимости. Очевидно, именно поэтому империалисты и их сионистские агенты развязали вооруженную агрессию против арабских стран в тот самый период, когда на Ниле вступила в строй первая очередь Асуанской гидроэлектростанции и египетский народ воочию убедился в плодотворности дружбы и сотрудничества с Советским Союзом, а на Евфрате началась подготовка к строительству аналогичного гидрокомплекса. «Тройственная» агрессия 1956 года была предпринята против Египта как возмездие империализма не только за национализацию Суэцкого канала, но и за установление военного сотрудничества с Советским Союзом. Израильская агрессия в июне 1967 года ставила целью подорвать в корне арабско-советское сотрудничество, ибо в его эффективности и плодотворности империалисты видели источник стойкости арабов в их борьбе за укрепление национальной независимости и социальный прогресс.

¹ Ар-Раи, 4.V. 1977.

Стройка на Евфрате и высотная Асуанская плотина стали поворотными не только потому, что сирийцы и египтяне рассматривали их как самые величественные сооружения, создающие фундамент экономической независимости своих стран. Эти стройки были связаны также едиными узами советско-арабской дружбы, которая нашла в них живое воплощение.

Советский Союз на деле доказал, что он естественный союзник арабского национально-освободительного движения. Такие акты советско-арабского сотрудничества, как договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и Арабской Республикой Египет, заключенный в 1971 году, и советско-иракский договор о дружбе и сотрудничестве, подписанный в 1972 году, имели исключительно важное политическое значение. Эти договоры стали инструментом противодействия империалистической агрессии, продолжающейся на Ближнем Востоке. Вот почему, как признавали многие арабские руководители, эти акты имели важное значение в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Экономическая помощь Советского Союза арабским странам явилась существеннейшей составной частью и содержанием этих и других договоров. Как и прежде, характерной чертой советской помощи было то, что она не связывалась ни с какими политическими условиями.

Само сотрудничество носило широкий и многообразный характер, охватывая сферы не только экономики, науки и техники, но также и подготовки национальных кадров, здравоохранения и т. д. В Египте при содействии Советского Союза к началу 1972 года было построено или строилось 137 промышленных и иных объектов, благодаря развитию сотрудничества были созданы совершенно новые отрасли индустрии — станкостроительная, инструментальная, химико-фармацевтическая. К середине 1972 года Асуанская ГЭС выработала около 12,5 миллиардов киловатт-часов дешевой электроэнергии¹.

В Сирии строительство Евфратского гидроэнергетического узла уже в 1972 году оказало воздействие на развитие индустрии, возникновение новых и модернизацию старых промышленных предприятий, на рост тяжелой промышленности, увеличение продукции сельского хозяйства. Советский Союз к тому времени оказал значительную помощь и в создании других крупных народнохозяйственных объектов в этой стране — в строительстве железной дороги Латакия — Хaleb — Камышлы протяженностью более 700 километров, обеспечивающей выход к морю для глубоководных сирийских районов, гидроузла вблизи Табка и т. д.

Роль советской экономической и научно-технической помощи не исчерпывалась повышением благосостояния египетского и сирийского народов, подъемом экономики, достижением опреде-

---

¹ См.: Горбатов О. М., Черкасский Л. Я. Сотрудничество СССР со странами Арабского Востока и Африки. М., 1973, с. 223—224.

ленной степени экономической самостоятельности Советская помощь приобретала большое значение и для укрепления оборонного потенциала этих стран, понесших серьезный ущерб вследствие израильской агрессии. Так, в Египте при содействии СССР был расширен и модернизирован металлургический комбинат в Хелуане, в Александрии была сооружена крупнейшая на Ближнем Востоке судверфь, со стапелей которой в 1971 году сошло первое большое египетское судно.

Особое значение имела подготовка национальных кадров. Так, в Арабской Республике Египет к 1973 году в учебных центрах, созданных при содействии Советского Союза, было подготовлено 58 тысяч квалифицированных рабочих для различных отраслей индустрии — бурильщиков, экскаваторщиков, взрывников, машинистов, электромехаников, радиомехаников и т. п. Учебные центры подготовили сотни арабских преподавателей и мастеров производственного обучения. Помимо мирных потребностей страны в гражданских отраслях таким путем были обеспечены и кадры пополнения армии в случае нового военного конфликта в результате израильской политики расширения агрессии.

Советский Союз, другие страны социализма оказали большую помощь также и другим арабским народам, вставшим на путь национально-освободительной борьбы. Так, в Ираке уже на 1 января 1972 года при советском содействии было завершено строительство 75 объектов, из них 36 введено в эксплуатацию¹. По заключенному в 1969 году соглашению СССР оказал Ираку серьезную помощь в развитии национальной нефтяной промышленности. С советской помощью были сооружены крупнейший на Ближнем Востоке электротехнический завод в Багдаде и ряд других предприятий. Значительную экономическую помощь получили и такие арабские страны, как Алжир, Ливия, Тунис, Народная Демократическая Республика Йемен.

Все это объективно содействовало укреплению арабского национально-освободительного движения в целом, подрыву позиций империализма и колониализма на Ближнем Востоке. Только в 1970 году в советских высших учебных заведениях было подготовлено около 600 молодых специалистов из арабских стран. Эта арабская молодежь, вооруженная современными научно-техническими знаниями, заняла достойное место на фронтах национально-освободительной борьбы.

Большое значение в этот период имели кредиты Советского Союза и других стран социализма молодым арабским государствам. В отличие от кредитов западных держав и капиталистических банков, использовавшихся для политического нажима, советские кредиты предоставлялись на основе интернационализ-

---

¹ См.: Горбатов О. М., Черкасский Л. Я. Сотрудничество СССР со странами Арабского Востока и Африки, с. 221.

ма, в действительно национальных интересах арабских народов. Средства направлялись в первую очередь в сферу материального производства и, следовательно, использовались для повышения экономического и оборонного потенциала Египта, Сирии и других арабских государств. Займы предоставлялись под низкие проценты.

Советский Союз оказал арабским странам серьезную поддержку в их борьбе за использование в народных интересах своего главного национального богатства — нефти — и других сырьевых ресурсов. На всех международных форумах СССР неизменно и последовательно поддерживал справедливые требования арабов в этом отношении.

Если бы кабальные условия концессий, навязанные нефтяными монополиями арабским государствам, не были изменены, те из них, которые располагают богатыми нефтеносными месторождениями, не имели бы возможности отчислять средства в помощь жертвам агрессии. Вопреки лживым измышлениям реакционной буржуазной пропаганды, Советский Союз не «подсказывал» арабам их требований в этом направлении, естественно вытекавших из стремления освободиться от вековой экономической эксплуатации.

Когда империалистические круги, ведя двойную игру на Ближнем Востоке, использовали в последующем сочетание политических, экономических и военных методов нажима на арабов, СССР оказал всестороннюю помощь арабским странам, чтобы они смогли выстоять и отразить военные провокации Израиля.

ШЕСТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ «ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ»

Шел шестой день войны. Выйдя к Суэцкому каналу, израильские агрессоры после неоднократных требований Совета Безопасности ООН прекратили огонь на египетском фронте. Добившись военного успеха, Тель-Авив по истечении шести дней после развязывания агрессии официально объявил о ее окончании. В Израиле и на Западе за июньской агрессией Израиля закрепилось поэтому название «шестидневной войны». Однако это лживое название. Первые же дни после войны стали последующими днями агрессии¹. На сирийском фронте война, по существу, не прекращалась еще несколько дней. Даже после прибытия на Голанские высоты наблюдателей ООН для контроля за выполнением решения о прекращении огня, интервенты продолжали чинить разбой на сирийской земле. Они захватили еще ряд деревень и важных высот, убивали или выгоняли жителей, жгли дома и посевы, занимались мародерством.

В своем журналистском блокноте я нахожу записи тех дней. Они обозначены как седьмой, восьмой и последующие дни агрессии. Ощущения окончания войны не было. Каждый день в Дамаск прибывали все новые и новые группы беженцев. Среди них было много палестинцев.

Несколько дней прибывшие в район Эль-Кунейтра наблюдатели ООН никак не могли установить действительную линию перемирия и проверить факты нарушения израильской стороной условий о прекращении огня. Но, чтобы в этом убедиться, достаточно было отметить на карте названия деревень, покинутых беженцами. Более двух третей временно оккупированной сирийской территории агрессоры захватили после того, как они приняли требование Совета Безопасности ООН о прекращении огня.

Всего в провинции Эль-Кунейтра, которая подверглась израильскому нашествию, насчитывалось 100 тысяч жителей. И все, кто не погиб под бомбами, не был расстрелян или сожжен в собственном доме, были силою выгнаны оккупантами из своих деревень.

На деревню Хушния 13 июня было сброшено несколько десятков бомб, хотя в деревне не было никаких военных объектов.

---

¹ См.. *Беляев И.* День седьмой, как день первый ., с 285—289.

Ночью в деревню с 15 вертолетов высадили воздушный десант. Доставленные ими головорезы учинили зверскую расправу над жителями. Раненых расстреляли, остальным приказали уходить в Дамаск.

В деревне Аль-Джувейда оккупанты устроили настоящую охоту на жителей. Старики деревни напомнили оккупантам, что война уже кончилась и решение о прекращении огня надо соблюдать. На это израильский сержант ответил: «Для нас нет законов. Победителей не судят!»...

Подобные рассказы мне приходилось позднее слышать и в Египте и в Иордании. Когда год спустя после так называемого окончания войны я посетил долину реки Иордан, рядом с разрушенным старым мостом через реку я увидел временный деревянный, по которому нескончаемым потоком продолжали двигаться беженцы. Кто — на машинах, кто — пешком, с узлами на плечах и жалкими пожитками в руках. Ту же картину мне приходилось наблюдать в Сирии в первые дни после прекращения огня.

Почти ежедневно, как и египетские города в зоне Суэцкого канала, лагерь палестинских беженцев в долине реки Иордан и иорданские селения, давшие приют палестинцам, а затем и ливанские приграничные деревни подвергались артиллерийскому обстрелу или бомбардировкам с воздуха. Время от времени израильская военщина осуществляла глубинные рейды на территорию Египта, Иордании, Сирии и Ливана, сея смерть и разрушения в палестинских лагерях и арабских селениях.

Борьба на несколько фронтов

Прекращение огня на фронтах не привело к установлению не только прочного мира, но даже более или менее стабильного перемирия. Тем не менее принятие воюющими сторонами этого решения Совета Безопасности ООН ознаменовало новую фазу арабо-израильского конфликта. Из чисто военной сферы он перешел в военно-политическую.

Израиль и его империалистические союзники преследовали в первую очередь достижение той главной цели, которой не удалось достигнуть путем вооруженной агрессии, — свержения прогрессивных арабских режимов в Египте и Сирии. При этом империалисты, как и раньше, большие надежды возлагали на арабскую реакцию. Ожидалось, что она, используя недовольство населения поражением в войне, продолжением израильской оккупации значительных территорий и рядом трудностей, связанных с необходимостью восстановления стран — жертв агрессии, сможет организовать перевороты или добиться радикального поправления существующих в Египте и Сирии режимов.

Насер первый из арабских лидеров осознал важность своевременного использования наряду с военными и политическими мер. Он не разделял мнения некоторых арабских экстремистов, которые утверждали, что пусть Израиль оккупирует Каир и Дамаск, ибо это, дескать, будет «революционизировать» арабский мир и способствовать разворачиванию «народной войны» против оккупантов. Насер не мог согласиться и с аналогичными призывами Пекина, предлагавшего пожертвовать миллионами жизней египтян и сирийцев во имя «будущей победы». Сдать Каир и Дамаск, пожертвовать к тому же миллионами жизней — это означало прежде всего пожертвовать революционными завоеваниями египетского и сирийского народов. А задача состояла не только в том, чтобы отстоять или освободить арабские земли, но еще и в том, чтобы защитить революцию.

Призывы арабских экстремистов и Пекина, по сути дела, совпадали с сокровенными помыслами международной и арабской контрреволюции. Не случайно экстремисты из правого арабского лагеря развернули клеветническую кампанию против Насера, как только он выразил готовность пойти на мирное урегулирование кризиса на условии отвода израильских войск на линию 4 июня 1967 года. Обвиняя Насера в «предательстве» интересов арабских народов, они призывали «воевать до победного конца». Под этим они понимали конечное падение революционного режима и победу реакции. Этого же добивались реакционеры всех мастей внутри Египта и Сирии.

Под предлогом необходимости мобилизации всех национальных сил они призывали уже тогда отказаться от углубления революции, пойти на ее свертывание. Объективно в этом плане интересы внутренней и межарабской реакции смыкались с интересами мирового империализма. Решиться в этих условиях на политическую конфронтацию сразу с несколькими противниками было нелегко. Ведь, по сути дела, нужно было вести борьбу в политической сфере одновременно на трех фронтах — против сионистско-империалистического сговора на международной арене, против левого экстремизма в арабском мире и против правых контрреволюционных сил внутри страны и на межарабской арене.

Весь предыдущий политический опыт подводил Насера к заключению, что в этой политической борьбе на три фронта, сочетающейся с военным противостоянием израильским агрессорам, который пользуется практически неограниченной поддержкой империализма, он может опереться только на испытанных союзников — Советский Союз и другие социалистические страны, все мировое антиимпериалистическое движение. Одновременно на межарабской арене необходимо было мобилизовать арабские военные и экономические ресурсы с целью хотя бы частичной компенсации потерь Египта в войне и продолжения сопротивления с агрессором. И наконец, для отпора контрреволюции вну-

три страны нужно было расширить базу режима и создать надежную опору в народных массах, заинтересованных в углублении революционных социально-экономических преобразований в стране.

Советский Союз и другие страны социалистического содружества сразу после прекращения огня на Ближнем Востоке направили усилия на ликвидацию последствий израильской агрессии.

«В настоящий момент,— подчеркивалось в постановлении Пленума ЦК КПСС, созванного во второй половине июня 1967 года,— когда силы империализма и неокOLONиализма, используя созданную агрессией Израиля обстановку на Ближнем Востоке, посягают на независимость и территориальную целостность арабских государств, важнейшая задача состоит в том, чтобы не дать агрессору воспользоваться результатами его вероломных действий, добиться немедленного, без всяких условий вывода войск интервентов с занятых ими территорий за линию перемирия и возмещения ущерба, причиненного агрессором ОАР, Сирии и Иордании»¹.

Эти изложенные в постановлении июньского (1967 года) Пленума ЦК КПСС требования стали теми принципиальными положениями, которые легли в основу позиции Советского Союза по ближневосточному урегулированию СССР настойчиво и последовательно отстаивал их все последующие годы.

Придерживаясь этой линии, Советский Союз выступил с инициативой созыва специальной чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Это предложение сразу было поддержано Египтом и большинством членов ООН. Несмотря на активное противодействие США и Израиля, сессия состоялась

Сам созыв в июне — июле 1967 года специальной чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН ознаменовал собой важный успех советской дипломатии, ибо эта сессия сразу привлекла внимание мировой общественности к вопросу о необходимости скорейшей ликвидации последствий израильской агрессии. Израиль при содействии США и других империалистических государств пытался всеми средствами сорвать работу сессии, не остановившись даже перед прямым вызовом и наглым пренебрежением этой авторитетной международной организацией, которой он обязан своим созданием

Не дожидаясь окончания работы специальной чрезвычайной сессии ООН, Тель-Авив заявил о присоединении Восточного Иерусалима к Израилю, объявив одновременно «воссоединенный Иерусалим» столицей сионистского государства. Это было двойное нарушение резолюций ООН, и Генеральная Ассамблея дважды осудила эти действия подавляющим большинством голосов. Израильские руководители уже тогда намеревались также при-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 9, 1966—1968. М., 1972, с. 284—285.

соединить к Израилю сектор Газа, район, заселенный палестинскими арабами, который до войны находился под контролем ОАР. Однако, столкнувшись на сессии с решительным противодействием своим аннексионистским устремлениям, они не осмелились на такой шаг.

Вместе с тем из-за позиции империалистических держав специальная чрезвычайная сессия не смогла принять соответствующую резолюцию по главному вопросу — о безоговорочном и срочном отводе войск Израиля с оккупированных в 1967 году арабских территорий. И главным виновником этого были США, которые перед голосованием оказали грубый нажим на зависимые от них страны и использовали различные другие процедурные махинации, чтобы помешать принятию неугодной для Тель-Авива резолюции.

По решению специальной чрезвычайной сессии этот вопрос был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН, в ходе работы которого Советский Союз внес свой проект резолюции, предусматривавший осуждение агрессивных действий Израиля, требование о немедленном и полном выводе всех его войск с оккупированных арабских территорий и отводе их за линию перемирия, существовавшую до 5 июня 1967 года.

Поскольку покровители Израиля и в Совете Безопасности ООН, возражая против осуждения агрессии Израиля, пытались с помощью различных проволок уклониться от выработки конкретных мер по быстрой ликвидации последствий израильской агрессии, Советский Союз согласился голосовать за английский проект, который лег в основу принятой 22 ноября 1967 года Советом Безопасности резолюции № 242. Советский Союз проголосовал за эту компромиссную резолюцию, ибо она на том этапе была единственно возможной базой политического урегулирования и содержала главное требование о выводе израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских территорий. Резолюция № 242, акцентируя главное внимание на этом требовании, вместе с тем предусматривает и такие условия урегулирования ближневосточного конфликта, как прекращение состояния войны на Ближнем Востоке, установление и гарантии общепризнанных границ всех ближневосточных государств, свободу судоходства по морским коммуникациям этого района и решение проблемы палестинских беженцев.

Конечно, резолюция № 242 имела свои изъяны, и Советский Союз уже тогда указывал на них. Но он исходил из реальной в то время расстановки сил на международной арене и конкретной обстановки на Ближнем Востоке. Уже тогда было ясно, что Израиль при содействии США и других своих покровителей ведет курс на затягивание ближневосточного урегулирования и, по существу, на продолжение агрессии против арабских стран. Что же касается справедливого решения палестинской проблемы, то это в первую очередь дело самого палестинского народа, кото-

рый только в процессе борьбы за свои законные права сможет достигнуть той сплоченности и организованности, которые позволят ему выступать самостоятельной политической силой, способной добиться признания на международной арене. Последующие события полностью подтвердили правильность такой политической линии Советского Союза.

Египет, как и Советский Союз, согласился принять резолюцию № 242 при условии выполнения всех ее положений в комплексе. Для этого представитель Египта в мае 1968 года предложил выработать конкретный «план-расписание», фиксирующий сроки осуществления всех положений резолюции Совета Безопасности ООН. Было решено, что такой план попытается выработать специальный представитель генерального секретаря ООН — известный шведский дипломат Гуннар Ярринг в ходе миссии на Ближнем Востоке, которая должна была способствовать выполнению резолюции Совета Безопасности.

Египет, Иордания и Ливан заявили о готовности поддержать миссию Ярринга. Другие арабские страны хотя официально и воздерживались от сотрудничества с Яррингом, в принципе не отрицали возможность использования политических путей урегулирования конфликта.

Израиль, по существу, занял позицию игнорирования резолюции Совета Безопасности. Премьер-министр Голда Меир заявляла, что Израиль должен контролировать Голанские высоты, район Шарм-аш-Шейх и будет настаивать на «исправлении» своих восточных границ. Другие министры ее кабинета пошли еще дальше. Они требовали присоединения к Израилю не только Иерусалима, но и сектора Газа, а лидеры оппозиции во главе с М. Бегинном настаивали на аннексии всего Западного берега реки Иордан. Эти претензии подкреплялись конкретными шагами. Дело не ограничивалось только изданием карт и туристских путеводителей, в которых все оккупированные арабские земли включались в границы государства Израиль. На этих землях сносились арабские дома, кварталы и целые селения; сгонялись арабские жители и создавались израильские сельские колонии и военизированные поселения. С первых дней оккупации израильские власти проводили на захваченных арабских землях, особенно на Западном берегу Иордана, курс «максимум территории и минимум жителей».

Такая политика и практика израильских оккупантов, естественно, не могли способствовать созданию условий для выполнения ноябрьской резолюции Совета Безопасности ООН. Напротив, все это возводило непреодолимые барьеры на пути ее реализации и отдаляло перспективы урегулирования конфликта. Вот почему за год после принятия резолюции № 242 миссия Ярринга практически не продвинулась вперед.

Не удивительно, что министр иностранных дел Израиля А. Эбан в выступлении на XXIII сессии Генеральной Ассамблеи

ООН и в своем меморандуме Г. Яррингу в октябре 1968 года вообще обошел полным молчанием главный пункт резолюции Совета Безопасности ООН о выводе израильских войск с захваченных арабских земель. И эта колонизаторская политика израильских агрессоров находила полное понимание и активную поддержку американских неокolonизаторов.

США хотя и голосовали за резолюцию № 242 в Совете Безопасности, с самого начала кризиса практически поддерживали оккупацию Израилем арабских земель и не предпринимали никаких шагов для того, чтобы ускорить вывод его войск. Не случайно в изложенных президентом Л. Джонсоном 19 июня 1967 года «пяти принципах» упоминалось о признании прав народов на национальное существование, о справедливости по отношению к беженцам, об обеспечении беспрепятственного прохода судов по морским коммуникациям, об ограничении гонки вооружений, о политической независимости и территориальной целостности для всех, но ни слова не говорилось об отводе израильских войск с оккупированных арабских земель и о национальных правах арабского народа Палестины. Таких взглядов придерживались и те, кто претендовал заменить Джонсона на посту президента. Сенатор Г. Хэмфри прямо заявил, что возвращение к обстановке, существовавшей до начала военных действий 4 июня 1967 года, «было бы не путем к миру, а путем к новой вспышке военных действий». Перечисляя же принципы мирного урегулирования на Ближнем Востоке, он даже не упомянул о палестинской проблеме¹.

Стратегия империализма США в первый период после июньской войны сводилась к тому, чтобы, с одной стороны, осуществлять военный нажим на арабские страны с помощью Израиля, как ударной силы колониализма, а с другой стороны — использовать стремление арабских народов к миру. Шантаж войной и спекуляции на мире — такова была действительная сущность маневров американской дипломатии.

Американские дипломаты, политологи и пропагандисты усиленно пытались обосновать «правомерность» израильской агрессии, которая изображалась в качестве превентивной меры. Такую точку зрения, хотя она противоречит историческим фактам, США отстаивали в своей официальной политике в течение всех шести лет, последовавших за «шестидневной войной», и только октябрьская война 1973 года заставила внести в нее некоторые коррективы.

О выводе израильских войск даже не упоминалось в предвыборных речах кандидатов в президенты США. Р. Никсон откровенно ратовал за «усиление военной мощи Израиля» и критиковал демократов за непоследовательность ближневосточной политики США.

---

¹ Near East Report, 16. V. 1968.

С приходом к власти республиканская администрация США стала проявлять еще больше рвения в финансовой и военной поддержке Тель-Авива, хотя и демократам несправедливо было упрекать в скудости. По неполным американским данным, за время с июня 1967 до конца 1969 года Израиль получил из США почти на миллиард долларов военного снаряжения. Непосредственно после июньской войны 1967 года финансовая помощь агрессору из-за океана составляла в среднем 700—800 миллионов долларов ежегодно¹. Кроме того, крупные суммы направлялись в Израиль по частным каналам. Некоторые американские сионисты (Ч. Бассин, У. Аннеберг, Д. Вейлер, У. Розенвальд и другие) направили израильскому правительству со счетов своих компаний по одному миллиону долларов².

Что же касается непоследовательности ближневосточной политики США, то она этим характеризовалась в периоды правления как демократов, так и республиканцев.

В начале 1968 года по поручению координационного комитета республиканской партии был опубликован доклад «Продолжающийся кризис на Ближнем Востоке», подготовленный созданной еще осенью 1967 года группой во главе с бывшим послом США в Ираке Джулиусом Холмсом. В этом докладе также выдвигалось требование о необходимости выработки новой американской политики на Ближнем Востоке и давался ряд рекомендаций на этот счет. Среди них особый интерес представляло предложение добиваться «равновесия сил» не просто между Израилем и арабами, а между Израилем и «умеренными», то есть реакционными арабскими странами, с одной стороны, и прогрессивными или, как их называют авторы, «воинственными», «недружественными арабами», получающими советскую боевую технику, — с другой стороны.

Стоит отметить, что самый термин «недружественные арабы» был позаимствован в этом документе из первых британских колониальных договоров на Арабском Востоке, относящихся к началу XIX века. В последующей ближневосточной политике США этот тезис получил развитие в ориентации на арабскую феодальную реакцию, тем более что во всем этом регионе американский империализм во все возрастающей мере выступал в качестве преемника и «наследника» британского колониализма, стремясь при этом модернизировать его методы и дополнить их своими чисто неоколониалистскими приемами.

В упоминаемом докладе речь шла не столько о пересмотре политики, сколько о попытках возродить прежний неоколониалистский курс, который США стремились проводить сразу после суэцкого кризиса на основе «доктрины Эйзенхауэра».

Подобные же рекомендации содержались во многих выступлениях участников состоявшейся в конце 1968 года конференции

¹ Carré O. Proche Orient entre la guerre et la paix. Paris, 1974, p. 112.

² Donowan R. Six Days of June, p. 139.

по ближневосточным проблемам в Академии политических наук при Колумбийском университете. Материалы этой конференции были затем опубликованы в сборнике с претенциозным заглавием «Советско-американское соперничество на Ближнем Востоке». Во вступительной статье составитель этого сборника — американский реакционный политолог Дж. Гуревич особо подчеркивал необходимость «поддерживать военное превосходство США» на Ближнем Востоке, «стать выше арабо-израильского конфликта и развивать дружбу с арабскими государствами», сосредоточив главные усилия американской дипломатии на «консервативных» арабских странах. Вместе с тем его коллега — профессор военных наук Л. Мартин признавал в своем докладе нереалистичность требований о «полном удалении советских военно-морских, а также, вероятно, и военно-воздушных сил из Средиземноморья» и предлагал искать соглашения об ограничении вооружений для стран этого района¹.

Еще более определенно политика США на Ближнем Востоке подвергалась резкой критике в книге видного американского финансового деятеля и публициста, бывшего советника президента Рузвельта Джеймса Уорбурга «Ближневосточный перекресток. Обзор арабо-еврейских отношений в исторической и европейской перспективах». Пока такая политика будет продолжаться, писал Уорбург, США будут объединяться с «феодалными, нефтедобывающими государствами против бедных нефтью арабских стран, которые борются за социальный и экономический прогресс при поддержке, оказываемой Советским Союзом». Эта политика, говорится в книге, представляет США в роли противника прогрессивных изменений и отводит Израилю место главной военной опоры политико-экономического статус-кво.

Уорбург подчеркивал в своей книге, что сохранение мира на Ближнем Востоке зависит от сотрудничества США и СССР, которое могло бы быть организовано в рамках ООН или какой-либо новой международной организации, «способной не только сохранить мир, но и выступить посредником в конфликтах, не допуская их перерастания в вооруженное столкновение»².

В свою очередь, орган деловых кругов Соединенных Штатов журнал «Бизнес уик» отмечал, что новая вспышка войны на Ближнем Востоке может вызвать репрессалии со стороны арабских правительств против нефтяных компаний, начиная с национализации и кончая эмбарго на поставки нефти³. Это было серьезное и, как показали последующие события, весьма обоснованное предупреждение дирижерам политики США на Ближнем Востоке.

---

¹ Hurewitz J. (ed.). Soviet-American Rivalry in the Middle East. New York, 1969, p. 2, 73

² Warburg J. Crosscurrents in the Middle East. London, 1969, p. 236, 222.

³ Business Week, 26. IX 1970.

Все эти критические выступления, высказывания и предостережения отражали растущее беспокойство политических и деловых кругов США возрастающими негативными последствиями затягивания арабо-израильского конфликта. Администрация Никсона, убедившись, что миссия Ярринга зашла в тупик, сразу после прихода к власти в поисках выхода из этого тупика попыталась заставить Насера пойти на уступки Израилю. В конце 1968 года Каир одновременно посетили государственный секретарь Д. Раск и министр финансов Р. Андерсен. Вслед за этим визитом состоялась серия американо-египетских контактов неофициального характера.

В декабре 1968 года Каир также посетил личный представитель Никсона Уильям Скэрнтон. Этот визит получил широкое освещение в арабской и прежде всего в египетской печати. «Идет много разговоров,— писала в те дни каирская газета «Ахбар аль-Яум»,— о новом американском проекте решения (ближневосточного) кризиса». Однако вскоре та же газета констатировала, что ничего нового и конструктивного в этом проекте обнаружить не удалось.

В ходе проводившихся в Каире американо-египетских переговоров и контактов Вашингтон уже в тот период прощупывал возможность достижения при американском посредничестве сепаратной договоренности между Египтом и Израилем об урегулировании конфликта на основе односторонних уступок с египетской стороны. Однако американским дипломатам и дельцам, как и в 50-х годах, снова не удалось «подобрать ключи к Насеру». Египетский лидер категорически отказался идти на какие-либо сепаратные сделки с агрессором. Он готов был и в ряде случаев шел на компромиссы, но не за счет уступок в принципиальных вопросах, касавшихся судеб египетской революции и всего арабского освободительного движения. От позиции борьбы за полную ликвидацию последствий израильской агрессии, за свободу, независимость и суверенитет всех арабов, включая арабский народ Палестины, неокolonизаторы не могли заставить его отступить ни посулами, ни обещаниями об оказании американской «помощи», ни шантажом и угрозами.

Насер был не просто искусным политиком, но и гибким революционным демократом. В борьбе на несколько фронтов он умел отличать временных попутчиков от надежных друзей и долгосрочных союзников. Даже в самых трудных условиях после проигранного военного сражения с сионистским Израилем, опирающимся на поддержку мирового империализма, он сумел консолидировать и, по существу, возглавить общеарабский фронт, придав ему антиимпериалистическую направленность, несмотря на участие в нем объективных союзников неокolonизализма — арабских монархических государств.

Сосредоточивая усилия на укреплении обороноспособности и военного потенциала Египта, Насер добился получения от них

финансовой помощи (более 90 миллионов фунтов стерлингов ежегодно) в счет компенсации потерь от закрытия Суэцкого канала. И он это сделал не ценой отступления от главных принципов египетской революции и арабского освободительного движения, а лишь за счет второстепенных уступок (вывод египетских войск из Йемена); его целью было способствовать усилению арабского фронта борьбы против израильской агрессии. Временные отступления и уступки как внутренней буржуазии, так и арабской реакции Насер делал в конечном итоге не для свертывания, а для дальнейшего развития египетской революции и укрепления арабского освободительного движения.

В борьбе с продолжавшейся вооруженной агрессией Израиля и в противоборстве с происками неокOLONиализма он находил самую надежную опору в лице Советского Союза, других стран социалистического содружества, всего мирового революционного движения. Вместе с тем на определенных этапах в целях противодействия политическим маневрам США и оказываемому ими на Египет нажиму Насер умело использовал существующие разногласия и противоречия между американскими и западноевропейскими империалистами, которые в большей степени, чем США, испытывали на себе негативные последствия израильской агрессии.

Западноевропейские страны все больше сознавали, что их политические издержки и экономические потери на Ближнем Востоке — это прямой результат откровенно просионистского курса Вашингтона, сделавшего ставку на Израиль для достижения неокOLONиалистских целей США в этом регионе. Вот почему сразу вскоре после израильской агрессии против арабских стран в Западной Европе наметились те тенденции переориентации ближневосточной политики, которые отчетливо проявились впоследствии во время октябрьской войны 1973 года. Если в 1956 году Франция приняла самое активное участие в «тройственной» агрессии, то в 1967 году, после того как Тель-Авив не прислушался к французскому предупреждению и совершил нападение на арабские страны, она не только осудила Израиль, но и наложила эмбарго на поставки Израилю боевых самолетов, за которые частично было уже уплачено.

В ФРГ еще до июньской войны 1967 года подвергалась критике нереалистичная политика тогдашних правящих кругов за их поддержку Израиля в ущерб отношениям с арабскими странами, прежде всего с Египтом. В 1968 году западногерманский журналист Имхоф в своей книге «Дуэль в Средиземном море» напоминал, что ФРГ на 70 процентов зависит в своем энергетическом снабжении от Ближнего Востока, подчеркивал необходимость развития деловых связей с арабами¹. Во время военного конфликта Бонн, в отличие от суэцкой войны, занял, как пишет

---

¹ Imhoff C. Duell im Mittelmeer. Freiburg, 1968, S. 139.

Имхоф, не просто нейтральную позицию, а старательно придерживался курса невмешательства, во всяком случае не поддерживал агрессора.

Из крупных западноевропейских стран только Англия в этот период продолжала следовать в фарватере ближневосточной политики США. Но и там раздавались все громче голоса критики Вашингтона и английского Форин оффиса за их просчеты на Ближнем Востоке. Выступая в начале ноября 1967 года в палате общин, Гарольд Вильсон вынужден был признать, что закрытие Суэцкого канала, бездействующего в результате израильской агрессии, обходится Англии примерно в 20 миллионов фунтов стерлингов ежемесячно¹. Если учесть, что к концу 1968 года потери Англии только из-за бездействия Суэцкого канала, не считая потерь от значительного сокращения внешнеторгового оборота с арабским миром, составили более 300 миллионов фунтов, не трудно понять, почему именно Великобритания выступила в ноябре 1967 года в Совете Безопасности инициатором принятия резолюции № 242, требующей вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий наряду с ликвидацией других последствий израильской агрессии. Как писала французская газета «Трибюн де насьон», «упорство Насера, реакция России и Франции подрезали крылья молниеносной победе» Израиля, и первой жертвой этого стала именно Англия, которая, оказавшись «слишком привязанной к Америке, не смогла выступить в свою защиту»²

Двойственное положение Англии определяло противоречивую политику Лондона в вопросах ближневосточного урегулирования.

Казалось, именно Форин оффис должен был бы проявить инициативу для поиска выхода из тупика, в который по вине Израиля зашла миссия Ярринга, осуществлявшаяся в рамках резолюции № 242. Вместо этого Англия действовала заодно с США в проведении политики фактического затягивания ближневосточного кризиса и поощрения Израиля, отказывавшегося под различными предлогами от выполнения в комплексе всех требований ноябрьской резолюции Совета Безопасности. Более того, США и Англия старались даже как-то оправдать ничем не оправданные аннексионистские притязания Израиля, выдвигающиеся под предлогом обеспечения его «безопасных границ».

Когда в апреле 1969 года по предложению Франции начались консультации постоянных представителей четырех держав в Совете Безопасности по вопросу о миссии Ярринга на Ближнем Востоке, США и Англия настойчиво пытались обусловить выполнение основного положения резолюции № 242 о выводе израильских войск установлением «безопасных и признанных границ»

---

¹ Tribune des Nations, 3. XI. 1967,

² Ibidem.

Израиля, уклоняясь вместе с тем от каких-либо уточнений, расшифровывающих это понятие США при английской поддержке добивались признания самого принципа целесообразности внесения некоторых «ректификаций» (изменений) в начертание будущих границ между арабскими странами и Израилем. В то же время израильские политики не стеснялись растолковывать свою позицию в том смысле, что речь должна идти о «крупных ректификациях». Между тем и из резолюции № 242 и из Устава ООН вытекает принцип недопустимости приобретения территории путем войны.

Тем временем Израиль усиливал военный нажим на арабские страны, особенно на Египет, надеясь в сочетании с дипломатическими маневрами англо-американских империалистов «дожать» арабов военными методами.

«Война на изнурение»

Израильские агрессоры не только осуществляли массовый террор и репрессии против мирного арабского населения в оккупированных ими районах. Уже в начале июля 1967 года они начали совершать разбойничьи налеты на лагеря беженцев, мирные арабские селения и города, расположенные по другую сторону линии прекращения огня. Суэцкий канал вскоре превратился снова в линию фронта затяжной позиционной войны. Каждая из сторон рассматривала ее как продолжение военной конфронтации «на изнурение».

Но цели сторон и используемые ими методы были разными. Если Израиль, по существу, продолжал вооруженную агрессию, то Египет и другие арабские страны вели справедливую борьбу за отражение этой агрессии и ликвидацию ее последствий. Противоположность целей «войны на изнурение» находила отражение в способах и методах ее ведения конфронтующими сторонами.

Израильские агрессоры вели войну не столько против регулярной армии Египта, сколько против его мирного населения. Чуть ли не ежедневно, а иногда и по несколько раз на день рвались бомбы и снаряды в жилых кварталах Суэца, Исмаилии, Порт-Саида. По дорогам, ведущим из этих городов и других населенных пунктов приканальной зоны в глубь страны, вновь потянулись колонны грузовиков и обозы с беженцами. Сразу после войны к 35 тысячам беженцев, эвакуировавшимся из оккупированных районов Синая, прибавилось 210 тысяч, покинувших зону Суэцкого канала¹.

Сотни убитых и раненых мирных жителей, тысячи людей, лишившихся крова, земли, работы. Дымятся руины, зияют пробои-

¹ Couland J. Israel et le Proche Orient arabe. Paris, 1969, p. 115.

гы на фасадах школ, больниц, мечетей, жилых домов. Бездействует Суэцкий канал. Застигнутые войной полтора десятка иностранных судов остались надолго стоять здесь заложниками войны, развязанной израильскими агрессорами. Разрушенный израильскими снарядами монумент с каменной львицей, который был поставлен англичанами у входа в Суэцкий канал в годы первой мировой войны, как бы символизировал нарушенное в зоне канала судоходство. После суэцкой авантюры 1956 года Моше Даян, который возглавлял тогда генеральный штаб Израиля, считал, что «ошибка наступающих частей» заключалась, дескать, в том, что они, выполняя резолюцию ООН, «рано остановились».

В первые же дни возобновившейся «войны на изнурение», которую повел Израиль против арабов, иностранная печать опять писала, что израильские, а также многие американские руководители «считают ошибочным» решение о прекращении военных действий Израилем в июне 1967 года, поскольку не были достигнуты главные цели агрессии. И арабские, и западные газеты резонно ставили тогда вопрос: «Не пытаются ли Тель-Авив и Вашингтон исправить эту «ошибку»?»

Египетские войска не оставляли безответными вооруженные провокации израильских агрессоров. Подвергая артиллерийскому обстрелу их позиции на восточном берегу Суэцкого канала и совершая периодические десантно-диверсионные операции против врага, египтяне стремились помешать ему закрепиться на оккупированной территории и демонстрировали свою готовность дать отпор агрессору в ходе затяжной войны.

В октябре 1967 года был потоплен израильский эсминец «Элат», вторгшийся в территориальные воды Египта в районе Порт-Саида. Полученный агрессором отпор показал ошибочность расчетов Тель-Авива на то, что арабам должно не удастся восстановить свой военный потенциал. Египетская артиллерия наносила все более ощутимые удары по оккупантам, окопавшимся на западном берегу Суэцкого канала.

Агрессоры вымещали свою злобу на мирном населении. 24 октября они подвергли новому массированному артиллерийскому обстрелу Суэц, нанеся большой ущерб портовому хозяйству и разрушив две нефтеочистительных установки. Израильские бомбардировки стали настолько безжалостными, что в конце октября 1967 года Насер принял решение полностью эвакуировать три города, расположенные в приканальной зоне (Порт-Саид, Исмаилию и Суэц), откуда более 400 тысяч новых беженцев хлынули в Каир и в другие глубинные районы Египта¹.

В западной и израильской литературе можно встретить утверждение, якобы «войну на изнурение» первым начал Египет. Однако факты в их хронологической последовательности сви-

¹ Heikal M. The Road to Ramadan. London, 1975, p. 55.

детельствуют о том, что президент Насер лишь принял вызов израильтян. Продолжая оккупацию арабских земель и осуществляя эскалацию военных действий, агрессор хотел «как можно больше унизить своего противника», еще больше ослабить его военный потенциал, увеличить экономические трудности, осложнить внутривосточное положение, особенно в Египте, и добиться в конце концов свержения прогрессивных режимов, а также полной калитуляции арабов

В создавшихся условиях, как признает американский исследователь И. Гласмен, для Насера единственным выходом было перейти тоже к «войне на изнурение», которую он в действительности объявил лишь в середине 1969 года¹.

Насер признавал, что с помощью позиционной затяжной войны он не сможет заставить израильтян освободить все оккупированные арабские или хотя бы египетские земли. Однако он рассчитывал использовать «войну на изнурение» как рычаг военного давления на Израиль, чтобы вынудить его держать свои войска в максимальной степени отмобилизованными, создать для него дополнительные экономические и моральные трудности, а также добиться своеобразного военного равновесия. Все, вместе взятое, могло бы заставить Тель-Авив согласиться на выполнение соответствующих резолюций ООН о политическом урегулировании конфликта

Западные военные исследователи, в частности английский историк майор О'Бэллэнс в книге «Электронная война на Ближнем Востоке 1968—1970 годов», выделяют в «войне на изнурение» два этапа. Первый этап охватывает период с июля 1967 по май 1969 года, когда военные действия велись якобы главным образом сухопутными войсками в зоне Суэцкого канала с применением обычных боевых средств, в основном артиллерии. Второй этап — с середины 1969 по август 1970 года — в западной литературе называют иногда «электронной войной», поскольку в этот период обе стороны широко использовали авиацию и современные средства ПВО, включая зенитно-ракетные комплексы²

С такой периодизацией нельзя полностью согласиться, ибо если Египет в самом деле до середины 1969 года ограничивался главным образом применением артиллерии в зоне Суэцкого канала, то Израиль как на первом, так и на втором этапе использовал диверсии и воздушные налеты не столько против военных, сколько против гражданских объектов Египта, Иордании, Сирии и даже Ливана. Для этого достаточно хотя бы вспомнить такие бандитские налеты израильской военщины, как бомбардировка в конце октября 1968 года трансформаторной станции Наг-Хаммади в южном Египте, ряд других диверсий по взрыву мостов и ирригационных плотин на Ниле, периодические обстрелы и бом-

¹ *Glassman J. Arms for the Arabs*, p. 69.

² *O'Ballance E. The Electronic War in the Middle East. 1968—1970*, London, 1975, p. 11.

бардировки иорданских селений и лагерей палестинских беженцев в долине Иордана и, наконец, пиратский налет в декабре 1968 года на международный аэропорт Бейрута, где были уничтожены все стоявшие там гражданские самолеты ливанских и иностранных авиакомпаний.

С предлагаемой иностранными военными историками периодизацией «войны на изнурение» можно условно согласиться, имея в виду не виды используемого в ней вооружения и характер боевых действий, а их результативность. С середины 1969 года израильские агрессоры действительно стали применять в более широких масштабах авиацию для воздушных налетов по глубинным районам Египта, ибо результаты развязанной ими «войны на изнурение» в зоне Суэцкого канала приобретали для них все более негативный характер.

А это произошло потому, что уже к ноябрю 1967 года, как свидетельствуют М. Хейкал и ряд западных историков (У. Лакёр, О'Бэллэнс, И. Гласмен и другие), боеспособность египетских вооруженных сил была практически восстановлена благодаря широкой военной помощи Советского Союза, который, по признанию У. Лакера, в этот критический для арабов период «показал себя как истинный их друг». Эти поставки в широких масштабах современного советского оружия, пишет У. Лакёр, «имели не только большое военное значение, но и важный политический смысл: Египет, проигравший сражение, имел достаточно оснований не признавать себя побежденным в объявленной длительной «войне на изнурение»¹.

Число вооруженных столкновений на Суэцком канале росло чуть ли не в геометрической прогрессии. Если раньше перестрелки вспыхивали по несколько раз в неделю, то к началу 1969 года — по несколько раз в день.

По данным, приводимым О'Бэллэнсом, ссылающимся на официальные израильские источники, Израиль с июля 1967 по апрель 1969 года потерял убитыми на всех фронтах более 700 военнослужащих; только в зоне Суэцкого канала он потерял убитыми 543 военнослужащих и 116 гражданских лиц, ранеными — 1763 военнослужащих и 629 гражданских². Однако О'Бэллэнс допускает, что эти данные, возможно, слишком занижены. В другой книге, «Силы арабских партизан 1967—1972 годов», О'Бэллэнс, отмечая резко возросшую в этот период активизацию деятельности палестинского движения сопротивления, считает, что только в течение 1968 года имело место более тысячи вооруженных стычек лишь с палестинскими партизанами (не считая Суэцкого канала), в ходе которых было убито и ранено около 900 израильтян³.

¹ *Laqueur W.* La vraie guerre du Kippour. Paris, 1974, p. 15.

² *O'Ballance E.* The Electronic War in the Middle East, p. 61.

³ *O'Ballance E.* Arab Guerilla Power 1967—1972. London, 1974, p. 59—60.

По другим данным израильских источников, за период с июня 1967 по середину 1970 года израильтяне в столкновениях с палестинскими партизанами потеряли 738 человек убитыми и 2728 ранеными. Однако и эти цифры, очевидно, значительно занижены. В итоговой сводке палестинской организации «Фатх» указывается, что в ходе боевых операций, осуществленных только этой организацией в указанный период, было убито и ранено 3650 израильских солдат и более 40 офицеров¹.

Во всяком случае, многие иностранные, в том числе и израильские, авторы признают, что к середине 1969 года потери Израиля в живой силе на первом этапе «войны на изнурение» были больше, чем в ходе июньской войны 1967 года. Кроме того, первый этап «войны на изнурение» в зоне канала, как отмечает У. Лакёр, показал, что израильские вооруженные силы «были далеки от того, чтобы добиться превосходства, особенно в артиллерии, как в количественном, так и в качественном отношении»².

Не только военные, но и политико-экономические итоги первого этапа «войны на изнурение» складывались не в пользу Израиля. Все больше усиливалась изоляция Израиля на международной арене. В глазах мирового общественного мнения «война на изнурение», которую вел Израиль, выглядела как эскалация и расширение израильской агрессии против арабских стран, действия же египетских вооруженных сил и палестинских партизан рассматривались как справедливая борьба за ликвидацию последствий агрессии Израиля, который нагло саботировал выполнение резолюций ООН по политическому урегулированию конфликта.

За агрессивную политику сионистов израильским трудящимся приходилось расплачиваться и своей кровью, и своим кошельком

Как отмечал американский автор Д. Дэвис, более пяти лет возглавлявший агентство ООН по оказанию помощи палестинским беженцам (ЮНРВА), война не решила ни одной из важных для Израиля проблем. «Израиль... просто-напросто сместил границу вражды, но это по-прежнему граница вражды, возможно даже большей, чем раньше. . Нельзя ожидать, как, по-видимому, ожидают Израиль и западные державы, что со временем арабы устанут от войны и подчинятся миру на израильских условиях»³.

В этих условиях израильские руководители, заручившись не только политической, но и военной поддержкой США, которые в 1969 году начали осуществлять в Израиль массовые поставки наступательного оружия, включая самолеты «А-4 Скайхок» и «Фантом», решили прибегнуть к новым методам «войны на из-

¹ *Challand G.* La resistance palestinienne. Paris, 1970, p. 59.

² *Laqueur W.* La vraie guerre du Kippour, p. 16.

³ *Davis J.* The Evasive Peace. A Study of the Zionist-Arab Problem. London, 1968, p. 96—97.

нурение» против Египта. Главный акцент был сделан теперь на бомбардировку с воздуха военных и гражданских объектов не только в приканальной зоне, но в глубинных районах Египта. Одновременно с эскалацией воздушных налетов все более ожесточенный характер принимали и артиллерийские перестрелки в зоне канала. Во время такой перестрелки 9 марта 1969 года погиб один из самых боевых и авторитетных египетских генералов — начальник генерального штаба Абдель Монейм Риад.

В июле 1969 года израильские ВВС совершили ряд налетов на зенитные позиции египтян. В небе Египта все чаще стали завязываться ожесточенные воздушные бои. В начале 1970 года израильские самолеты подвергли бомбардировке ряд военных и экономических объектов в глубинных районах Египта и окрестностях Каира, в том числе завод Абу-Заабале, где было убито 88 рабочих. Руками израильских пилотов с американских новейших самолетов сбрасывался смертоносный груз на мирные жилища и даже на школы. В результате одной из таких бомбардировок в Бахал эль-Бакаре погибло более 50 детей. И это происходило как раз в тот момент, когда дипломатия США пыталась выступить со своей так называемой первой мирной инициативой в ближневосточном урегулировании. Президент Насер, вполне естественно, отверг тогда подобную «мирную инициативу», начиненную бомбами. Принимая 12 апреля 1970 года заместителя государственного секретаря США Дж. Сиско в Каире, Насер прямо заявил, что от подобной «инициативы» он испытывает такую горечь, которой у него даже «не было во времена Даллеса и Багдадского пакта, а теперь, с убийством детей, рабочих и гражданского населения, она появилась»¹.

Насер сразу разгадал опасную сущность нового комбинированного американо-израильского заговора против Египта. Израильские налеты и диверсионные акты являлись составной частью этого заговора.

В этот трудный для Египта час на помощь ему снова пришел Советский Союз. По просьбе египетского правительства, лично президента Насера были приняты срочные и эффективные меры по укреплению системы ПВО Египта, результаты которых не замедлили сказаться.

Эти результаты, пишет У. Лакёр, немедленно дали себя знать и в военной и в политической сфере. «Израильские налеты в глубь египетской территории были прекращены прежде всего потому, что они слишком дорого стали обходиться Израилю — только в период с 30 июня по 7 августа 1970 года было сбито 7 израильских самолетов», в том числе считавшиеся неуязвимыми американские «Фантомы»².

Наметившийся перелом во втором этапе «войны на изнурение», в ходе которого все более отчетливо менялось соотношение

¹ Heikal M. The Road to Ramadan, p. 92.

² Laqueur W, La vraie guerre du Kippour, p. 18.

военных сил в пользу арабов, заставил Израиль отказаться от разбойничьих рейдов в глубь Египта, а США — искать новые подходы и пути для политического урегулирования — разумеется, в своих интересах — арабо-израильского конфликта.

После октябрьской войны 1973 года кое-кто на Западе и в самом Египте пытается умалить вклад президента Насера в укрепление военного потенциала страны и представить дело так, будто военные успехи в октябрьской войне были достигнуты благодаря отходу от курса Насера.

Подобные утверждения опровергает весьма ценное свидетельство М. Хейкала, который писал, что еще 25 ноября 1967 года на совещании с высшими египетскими офицерами Насер предупредил о необходимости проведения самой напряженной боевой подготовки по крайней мере в течение пяти лет (то есть до 1973 года, подчеркнуто мной.— Л. М.), чтобы добиться реального успеха в оказании эффективного военного давления на противника. Именно после этого совещания генерал Риад, пишет Хейкал, «отдал указание подготовить план одного из многих учений, на которых отрабатывались задачи форсирования канала и создание плацдарма на восточном берегу»¹.

В период «войны на изнурение» Насер постоянно придавал исключительно большое значение повышению боевой готовности египетских вооруженных сил. Но вопросы военного строительства он решал в тесной связи с двумя другими, как он считал, главными проблемами политического аспекта — «развитием египетско-советских отношений и укреплением арабской солидарности»².

Именно такая политическая ориентация в решении вопросов укрепления обороноспособности страны позволила Насеру подготовить вооруженные силы и весь народ Египта к достижению тех сдвигов, которые наметились в урегулировании арабо-израильского конфликта на первых порах после октябрьской войны 1973 года.

План-ширма

Эскалация военных действий в зоне Суэцкого канала и глубинные рейды израильской авиации над территорией Египта с целью нажима на египетское руководство не приблизили урегулирование арабо-израильского конфликта, а, напротив, загнали его еще дальше в тупик. Американская дипломатия решила тогда продемонстрировать свою готовность возобновить миссию Ярринга. Однако на самом деле она стремилась подменить эту миссию, навязав взамен американское посредничество.

---

¹ *Heikal M. The Road to Ramadan*, p. 57.

² *Ibid.*, p. 57—58.

Именно эту цель преследовала предпринятая американской дипломатией «новая инициатива», которая впоследствии получила название «плана Роджерса». Весьма примечательно, что первый зондаж для осуществления этой «мирной акции» государственный секретарь США Уильям Роджерс сделал в декабре 1969 года под аккомпанемент разрывов на египетской земле бомб и снарядов израильской военщины. Очевидно, таким «обеспечением» Израиль пытался облегчить реализацию американского плана, поставив Насера перед альтернативой дальнейшей эскалации налетов израильской авиации на Египет. Но к середине 1970 года становилась все более очевидной тщетность попыток Тель-Авива «дожать» арабов с помощью военной силы

19 июня 1970 года государственный секретарь США Роджерс обратился с письмом к министру иностранных дел Египта, в котором признавалось, что положение на Ближнем Востоке «достигло критического момента» и предлагалось «под эгидой посла Ярринга разработать детальные шаги для выполнения резолюции № 242 Совета Безопасности ООН»¹. Этим актом США хотели продемонстрировать по отношению к арабским странам якобы готовность к пересмотру своей ближневосточной политики в духе рекомендаций, которые содержались в приводившихся выше высказываниях ряда американских политологов и некоторых органов печати. Это было первым симптомом начавшегося нового раунда политического маневрирования американской дипломатии на Ближнем Востоке

Вместе с тем «план Роджерса» отражал двойственность ближневосточной политики США, которые, выступая опорой сионизма и его воинствующего экспансионизма на Ближнем Востоке, вместе с тем стремились во имя обеспечения своих нефтяных интересов как-то нормализовать отношения с арабским миром.

Американская поддержка агрессивной политики Израиля вступала в противоречие и с интересами обеспечения мира в глобальном масштабе, поскольку ближневосточный кризис permanently связан с угрозой международной безопасности. Растущее беспокойство мировой общественности неурегулированностью ближневосточного конфликта нашло отражение в дискуссии на юбилейной XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН (1970 год). Представители большинства стран отмечали на ней, что именно Израиль парализовал деятельность миссии Ярринга, а продолжение израильской оккупации арабских территорий является нарушением принципов ООН и представляет собой непосредственную угрозу международному миру и безопасности.

Официально «план Роджерса» был объявлен 23 июля 1970 года, когда письмо государственного секретаря США от 19 июня, посланное египетскому министру иностранных дел, было опубликовано

---

¹ The New York Times, 23. VII. 1970.

ликовано в американской печати. В нем содержалось предложение арабам и Израилю поддержать «восстановление прекращения огня по крайней мере на ограниченный период» и согласиться с текстом доклада Ярринга генеральному секретарю ООН, в котором содержались бы взаимоприемлемые предложения, направленные на создание условий для переговоров по вопросам мирного урегулирования¹. Эта «формула Ярринга» еще весной 1968 года была принята Египтом и Иорданией.

Правительство Израиля тогда отказалось уведомить Ярринга о готовности выполнить резолюцию № 242 Совета Безопасности. Выступление Роджерса в декабре 1969 года по вопросу ближневосточного урегулирования также было встречено правыми кругами Тель-Авива резко отрицательно. И на этот раз израильское правительство не спешило с ответом. Только в начале августа 1970 года оно изложило свою позицию в отношении «плана Роджерса», согласившись принять американскую «инициативу» при условии гарантий США, что «пока не будет достигнуто мирное урегулирование, ни один из израильских солдат не должен быть выведен с оккупированных территорий»². Это была, так сказать, политическая основа американско-израильской ширмы, названной «планом Роджерса». Военная основа этой ширмы тоже не составляла большого секрета.

В отличие от Тель-Авива, Каир и другие арабские столицы проявили искреннее стремление к использованию всех политических возможностей для достижения мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Египет выразил согласие на прекращение огня в зоне Суэцкого канала и на возобновление переговоров на основе текста доклада Ярринга генеральному секретарю ООН. Положительный ответ государственному секретарю США дал также министр иностранных дел Иордании, отметив, однако, что его правительство «не видит ничего нового» в предложениях Роджерса.

В так называемом «плане Роджерса» действительно не было ничего нового. Уже до этого Советский Союз неоднократно предлагал перейти от слов к делу в осуществлении ноябрьской резолюции Совета Безопасности и, в частности, настаивал с этой целью на возобновлении миссии Ярринга. Что же касается создания наиболее благоприятных условий для успеха этой миссии, то египетская сторона сама выдвигала предложение о возможности достижения соглашения о прекращении огня на определенный срок, в течение которого велись бы переговоры при посредничестве Ярринга.

Объявленная цель «плана Роджерса» отвечала устремлению Египта и других арабских стран к прекращению дальнейшего сползания к новой кровопролитной войне. Вот почему, в то вре-

¹ The New York Times, 23. VII. 1970.

² Дмитриев Е., Ладгейкин В. Путь к миру на Ближнем Востоке. М., 1974, с. 161.

мя как Израиль проводил политику проволочек, обуславливал свое согласие на переговоры различными оговорками, свидетельствовавшими о намерении по-прежнему саботировать резолюцию № 242 Совета Безопасности, арабские страны сразу подтвердили свою готовность к возобновлению миссии Ярринга. В ночь с 7 на 8 августа 1970 года соглашение о прекращении огня вступило в силу. Пушки на Ближнем Востоке временно умолкли. «Война на изнурение» была приостановлена. Израильский агрессор и его покровители вынуждены были фактически признать, что они оказались не в состоянии силой принудить арабские страны к капитуляции и навязать им свою волю ни с помощью «молниеносной», ни с помощью затяжной войны.

Но созданные новым перемирием благоприятные условия для политического урегулирования так и не были реализованы. Тель-Авив, выдвинув против Египта обвинение, будто он, в нарушение условия перемирия, устанавливает в зоне Суэцкого канала новые зенитно-ракетные комплексы, уже в начале сентября отказался от контактов с Яррингом.

США не только не осудили Израиль за фактическое саботирование выполнения выдвинутого ими «плана Роджерса» (по крайней мере в том виде, как он был официально объявлен), но и через явно инспирированные госдепартаментом статьи в американской печати выразили, по существу, одобрение такой позиции Тель-Авива. Более того, это одобрение было подкреплено новыми обязательствами по поставкам Израилю новейшего вооружения и боевой техники, данными американским правительством израильскому премьер-министру Голде Мсир в ходе ее официального визита в США в сентябре 1970 года.

Таким образом, потребовалось менее месяца, чтобы выявилось действительное назначение «плана Роджерса» как ширмы, предназначавшейся, с одной стороны, для прикрытия дипломатических маневров по затягиванию справедливого урегулирования ближневосточного конфликта, а с другой — для маскировки осуществления главной линии ближневосточной политики США — всесторонней поддержки и укрепления военного потенциала Израиля.

Тем не менее арабские страны, проявляя терпение, добивались максимального использования наступившей паузы в военной конфронтации с Израилем для начала продвижения к урегулированию конфликта при посредничестве ООН. Со своей стороны Организация Объединенных Наций прилагала также усилия в этом направлении.

В принятой значительным большинством на XXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции содержался призыв к возобновлению контактов сторон через посредство Ярринга и продление еще на три месяца срока прекращения огня.

В феврале 1971 года Ярринг адресовал правительствам Египта и Израиля специальный меморандум, в котором предложил

им параллельно и одновременно принять на себя четкие обязательства по двум основным вопросам — выводу израильских войск и установлению мира. Правительство Египта в своем ответе заявило о согласии заключить мир с Израилем, если тот возьмет на себя обязательство вывести войска со всех оккупированных территорий и выполнит решения ООН о палестинских беженцах. Арабские страны пошли также на ряд уступок в целях достижения мирного урегулирования, в частности согласились гарантировать суверенитет Израиля, если аналогичная готовность будет проявлена и с израильской стороны.

Реакция правящих кругов Израиля на меморандум Ярринга и миролюбивые заявления арабских стран была резко негативна. В коммюнике о заседании израильского кабинета по поводу меморандума было подчеркнуто, что «Израиль не отойдет на линию перемирия по состоянию на 4 июня 1967 года». Западная печать отмечала в связи с этим, что США не оказали никакого влияния на Израиль по поводу возможного его ответа на меморандум Ярринга. Вместе с тем именно в тот период, когда в политике Египта после смерти президента Насера в сентябре 1970 года наметились новые тенденции, американская дипломатия начала проявлять особенно повышенное внимание к тому, чтобы выступить самостоятельным «посредником» в урегулировании конфликта между Израилем и Египтом.

В декабре 1971 года XXVI сессия Генеральной Ассамблеи ООН огромным большинством голосов, 79 против 7, прямо призвала Израиль «положительно ответить на мирную инициативу специального представителя (Ярринга) от 8 февраля». И снова при поддержке и содействии США правительство Израиля не выполнило этого постановления. Зато тогда же стало известно, что администрация Никсона согласилась предоставить Израилю дополнительную партию истребителей «Скайхок», а в начале следующего года было объявлено о готовности США оказать Тель-Авиву содействие в производстве ряда видов новейшего вооружения. Параллельно с вооружением Израиля США продолжали также усиленно заигрывать с реакционными арабскими кругами, внушая им мысль о появлении после иордано-палестинского конфликта в 1970 году якобы реальных возможностей для «поэтапного» урегулирования конфликта Израиля с каждой арабской страной в отдельности.

Идея «поэтапной» дипломатии была выдвинута в конце 60-х годов профессором Йельской школы права М. Рейзманом, который в своем труде «Искусство возможного. Дипломатические альтернативы на Ближнем Востоке» попытался даже подвести под нее некую «историко-правовую» основу. Рассуждая о «многомерности» этого региона, где налицо различные экономические уклады, идеологии, религии, Рейзман на этом основании доказывал невозможность комплексного подхода к разрешению ближневосточного кризиса, при котором якобы все многообраз-

ные вопросы сводятся к одной «укрупненной» проблеме конфронтации.

«Отношения между Израилем и Египтом, Израилем и Сирией, Израилем и Иорданией и народом Палестины,— писал Рейзман,— это ряд проблем, каждая из которых требует особого подхода и отдельной дипломатической стратегии»¹. При таком «особом» подходе речь идет уже не о кардинальном решении вопросов ближневосточного мирного урегулирования, а о частичных, отдельных соглашениях по тем или иным проблемам. По существу, это — использование в современных условиях старого империалистического метода разобщения народов. Рейзман предлагал, в частности, начать с установления «минимального» порядка на Ближнем Востоке, важнейшей составной частью которого, по его мнению, может стать «проект всестороннего развития Синайского полуострова» под эффективным внешним контролем. Для осуществления этого проекта он советовал учредить некий «Трест по развитию Синая» — международную корпорацию, капиталы которой складывались бы из взносов США, стран Ближнего Востока и других заинтересованных государств. Что касается Египта, то он, сохраняя суверенитет над этой территорией, должен передать ее тресту в концессию сроком на 50 лет. Целесообразность реализации такого проекта автор обосновывал необходимостью обеспечения безопасности судоходства по Суэцкому каналу.

Аналогичные, неоколониалистские по своей сути планы США выдвигали еще в 1956 году, когда западные державы тоже добились установления «международного» контроля над Суэцким каналом. Госдепартамент США разработал тогда план создания «Ассоциации пользователей Суэцким каналом», который сама же западная печать иронически назвала «кооперативом Даллеса».

Очень скоро выяснилось, что «план Роджерса» был задуман не как средство разрешения кризиса путем сближения позиции конфликтующих сторон, а как ширма для политического маневрирования и дальнейшего сближения США и Израиля, а также координации их политики и действий. Это особенно наглядно проявилось в ходе разразившегося в то время иордано-палестинского кризиса.

Палестинская трагедия

Вспыхнувшие сначала в Иордании осенью 1970 года, а позднее, в середине 70-х годов, в Ливане братоубийственные гражданские войны возникали вовсе не стихийно, как утверждают

¹ *Reisman M. The Art of the Possible. Diplomatic Alternatives in the Middle East. Princeton, 1970, p. 161.*

некоторые западные исследователи¹. Неправильно было бы также утверждать, что они явились лишь результатом обострения отношений между палестинцами и местными властями или просто кульминационной развязкой случайных вооруженных столкновений между палестинцами и правительственными войсками. Нельзя, очевидно, рассматривать гражданские войны в Иордании, а затем в Ливане и как результат отдельных необдуманных акций анархических элементов палестинского движения сопротивления и различных экстремистских деятелей конфронтующих сторон. Безусловно, каждый из этих факторов оказывал и оказывает влияние на развитие обстановки в этих странах и в арабском мире. Но в первую очередь эти кровавые события — прямой результат целенаправленного тройственного заговора сил империализма, сионизма и реакции против арабской освободительной революции, и в частности против одного из передовых ее отрядов — палестинского движения сопротивления

Очень часто палестинскую проблему называют сердцевиной арабо-израильского конфликта, а ее первопричиной — проблему беженцев. Существует и обратная связь. Неурегулированность этого конфликта сама по себе все больше усложняет и запутывает палестинскую проблему, затягивает еще туже узел противоречий, порождаемых неликвидированностью последствий израильской агрессии, наращивает и усугубляет внутривосточные и экономические трудности как в арабских странах, так и в самом Израиле.

Как известно, проблема палестинских беженцев возникла с появлением самого государства Израиль еще до начала так называемой палестинской войны 1948—1949 годов. Принято считать, что война вспыхнула на второй день после того, как 14 мая 1948 года в Палестине было провозглашено независимое государство Израиль. Причем в буржуазной исторической литературе до сих пор имеет хождение версия, будто инициаторами развязывания первой арабо-израильской войны были арабские страны, на которые якобы падает также главная вина за возникновение проблемы палестинских беженцев.

Исторические же факты говорят совершенно о другом. Фактически палестинская кровавая бойня, вылившаяся впоследствии в войну, началась задолго до провозглашения государства Израиль. Она была развязана не арабами, а сионистскими террористами. Чаще всего кровавые акты и междоусобные столкновения провоцировались английскими колонизаторами, которые с помощью своего не раз проверенного, излюбленного принципа «разделяй и властвуй» хотели таким образом продлить британский мандат над Палестиной. Как пишет французский исследователь Симон Яржи, «английские агенты готовили завтрашние

---

¹ *Snow P. Hussein. A Biography, p. 221.*

волнения, надеясь, что ООН, оказавшись припертой к стене, будет умолять Англию остаться» в Палестине¹. Тот факт, что сионисты демонстративно совершали террористические и диверсионные акты антианглийской направленности (убийство английских солдат, взрыв гостиницы «Царь Давид», где размещалось высшее английское командование, и здания английского банка в Иерусалиме), не менял сути дела. Они преследовали две цели. Во-первых, создать видимость, будто сионизм борется против империализма, представить его как выразителя национально-освободительного движения. Во-вторых, усыпить бдительность арабского населения Палестины, заставить его поверить, что сионисты будут уважать права арабов и даже, как уверяли в тот период сионистские лидеры Х. Вейцман, Д. Бен-Гурион и Голда Меир, отстаивать их интересы².

Однако расистская сущность, антиарабская направленность сионизма выявились еще до провозглашения государства Израиль. Уже в течение 1946—1947 годов сионисты осуществили несколько диверсионных и террористических актов с целью «очищения» от арабов тех районов, которые сионисты ставили целью включить в состав будущего еврейского государства.

При обсуждении в течение длительного времени палестинского вопроса в ООН Советский Союз предложил разрешить его на демократической основе, создав в Палестине двуединое арабо-еврейское государство, в котором бы арабское и еврейское население пользовалось одинаковыми правами. Однако это предложение не нашло тогда поддержки, причем как со стороны еврейских, так и арабских представителей.

Созданный специальный комитет ООН по Палестине 25 ноября 1947 года одобрил план раздела Палестины, а затем этот план большинством голосов был принят Генеральной Ассамблеей ООН.

В соответствии с резолюцией 181/II от 29 ноября 1947 года на бывшей подмандатной территории Англии в Палестине должны были быть созданы два государства — еврейское (площадь 14,1 тысячи квадратных километров, 56 процентов территории, население 1 008 800 человек) и арабское (площадь 11,1 тысячи квадратных километров, 43 процента территории, население 758 520 человек), предлагалось также отдельно выделить международную зону Иерусалима с окрестностями (1 процент территории, население 205 230 тысяч человек). Срок окончания английского мандата и вывода оттуда британских войск был определен до 1 августа 1948 года, а провозглашение независимости обоих государств предусматривалось осуществить не позднее 1 октября 1948 года.

---

¹ *Jargy S. Guerre et Paix en Palestine ou l'Histoire du Conflit israelo-arabe (1917—1967)*. Neuchatel, 1968, p. 58.

² *Don Perets. Israel and Palestine Arabs*. Washington, 1958, p. 92—93.

Хотя сионистские лидеры категорически отказывались тогда от создания арабо-еврейского федеративного государства, настаивая на его полной «евреизации», Израиль в границах, определенных ООН, был не просто двунациональным государством, а даже с большинством арабского населения (499 020 — евреев и 509 780 — арабов).

«Исправление» этого невыгодного для сионистов положения осуществлялось ими по двум направлениям еще задолго до провозглашения государства Израиль: первое — сначала скупка, а затем насильственный захват арабских земель и имущества, второе — запугивание, выселение и массовое терроризирование арабского населения. При этом акции сионистов против арабов щедро финансировались международными сионистскими кругами, связанными с империалистическими монополиями. Так что уже в тот период палестинский конфликт выходил за рамки междоусобной борьбы арабского и еврейского населения Палестины.

Французский исследователь Оливье Карре отмечал, что все этапы «колонизации» Палестины сионистами, включая создание государства Израиль в более широких границах, чем это предусматривалось резолюцией ООН, были осуществлены благодаря интенсивной закупке ими западного оружия и вербовке добровольцев, вернее наемников, для вооруженных еврейских формирований («Хагана»), которые были созданы в Палестине еще до ухода оттуда англичан. Закупка оружия и вербовка производились как в Америке, так и в Европе

«Все эти меры,— пишет О. Карре,— позволили Израилю увеличить свою армию с лета 1948 года до конца войны с 60 тысяч до 100 тысяч солдат, в то время как арабы смогли ей противопоставить лишь 30-тысячную армию, которую потом удалось увеличить до 40 тысяч солдат»¹.

Многие израильские и западные военные историки и исследователи указывают в своих трудах, что израильская армия в лице первых сионистских вооруженных формирований «Хагана» была создана раньше, чем само государство Израиль².

В годы второй мировой войны на базе «Хаганы» с помощью Великобритании были созданы уже регулярные войска «Палмах», подразделения которых в основном размещались в военнизированных сельскохозяйственных поселениях (кибуцах). Именно в тот период в рамках сотрудничества «Палмаха» с англичанами, отмечает И. Аллон, «десять тысяч молодых евреев, которые официально входили в состав британских сил», получили хорошую военную подготовку и технические знания, которые им пригодились, когда они вернулись в «Хагану».

Превосходство израильской армии над арабскими в пале-

---

¹ Carré O. Proche Orient entre la guerre et la paix, p. 71.

² Allon J. The Making of Israel Army. London, 1970, p. 5.

стинской войне проявилось не только в «более высоком боевом духе» и выучке солдат, на чем обычно больше всего акцентируют внимание израильские и западные военные историки, но и в количественном боевом составе, оснащении и мобильности. В книге Г. М. Сачэра «Курс современной еврейской истории» подтверждается, что в войне 1948—1949 годов «евреи обладали большими людскими ресурсами — около 40 тысяч обученных солдат», из которых по крайней мере более 12 тысяч прошли подготовку в рядах «Палмаха» и сионистских формированиях под руководством английских офицеров и около 2,5 тысячи составляли добровольцы из-за рубежа, внесшие «особо важный вклад в авиацию и военно-морской флот»¹. Именно это обстоятельство позволило, очевидно, Б. Кагану в книге «Секретная битва Израиля» прийти к весьма многозначительному выводу, что своей конечной победой в войне 1948—1949 годов сионисты в наибольшей степени обязаны добровольцам и наемникам².

«Хагана» и другие военизированные сионистские организации, «Иргун», «Штерн», начали необъявленную войну против палестинских арабов. В мемуарах «отца Израиля» Д. Бен-Гуриона, сионистских лидеров М. Даяна, И. Аллона без стеснения перечисляются «подвиги» сионистов по «очищению» различных районов Палестины от арабов. Среди них «операции чистки», предпринятые «Хаганой» против мирного арабского населения в деревнях Квазза (декабрь 1947 года), в Саламе (март 1948 года), в Бир-Аббасе и Кастеле (апрель 1948 года). Параллельно террористы организаций «Штерн» и «Иргун» устроили ряд террористических актов в городах Яффа, Аккра и Иерусалим (январь — февраль 1948 года)³. В ночь с 9 на 10 апреля 1948 года они учинили кровавую резню в арабской деревне Дейр-Яссин, где было убито 254 человека, в том числе много женщин и детей.

В апреле 1948 года военные формирования сионистов при фактическом попустительстве английских мандатных войск оккупировали города Яффа, Аккра, Хайфа, Кастель, арабский квартал в Иерусалиме Катамон, где также была устроена кровавая резня. В мае были захвачены Сафад, Бейсан и ряд других населенных пунктов, которые не должны были быть включены в состав израильского государства. Все эти захваты сопровождались в ряде случаев уничтожением, а чаще — массовым изгнанием арабского населения. Так, в ходе оккупации пригородов и арабских кварталов Иерусалима было согнано 45 тысяч арабов, из района Сафада — 25 тысяч, из Яффы и ее пригородов было выселено более 70 тысяч, из района Бейсана — 15 тысяч, Аккры — 30 тысяч, из южной части Палестины — 25

¹ Sachar H. M. The Course of Modern Jewish History. New York, 1958, p. 480.

² Kagan B. The Secret Battle of Israel. New York, 1966, p. 80—81.

³ Ben Gurion. Rebirth and Destiny of Israel, New York, 1959, p. 290—291.

тысяч арабов¹. Таким образом, сионисты начали экспансионистскую войну против арабов и оккупировали значительную часть районов арабской Палестины до того, как было провозглашено государство Израиль, и до того, как в Палестину вступили войска арабских государств. Всего до мая 1948 года из различных районов Палестины, перешедших впоследствии под контроль Израиля, было изгнано около 400 тысяч арабов. Непровержимые факты свидетельствуют о том, что причиной массового бегства арабов были вовсе не «призывы арабских радиостанций» и не «добровольный» их уход, как утверждала сионистская пропаганда, а насильственная депортация с помощью террора, запугивания и наглого обмана арабского населения со стороны сионистских экспансионистов. «Палестинские арабы не покинули свои дома добровольно или подчиняясь приказам правительств арабских стран,— пишет английский историк А. Тойнби — Они ушли под страхом смерти»².

После 15 мая 1948 года, когда войска арабских государств (Иордании, Египта, Сирии, Ирака, Ливана и Саудовской Аравии) вступили на территорию Палестины с целью защиты арабских граждан и отражения сионистской агрессии, политика израильтян заключалась в открытом поощрении или провоцировании бегства арабского населения

С вводом арабских войск палестинский конфликт принял форму открытой арабо-израильской конфронтации. В результате войны, продолжавшейся с перерывами до 23 марта 1949 года, Израилю удалось нанести поражение войскам арабских стран и дополнительно оккупировать территорию площадью 6,7 тысячи квадратных километров, в том числе большую часть Иерусалима. В ходе войны к 400 тысячам палестинцев, покинувшим ранее свои дома, присоединилось еще 340 тысяч беженцев.

Оставшаяся часть территории Палестины, которую не сумел тогда захватить Израиль, была поделена между Иорданией и Египтом. Западный берег Иордана и восточная часть Иерусалима (Старый город) были временно переданы под контроль Иордании, а в секторе Газа была установлена египетская администрация.

Международный статус Иерусалима так и не был обеспечен, а территориальный вопрос в арабо-израильском конфликте еще более обострился, так как границы между Израилем и соседними арабскими государствами не были установлены. Двусторонние соглашения о перемирии между Израилем и арабскими странами — Египтом, Сирией, Иорданией и Ливаном, которыми завершилась первая арабо-израильская война, зафиксировали лишь временные линии перемирия и прекращения огня.

¹ См.: *Дмитриев Е.* Палестинский узел. М., 1978, с. 42—44.

² Цит по: *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта, с. 13.

В апреле 1950 года Западный берег Иордана и восточная часть Иерусалима были включены решением иорданского парламента в состав Хашимитского королевства Иордании с оговоркой, что «присоединение арабской Палестины к Иордании является временным и не будет влиять на окончательный статус арабской Палестины»¹.

Незадолго до этого, 23 января 1950 года, израильское правительство, попирая резолюцию ООН о международном статусе Иерусалима, объявило этот город столицей Израиля. В связи с этим решением и отказом Израиля освободить захваченные им земли Палестины арабские государства отказались вести мирные переговоры, подтвердив, что они находятся с ним в состоянии войны.

Так образовался сложный узел арабо-израильского конфликта, включавший в себя самый животрепещущий вопрос о палестинских беженцах, проблему несозданного арабского палестинского государства и Иерусалима, нерешенные территориальные и пограничные вопросы между Израилем и соседними арабскими странами. Все эти проблемы в еще большей степени осложнялись тем обстоятельством, что израильские лидеры продолжали политику экспансионизма и категорически отказывались от выполнения соответствующих резолюций ООН, касавшихся ли беженцев, Иерусалима или пограничных споров и инцидентов с соседними арабскими странами.

Доктрина экспансионизма и аннексии была давно взята сионизмом на вооружение как в теоретическом, так и в практическом плане. Сам же сионизм вместе с «Декларацией независимости» Израиль провозгласил своей официальной идеологией и политикой, которые при поддержке империалистических государств и международных сионистских организаций целеустремленно проводились на практике.

Государство, родившееся в результате длительной антиколониальной освободительной борьбы еврейского и арабского населения Палестины против английских колонизаторов, стало само под руководством сионистских лидеров проводить колониальную политику расистскими и агрессивными методами в отношении арабов. Сионистские лидеры продолжали во все больших масштабах осуществлять политику аннексии, апартеида и геноцида.

Вопрос о палестинских беженцах в течение тридцати лет почти ежегодно поднимался в ООН, и каждый раз по нему принималась в различных вариантах одна и та же резолюция. В ней подтверждалось право беженцев вернуться на свою землю и вступить во владение своим имуществом или получить денежную компенсацию за него в случае, если кто-либо из них не пожелает вернуться в свои родные места. Но и эта половинчатая резолюция, которая обходила молчанием национальные права палестинцев, оставалась только на бумаге.

¹ Дмитриев Е. Палестинский узел, с. 45.

Израильские руководители демонстрировали упорное нежелание хоть как-то облегчить судьбу согнанных ими с родных земель палестинских арабов и сделать реальный шаг в направлении решения проблемы беженцев. И это вполне объяснимо. Сионистским деятелям выгодно затягивать решение этой проблемы. Спекулируя на ее «неразрешимости», они стараются внушить американским и другим богатым сионистам за границей мысль о «постоянной угрозе» Израилю со стороны арабов, чтобы выкачать из еврейских общин новые денежные и другие подачки. Нерешенность проблемы палестинских беженцев используется в корыстных интересах и империалистическими силами Запада. С одной стороны, она помогает им поддерживать постоянную напряженность на Ближнем Востоке путем разжигания арабо-израильского конфликта и отвлекать тем самым арабов от других важных проблем, связанных с укреплением их независимости и осуществлением прогрессивных социальных преобразований. С другой стороны, направляя палестинскую проблему в русло разжигания междуобщинной, религиозной и национальной вражды в арабских странах временного проживания палестинцев, империалисты уводят арабов в сторону от борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии и вносят раскол в их ряды.

Еще за год до июньской войны 1967 года отношения между королевским правительством Иордании и палестинскими организациями, действовавшими в стране, были на грани открытой вражды, подогревавшейся постоянными израильскими вооруженными провокациями против Иордании. Империалистические силы уже тогда не без успеха направляли иордано-палестинские противоречия в русло разжигания межарабских разногласий из-за различия в подходе к решению палестинской проблемы и в отношении к созданной в 1964 году Организации освобождения Палестины (ООП). Занимавший тогда пост королевского премьер-министра В. Телль, который был впоследствии убит палестинцами как один из главных виновников кровопролития в Иордании, открыто заявлял о «готовности двинуть танки и поднять авиацию» не против Израиля, совершавшего бандитские налеты на иорданские селения, а против Сирии, поддерживавшей ООП¹.

Израильская агрессия 1967 года еще более усложнила решение и без того трудной и запутанной палестинской проблемы. К сотням тысяч палестинских беженцев «первой волны» 1948—1949 годов присоединились «вторая», а затем и «третья» волны арабских беженцев. Общее число палестинских беженцев в таких странах, как Иордания и Ливан, фактически удвоилось, а их число на землях бывшей Палестины, в частности на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, резко сократилось.

До войны 1967 года, по данным ООН, общее число палестинских беженцев составляло около полутора миллионов (из общего

---

¹ Snow P. Hussein. A Biography, p. 212.

числа палестинцев 2 миллиона человек), из них больше половины проживало на территории бывшей Палестины, остальные были расселены в 54 специально отведенных для них лагерях в Иордании, Сирии, Египте и Ливане, где прозябали в ужасных условиях нищеты. Палестинцы составили 37 процентов населения Иордании, 59 процентов населения сектора Газа под контролем Египта, 8 процентов населения Ливана и 3 процента населения Сирии (800 тысяч на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, около 400 тысяч арабо-палестинцев в самом Израиле). К 1977 году в результате израильской агрессии в июне 1967 года число палестинских беженцев превысило 2 миллиона, а общее число палестинцев составило 3,5 миллиона с учетом естественного прироста населения¹. Более половины из них в результате насильственной миграции проживало теперь не в Израиле, не на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, а в различных арабских странах, главным образом в Иордании, Сирии и в Ливане. К палестинским беженцам в этих странах присоединились еще согнанные агрессорами с родных мест так называемые «переселенцы», которых в Иордании насчитывалось в марте 1976 года 210 тысяч, в Сирии — 125 тысяч человек, а в Ливане около 400 тысяч².

Таким образом, Тель-Авиву с помощью вооруженной агрессии в июне 1967 года и установленного оккупационного режима удалось добиться насильственного демографического сдвига, еще больше усложнившего урегулирование палестинской проблемы, поскольку более половины всех палестинцев-арабов оказалось за пределами бывшей Палестины.

Только в феврале 1968 года в результате варварских обстрелов и налетов израильской авиации на лагеря беженцев в долине Иордана около 70 тысяч человек были вынуждены сняться с обжитых мест и искать более надежные убежища подальше от линии прекращения огня, в пригородах Аммана и на севере Иордании. Оккупанты разрушили десятки деревень на Западном берегу Иордана и на Голанских высотах Сирии. Всего, по данным печати, с 1967 по 1977 год на оккупированных территориях было разрушено около 20 тысяч домов, убито около 5 тысяч мирных жителей, около 16 тысяч ранено, подверглись различным пыткам в тюрьмах и концлагерях.

О целях политики запугивания и террора нетрудно было догадаться. Оккупанты, осуществляя массовый изгон палестинцев, разрушая их дома и осваивая их земли, хотели как бы на практике доказать, что «нет палестинского народа — есть только палестинские беженцы». Они старались «исправить ошибку», заключающуюся, по выражению израильской газеты «Давар», в том, что июньская война принесла лишь «территориальную победу», оставив большинство населения «привязанным» к своим

¹ См.: *Дмитриев Е.* Палестинский узел, с. 140.

² *The Middle East and the North Africa.* London, 1977, p. 119, 121.

местам. Завоеватели, силой поднимая палестинцев с родных мест, подготавливали таким образом условия для решения палестинской проблемы на тель-авивский манер. Периодическими вооруженными нападениями, обстрелами, бомбардировками, карательными рейдами против палестинцев, нашедших убежище в соседних арабских странах, Тель-Авив хотел восстановить иорданцев, ливанцев, других арабов против палестинцев, спровоцировать конфронтацию между ними.

С помощью агрессии, террора и политики геноцида сионисты хотели превратить арабский народ Палестины в беженцев, покончить с палестинским движением сопротивления. Однако результаты получились обратные. Существование палестинского народа после июньской войны 1967 года, фиксирует в книге «Куда идет Израиль?» бывший председатель Всемирного еврейского конгресса Наум Гольдман, признается всем миром, даже большинством израильтян¹.

Насилие оккупантов породило палестинское движение сопротивления. Если раньше оно носило неорганизованный, стихийный характер, то после июньской агрессии оно вступило в новый этап развития, заявив о себе как о серьезной реальной силе, с которой Израилю приходилось все больше считаться и в политическом и в военном плане. Тель-Авив хотел сделать палестинцев «народом беженцев», а превратил в народ борцов. Именно беженцы «второй и третьей волны», которых агрессоры лишили сначала земли и имущества, а затем и последней возможности жить мирно в лагерях, составили костяк созданных после июня 1967 года более 30 палестинских организаций, действующих под руководством Организации освобождения Палестины. Она была создана на Национальном совете Палестины в Иерусалиме 28 мая 1964 года. Впоследствии ООП была признана на международной арене как единственный законный представитель палестинского народа. В нее вошло большинство палестинских организаций, штаб-квартиры которых размещались до конца 1970 года в основном в Иордании, а затем в Ливане.

ООП подчиняется созданная в сентябре 1964 года регулярная Армия освобождения Палестины (АОП), подразделения которой во взаимодействии с вооруженными силами арабских стран участвовали в отражении агрессивных акций Израиля. Под руководством ООП действуют также объединенные в Силы народного освобождения (СНО) партизанские отряды палестинских организаций «Фатх», «Ас-Саика», Арабский фронт освобождения Палестины (АФОП), Народный фронт освобождения Палестины (НФОП), Фронт народной борьбы, Демократический фронт освобождения Палестины (ДФОП) и другие. Партизанские отряды палестинцев с 1 января 1965 года начали вести вооруженную борьбу против Израиля, которая особенно активизировалась на

---

¹ Goldman N. Oû va Israel? Paris, 1975, p. 84.

оккупированных территориях после июньской войны. Эта дата считается днем рождения ПДС и началом палестинской революции.

На четвертой сессии Национального совета Палестины в Каире в феврале 1969 года было принято решение об объединении военных и политических усилий всех палестинских организаций, действия которых стал координировать Исполком ООП. Председателем Исполкома был избран Ясир Арафат. В состав Исполкома вошли представители почти всех палестинских организаций. В июне 1970 года был образован другой координационный орган — Центральный комитет палестинского движения сопротивления, возглавляемый также Я. Арафатом. Общая численность вооруженных бойцов в рядах ПДС, по данным иностранной печати, составляла в 1970 году 30—40 тысяч человек¹.

Организации, к которым принадлежат партизаны, называются по-разному. Но, как правило, их названия выражают идею освобождения Палестины. В арабских странах чаще всего палестинских партизан называют федаями, то есть людьми, готовыми пожертвовать собой. В Израиле и в некоторых западных странах о них говорят как о «террористах». В палаточных городках лагерей палестинских беженцев их любовно величают «молодыми отцами», ибо, несмотря на то, что многим из них всего 16—18 лет, они носят партизанские клички: Абу-Наср (Отец победы), Абу-Сейф (Отец меча) и т. п. Вступив в ряды палестинского движения сопротивления, они как бы на время отказываются от своего подлинного имени, как и вообще от многих житейских благ, жертвуя всем, в том числе, если понадобится, и жизнью, во имя освобождения своей родной земли, утверждения поправленного оккупантами законного человеческого права называться гражданином своей родины.

Один из федаев, отвечая на вопрос иностранного корреспондента, почему он стал партизаном, ответил: «Потому, что я сын палестинца; потому, что наш дом разрушили сионисты; потому, что они отобрали нашу землю; потому, что я родился в палатке лагеря для беженцев; потому, что я понял, что не могу быть всю жизнь без родины».

— И вы хотите сбросить евреев в море? — с явно провокационной целью спросил иностранный журналист.

«Нет, — твердо ответил молодой партизан. — Евреи — наши братья. И они и мы — семитского происхождения, так что мы никак не можем быть антисемитами. Мы должны и можем жить в мире. Но для этого нужно сначала выкорчевать сионизм. Он виноват в наших бедах, а не евреи. Среди нас есть партизаны, которые сами еврейской крови. И есть много евреев, особенно за границей, которые поддерживают нас, в том числе деньгами... Некоторые женаты на еврейках, у многих есть друзья евреи.

---

¹ Snow P. Hussein. A Biography, p. 108.

Мы ненавидим сионистов, как вы, европейцы, ненавидели фашистов».

По своей политической направленности и социальному составу палестинское движение сопротивления крайне неоднородно. Это объясняется прежде всего его классовой пестротой. В ПДС участвуют как представители трудящихся слоев и передовой интеллигенции, так и представители палестинской мелкой и средней буржуазии, стремящиеся придать движению псевдореволюционную, анархическую или чисто националистическую окраску. Выдвигая экстремистские лозунги, некоторые как правые, так и ультралевые авантюристические элементы в ПДС, пользующиеся поддержкой арабской реакции и Пекина, наносили вред общепалестинскому делу и самому палестинскому движению, внося в него раскол и анархию. Например, большой вред палестинскому движению сопротивления приносили безответственные высказывания некоторых его лидеров, вроде бывшего председателя Исполкома ООП Ахмеда Шукейри. Выдвигая лозунг о праве арабского народа Палестины на самоопределение, они отрицали это право за проживающими там евреями и призывали «уничтожить государство Израиль». Несомненно, экстремистские тенденции в палестинском движении являются прежде всего следствием экстремизма и экспансионизма израильских руководителей. Но империалистические и сионистские пропагандисты пытаются все перевернуть с ног на голову. Некоторые необдуманные экстремистские заявления палестинских лидеров в полной мере используются сионистами для разжигания антиарабских настроений, оправдания агрессии Израиля против арабских государств и его отказа признавать ООП как законного представителя палестинского народа.

Единственно возможный справедливый путь решения палестинской проблемы — это взаимное признание за евреями Израиля и арабами-палестинцами равных, одинаковых прав на суверенное существование, государственность и безопасность.

Израильские и некоторые западные пропагандистские органы, с одной стороны, идут на прямую фальсификацию и извращение фактов, с другой — сознательно извращают или замалчивают новые, эволюционирующие в сторону реализма тенденции в позиции арабских и палестинских руководителей по урегулированию ближневосточного конфликта. Такие тенденции нашли отражение в выступлении председателя Исполкома ООП Я. Арафата на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ноябре 1974 года, а также в решении Национального совета Палестины, принятом на каирской сессии в марте 1977 года, в котором прямо говорилось о задаче создания палестинского государства на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Что же касается признания палестинцами Израиля, то, как подчеркнул Я. Арафат, более логично в первую очередь поставить вопрос наоборот — о признании Израилем за палестинцами, лишенными своего дома, права

иметь свою родину. На этот вопрос израильский премьер-министр М. Бегин после подписания сепаратного «мирного» договора с Египтом дал совершенно категоричный ответ, что Израиль никогда не признает ООП и никогда не согласится на создание независимого палестинского государства.

Вместе с тем сионистские пропагандисты, как отмечал Я. Арафат в интервью газете «Монд», умышленно искажают позицию ООП по вопросам ближневосточного урегулирования. «Я выступал,— заявил Арафат,— за братство и основанное на равенстве мирное сосуществование между арабами и евреями, всеми евреями без исключения, на земле Палестины .. Сионистские пропагандисты подчеркивали одну фразу из моей речи, вырванную из контекста, для того, чтобы лишней раз распространять гнусный тезис, согласно которому мы якобы стремимся сбросить евреев в море»¹.

И евреи и арабы, стоящие на реалистических позициях и разделяющие точку зрения марксистов по национальному вопросу, подразумевают под «одинаковыми правами» не только права политические, экономические и культурные, но и право каждого народа на самоопределение. Они исходят при этом из того, что нельзя вести успешную борьбу за право на самоопределение одного народа, отказывая в этом законном праве другому народу. И коммунисты, и многие другие трезвомыслящие жители Израйля, равно как прогрессивные силы арабских стран, связывают поэтому справедливое урегулирование палестинской проблемы с борьбой против сионистского расизма, а не с ликвидацией государства Израиль как такового. В свою очередь право Израйля на существование также не должно утверждаться на отказе в родине палестинским арабам, на их массовом изгнании с родных земель «очищаемых» для еврейских иммигрантов из различных частей мира. С 1949 по 1974 год, по свидетельству «Нью-Йорк таймс», в Израиль прибыло около полутора миллионов евреев из 100 стран², но газета умалчивает о том, что за этот же период лишились родины по меньшей мере 2 миллиона палестинских арабов. Естественно, что такое «право» одних, строящееся на бесправии других, не признается и не может быть признано ни палестинцами, ни арабскими государствами.

На позиции палестинских организаций по вопросам тактики и стратегии борьбы оказывают определенное влияние существовавшие и сохраняющиеся еще разногласия между самими арабскими странами по вопросу о путях урегулирования арабо-израильского конфликта.

Различие политических оценок распространяется и на военную область, в частности на методы ведения самой вооруженной борьбы. Часть экстремистски настроенных палестинских лидеров

---

¹ Цит. по: *Примаков Е. М.* Анатомия ближневосточного конфликта, с. 137.

² *The New York Times*, 15. VIII. 1974.

предпочитают согласованным действиям против агрессоров и целенаправленной политической работе в массах на оккупированных территориях эффективные, но малоэффективные террористические акты и диверсии. Конечно, терроризм палестинцев — это прежде всего ответ на агрессивные действия, политику геноцида и террора сионистов в отношении арабского населения. Но в любом случае, хотя эти акты отчасти и можно объяснить психологически, они не имеют ничего общего с борьбой палестинского народа за свои законные права. Напротив, они осложняют ведение этой борьбы, восстаивают мировое общественное мнение против справедливого дела палестинцев. Следует также учесть, что социальная пестрота, разобщенность и разногласия в палестинском движении создают благоприятную почву для внедрения в него империалистическими и израильской разведками своей агентуры

Военный обозреватель английской газеты «Таймс» Стэнхоуп утверждает, что во многие палестинские организации внедрены израильские агенты, которые туда проникли под видом беженцев в «критические 1948, 1956, 1967 годы. Они, — отмечает Стэнхоуп, — используют палестинские организации, чтобы приобрести безупречную репутацию, а также собирать и передавать подробную информацию разведывательного характера в Израиль»¹.

Однако их деятельность этим не ограничивается. Главная их задача состоит в том, как показали кровавые события в Иордании и в Ливане, чтобы вызывать беспорядки в арабских странах, провоцировать столкновения между палестинцами и местными властями, террористическими и диверсионными актами дискредитировать и подрывать репутацию палестинского движения сопротивления в арабском мире и на международной арене. Империалистическая и израильская агентура и в Иордании и в Ливане действовала в этом направлении совместно с арабской реакцией, подталкивая честных, но политически малоискушенных палестинцев к экстремизму, чтобы представить партизан лишь как террористов, подорвать таким образом их связи с арабскими массами, лишить международной поддержки

В результате подрывной деятельности империалистической агентуры и арабской реакции в течение 1968 и 1969 годов был спровоцирован ряд вооруженных столкновений палестинцев с правительственными войсками в Иордании и Ливане, в ходе которых с обеих сторон были убиты и ранены тысячи людей.

В разгар обострения обстановки в Ливане в октябре 1969 года у ливанских берегов не случайно вновь появились корабли 6-го флота США. Они демонстрировали готовность вмешаться в события в случае, если бы те приняли нежелательный для империалистов ход. Решительная и твердая позиция Советского Союза, предупредившего в заявлении ТАСС, опубликованном

---

¹ The Times, 12. IV. 1973.

26 октября 1969 года, об опасных последствиях готовившегося заговора против палестинского движения сопротивления и прогрессивных арабских сил, помешала тогда осуществлению, как писала ливанская печать, новой американской вооруженной интервенции в Ливан.

Заговор против ПДС был сорван также активными усилиями Египта и других арабских стран. При личном посредничестве президента Насера в конце октября 1969 года между руководителями Ливана и ПДС было достигнуто Каирское соглашение, которое положило тогда конец кровопролитию в Ливане. Каирское соглашение определило также статус военного присутствия палестинцев на части ливанской территории.

После прекращения огня на Суэцком канале в августе 1970 года империализм и реакция вновь активизировали подрывную деятельность против палестинского движения. Осуществленный в начале сентября 1970 года палестинскими экстремистами угон четырех иностранных самолетов и насильственное задержание их пассажиров в качестве заложников Израиль использовал для срыва нового тура переговоров при посредничестве Ярринга, а империалисты и реакция — для нанесения удара по палестинцам в Иордании. Вот почему руководство ПДС осудило тогда действия экстремистских элементов, как наносящие вред общеарабской борьбе и палестинскому движению.

Тем не менее экстремисты из реакционного лагеря в правительстве и военном командовании Иордании, связанные с империалистическими кругами Запада, использовали этот случай как повод для срыва достигнутого ранее с палестинскими руководителями соглашения о сотрудничестве и принятия против палестинцев ряда чрезвычайных мер, приведших затем к трагическим последствиям.

Девять дней кровавых событий в Иордании в сентябре 1970 года вызвали понятную тревогу в арабском мире, у всех честных людей, поддерживающих справедливую борьбу арабских народов против израильской агрессии. Хотя на этот раз артиллерийская канонада гремела не на линии прекращения огня, а за десятки и сотни километров от фронта, в жилых кварталах Аммана, Ирбиды, Джараша, Зарка, и проливалась кровь только арабов, всем было ясно, что эти кровавые события — прямое следствие израильской агрессии.

Братоубийственная война в Иордании вызывала тревогу еще и потому, что она вспыхнула именно в тот момент, когда в результате мирной инициативы Египта, приведшей к прекращению огня на Суэцком канале и возобновлению миссии Ярринга, появились, казалось бы, некоторые предпосылки для политического урегулирования ближневосточного конфликта.

Израильские экстремисты и стоящие за ними империалистические круги не преминули воспользоваться событиями в Иордании для нагнетания напряженности на Ближнем Востоке и

активного приготовления к новому военному раунду, чтобы попытаться еще раз силой навязать свою волю арабам. Из Тель-Авива снова стали раздаваться воинственные голоса израильских генералов, призывавших вмешаться в иорданские события, если они примут невыгодный для Израиля оборот. В восточной части Средиземного моря, как и в памятные дни ливанского кризиса в 1958 году, снова замаячили корабли 6-го флота, на усиление которого из США двинулись авианосец «Джон Ф. Кеннеди» и вертолетоносец «Гуам» с подразделениями морской пехоты на борту. Приведены были в состояние боевой готовности американские авиадесантные части и соединения на континенте и в Западной Европе

«Израильский фронт на это время был забыт»,— пишет П. Сноу. При этом он уточняет, что реакционное иорданское командование вело тогда фактически войну на два фронта на внутреннем — против палестинцев и на внешнем — против сирийцев и иракцев, поскольку они поддерживали палестинцев. Не без удовлетворения этот английский автор констатирует, что, по данным иорданского командования, погибло не менее 1300 палестинских партизан, а с учетом убитых и раненых жителей палестинских лагерей общая цифра жертв гражданской войны в Иордании составила, по оценке руководства ООП, около 20 тысяч человек.

Тем не менее, по мнению другого английского автора, О'Бэллэнса, эта война «не выявила ни победителей, ни побежденных»¹ Не осуществленными тогда остались и основные цели, которые преследовали империалисты и Израиль, готовые, по свидетельству американской печати, в любой момент вмешаться в события в Иордании и осуществить разработанный ими общий план. Этот план, как сообщала «Нью-Йорк таймс», предусматривал высадку американского десанта в Иордании при поддержке 6-го флота под предлогом «защиты ее от возможной интервенции Израиля», то есть повторение, по существу, с некоторыми коррективами, того же варианта агрессии, которую предпринимали под аналогичным предлогом англо-французские колонизаторы против Египта в 1956 году. Разница заключалась лишь в том, что на этот раз в роли агрессора должны были выступать США, а израильские войска должны были вторгнуться в Сирию.

В разработке этого плана, сообщала газета, непосредственное участие принимали государственный секретарь США У. Роджерс, его два заместителя, директор ЦРУ Р. Хелмс, председатель Комитета начальников штабов адмирал Т. Мурер, посол Израиля в Вашингтоне И. Рабин, его доверенное лицо Аргов, работой которых руководил помощник президента по национальной безопасности Г. Киссинджер²

¹ O'Ballance E. Arab Guerilla Power 1967—1972, p. 155.

² The New York Times, 8. X. 1970.

Заседания этой «рабочей группы» проходили в тот самый момент, когда американская дипломатия выступала с различного рода «мирными инициативами» по урегулированию ближневосточного конфликта на основе «плана Роджерса». В момент, когда взоры общественности были направлены на Роджерса и Сиско, пишут американские авторы братья Кэлб, за кулисами, в тени и без рекламной шумихи, в обход даже государственного департамента действовали Киссинджер и Рабин, на которых была возложена задача договориться о беспрецедентном секретном американо-израильском плане совместных военных действий в иорданском кризисе. Этим планом предусматривались, в частности, нанесение израильтянами удара по сирийским танкам в районе Ирбид и согласованные действия сухопутных сил и ВВС Израиля против Сирии¹.

На крайний случай была достигнута договоренность с Израилем об американском вооруженном вмешательстве в Иордании. В случае, если иорданским властям не удалось бы добиться освобождения заложников и возвращения захваченных палестинцами гражданских самолетов, предусматривалось проведение самостоятельной операции «по спасению» с помощью высадки американского воздушного десанта. Для успешного осуществления совместной американо-израильской военной акции против Сирии и палестинцев созданная в Вашингтоне группа специальных действий рекомендовала также «продемонстрировать угрозу и в адрес Советского Союза».

Однако Советское правительство, предупредив США и Израиль о возможных опасных последствиях их вооруженного вмешательства в иорданские события, оказало решительную поддержку усилиям арабских государств по нормализации положения в Иордании².

Иордано-палестинская трагедия, разыгравшаяся осенью 1970 года, дорого обошлась арабскому народу. Главы арабских стран и руководители палестинского движения приложили немало усилий, чтобы положить конец братоубийственной войне. Делу урегулирования этого конфликта и укрепления общеарабского фронта отдал свои последние силы президент Египта Гамаль Абдель Насер — на следующий день после заключения в Каире иордано-палестинского соглашения, 28 сентября 1970 года, он скоропостижно скончался от разрыва сердца.

Гражданская война в Иордании, а затем еще более затяжной и кровавый кризис в Ливане, сопровождаемые в первом случае «демонстрацией силы», а во втором — новой израильской агрессией и угрозами военного вмешательства империалистов, со всей наглядностью показали, что Тель-Авив и неокOLONиалист-

---

¹ *Kalb M. and Kalb B. Kissinger. New York, 1975, p. 235.*

² См.: *Кременюк В. А. Политика США в развивающихся странах, с. 190—191.*

ские круги делают все возможное, чтобы навязать свою волю арабским народам, расколоть их ряды.

Провоцируя междоусобные конфликты, империалисты стремятся отвлечь арабов от борьбы против Израиля, направить их силы на противоборство друг с другом. Ведь и во время кровавых событий в Иордании в 1970—1971 годах и во время обострения ливанского кризиса активность действий палестинских партизан против Израиля, как правило, резко снижалась, а тель-авивские руководители не без удовлетворения констатировали, что в ходе этих двух кризисов было убито арабов больше, чем за все арабо-израильские войны, вместе взятые.

В периоды обострения открытой конфронтации с палестинцами в Иордании и Ливане арабской реакции оказывалась наибольшая помощь со стороны США, некоторых западноевропейских и монархических арабских государств. Однако их «помощь» не может идти ни в какое сравнение с материальным ущербом, с теми морально-политическими издержками, которые несут арабские народы в результате нерешенности палестинского вопроса и неурегулированности арабо-израильского конфликта в целом. Эти проблемы могут быть решены лишь в комплексе и на надежной и справедливой основе, которая была вновь подтверждена Советским Союзом в октябре 1970 года в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Баку

«Что касается Советского Союза,— подчеркнул Л. И. Брежнев,— то его позиция совершенно ясна. Мы стремились всемерно содействовать окончательному прекращению братоубийственной борьбы в Иордании, в том числе прекращению истребления отрядов палестинского движения сопротивления. Мы считали и считаем категорически недопустимым какое бы то ни было иностранное военное вмешательство в события, развернувшиеся в Иордании»¹.

Такую же принципиальную позицию Советский Союз занял и во время кризиса в Ливане в 1975—1976 и 1978—1979 годах.

Балансирование в положении «ни войны, ни мира»

Кровавые события в Иордании обнажили еще одну, чисто неокOLONиалистскую сторону «плана Роджерса». Несомненно, выдвижением этого плана американский империализм стремился по-своему отреагировать на тревожные для него тенденции развития событий на Арабском Востоке. В связи с затягиванием урегулирования арабо-израильского конфликта усиливались антиамериканские настроения в арабском мире и процесс револю-

---

¹ *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом, т. 3, М., 1972, с. 144.

ционирования происходил еще быстрее. Рушились один за другим бастионы колониализма на юге Аравии и в зоне Персидского залива. Удары наносились по позициям не только колониализма, но и неоколониализма.

Особенно ощутимый удар по ним был нанесен революционными событиями в Ливии. В ночь на 1 сентября 1969 года группа молодых офицеров-патриотов, создавших по примеру египетских «свободных офицеров» свою тайную организацию, свергла прогнивший монархический режим и провозгласила республику. Путешествовавший за границей король Ливии Идрис, который правил страной, опираясь на подпорки военного и нефтяного колониализма, лишился трона.

Власть в стране взял Совет революционного командования (СРК) во главе с полковником Муамаром Каддафи. Руководитель ливийской революции М. Каддафи и его соратники не скрывали, что они являются последователями дела Насера, а ливийская революция — продолжением египетской.

Они не только провозглашали это на словах, но и доказывали на деле. Проблемы, которые надо было решать ливийской революции, во многом были схожими с теми, которые стояли в свое время перед Насером. И первой из них состояла в ликвидации иностранных военных баз «Свобода Ливии,— заявил М. Каддафи,— будет неполной, если на ливийской земле останутся иностранные оккупанты. Ликвидация чужих военных баз — основное требование ливийцев. Мы хотим избежать столкновений и использовать мирные средства для освобождения наших земель. Но если потребуются, народ будет отстаивать свои земли с оружием в руках.

Однако наше выступление в сентябре 1969 года,— разъяснял Каддафи,— не было пугачем. Это революция народа. Это — радикальное изменение, которое определило позицию Ливии в отношении империализма и арабской реакции. Революция не кончается с уничтожением королевского режима или иностранных баз. Это лишь средства, приближающие конечную цель — освобождение народа в политическом, социальном и экономическом плане»¹.

Провозглашенные революцией цели в самом деле быстро начали осуществляться. Не прошло и шести месяцев после свержения монархии, как 31 марта 1970 года была ликвидирована английская военная база Эль-Адем в районе Тобрука, которая около 30 лет являлась опорой военного колониализма на арабской земле и одновременно — подпоркой монархического режима в Ливии. Недаром резиденция короля Идриса находилась поблизости от этой базы, где, как саркастически отмечали иностранные журналисты, «климат для него был более подходящим».

Через два с лишним месяца, 11 июня 1970 года, была ликви-

¹ The Washington Post, 2. VII. 1971.

дирована и другая, еще более крупная иностранная военная база — в районе Триполи Уилус-филд, которая была арендована США, а на деле являлась базой НАТО. Она использовалась против арабского освободительного движения и во время «тройственной» агрессии империализма в 1956 году, и во время израильской агрессии 1967 года. На этой базе проходили подготовку американские военные летчики и пилоты ВВС других стран НАТО.

С утерей этих баз фактически завершился закат военного колониализма на Арабском Востоке. Империализм тем не менее был вынужден сдавать свои позиции без открытого боя. В изменившихся условиях ему приходилось менять тактику. В условиях неликвидированных последствий израильской агрессии он не мог решиться на открытое выступление против какой-либо арабской страны, ибо это могло привести к конфронтации со всем арабским миром. Кроме того, в Ливии, где империалисты фактически сохраняли монопольное право на эксплуатацию нефти, они рассчитывали неокOLONиалистскими методами компенсировать на экономическом фронте ослабление своих военных позиций. Для этого у неокOLONизаторов, казалось, было достаточно возможностей. Нефтяные монополии чувствовали себя фактическими хозяевами страны, которая была опутана паутиной концессионных соглашений с иностранными компаниями. Ведь до революции они представляли собой могущественное государство в государстве, ослабленном нефтяной коррупцией.

Известно, например, что бывший советник короля Омар Шелхи получил от нефтяных монополий 125 миллионов долларов в виде взяток и «гонораров» за содействие в предоставлении им нефтяных концессий. НеокOLONизаторы надеялись, что им и при новом режиме удастся действовать подобным образом. Однако их надежды не оправдались. В 1970—1971 годах Ливия ограничила деятельность иностранных нефтяных компаний. Сначала правительство лимитировало добычу нефти и значительно увеличило отчисления в пользу государства, а затем национализировало имущество «Бритиш петролеум компани» и ряда других иностранных компаний. К 1973 году ливийское правительство, приобретя контрольный пакет акций, установило фактический контроль над деятельностью всех нефтяных компаний Запада.

В этот период дальнейшее развитие получили арабо-советские связи, что нашло свое отражение в заключении договоров о дружбе и сотрудничестве Советского Союза с Египтом и Ираком, а также ряда новых соглашений о расширении сотрудничества с Сирией, Алжиром, НДРГ, Ливией и другими арабскими странами. Их международное положение значительно упрочилось благодаря политике позитивного нейтралитета, сотрудничеству с Советским Союзом и другими государствами социалистического содружества.

Особенность нового неоколониалистского курса США, который стал проводиться в развитие «плана Роджерса», состояла в том, что если вплоть до второго прекращения огня на Суэцком канале в августе 1970 года империализм все еще питал надежды на свержение прогрессивных режимов с помощью военной машины Израйля, то в создавшихся после смерти Насера новых условиях ставилась цель «размывания» этих режимов и «отбрасывания» назад арабского революционно-освободительного движения. Ставка при этом делалась уже не только на сионистский Израиль, которому по-прежнему отводилась роль запугивающего кнута неоколониализма, но и на силы арабской реакции.

Этот курс проводился под видом более «сбалансированной» политики США на Ближнем Востоке, которая выдавалась за постепенный их отход от односторонней ориентации на Израиль, а также за стремление к расширению сотрудничества с арабскими странами. На самом же деле речь шла не о пересмотре американо-арабских отношений в целом, а о налаживании более тесного сотрудничества с арабскими реакционными кругами. Такое сотрудничество, как показали дальнейшие события, устанавливалось не в целях быстрее урегулирования ближневосточного конфликта, а во имя укрепления позиций неоколониализма и подрыва арабского единства.

При разработке этого курса особое внимание с самого начала уделялось Египту. Американская дипломатия сразу после июньской войны 1967 года стремилась использовать в своих целях военно-бюрократическую буржуазию в этой стране, которая занимала пораженческую позицию и уже тогда готовила заговор против Насера. После прихода к власти в 1969 году новой администрации в Вашингтоне и после восстановления дипломатических отношений с Египтом США усиленно искали опору в реакционных кругах, которых не устраивали демократические преобразования и социалистическая ориентация страны.

С осени 1970 года начался новый этап ближневосточной политики США. На этом этапе США, претендуя на роль единоличного «посредника» в решении ближневосточного конфликта, пытались максимально использовать в своих интересах те экономические и социально-политические сдвиги вправо, которые обозначились в Египте вскоре после кончины Насера.

С помощью различных средств, в том числе дипломатических, США стремились ослабить ставшие уже традиционными узы дружественных отношений и тесного сотрудничества, связывавшие Египет, а также другие арабские страны с Советским Союзом. На первых порах это делалось исподволь, под прикрытием американских намерений установления добрых отношений с Египтом и посредничества в арабо-израильском конфликте. При этом в качестве приманки пускались в ход обещания американских кредитов, экономической помощи, инвестиций американского капитала и т. п. В эти интриги антисоветской направ-

ленности активно вовлекалась буржуазия, связанная с частным сектором египетской экономики

Летом 1971 года Израиль посетил директор ЦРУ США Хелмс. Он провел с премьер-министром Израиля Меир, министром обороны Даяном и министром иностранных дел Эбаном переговоры, в ходе которых было уделено особое внимание «новой ситуации в Египте», сложившейся после смерти Насера. По сообщению американской печати, одна из главных целей визита Хелмса в Израиль заключалась в координации планов Израиля с планами США и НАТО на Ближнем Востоке¹. Арабские политические наблюдатели отметили тогда, что именно после этого визита Хелмса в Израиль значительно увеличились не только поставки, но и число американских специалистов еврейской национальности, прибывших в Израиль в качестве иммигрантов. По сообщению газеты «Аль-Гумхурия», прикрываясь вывеской «добровольной эмиграции», США направляют в Израиль своих военных специалистов, которые будут оказывать помощь израильской армии в противоборстве с арабами².

В ответ на мирную инициативу Египта о готовности открыть Суэцкий канал после хотя бы незначительного отвода израильских войск, правительство Израиля заявило, что оно отказывается сделать даже этот первый шаг. Тель-Авив оставил также без внимания согласие некоторых арабских государств гарантировать суверенитет Израиля, если он откажется от политики территориальной экспансии по отношению к соседним арабским государствам.

Было очевидно, что Израиль, продолжавший осуществлять политику террора на оккупированных арабских землях и военные провокации, пользуясь поддержкой Вашингтона, по существу, отказывается от политического урегулирования и подготавливает новые акты агрессии. Понятно, что в такой обстановке Советский Союз, последовательно выступавший на стороне арабских стран, не мог не предоставить Египту просимую им дополнительную военную помощь.

В 1972 году и в первой половине 1973 года, несмотря на определенные колебания в политической позиции АРЕ, обусловленные, как отмечалось выше, американским влиянием, Советский Союз продолжал оказывать Египту, а также другим арабским странам всестороннюю политическую и экономическую поддержку. Так, в совместном советско-египетском коммюнике о пребывании в Москве президента Садата в феврале 1972 года говорилось, что переговоры между обеими странами будут содействовать повышению способности Египта дать отпор израильской агрессии, служить укреплению международного мира. В аналогичном коммюнике в связи с визитом Садата в Москву в апреле

---

¹ The Washington Post, 2. VII. 1971.

² Аль-Гумхурия, 13. VII. 1971.

того же года подчеркивалось, что в условиях, когда агрессивные силы стремятся сорвать политическое урегулирование и принудить арабов к капитуляции, страны — жертвы агрессии «имеют все основания использовать и другие средства для возвращения захваченных Израилем арабских земель»

В неокOLONиалистских планах Вашингтона не случайно важная роль отводилась использованию арабских реакционных кругов. Во время июньской войны 1967 года и непосредственно после нее арабская реакция не решалась идти против общего патриотического течения. В тех условиях она не могла даже пустить в ход свое излюбленное оружие антисоветизма. Ведь слишком для всех было очевидным, что именно Советский Союз, другие страны социалистического содружества оказались самыми надежными друзьями арабских народов в час испытаний. Тщетными были также попытки дискредитировать и свергнуть арабские прогрессивные режимы

После смерти общепризнанного арабского лидера Насера реакционные силы активизировались. Они начали делать даже заявку на руководящую роль в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии. При этом уже тогда предпринимались попытки доказать, будто опора на социалистические страны бесперспективна, ибо «ключ к миру» на Ближнем Востоке находится якобы в американских руках. В этом направлении совместно действовали и американская пропаганда и некоторые органы реакционной арабской прессы

В то время как Советский Союз последовательно выступал за распространение на регион Ближнего и Среднего Востока политики разрядки, американские теоретики разрабатывали концепции «частичных решений» и «поэтапных мер», доказывая, будто этот регион вообще не подпадает под действие разрядки, а дипломатия США на деле содействовала сохранению и даже углублению ситуации тупика, несмотря на то что эта ситуация явно становилась все более взрывоопасной.

В начале 70-х годов эта противоречивость особенно наглядно прослеживалась в разрыве между официальными заявлениями и конкретными делами американского руководства. На словах Вашингтон заявлял о готовности содействовать выполнению резолюции № 242 Совета Безопасности, а в действительности помогал Израилю в саботировании ее осуществления. Так, например, в совместном коммюнике о результатах советско-американской встречи на высшем уровне в мае 1972 года в Москве США пошли на публичное фиксирование таких положений, по которым они раньше уклонялись от определения своей позиции¹. Однако вскоре после этого США отказались от осуждения агрессивной политики Израиля, который в июне 1972 года предпри-

¹ См.: *Дмитриев Е., Ладейкин В.* Путь к миру на Ближнем Востоке, с. 203.

пня новые вооруженные провокации против Ливана и Сирии. При обсуждении этого вопроса в Совете Безопасности США отказались поддержать резолюцию, осуждающую «непрекращающиеся нападения израильских войск на территорию и население Ливана»¹ Позднее, в июне 1973 года, при обсуждении в Совете Безопасности доклада генерального секретаря ООН о деятельности ООН по урегулированию ближневосточного конфликта представитель США наложил вето на заключительный проект резолюции, поскольку в нем содержалось осуждение Израиля Так выглядела на практике «сбалансированная» политика США на Ближнем Востоке

И все же, вопреки этому явно антиарабскому по своей направленности курсу политики, арабская реакция пыталась создать у общественности мнение, будто только США могут вывести дело ближневосточного урегулирования из тупика, хотя всем было ясно, что этот тупик был создан именно при содействии американской дипломатии, постоянно защищавшей израильских агрессоров От общеизвестных фактов нельзя было отмахнуться. Главные усилия поэтому направлялись на то, чтобы доказать, будто США уже отказались от односторонней поддержки Израиля и, выступая в качестве посредника, намерены теперь учитывать также интересы арабских стран. Стараниям одних США приписывалась заслуга прекращения огня То, что Израиль и этот шаг обусловил определенными американскими гарантиями поддержки его агрессивной позиции, просто-напросто замалчивалось

Возможность американо-арабского сближения связывалась с необходимостью отказа прежде всего Египта от якобы его «односторонней» ориентации на Советский Союз

Вскоре после кончины Насера в Каир не без ведома Вашингтона прибыл специальный советник саудовского короля Фейсала, который в беседах с президентом А. Садатом поставил вопрос о советско-египетских отношениях и, в частности, о «присутствии русских в Египте»² Тогда трудно было предположить, что этот демарш, инспирированный США, станет одним из первых звеньев нового курса так называемой «сбалансированной» американской политики на Ближнем Востоке, в котором особая ставка делалась на реакционные арабские силы.

По словам хорошо информированного в египетской политике того периода Хейкала, президент Садат заявил в ответ, что «в случае окончания первого этапа вывода израильских войск он мог бы дать обещание избавиться от русских». При этом он не возражал против того, чтобы эмиссар Фейсала подготовил американцев к возможному прекращению миссии советских военных специалистов в Египте³

¹ См.: *Международная жизнь*, 1972, № 8, с. 129.

² *Heikal M* The Road to Ramadan, p. 119.

³ *Ibid.*, p. 183.

Между тем, по признанию многих египетских политических и военных деятелей, пребывание в Египте советских военных специалистов способствовало повышению его обороноспособности. Они были направлены в Египет по просьбе президента Г. А. Насера, неоднократно подтвержденной А. Садатом. Советские специалисты находились в египетских войсках в соответствии со специальным соглашением с правительством АРЕ, с которым согласовывались их функции¹. Советский военный персонал помог египетской армии овладеть современной боевой техникой и значительно повысить боевое мастерство личного состава вооруженных сил, что нашло впоследствии убедительное подтверждение в успешном форсировании Суэцкого канала.

«Эта операция,— заявил бывший премьер-министр АРЕ Азиз Сидки,— никогда не была бы осуществлена, если бы не советское оружие, не помощь Советского Союза». «Без Советского Союза мы не в состоянии были бы обеспечить боеспособность египетской армии»,— приходит к заключению бывший советник президента АРЕ по вопросам национальной безопасности Хафез Исмаил, который отмечает, что вся огромная работа по коренному переустройству египетских вооруженных сил и переоснащению их современной боевой техникой после июньской войны 1967 года была проведена при содействии Советского Союза. «Именно совместные египетско-советские усилия,— подчеркивает он,— подготовили военный успех октября 1973 года»².

Между тем американская дипломатия по-прежнему отдавала предпочтение и оказывала еще более активную поддержку Тель-Авиву. В то время как империалистические круги и послушная им реакционная печать летом и осенью 1972 года, используя отъезд советского военного персонала, повели злобную кампанию против советско-арабской дружбы, Тель-Авив подтвердил свои прежние ультимативные требования о капитуляции арабов, расценив «новые условия» как наиболее благоприятные для начала «прямых переговоров» с президентом Садатом. Участились вооруженные провокации Израиля против Сирии и Ливана. Одновременно империалисты прилагали усилия для внесения раскола в арабский мир и подрыва арабо-советского сотрудничества.

В этой обстановке Советский Союз продолжал добиваться выполнения всех положений резолюции Совета Безопасности от 22 ноября 1967 года, и прежде всего главного из них — вывода израильских войск со всех оккупированных арабских территорий. В то же время советская дипломатия делала акцент на необходимость обеспечения законных прав арабского народа Палестины, без чего невозможно достигнуть справедливого урегулирования.

---

¹ См.: Правда, 1977, 19 февраля.

² Из истории египетско-советских отношений. Бейрут, 1976, с. 43, 89 (на арабск. языке).

Советское правительство, озабоченное взрывоопасной ситуацией на Ближнем Востоке, стремилось привлечь внимание США к этому ненормальному положению, подчеркивая, что обстановка «ни войны, ни мира» неизбежно приведет к новому военному конфликту. СССР настойчиво добивался политического урегулирования ближневосточного кризиса, но не встретил в этом понимания со стороны Запада, и в первую очередь США.

Вместе с тем Советский Союз, наряду с мерами политического и экономического характера, по просьбе правительства АРЕ продолжал оказывать военную помощь Египту. В этих и других фактах проявилась четкая советская позиция в ближневосточном конфликте.

Таким образом, широкая и многосторонняя политическая, экономическая и военная поддержка Советского Союза обеспечила АРЕ и САР возможность не только выстоять в «войне на изнурение» и в период «ни войны, ни мира», но и подготовиться к новому военному конфликту, которым была чревата эта ситуация. Определенные зигзаги политического руководства АРЕ не повлияли на принципиальную позицию Советского Союза в ближневосточном урегулировании.

А какие конкретные шаги сделали США навстречу Садату за его отступничество в тот период? Каких реальных сдвигов добилась американская дипломатия в ближневосточном урегулировании? Оказывается, никаких! США по-прежнему уклонялись даже от изложения четкой позиции по основным вопросам ближневосточного конфликта: о сроках вывода с оккупированных арабских земель израильских войск и о будущих границах между арабскими странами и Израилем. И это не случайно. Такая неопределенная позиция позволяла оказывать в возрастающих размерах практическую поддержку Израилю, сочетая ее с неокOLONIALИСТИЧЕСКИМИ маневрами в арабском мире.

Создавая видимость политической активности в направлении ближневосточного урегулирования, возможности достижения договоренности в ходе секретных контактов с конфронтующими сторонами, США на деле не продвинули вперед решение ни одной из неотложных проблем урегулирования. Напротив, напряженность на Ближнем Востоке продолжала нарастать ввиду агрессивности сионистского курса. «Тихая дипломатия» Вашингтона, по существу, поощряла агрессивный курс Тель-Авива.

По признанию бывшего начальника генерального штаба израильской армии генерала Барлева, со времени агрессии 1967 года до января 1972 года вооруженные силы Израиля 5270 раз нарушали условия прекращения огня и вторгались на территорию арабских государств¹. Подобные нарушения отнюдь не прекращались и впоследствии. В частности, в связи с провокациями в июне 1972 года египетские официальные органы привели

---

¹ См.: Международная жизнь, 1972, № 9, с. 109.

данные, свидетельствующие о лживости утверждений израильских властей, будто их так называемые «полицейские акции» направлены лишь против присутствия палестинцев в приграничных с Израилем районах Ливана. На деле эти разбойничьи нападения, как показали будущие события, связанные с попытками Израиля отторгнуть южные районы Ливана, были продолжением сионистской политики экспансии и агрессии.

Весьма показательно, что в благодарность за поддержку им периалястическими силами проводимого сионизмом экспансионистского курса на Ближнем Востоке министр обороны Израиля М. Даян предложил руководителям НАТО воспользоваться плодами израильской агрессии в этом регионе, изъявив готовность предоставить в распоряжение НАТО военные аэродромы, расположенные на оккупированных арабских землях.

Таким образом, созданная совместными усилиями израильских агрессоров и американских «миротворцев» так называемая ситуация «ни войны, ни мира» все ближе подводила к новой войне. Политика балансирования США между сионизмом и арабской реакцией в значительной степени усугубляла создавшийся тупик, ибо с помощью режима Садата уже тогда подогревались совершенно необоснованные надежды на то, что американское «посредничество» приведет к изменению агрессивного курса Тель-Авива или хотя бы к реальному признанию законных прав арабских народов в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии и выкорчевывание остатков колониализма

США не только не собирались оказывать помощь арабскому освободительному движению, но, напротив, после «ухода» британских вооруженных сил из зоны Персидского залива стали предпринимать энергичные шаги для замены английского военного присутствия американским. США использовали ослабление позиций британского колониализма и израильскую агрессию на Ближнем Востоке в интересах американского неоколониализма, затягивая кризис и распространяя очаг напряженности на все новые районы арабского мира — зону Персидского залива, Аравийский полуостров, Ливан, Северную Африку.

Таковы были действительные цели «новых методов» ближневосточной политики США, в задачу которых отнюдь не входило подлинное мирное урегулирование длительного и опасного кризиса. Естественно, что эта политика была чревата очередным военным конфликтом, который и разразился в октябре 1973 года.

ДАЛЬШЕ К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА

Сэр Хэмфри Тревельян последнюю ночь пребывания на посту верховного комиссара Англии в Адене провел беспокойно. Даже живописный закат солнца, который обычно действовал на него умиротворяюще, не мог настроить на философско-созерцательный лад. Наблюдая, как солнце медленно погружалось в океан, он думал не о бесконечности времени, не о беспредельности пространства и не о величии Британии, а о бренности жизни, превратностях судьбы и неотвратимости заката всех, очевидно, великих империй на земле. Его собственная дипломатическая карьера представлялась ему самым убедительным доказательством этого вывода.

В 1955—1956 годах он в качестве посла Великобритании в Египте должен был организовывать эвакуацию английских войск из зоны Суэцкого канала. Тогда в Лондоне полагали, что это не уход, а всего лишь тактическая «передислокация» войск. Часть из них была переброшена на Кипр, часть — на военные базы в Ираке и в Адене. Англия не теряла надежды вернуться на берега Суэцкого канала и предприняла такую попытку в 1956 году. Сэр Хэмфри не одобрял тогда этой затеи. Он оказался прав — из нее ничего не получилось. Лондон вынужден был смириться с потерей Суэца.

После июльской революции в Багдаде в 1958 году Тревельян был послом в Ираке, ему опять пришлось заниматься эвакуацией английских военных баз. Там же он пытался защищать от национализации концессии английских и других западных нефтяных компаний. И опять же тщетно.

Полученный им в 1967 году пост верховного комиссара в Адене никак нельзя было рассматривать как повышение, тем более как почетную миссию. Скорее это было своеобразное признание сомнительного опыта сэра Хэмфри и его особых заслуг как специалиста по «организации ухода» Англии из бывших колоний. Это признание и тот факт, что закат его дипломатической карьеры был как бы отражением заката самой Британской колониальной империи на Арабском Востоке, могли служить для него лишь слабым утешением.

В самом Адене и в протекторатах Южной Аравии вот уже четыре года велась самая настоящая война. Недаром Южный Йемен называли тогда «Арабским Вьетнамом».

Сэр Хэмфри прощальным взглядом окинул аденский порт и прилегающий к нему район. На рейде стояло более двух десятков английских кораблей вместе с флагманом «Альбион». На них были уже погружены последние подразделения английских войск. Когда-то их численность составляла более 14 тысяч. Теперь надо было отправить последние 2 тысячи. Они должны были до конца обеспечивать «добровольный уход» англичан из Южной Аравии. Прямо у подножия горы Тавахи стояли опустевшие казармы британского гарнизона — каменные прочные здания в том классическом колониальном стиле, который принято называть восточным. Чуть поодаль — клуб английских офицеров: большой дом с зеркальными окнами и внушительной дверью из мореного дуба. Кварталы вилл с аккуратными газонами и подстриженными деревьями, обнесенные колючей проволокой. На верхней площадке горы — башня с часами, которая должна была напоминать англичанам Биг-Бен в Лондоне. По другую сторону от горы за беспорядочным и причудливым нагромождением камней и скальных пород расположились арабские кварталы Адена и его самая древняя часть — Кратер. Этот район называется так потому, что в самом деле находится в кратере потухшего некогда вулкана.

Однако все это время сэр Хэмфри, как и его соотечественники, чувствовали себя так, как будто они жили у подножия действующего вулкана. Заграждения из колючей проволоки посреди улиц, возвышающиеся над ними сторожевые вышки с пулеметами, наваленные у дверей мешки с песком, изрешеченные пулями стены домов — все это напоминало Тревельяну о том, что уход Англии из Южной Аравии был вовсе не таким «мирным», как это хотел представить Лондон.

Сам сэр Хэмфри, как верховный комиссар Англии в Адене, должен был всеми своими действиями, каждым поступком и своим видом показывать, что они уходят отсюда добровольно. Даже с таким богатым дипломатическим и житейским опытом Тревельяну не так-то просто было соблюсти до конца хорошую мину при плохой игре. Но он сделал все возможное, чтобы сохранить ее 28 ноября 1967 года в тот момент, когда с бывшей английской военной базы Хормаксар, в окрестностях Адена, несколько десятков вертолетов поднялись с последними британскими солдатами, которых не решились отправлять в аденский порт своим ходом через весь город. Он сохранил невозмутимое лицо и в тот момент, когда оркестр во время посадки солдат, к восторгу присутствовавших арабских и иностранных журналистов, заиграл мелодию ехидной прощальной английской песенки.

Сэр Хэмфри постарался выглядеть торжественно-спокойным и на следующий день, когда ему пришлось лично спустить на базе Хормаксар британский флаг «Юнион Джек». Он сохранил хладнокровие и выдержку даже в ту минуту, когда вместе с командующим английскими войсками генералом Джеймсом Даем

летел на вертолете и уже в воздухе выяснилось, что в баке кончается бензин

Сэр Хэмфри остался верен себе и своему дипломатическому долгу, попытавшись сохранить ту же хорошую мину при плохой игре, и несколько лет спустя на страницах собственных мемуаров Впрочем, у него хватило мужества признать, что период колониального господства Англии в Адене «оставил мало хорошего» для страны в долгосрочном плане, кроме разве солдатских казарм, военного аэродрома, солидной тюрьмы и нескольких церквей в столице. Он признал также, что не только ему лично, но и британским войскам в Адене пришлось заниматься «неприятной миссией» в очень опасной и напряженной обстановке. О характере этой «неприятной миссии» можно судить хотя бы по приводимым Тревелияном данным о том, что только за одиннадцать месяцев 1967 года было убито не менее 50 англичан и ранено более 70, а среди арабского населения жертвы составили около 250 убитых и 800 раненых, а «может быть, и значительно больше»

«Мы покинули Аден без славы», — заключает Тревелиян. И все же, вопреки всем фактам и цифрам, автор мемуаров, считая, очевидно, себя еще связанным с полученными от Форин оффиса директивами, пытается доказать, что «уход Англии был не унижительным» и «решение об уходе — правильное или неправильное — было принято не в результате политического и военного нажима, а по доброй воле»¹.

Однако нельзя доказать то, что опровергается фактами истории.

Пробуждение вулкана

После провозглашения независимости Южного Йемена империалистическая пропаганда, в частности английские буржуазные газеты, пыталась доказать, во-первых, будто Англия «добровольно предоставила» независимость Адену даже раньше объявленного ею срока, во-вторых, будто колонизаторы, покинув Южную Аравию, дали ей возможность развиваться самостоятельно и не собираются вмешиваться в ее внутренние дела.

В действительности дело обстояло совсем не так, как это хотят представить апологеты колониализма. История Адена — история более чем четырехвековой борьбы народа Южного Йемена против захватчиков, сначала португальских, затем турецких и, наконец, английских колонизаторов. Независимость Южного Йемена завоевана в упорной борьбе объединенными усилиями народа — рабочими Адена, бедуинами Дасина, рыбаками Мукаллы, феллахами Катири и Куайти, партизанами Радфана.

¹ *Trevelyan H. The Middle East in Revolution*, p. 265—266.

Эта независимость куплена ценой жизни многих тысяч борцов, павших в боях против чужеземных захватчиков, ценой крови стариков, женщин, детей, погибших под бомбами и снарядами или от пуль колонизаторов

На истории британского колониального господства в Адене можно проследить весь извилистый и бесславный путь подкупа, шантажа, кровавых карательных экспедиций, темных закулисных сделок, циничных маневров, угроз и обещаний английских империалистов, пытавшихся всеми средствами удержать этот важный форпост британского колониализма на Аравийском полуострове. Однако империалисты оказались бессильны подавить национально-освободительное движение народа Южной Аравии, которое приняло особенно широкий размах после провала «тройственной» агрессии империализма против Египта в 1956 году, победы иракской революции и установления республиканского режима в Йемене.

После краха «тройственной» агрессии и потери Суэца Англии нужно было не только передислоцировать свои войска, но и несколько обновить обанкротившиеся методы колониального правления. Именно эти соображения обусловили провозглашение в начале 60-х годов политики «к востоку от Суэца».

Практически ничего нового в этом курсе не было. Он последовательно проводился Англией не только к востоку, но и к западу, и к югу от Суэца. Под напором национально-освободительного движения, теряя одну позицию за другой, английские колонизаторы вынуждены были предоставить политическую независимость ряду африканских и арабских стран. Однако, отказываясь от «политического присутствия», они делали все возможное, чтобы сохранить в своих бывших колониях экономическое влияние и военные базы.

Политика «к востоку от Суэца» была как бы дополнением и развитием «заморских обязательств» Англии, вытекающих из участия ее в агрессивных пактах СЕНТО, СЕАТО и АНЗЮС, а также ряда соглашений, заключенных ею в разное время с такими арабскими странами, как Кувейт, Саудовская Аравия, Йордания, княжества Персидского залива. Главным стержнем этой политики было сохранение «военного присутствия» Англии с помощью цепи военных баз от Адена до Сингапура.

Необходимость сохранения баз английские руководители мотивировали в первую очередь заботами о «безопасности» вновь освободившихся стран, «союзными обязательствами» Англии и другими «высокими» политическими соображениями.

Действительные же цели политики «к востоку от Суэца» заключались в том, чтобы не допустить разрастания вширь и вглубь национально-освободительного движения, сохранить и всеобождающихся странах с помощью различных марионеточных режимов колониальное господство в несколько замаскированном виде. Для этого использовались английские военные

базы на Кипре и в Адене, на Бахрейне и в Шарджэ, в других княжествах Персидского залива. В свете этого нужно было, очевидно, понимать и рекомендации лондонского журнала «Экономист», который откровенно писал, что английские войска должны оставаться к востоку от Суэца «для операций против волнений, предпочтительно для операций по подавлению их в зародыше, что так прекрасно умеет делать Англия»¹. Признание, что и говорить, весьма красноречивое, хотя и не совсем скромное, особенно, если учесть последующий печальный опыт английских колонизаторов.

Основные усилия колонизаторы прилагали для сохранения феодальных режимов. При этом важная роль отводилась тактике сколачивания искусственных федераций. Создавая под своей опекой федерации, английские колонизаторы выдвигали на ключевые позиции в них наиболее преданных и послушных политических деятелей из местной феодальной знати. К подобной тактике англичане пытались прибегать еще в 30-х годах в княжествах Персидского залива. Однако в то время план федерации был похоронен.

В условиях разрастающегося национально-освободительного движения на юге Аравийского полуострова английские политики выдвинули старую идею образования федерации феодальных княжеств-протекторатов под эгидой Лондона. Появившийся в 1954 году первоначальный план предусматривал создание федерации не только в Южной Аравии, но и одновременно другой федерации в районе Персидского залива, которая объединила бы все княжества Договорного Омана и султанат Маскат. Однако обострившийся в то время конфликт между Маскатом и Саудовской Аравией из-за оазиса Бурайми, а также начавшийся вскоре суэцкий кризис и непрекращавшиеся вооруженные восстания племен в Омане и на юге Аравии помешали осуществлению этого плана.

Через пробитую иракской революцией брешь подули освободительные ветры в Южной Аравии и на берегах Персидского залива. Вслед за выдворением из Иордании английского генерала Глабба британскому правительству пришлось отозвать из Бахрейна своего политического резидента Белграйва. Та же участь постигла летом 1958 года во время героических выступлений партизан Омана английского резидента в Персидском заливе Берроуза, а затем верховного комиссара в Адене Р. Тэрнбула, которого в 1967 году сменил Х. Тревельян.

Глабб, Белграйв, Берроуз, Тэрнбул, как до них Лоуренс, олицетворяли на Ближнем и Среднем Востоке «классический» колониализм и были проводниками старой колониальной политики. Под давлением непреложных фактов британские правящие круги вынуждены были признать, что для сохранения их господ-

---

¹ The Economist, 18. VI. 1966.

ства прежних средств уже недостаточно. Старая система закабаления аравийских стран, основанная на двусторонних договорах с правителями, в современных условиях оказалась непригодной. И англичанам и самим этим правителям пришлось считаться с ростом арабского национального и социального самосознания.

После ликвидации английских баз в районе Суэцкого канала, в Иордании, Ираке и Кувейте Аден играл для Великобритании роль форпоста, призванного охранять ее имперские интересы к востоку от Суэца. Именно сюда в 1954 году была перевезена английская боевая техника и другое военное имущество из зоны Суэцкого канала. Сюда же перебрасывались некоторые английские подразделения и имущество с английских военных баз в Африке, в частности из Кении. В 1958 году в Аден были передислоцированы и английские воинские части с базы Хаббания в Ираке. Несколько позже там разместился и главный штаб командующего английскими военно-морскими силами на Ближнем и Среднем Востоке. На укрепление и содержание военной базы Адена ежегодно расходовалось около 10 миллионов фунтов стерлингов. Всего в 1965 году на военных базах в Адене и в княжествах Персидского залива Англия содержала 17,5 тысячи военнослужащих и 26 тысяч гражданских лиц обслуживающего персонала¹.

Американец Сэнджер, автор обстоятельной работы об Аравийском полуострове, предельно лаконично определил значение Адена: «Колония Аден — арабский Гибралтар Англии»². Однако Аден, превратившийся в центральное звено цепи британских военных баз и форпост английского влияния в Аравии, в районах Персидского залива, Восточной и Южной Африки, значил для Англии гораздо больше, нежели Гибралтар.

На укрепление Адена как военно-воздушной и военно-морской базы английское правительство израсходовало сотни миллионов фунтов стерлингов. Служивший когда-то простым портом для заправки судов углем на пути в Индию, с 1937 года он был превращен в одну из крупнейших военных баз Англии. Кроме того, Аден был одним из самых бойких портов. Сюда ежегодно заходили направляться горючим до 520 кораблей. Английская компания «Бритиш петролеум» построила в Адене завод, перерабатывавший ежегодно 6,5 миллиона тонн сырой нефти и обеспечивавший снабжение рынков Восточной Африки, а также побережья Индийского океана вплоть до Цейлона. Ежегодно он производил 3 миллиона тонн судового топлива, две трети которого доставлялись нефтепроводом к портовым хранилищам. Завод вырабатывал и авиационный бензин, производство которого значительно увеличилось в связи с расширением

¹ Britain East of Suez — Special Issue, vol. 42, № 2, p. 254—256; см. также: Медведко Л. И. Ветры перемен в Персидском заливе. М., 1973, с. 105.

² Sanger R. The Arabian Peninsula. London, 1954, p. 147.

потребностей построенной здесь английской авиационной базы Хормаксар.

Для осуществления колониальной политики Англии наличие военно-воздушных сил в этом пустынном и сложном во многих отношениях районе имело большое значение. Еще в 1957 году английская авиация по крайней мере дважды использовалась для подавления восстаний в самом протекторате Аден (январь — февраль) и султанате Оман (июль — август). В 1964 году в районе Матеф было закончено строительство подземных складов для хранения ядерного оружия.

В Адене и других районах страны англичане создали крупные военные центры. Военные базы были созданы англичанами также на острове Пирин и других прибрежных островах, контролирующих вход в Баб-эль-Мандебский пролив и в Аденский залив. Не случайно даже после ухода из Адена англичане продолжали еще долго цепляться за эти острова, составляющие часть территории Южного Йемена.

Такая глубоко эшелонированная система военных баз в Южной Аравии, в Маскате, Омане, Шардже, Катаре и на Бахрейне служила опорой политики «к востоку от Суэца», направленной на защиту нефтяных интересов Англии и подавление национально-освободительного движения арабских народов.

Это лишь одна, так сказать «внутриимперская», сторона политики. Во «внешнеполитическом» стратегическом плане создание англичанами системы военных баз должно было подпирать с тыла не очень надежный военный пакт СЕНТО. В этом отношении военные мероприятия Англии в Южной Аравии находили понимание и поддержку Соединенных Штатов, несмотря на обостряющуюся между ними борьбу за раздел нефтяных богатств.

Подъем национально-освободительного движения в Южной Аравии и Омане заставил Англию в середине 50-х годов отложить создание Федерации Южной Аравии (ФЮА). Отложить, но... ненадолго.

В конце 1958 года в Лондон были вызваны правители княжеств Западного и Восточного протектората Адена, которым попытались навязать план создания Федерации Южной Аравии. Большинство султанов и эмиров категорически высказались против этого плана. Лондон решил прибегнуть к силе. Против бунтующих племен были брошены войска.

Так, 11 февраля 1959 года официально на «добровольных началах» была провозглашена Федерация Южной Аравии, в которую на первых порах вошло шесть, затем семь княжеств и позже еще три. За восемь лет существования марионеточной федерации, несмотря на ухищрения, насилие и террор, английским колониальным властям так и не удалось втянуть в нее все княжества Южной Аравии.

Однако федерация не оправдала надежд Лондона. Вместо

желанного спада наступил новый подъем национально-освободительного движения в княжествах, которое слилось в единый поток с классовой борьбой трудящихся Адена. В течение трех лет, несмотря на драконовский закон 1960 года, запретивший забастовки, в Адене было проведено более 250 стачек, подчас превращавшихся в массовые выступления против марионеточной федерации. Именно тогда, в январе 1963 года, Лондон решил навязать договор о присоединении Адена к ФЮА. Англия оставляла за собой право вывести из федерации сам город Аден или другие ее районы, где размещены английские военные базы, если это станет необходимым для «выполнения обязательств по обороне».

Откровенно колониалистская политика дискредитировала английское правительство в глазах мирового общественного мнения. В декабре 1963 года Генеральная Ассамблея ООН приняла специальную резолюцию по Адену, в которой признала его право на самоопределение и независимость. Генеральная Ассамблея призвала английское правительство отменить антидемократические законы, освободить политзаключенных, позволить политэмигрантам возвратиться на родину и немедленно прекратить все репрессии.

По инициативе Организации солидарности народов Азии и Африки в 1964 году был создан Международный профсоюзный комитет солидарности с трудящимися и народом Адена для оказания постоянной и действенной поддержки борющимся силам этой страны.

На состоявшейся в начале 1967 года в Дамаске 3-й конференции Международного профсоюзного комитета солидарности с трудящимися и народом Адена было приведено немало фактов, разоблачивших коварные планы английских колонизаторов. Представитель Конгресса профсоюзов Адена рассказал, как на него за день до отъезда на конференцию английские колонизаторы организовали покушение. В окно его дома была брошена граната, сам он чудом остался жив, но погибли его жена и малолетний сын ..

Игнорируя резолюцию ООН и требования мировой общественности, английские власти с еще большим ожесточением и цинизмом продолжали проводить политику репрессий. Они ввели чрезвычайное положение в стране и организовали карательные экспедиции против населения ряда районов, направив туда трехтысячную марионеточную армию, 2 тысячи парашютистов и 600 морских пехотинцев.

Особенно ожесточенные бои разгорались в горах Радфана, где колонизаторы подвергали партизанские районы непрерывной бомбардировке с воздуха. По всей Южной Аравии развернулась всенародная вооруженная борьба за изгнание английских колонизаторов.

Забастовки рабочих Адена, действия партизан Радфана, восстание бедуинских племен в различных княжествах сливались в

один общий поток антиимпериалистической борьбы, направляемой тремя наиболее влиятельными и массовыми организациями: Конфедерацией профсоюзов Адена, Национальным фронтом освобождения оккупированного юга Йемена и Фронтом освобождения оккупированного юга Йемена (ФЛОСИ).

В течение всего 1965 года в Южной Аравии практически не прекращались военные действия. В ответ на роспуск законодательного собрания и отставку правительства в октябре 1965 года в Адене снова вспыхнула всеобщая забастовка. Вся жизнь в городе оказалась парализованной. Активизировались действия партизан.

В этих условиях ООН в начале ноября 1965 года утвердила резолюцию, призывавшую Англию прекратить репрессии в Южной Аравии и признать законные права ее народа. В декабре 1966 года Комитет ООН по деколонизации принял еще одну резолюцию по Адену, в которой подтвердил право народа Адена на самоопределение и национальную независимость.

Под натиском борьбы национально-освободительных сил Южной Аравии, опиравшихся на поддержку прогрессивных арабских стран и всего мирового революционного движения, правительство Англии в конце концов вынуждено было объявить о готовности вывести свои войска и о предоставлении независимости Адену в январе 1968 года.

Переговоры о провозглашении независимости Южной Аравии начались в Женеве 21 ноября 1967 года. Английскую делегацию на переговорах возглавил министр без портфеля лорд Шеклтон. Впервые представитель правительства Великобритании сел за стол переговоров с руководителями национальных патриотических сил Южного Йемена.

Империалистическая пропаганда пыталась представить факт начала переговоров в Женеве о досрочном выводе английских войск как «добровольный» и «благородный» жест английских властей. На самом деле английские колонизаторы вынуждены были пойти на этот шаг, руководствуясь по крайней мере тремя соображениями.

Во-первых, они боялись быть изгнанными из всей Южной Аравии в результате нарастающих ударов и успехов национально-освободительных сил. Уже к августу 1967 года эти силы полностью освободили большинство княжеств, входивших в ФЮА. Начала рушиться вся шаткая карточная система марионеточной федерации.

Председатель федерального правительства предпочел подать в отставку, вслед за ним стали разбегаться и министры — кто в Ливан, кто в Саудовскую Аравию, кто в Швейцарию. Прибывшему в порт Мукалла на английском корабле султану княжества Куайти Галебу бен-Аваду не разрешили даже высадиться, ибо все княжество уже контролировали повстанцы.

Во-вторых, английские колонизаторы, верные своему излюб-

ленному принципу «разделяй и властвуй», пытались выбрать для ухода наиболее, как они считали, благоприятный для них и весьма критический для Южной Аравии момент, когда особенно сильно обострились противоречия между двумя основными политическими организациями, боровшимися за освобождение Южной Аравии,— Национальным фронтом и ФЛОСИ.

В-третьих, переживаемые Англией финансовые трудности также, очевидно, сыграли определенную роль в принятии Англией решения о досрочном выводе войск и ликвидации баз в Адене. Тем более что активность самого порта Адена из-за закрытия Суэцкого канала в результате израильской агрессии 1967 года значительно снизилась. Если раньше в порт заходило в среднем ежедневно 17 кораблей, то в последующие годы — только три. При этом почти одновременно значительно увеличились расходы, связанные с переброской английских войск и созданием новых военных баз в районе Персидского залива.

В этих условиях английские власти, поняв, что им все равно придется уходить из Адена, решили сделать это побыстрее, надеясь таким образом избавиться от лишних расходов на содержание войск и заставить врасплох новых руководителей Южного Йемена, оставив им в наследство город и страну с дезорганизованной экономической жизнью.

Этапы трудного пути

Молодая суверенная арабская республика на юге Аравии, созданная на обломках рухнувшей неоколониалистской федерации султанатов и княжеств, в последующие годы преодолела немало трудностей, чтобы отстоять и укрепить свою независимость, защитить законное право развиваться по пути социального и экономического прогресса. Национально-освободительная революция в Южном Йемене прошла несколько этапов.

Уже в ходе первого этапа — этапа вооруженной борьбы — народ Южного Йемена не только осуществил общенациональную задачу — освободился от колониального господства британских империалистов и завоевал национальную независимость, но решил и другую не менее важную задачу социального характера — покончил с властью султанов, эмиров и шейхов, олицетворявших неоколониализм. Это была важная победа, одержанная в долголетней кровопролитной борьбе, которая увенчалась образованием Народной Демократической Республики Йемен.

Однако уход с политической арены этих ставленников неоколониализма не означал еще полной победы антиимпериалистской революции — ей предстояло преодолеть сопротивление других объективных союзников неоколониализма в лице буржуазии и других прокапиталистических элементов, которые имели до-

вольно сильные позиции в руководстве страной. Под давлением народных масс на втором этапе революции правительство, состоявшее в основном из представителей мелкой буржуазии и националистической интеллигенции, провело некоторые буржуазно-демократические реформы, направленные на выкорчевывание феодализма и чистку государственного аппарата, а также начало проводить аграрную реформу. Но в целом оно придерживалось курса на сохранение и развитие капиталистических отношений в стране.

После прихода к власти в июне 1969 года революционно-демократического крыла правящей политической организации Национального фронта начался новый, третий этап южно-йеменской революции — этап национально-демократический. На этом этапе были осуществлены важные политические и социально-экономические преобразования в стране: завершена чистка государственного аппарата и армии от правых элементов, созданы формирования народной милиции, осуществлена радикальная аграрная реформа, подорваны позиции иностранного капитала и национализированы важнейшие отрасли экономики. В ноябре 1970 года была принята новая конституция. В ней провозглашалось, что развитие общества и государства будет основываться на принципах научного социализма, а рабочий класс был определен как класс, призванный играть руководящую роль в жизни общества. Важным историческим событием в жизни страны стало создание в октябре 1975 года Объединенной политической организации Национальный фронт (ОПОНФ), которое ознаменовало организационно-политическое и идейное объединение всех прогрессивных сил НДРЙ, новую ступень в развитии освободительной революции не только в Южном Йемене, но и на Арабском Востоке.

Впервые в истории арабского революционного и национально-освободительного движения была создана единая правящая политическая организация, которая провозгласила принципы научного социализма своей идеологической платформой и стала осуществлять их на практике. Тем самым были подготовлены условия и сложились необходимые предпосылки для перерастания партии революционно-демократической в авангардную. Такая партия была создана через три года на состоявшемся в октябре 1978 года I съезде Йеменской социалистической партии (ЙСП). Созданию авангардной партии нового типа способствовало продвижение народа демократического Йемена по пути завершения национально-демократической революции и перехода к строительству социализма.

Южный Йемен за годы независимого существования достиг больших успехов на этом пути, хотя ему пришлось преодолеть немало тяжелых испытаний в противоборстве с силами империализма и реакции и несмотря на коварные происки и упорное сопротивление правых и левых оппортунистов. На всех этапах

развития революции ее враги — англо-американские империалисты и арабская реакция — использовали все средства борьбы из арсенала классического колониализма и неоколониализма. Они неоднократно пускали в ход и военные провокации, и вооруженный шантаж, и экономическое давление, и политические интриги с целью подорвать революционно-демократический режим, помешать укреплению национальной независимости и социальному прогрессу демократического Йемена.

Колонизаторы оставили Южный Йемен после своего почти 130-летнего господства нищим и разоренным, со слабо развитой промышленностью и разрушенной экономикой. Больше половины населения голодало. Вместе с бежавшими из страны после революций султанами и шейхами утекла за границу большая часть богатства и капиталов. Экономические трудности еще более осложнились закрытием после израильской агрессии Суэцкого канала. Торговля резко сократилась. Лишь в Адене насчитывалось около 25 тысяч безработных. Бюджетный дефицит составлял 10 миллионов английских фунтов. Только государственным служащим и военным правительство должно было в год выплачивать около 5 миллионов фунтов¹. Англия, обещавшая на женевских переговорах в конце 1967 года «изучить вопрос» о предоставлении своей бывшей колонии экономической и финансовой помощи, обусловила выполнение этого обещания унижительными условиями. В ответ на настойчивые требования южнойеменского правительства о выплате компенсации в размере 60 миллионов фунтов Лондон изъявил готовность предоставить помощь в 1,25 миллиона фунтов, но при условии, что Южный Йемен погасит «задолженность» в 30 миллионов фунтов, которая якобы образовалась в результате невыплаты жалованья местным чиновникам, состоявшим прежде на службе у колониальных властей. Естественно, это наглое требование колонизаторов было отвергнуто, а переговоры прекращены.

Экономическому нажиму империалистов республиканское правительство противопоставило решительные меры по мобилизации и экономии национальных ресурсов. Оно конфисковало частную собственность и заморозило счета 13 султанов, 50 шейхов, крупных чиновников и бывших офицеров, скомпрометировавших себя пособничеством колонизаторам. Был установлен контроль над частными и иностранными компаниями, а также запрещен вывоз их капитала и движимого имущества.

Большую помощь молодой республике оказали Советский Союз и другие социалистические государства. Они предоставили ей льготные займы и безвозмездную помощь. С большинством социалистических государств были подписаны соглашения и протоколы об экономическом и техническом сотрудничестве.

---

¹ См.: *Глуценко Е. А., Лебедев Г. А.* Южная Аравия без султанов. Путевые заметки. М., 1971, с. 11.

Социально-экономические и политические преобразования способствовали ускоренному размежеванию классовых сил. Империалисты рассчитывали использовать в своих целях усилившиеся разногласия в южноиеменском руководстве, делая ставку на правые националистические элементы в государственном аппарате и в армии. Однако эта ставка оказалась битой. Попытка в марте 1968 года правого переворота, организаторы которого были связаны с империалистической разведкой, и в частности с посольством США в Адене, провалилась. Осудив соглашательскую политику правых оппортунистов, радикальное крыло Национального фронта 22 июня 1969 года отстранило их от руководства страной. Эта акция, получившая широкую поддержку народа, позволила углубить революцию и повести еще более решительную борьбу против происков империализма и реакции.

Не оправдались и те надежды, которые связывали силы неокOLONиализма с оппозицией в армии, антиправительственными выступлениями некоторых племен, спровоцированными крупными землевладельцами, вооруженными провокациями эмигрантов и наемников, периодически вторгавшихся в приграничные районы из Саудовской Аравии и Северного Йемена. Вся эта контрреволюционная и подрывная деятельность против молодой республики активно поддерживалась и направлялась империалистическими кругами.

Военный атташе США в Адене капитан Перри лично пытался сколотить антиправительственную группировку в рядах республиканской армии. Правительство республики пресекло его подрывную деятельность, и американский дипломат был выслан из страны. Разведывательные службы США были замешаны в подготовке и других антиправительственных выступлений. Организаторы мятежей и руководители эмиграции поддерживали постоянные контакты с американскими и английскими представителями в Ливане, Саудовской Аравии и Эфиопии.

Летом 1969 года министр обороны Южного Йемена сообщил, что властями НДРЙ захвачены документы, изобличающие американское ЦРУ в подготовке военных провокаций против НДРЙ.

Среди этих документов было письмо шейха А. Даада, адресованное эмирам и султанам, изгнанным из страны. В нем содержался призыв «сражаться с подрывной коммунистической доктриной» в Южном Йемене с помощью «друзей», которые обещали оружие и деньги¹. Активизация деятельности американской разведки в Южном Йемене преследовала цель не только подорвать революционный режим, но и помешать консолидации прогрессивных сил на Арабском Востоке, максимально обострить межаарабские разногласия. В этих условиях правительство республики в октябре 1969 года приняло решение о разрыве дипломати-

---

¹ Аль-Гумхурия, 3.VII. 1969.

ческих отношений с США. Американским гражданам было предложено покинуть страну¹.

В январе 1970 года был раскрыт антиправительственный заговор реакционной организации «Братья-мусульмане». Следствие установило, что деятельность заговорщиков направлялась бывшими работниками посольства США в Адене. Имелись неопровержимые доказательства причастности американской разведки к организации антиправительственных мятежей и вооруженных выступлений контрреволюционеров. В октябре 1970 года в Адене состоялся судебный процесс. Верховный суд НДРЙ приговорил к смертной казни пять человек, признанных виновными в организации нового заговора.

Подрывная деятельность внутри страны и вооруженные провокации на северных границах подкреплялись агрессивными действиями против НДРЙ английских колонизаторов и наемников султана Омана в восточной части республики. В мае 1972 года отряды султанских наемников вторглись на территорию НДРЙ. Их действия поддерживали самолеты военно-воздушных сил Англии. В заявлении, опубликованном 10 мая 1972 года, правительство НДРЙ подчеркивало, что подобные провокационные вторжения английской авиации в воздушное пространство страны носят систематический характер. С июня 1970 года было зарегистрировано 110 случаев таких нарушений. В заявлении подчеркивалось, что предпринятая агрессия — это одно из звеньев «общего заговора, к которому причастны реакция Саудовской Аравии и марионеточный режим в Маскате и Омани при прямом соучастии американского и английского империализма». В свою очередь этот заговор является «составной частью широкого империалистического плана, цель которого — свержение прогрессивных арабских режимов»².

Представитель МИД Англии, отрицая участие британских войск в боевых действиях на территории НДРЙ, тем не менее вынужден был признать: «Вполне возможно, что английские наемники сражаются в рядах вооруженных сил Маската и Омана».

Позднее аденская газета «14 Октябрь» сообщала, что в начале июня 1972 года в Саудовской Аравии состоялось совещание, в котором приняли участие руководители групп, выступающих против НДРЙ. На нем было принято решение создать объединенное командование для руководства подрывной деятельностью против НДРЙ, которая координировалась бы Саудовской Аравией и западными разведками.

Революционное руководство НДРЙ, успешно отражая атаки внутренней и внешней реакции, проводит внешнюю политику, направленную на ликвидацию опасных военных очагов, выкор-

---

¹ См.: Александров И. А. Народная Демократическая Республика Йемен (Справочник). М., 1976, с. 104.

² 14 Октябрь, 10. V. 1972.

чевывание остатков колониализма, укрепление арабского единства на антиимпериалистической основе, справедливое урегулирование ближневосточного конфликта, утверждение принципов мирного сосуществования и равноправного сотрудничества на международной арене. При осуществлении этого внешнеполитического курса, как и в борьбе за укрепление национальной независимости и прогрессивные социально-экономические преобразования, правительство НДРЙ опирается на активную поддержку Советского Союза и других социалистических государств. Восторженное сотрудничество и дружеские отношения между НДРЙ и СССР, укрепленные и дополненные установлением межпартийных связей между КПСС и ЙСП, получили дальнейшее развитие в результате неоднократных визитов в Москву партийных и правительственных делегаций НДРЙ, а также визитов в Аден делегаций Советского Союза, возглавлявшихся Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и другими видными советскими государственными и партийными деятелями.

Империализм, провоцируя локальные и гражданские войны в различных частях арабского мира, прилагает немало усилий, чтобы обескровить революционные прогрессивные силы, разобщить их и помешать им решить национально-демократические задачи. Не оставался в стороне от этих происков и юг Аравии. В зловещие планы империализма и реакции входит нагнетание напряженности между двумя частями Йемена. Под маской заботы о безопасности Персидского залива, Красного моря и Африканского Рога империализм стремится укрепить свои позиции в этом регионе, подорвать прогрессивные режимы и национально-освободительные движения. Однако народ Южного Йемена не свернул с избранного им пути, продолжая борьбу за укрепление независимости и социальный прогресс.

Свою решимость отстоять завоевания революции народ демократического Йемена доказал в июне 1978 года, когда был подавлен вооруженный мятеж «левых» оппортунистов, предпринятый отстраненным от должности председателя президентского совета НДРЙ Салемом Рубейя Али во взаимодействии с арабской реакцией и империалистическими разведками с целью повернуть вспять социальное развитие республики. Этот контрреволюционный мятеж, который почти синхронно совпал с убийством в Северном Йемене президента ЙАР А. Х. аль-Гашими, был подавлен войсками, верными правительству, а сам С. Р. Али казнен по приговору революционного трибунала.

Хотя контрреволюционеры выступали под «левыми» лозунгами и выдавали себя за борцов против империализма и реакции, как ни странно, после подавления их мятежа по ним стали лить слезы не только в Пекине, но даже в Каире и в Вашингтоне.

Вместе с тем империалистические круги Запада и арабская реакция не преминули воспользоваться случившимся для разжигания конфликта между ЙАР и НДРЙ, для раздувания очеред-

ной антисоветской и антикоммунистической кампании. И громче всего в ней раздавались голоса из столиц именно тех стран, которые многие годы были непосредственно причастны к колониальному грабежу и кровопролитным войнам, к мятежам и заговорам на древней йеменской земле.

Попытки империалистов и арабской реакции использовать события в Сане и Адене для провоцирования конфликта между двумя йеменскими государствами — это продолжение старой линии на подрыв революционных режимов и углубление раскола между арабами.

Характерно, что подрывная деятельность против ЙАР и НДРЙ особенно активизировалась после того, как эти две страны в ноябре 1972 года подписали «Соглашение о единстве». Каждый шаг Саны и Адена по пути укрепления солидарности с арабскими народами на антиимпериалистической основе, каждое проявление сотрудничества с социалистическими странами, каждое свидетельство их сближения друг с другом вызывали раздражение у западной реакции, в арабских консервативных кругах. Нити всевозможных интриг против ЙАР и НДРЙ, как правило, вели в столицы некоторых западных стран и арабских государств с консервативными режимами.

В октябре 1977 года в Сане был убит глава северойеменского государства подполковник Ибрагим аль-Хамди. Это произошло незадолго до его намечавшейся поездки в Аден. Убийство президента А. Х. аль-Гашими было тоже совершено в преддверии его визита в столицу Южного Йемена для обсуждения конкретных мер по выполнению «Соглашения о единстве».

План реакционеров и их агентов состоял в том, чтобы сначала убрать президента ЙАР аль-Гашими накануне его поездки в НДРЙ, вызвать конфликт между двумя йеменскими государствами, а затем совершить государственный переворот в Адене, чтобы расчистить путь для миссии представителя госдепартамента США, который уже направлялся в Южный Йемен. За спиной заговорщиков и террористов и в Адене и в Сане действовали одни и те же силы.

Нетрудно заметить скоординированность действий сил империализма и реакции. Например, взаимосвязь между событиями в демократическом Йемене и экстренным созывом сессии Совета Лиги арабских стран, на которой под нажимом Египта было принято решение о политическом и экономическом бойкоте НДРЙ. Одновременно была развернута враждебная кампания угроз против НДРЙ на Западе и в некоторых арабских странах.

Когда же усилиями арабских стран удалось снять напряженность в отношениях между НДРЙ и ЙАР, а затем было отменено решение ЛАС о так называемых санкциях против демократического Йемена, к берегам Южной Аравии стали подтягиваться американские военные корабли с ядерным оружием на борту, а в Северный Йемен срочно начало переправляться американ-

ское оружие и стали прибывать военные специалисты и советники. С действиями Вашингтона поспешил также солидаризироваться и Лондон, выразивший готовность вновь взять «необходимые военные обязательства к востоку от Суэца» для обеспечения якобы «безопасности и стабильности» на юге Аравии и в зоне Персидского залива.

«Новая» политика на старых рубежах

Не случайно район Персидского залива, ставший первым плацдармом английских колонизаторов на Арабском Востоке, оказался последним рубежом колониализма в арабском мире. Уже сам по себе этот факт показывает важную роль Персидского залива как в эпоху классического колониализма, так и в период его заката, когда империалисты пытаются закрепиться в своих бывших колониях с помощью современных методов неоколониализма.

Бассейн Персидского залива считается самым богатым нефтеносным районом в мире. Здесь залегают более 60 процентов разведанных запасов нефти в несоциалистических странах и добывается более 70 процентов нефти стран — членов ОПЕК. С середины 70-х годов в странах бассейна Персидского залива ежегодно добывается более 1 миллиарда тонн нефти.

Хотя доля инвестиций западных компаний в нефть в зоне Персидского залива сравнительно невелика, они получают здесь рекордные прибыли, что объясняется большой продуктивностью нефтескважин и низкой себестоимостью продукции по сравнению с другими районами мира. Себестоимость нефти в Персидском заливе в двадцать раз меньше, чем в США. Каждый вложенный в ближневосточную нефть доллар приносит американским компаниям в среднем в девять раз больше прибыли, чем такая же сумма, инвестированная в любую другую отрасль экономики США.

В этом районе наряду с резко повысившимися нефтяными интересами стран развитого капитализма в условиях небывало обострившейся борьбы бывших колониальных держав за рынки сосредоточились и переплелись военно-стратегические, экономические, торговые и политические интересы империалистических государств. Именно здесь, можно сказать, впервые испытывались и отработывались методы нефтяного неоколониализма. Район Персидского залива, этот последний рубеж колониализма в Азии, в 70-х годах стал, таким образом, как бы передовым рубежом неоколониализма. Ирония истории проявилась в том, что прежнее захолустье Британской империи, где в былые времена хозяйничали ее эмиссары и агенты, теперь оказалось вдруг в центре политики империалистов.

Для английских политиков и военных стратегов район Персидского залива имел особую ценность. Здесь было разбросано немало английских военных баз и гарнизонов. На Бахрейне еще в 1956 году, сразу вскоре после провала «тройственной» агрессии, была построена, а затем в 1958 году модернизирована английская военная база Аль-Химля. По соседству с ней на острове Мухаррак был построен крупный военный аэродром, на котором постоянно базировались несколько десятков английских самолетов. На восточном побережье Бахрейна была оборудована крупная военно-морская база Аль-Джуфейр, у причалов и на внешнем рейде которой постоянно маячили английские и американские корабли. Все эти базы и войска были расквартированы на Бахрейне в соответствии с соглашением, заключенным еще в 1892 году, согласно которому англичане платили шейху за «арендуемую» территорию лишь символическую сумму в размере 250 фунтов стерлингов в год за пользование пресной водой¹.

Английские аэродромы и военные гарнизоны находились также в Катаре, Омане, Маскате и княжествах Договорного Омана. Особенно крупные силы размещались в княжестве Шарджа, где были созданы штаб колониальных войск Британии — так называемых отрядов скаутов, — а также крупная военно-воздушная база

Все эти базы и гарнизоны располагались раньше как бы во втором эшелоне. После эвакуации английских войск из Адена центр тяжести английской стратегии на Ближнем и Среднем Востоке переносился в район Персидского залива. В связи с этим английское правительство заблаговременно позаботилось об укреплении здесь своих военных позиций.

Сознавая, что старые условия «аренды» территорий княжеств Персидского залива для военных целей носят откровенно колониальный характер, английские власти, укрепляя здесь свое «военное присутствие», решили подвести под него новую «юридическую основу». В мае — июне 1966 года были заключены новые соглашения с Бахрейном и Шарджой, предусматривающие увеличение численности британских вооруженных сил и расширение военных баз в этих княжествах с одновременным повышением платы за аренду территории до 500 тысяч фунтов стерлингов в год Бахрейну и 100 тысяч фунтов стерлингов в год правителю Шарджи.

Модернизированные и значительно расширенные английские военные базы и гарнизоны на Бахрейне, в Шардже и Омане к началу 1968 года приняли значительное пополнение эвакуируемых из Адена английских солдат и офицеров. Если, по данным иностранной печати, в 1966 году на Бахрейне и в Шардже находилось около 4200 английских солдат, то к концу 1967 года в зоне Персидского залива было размещено уже по меньшей мере

---

¹ Нофаль С. Арабский залив. Бейрут, 1972, с. 55, 72 (на арабск. языке).

10 тысяч солдат, из которых более 6 тысяч английских солдат были расквартированы на базах Бахрейна и Шарджи¹. Наряду с переоборудованием военной базы и аэродрома в Шардже, англичане «уговорили» шейха соседнего княжества Дубай начать строительство еще одного аэродрома, который мог бы быть использован как гражданскими, так и военными самолетами.

Модернизировались прежние и создавались новые военные базы, аэродромы и взлетно-посадочные полосы и в других княжествах Договорного Омана, а также в Омане.

Укрепив новые рубежи на берегах Персидского залива, английское правительство вскоре после завершения вывода британских войск из Адена предприняло новый маневр. Оно сделало успокаивающее заявление о намечаемом выводе английских военных контингентов «к востоку от Суэца» к концу 1971 года. Об этом торжественно заявил 16 января 1968 года премьер-министр Гарольд Вильсон. Вывод войск и ликвидацию английских военных баз в Юго-Восточной Азии и в районе Персидского залива намечалось осуществить в соответствии с общей программой сокращения правительственных расходов ввиду огромного дефицита английского бюджета. Экономические соображения, впрочем, служили не очень веским доводом в пользу принятия такого решения. Скорее наоборот. Сопоставляя расходы на содержание английских баз «к востоку от Суэца» и доходы, получаемые английской казной от эксплуатации нефти Персидского залива, противники Вильсона доказывали явное несоответствие между «экономией» и дивидендами, которые Англия может потерять, если не удержит свои позиции в этом районе.

По подсчетам западных экспертов, общая численность войск к началу 1967 года в районах «к востоку от Суэца» (зона Персидского залива, Сингапур, Малайзия и Гонконг) составляла 85 тысяч человек, то есть 20 процентов всех вооруженных сил Англии, на содержание которых расходовалось 105 миллионов фунтов стерлингов. К началу же 1972 года в соответствии с декларацией Вильсона предполагалось сократить английские силы в тех же районах до 15 тысяч человек, а расходы на их содержание до 51 миллиона фунтов стерлингов², то есть планировалось сэкономить 54 миллиона фунтов стерлингов, а на выводе войск из района Персидского залива — всего лишь 20 миллионов фунтов стерлингов. В то же время, по признанию «Таймс», «доходы от нефти Персидского залива, даже за вычетом издержек на содержание расположенных там войск, составляют ежегодно около 200 миллионов фунтов стерлингов. Любое ослабление нашей позиции в этом районе не только означало бы риск их потери, — писала газета, — но и возможную утрату капиталов на 960 миллионов фунтов стерлингов»³.

¹ The Times, 14 XI 1967

² Défense Nationale, 1972, Janvier, p. 140—141.

³ The Times, 14 XI. 1967.

Принимая это решение, лейбористы, конечно, руководствовались не столько экономическими, сколько политическими соображениями. Решение лейбористов означало признание тщетности попыток сохранить английское господство в Персидском заливе, опираясь на военную силу. В то же время новый пересмотр объявленного в свое время тем же Вильсоном курса «к востоку от Суэца» носил такой же вынужденный характер, как и сама эта «новая» политика, ибо и то и другое явилось следствием глубокого кризиса всей колониальной системы империализма вообще и британского колониализма в частности. Декларация Вильсона представляла собой новую попытку заменить старые колониальные формы господства неоколониалистскими формами с наименьшими финансовыми затратами и политическими издержками.

Газета «Таймс» откровенно писала, что вывод войск в самой Англии «можно представить как какое-то изменение в области обороны, а на Среднем Востоке — как какое-то доказательство того, что мы наконец очистились от империализма»¹.

Принимая решения об «уходе» из зоны Персидского залива, Англия как бы отмежевывалась от отживших методов старого колониализма, опиравшегося в основном на военную силу. Вместе с тем реальные мероприятия по выводу английских войск затягивались, а параллельно принимались меры по сохранению косвенного военного присутствия в этом регионе. За ширмой декларации о выводе войск активизировались дипломатические усилия Англии, а также США по сколачиванию некоего «оборонительного» пакта или военного союза стран Персидского залива, который мог бы стать своего рода заслоном против нарастающих сил арабского национально-освободительного движения. Не случайно в планах колонизаторов важное место отводилось созданию регионального союза стран Персидского залива с монархическими режимами, чтобы потом присоединить или хотя бы косвенно «подключить» их к одному из военных блоков империалистов, например к СЕНТО.

Еще до декларации Вильсона район Персидского залива посетил британский государственный министр иностранных дел Робертс, который вел в течение января 1968 года «совершенно секретные» переговоры в Иране, Кувейте, Саудовской Аравии, на Бахрейне, в Катаре и в княжествах Договорного Омана. На страницы западной печати все же просочились сведения о том, что в ходе конфиденциальных бесед с монархами и правителями княжеств Робертс обсуждал план, который должен был заменить в этом районе «английское военное присутствие какой-либо региональной оборонительной системой, основанной на сотрудничестве стран Персидского залива»².

¹ The Times, 18. I. 1968.

² The Observer, 14. I. 1968.

Соединенные Штаты Америки не в меньшей степени, чем Англия, были заинтересованы в упрочении своих позиций в районе Персидского залива. Выполнение этой деликатной миссии американцы поручили англичанам, как более опытным политикам, сведущим в делах, связанных с подобного рода закулисными маневрами. Однако сами американцы раньше времени раскрыли карты, столь тщательно скрывавшиеся до этого английской дипломатией. Пока Робертс разъезжал с секретной миссией по берегам Персидского залива, заместитель государственного секретаря США Юджин Ростоу открыто объявил от имени Ирана, Турции, Пакистана, Саудовской Аравии и Кувейта о том, что они якобы крайне заинтересованы в военном блоке для «обороны» Персидского залива.

Подозрительная «оплошность» американского дипломата вызвала раздражение в Лондоне и смущение в столицах тех стран, от имени которых без их поручения так неудачно выступил Ростоу. Английская газета «Дейли телеграф» охарактеризовала тогда это выступление как «крупную дипломатическую ошибку, которая серьезно подрывает перспективы создания в районе Персидского залива союза для совместной обороны»¹.

Новые происки империалистических кругов в районе Персидского залива, проводимые под предлогом возможности образования в этом районе какого-то «вакуума» после ухода Англии, преследовали далеко идущие империалистические цели, направленные против дела мира и безопасности в этом районе.

«Советский Союз,— подчеркнул в опубликованном 4 марта 1968 года заявлении ТАСС,— верный своей политике защиты национальных интересов суверенных стран и народов от посягательств империалистов и отдающий себе отчет в том, что упомянутые планы неокOLONиализма направлены также против безопасности южных границ СССР, решительно выступает против новых попыток агрессивных кругов США и Англии осуществлять вмешательство в дела стран района Персидского залива, диктовать им свою волю»².

Английские власти все теснее координировали свои действия с США. В водах Персидского залива, помимо постоянно базирующихся на Бахрейне, то и дело стали появляться «захожие» американские корабли, а на воздушных базах приземляться американские военные самолеты под предлогом участия в различного рода маневрах и учениях.

Одновременно была предпринята попытка компенсировать «уход» Англии из зоны Персидского залива созданием марионеточной неокOLONиалистской федерации из всех бывших ее протекторатов. Эксперимент, который колонизаторам не удалось осуществить в Южной Аравии, они хотели повторить почти в том

---

¹ Цит по Международная жизнь, 1968, № 3, с. 97.

² Правда, 1968, 4 марта.

же варианте и теми же методами с участием арабских княжеств Персидского залива. За ширмой подобной федерации империалисты намеревались выступать уже не в роли скомпрометированных колонизаторов, а в роли «бескорыстных союзников». Проектируемая федерация рассматривалась и в Лондоне, и в Вашингтоне как предварительный этап к реализации давнишней англо-американской идеи создания в районе Персидского залива если не широкого, то хотя бы ограниченного блока мусульманских государств с монархическими режимами. Однако серьезное препятствие на пути сколачивания федерации создавали натянутые отношения и разногласия между Ираном и арабскими странами по ряду вопросов, связанных с будущим статусом Бахрейна и некоторыми взаимными территориальными претензиями, а также между самими участниками планируемой федерации. Англия, выступая в роли «объединителя» ориентирующихся на Запад монархических режимов в этом районе, стала поэтому предлагать свои посреднические услуги в нормализации отношений между ними, конечно же, с дальним прицелом.

Однако процесс оформления федерации, не успев сдвинуться с места, сразу же застопорился. Выявившиеся в результате первых совещаний правителей княжеств противоречия отражали сложную расстановку противоборствующих в этом районе сил и конкурирующих между собой иностранных нефтяных монополий. Уже в июне 1968 года стало ясно, что разногласия между шейхами, решившими объединиться в федерацию, еще более обострились.

Для оценки обстановки, складывающейся в районе Персидского залива в связи с намеченным выводом английских войск, туда срочно прибыл начальник английского генерального штаба генерал Джеффри Бейкер в сопровождении командующего британскими сухопутными войсками в этом районе генерала Арчера. Они посетили Абу-Даби, Бахрейн и Шарджу¹ Хотя содержание переговоров генерала Бейкера с правителями этих княжеств держалось в строгом секрете, об их характере можно было судить по тому, что после этого визита создание федеральной армии пошло ускоренными темпами.

На Бахрейне был создан специальный военный комитет во главе с английским генералом Уиллоуби, который разработал детальные предложения по организации федеральной армии. В рекомендациях Уиллоуби прямо указывалось, что в задачу федеральных вооруженных сил входит прежде всего «успокоение внутренних волнений», то есть подавление национально-освободительного движения.

Разработанный английскими экспертами курс, ставивший во главу угла ускоренную милитаризацию создаваемой федерации, по замыслу лондонских политиков, должен был не только гаран-

---

¹ Аль-Джумхурия, 26.VII. 1968.

тировать их от всякого рода «случайностей», но и открыть долгосрочные перспективы для выкачивания денег из казны обогащающихся на нефти правителей княжеств на закупку оружия. По сообщению лондонской газеты «Сан», уже к началу 1970 года некоторые княжества объявили о готовности закупить в Англии оружие и военную технику на общую сумму 20 миллионов фунтов стерлингов. Лондонские газеты считали тогда, что впоследствии шейхи могут закупать оружие на сумму, по крайней мере в пять раз большую названной¹. Расчеты неокolonизаторов в этом плане не только оправдались, но и во много раз оказались перекрытыми. На закупку оружия, однако не столько английского, сколько американского, арабские княжества Персидского залива расходовали в 1975—1976 годах уже не миллионы, а миллиарды долларов.

В начале 1969 года специальная комиссия Центра стратегических и международных исследований при Джорджтаунском университете (США), выполняющая заказ английских и американских политических и деловых кругов, подготовила объемистый доклад, озаглавленный: «Залив: последствия ухода Англии». В состав этой комиссии были включены крупнейшие английские и американские специалисты по району Персидского залива из числа ученых, дипломатов, разведчиков и военных, среди которых значились имена Джона Гуревича — профессора Колумбийского университета, Уолтера Лакера — директора Института современной истории в Лондоне, бывшего генерал-губернатора в Адене, затем специального представителя английского правительства в районе Персидского залива Уильяма Люса и бывшего начальника десантных операций английской армии генерал-майора Джона Мильтона. Главное заключение, к которому пришли авторы этого доклада, сводилось к тому, что решение английского правительства о выводе войск из Персидского залива к концу 1971 года было «поспешным и опрометчивым», чреватым тяжелыми последствиями в виде возможного возникновения всякого рода «беспорядков», «волнений», «хаоса», «анархии», «пиратства» и других ужасов, под которыми следовало, очевидно, понимать рост национально-освободительного и революционного движения в этом районе, представляющего, по признанию авторов, «угрозу существованию некоторых из государств в их нынешней территориальной и политической форме»².

Этот главный вывод подкреплялся в докладе более детальными советами Англии «модифицировать» ее нынешнюю политику, добиваясь продолжения присутствия в Персидском заливе. С этой целью рекомендовалось заключить с местными правителями новые «оборонительные» соглашения. Они могли бы предусматривать «применение английских военно-морских десантных сил»

¹ См: Международная жизнь, 1970, № 9, с 96

² The Gulf Implications of British Withdrawal. Washington, 1969, p. 4—7.

и «сохранение военных баз Англии на островах Бахрейн, Масира и в княжестве Шарджа». Авторы считали также целесообразным в целях оказания должного воздействия на местное население периодически осуществлять «демонстрацию флага», то есть «совместные визиты в этот район английских и американских военных кораблей».

Составители доклада даже не пытались скрыть взаимосвязи предлагаемых мер с общей глобальной стратегией империализма, строящейся на создании агрессивных блоков и сети военных баз в различных районах мира

«Персидский залив,— подчеркивалось в докладе,— является восточным флангом НАТО.. и британские вооруженные силы в Заливе имеют столь же важное значение для Европы, как и британские силы на Рейне»¹.

К выводам и рекомендациям, содержащимся в этом докладе, лондонские политики отнеслись со всей серьезностью, особенно после прихода летом 1970 года к власти консерваторов.

Провозглашенная правительством Э Хита внешнеполитическая программа нашла активную поддержку США. Это наглядно проявилось во время визита в Лондон государственного секретаря США У. Роджерса. После более детального ознакомления с программой консерваторов Роджерс выразил особое удовлетворение намерением консерваторов отказаться от ухода с военных баз «к востоку от Суэца».

Зато новые английские планы вызвали бурную реакцию в Иране и в арабских странах. Ряд государств выразил официальный протест и занял резко отрицательную позицию по отношению к открыто колониалистскому курсу консерваторов.

Одним из первых шагов консерваторов было смещение с поста английского политического резидента Стюарда Кроуфорда, вместо которого был назначен опытный колониальный чиновник Джеффри Артур. Деятельность политического резидента и политических агентов Англии в районе Персидского залива направлялась теперь непосредственно британским правительством. Для этой цели была учреждена должность специального представителя Форин оффис по координации британской политики, на которую был назначен Уильям Люс. До 1956 года он был колониальным чиновником в Судане, затем губернатором в Адене, а в 1961—1966 годах — главным английским политическим резидентом в районе Персидского залива. После замещения его на этом посту Кроуфордом Люс на время оставил государственную службу. Новое назначение Люса, снискавшего себе репутацию отъявленного колонизатора, было весьма симптоматичным.

Как выяснилось несколько позже, Уильям Люс еще до прихода к власти консерваторов совершил поездку в район Персидского залива, чтобы представить свои соображения относительно

¹ The Gulf: Implications of British Withdrawal, p. 69.

но тех коррективов, которые, по мнению консерваторов, нужно было внести в политику лейбористов. Суть этих коррективов состояла как раз в том, что вывод английских войск из Персидского залива нужно осуществить таким образом, чтобы Англия на основе нового соглашения с будущей федерацией всегда имела возможность ввести туда свои вооруженные силы, которые должны находиться где-то по соседству. Таким идеальным соседним районом, в достаточной степени освоенным уже англичанами, являлся Оман, в частности остров Масира.

Этот план Люс изложил в статье «Военно-морские силы Запада», опубликованной в конце 1969 года. Признавая трудности, связанные с английским военным присутствием непосредственно в Персидском заливе, Люс предложил заключить военный союз с будущей федерацией¹.

Характеризуя значение острова Масира для Англии, бюллетень «Форин рипорт» подчеркивал, что «с тех пор, как был оставлен Аден, Масира считается важным промежуточным аэродромом», откуда «английские военно-воздушные силы легко могут наносить удары по самой узкой части (Персидского) залива — Ормузскому проливу»².

Вскоре после прихода к власти консерваторов и поездки Люса в район Персидского залива в Маскате произошел дворцовый переворот, в результате которого престарелый султан Саид бен Теймур был заменен на престоле своим сыном Кабусом.

В планах Лондона Оману отводилась особая роль. Ведь именно сюда должен был переместиться центр тяжести английского военного присутствия в зоне Персидского залива. Роль Омана после переворота настолько выросла, что газета «Таймс» в то время как бы вскользь упомянула даже о возможности выдвижения плана создания Великого Омана, который, по замыслу лондонских политиков, мог бы частично заменить федерацию арабских княжеств³. Идея «Великого Омана» не нова. В свое время ее выдвигали в своих фундаментальных исследованиях, посвященных проблеме Персидского залива, бывший политический резидент Англии на Бахрейне Ч. Белграйв⁴ и бывший английский политический агент в Дубае Д. Хоулей⁵.

В результате многочисленных поездок в район Персидского залива и переговоров с шейхами княжеств Люс подготовил рекомендации, которые легли в основу так называемого «нового курса» политики консервативного правительства в районе Персидского залива. Суть этой «новой» политики была изложена в палате общин в выступлении министра иностранных дел сэра Алека Дуглас-Хьюма 1 марта 1971 года. В выступлении Дуглас-

¹ The Round Table, 1969, № 236, Octobre, p. 254—256.

² Foreign Report, 1970, April.

³ The Times, 15. II. 1971.

⁴ *Belgrave Ch. The Pirate Coast.* London, 1966.

⁵ *Hawley D. The Trucial States.* London, 1970.

Хьюма была развернута программа закрепления и усиления военного присутствия Англии в этом районе, которая предусматривала пять пунктов: заключение «договора дружбы» с планируемой федерацией арабских княжеств; командирование в княжества «английских офицеров и другого персонала», а также поставки военной техники; «размещение на длительной основе групп по обучению» и других специальных частей английских вооруженных сил; «регулярные учения» с участием подразделений британской армии и авиации; визиты кораблей военно-морского флота Англии в порты Персидского залива¹.

Английская печать преподнесла выступление Дуглас-Хьюма как сенсационную новость. На самом деле в «новом плане» ровным счетом ничего сенсационного не было. Главное последствие осуществления «нового» плана Дуглас-Хьюма для района Персидского залива заключалось в том, что он должен был теперь стать не «зоной специальной политической ответственности», а лишь «зоной особой военной ответственности» Великобритании. По существу, Дуглас-Хьюм изложил не «план ухода», а широкую неокOLONиалистскую программу действий правительства консерваторов, преследующую цель увековечить английское присутствие в этом районе.

Выступая на пресс-конференции на следующий день после Дуглас-Хьюма, представитель госдепартамента США Р. Макклоски полностью поддержал «новый план», который обеспечивает интересы не только Англии, но и США в этом районе. Макклоски, скороговоркой обмолвившись о том, будто США не имеют никакого намерения заменить военное присутствие Англии, снова подчеркнул, что в этом районе не должен образоваться вакуум, и США будут действовать сообща с Англией для поддержания ее военного присутствия. Макклоски ясно дал понять, что США рассматривают этот план прежде всего под углом укрепления военного присутствия в районе Персидского залива, а не обещаемого тем же Дуглас-Хьюмом ухода Англии из этого района. Соединенные Штаты, по словам Макклоски, тоже «намерены играть там определенную роль» для сохранения своего не только экономического, но и военного присутствия.

Английский план «ухода» из зоны Персидского залива наглядно иллюстрировал методы, к которым прибегает современный неокOLONиализм: тут и «договоры» с местными правителями-феодалами, и «бескорыстная помощь» в создании местной армии, и продиктованная «заботой о сохранении стабильности» готовность Англии выделить для обучения этой армии свой военный персонал, и сохранение за собой военных аэродромов, которыми могли бы беспрепятственно пользоваться боевые самолеты королевских ВВС во время учений и «режимных» полетов над территорией арабских эмиратов, периодические заходы в Персидский залив военных английских кораблей и т. д.

¹ The Times, 2. III. 1971.

Подобно тому как перед провозглашением в начале 1968 года вывода военных контингентов из зоны Персидского залива Англия фактически произвела передислокацию своих войск в этот район из Адена, так и на завершающем этапе своего плана Лондон помимо Вашингтона принял собственные меры к «заполнению вакуума».

Лондон и Вашингтон впоследствии сделали все возможное, чтобы сохранить косвенное и прямое военное присутствие в зоне Персидского залива даже после того, как вместо бывших английских протекторатов там в конце 1971 года появились новые независимые арабские государства — Бахрейн, Катар и Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ).

Лондонский вариант неоколониалистской доктрины

Решение о выводе английских войск из Персидского залива в момент подъема национально-освободительной борьбы в этом районе на первый взгляд могло показаться нелогичным и даже парадоксальным. Но дело было в том, что «новый» курс лондонской политики вовсе не предусматривал ухода Англии из района Персидского залива. Речь шла лишь о некотором изменении форм военного присутствия Англии и постепенной замене его военным присутствием США, о перемещении его центра тяжести с берегов Персидского залива на берега Оманского залива, в соседние районы Омана, тем более, что именно там к тому времени возникли наиболее опасные очаги национально-освободительной борьбы, угрожающие колониально-феодалному господству в этом районе в целом.

Призывая консерваторов проводить более гибкую политику в районе Персидского залива, английский еженедельник «Трибюн» рекомендовал им «действовать в стиле Никсона», как предусматривала его «гуамская доктрина», то есть полагаться в основном на местные силы при проведении полицейско-карательных операций против повстанцев.

В условиях расширения повстанческой борьбы в Омане и патриотических выступлений в других княжествах нельзя было рассчитывать лишь на имевшиеся контингенты английских войск. Дальнейшее же наращивание английских вооруженных сил в эмиратах могло бы стать, по признанию самих лондонских политиков, лишь «раздражающим фактором» и еще более усилить размах антиимпериалистического и антифеодалного движения в этом районе. Именно поэтому новый султан Омана и правящие шейхи княжеств с готовностью стали осуществлять рекомендации британских военных советников — создавать свои «национальные силы» для борьбы с «подрывными элементами».

После провозглашения Объединенных Арабских Эмиратов одним из первых декретов, утвержденных Верховным советом правителей княжеств, был закон о создании вооруженных сил ОАЭ на базе мобильных частей бывших «скаутов Договорного Омана», насчитывающих около 2 тысяч наемников под командой 30 английских офицеров, «прикомандированных» или служащих «по контракту»¹.

Сформированные федеральные вооруженные силы вместе с «национальными» частными силами, созданными почти в каждом княжестве, перекрыли с лихвой контингент английских вооруженных сил в районе Персидского залива.

После провозглашения независимости Бахрейна, Катара и создания ОАЭ почти все регулярные английские войска, в том числе личный состав двух авиационных крыльев, были переброшены на берег Оманского залива и остров Масира, а не возвращены на Британские острова. Что же касается английских ВМС в Персидском заливе, включавших 3 эсминца и 6 минных тральщиков, то они практически продолжали нести патрульную службу в этом районе².

Таким образом, мероприятия консерваторов по «уходу» из района Персидского залива свелись к передислокации английских войск из арабских княжеств, провозгласивших независимость, в султанат Оман. Одновременно с передачей так называемых колониальных войск в распоряжение местных правителей проходило укрепление «национальных» контингентов войск. На Бахрейне была создана армия, численность которой вместе с национальной гвардией и силами безопасности к 1972 году была доведена до 7 тысяч человек. В Катаре на базе переданного ему одного батальона колониальных войск были созданы вооруженные силы численностью до 2 тысяч человек.

На развитие «национальных» сил Абу-Даби, Бахрейн и Катар ассигновали большие суммы для закупки новой современной военной техники.

Значительно были укреплены и местные силы султана Омана. По оценке английской «Дейли телеграф», они насчитывали в 1971 году около 7 тысяч человек, в 1972 году превышали уже 10 тысяч человек и включали в себя около десятка самолетов и несколько сторожевых катеров. Если к началу 1971 года в армии султана по специальным контрактам находилось около 80 английских офицеров, то в 1972 году их насчитывалось уже около 200. «Этой армией, возглавляемой английским бригадным генералом Джоном Грэхемом, — хвастала газета, — командуют исключительно англичане, англичане же руководят военно-воздушными силами и недавно созданным военно-морским флотом Омана...»³.

¹ *Bardaux G., Lacouture J. et S. Les émirats-mirages. Paris, 1975, p. 263.*

² *The Times of India, 23. I. 1975.*

³ *The Daily Telegraph, 3. I. 1972.*

Английская печать в то время не случайно высказывала сомнения в целесообразности использования арабских офицеров и солдат в этих войсках, объясняя, что они «политически ненадежны», так как «в их ряды могут проникнуть последователи Насера, баасисты или коммунисты»¹.

Британские офицеры были поставлены на командные посты во всех звеньях вооруженных сил княжеств Персидского залива и Омана. Мобильные ударные силы в Рас-эль-Хайме возглавлял английский майор Дэвид Нил. Колониальные войска «скаутов», укомплектованные в основном из иранцев, пакистанцев и белуджей, находились под командованием английского полковника Патрика Ивса. Во главе вооруженных сил Абу-Даби стоял английский полковник Вильсон.

Бывшие английские генералы и офицеры находились в роли политических агентов, личных советников, президентов смешанных компаний и даже телохранителей у эмиров и султанов. Фельдмаршал в отставке, бывший начальник английского генерального штаба Д. Темплер занял, например, пост председателя правления «Бритиш металл корпорейшн», участвующей в консорциуме по строительству алюминиевого комплекса на Бахрейне. У султана Омана Кабуса военным министром стал английский полковник Олдман.

Таким образом, английские колонизаторы с помощью преданных им шейхов и султанов заранее позаботились о заполнении мифического «вакуума» в районе Персидского залива своими военными советниками, генералами и офицерами, которые, находясь на содержании местных правителей, могли бы исправно служить и британской короне и нефтяным компаниям.

Пять лет спустя после «ухода» Англии посетившие эмираты французские публицисты Г. Дардо и С. и Ж. Лакутюры констатировали: «Англия ушла — пришли англичане. Их было 3 тысячи во времена протекторатов, теперь в районе Залива их насчитывается около 5 тысяч»². По мере расширения колониальной войны в Омане в целях подавления там национально-освободительного движения султан Омана все более широко использовал английские и другие иностранные вооруженные силы против повстанцев на юге страны. Число английских «прикомандированных» офицеров, а фактически наемников, уже в начале 1975 года достигло более тысячи человек³.

Заранее подготавливая условия для осуществления лондонского варианта «гуамской доктрины» в зоне Персидского залива, английские и американские империалисты сделали значительный вклад в укрепление военного потенциала этих государств, щедро снабжая их новейшим вооружением и техникой. По признанию газеты «Нью-Йорк таймс», программа строитель-

¹ Jeune Afrique, 18 Août 1970.

² Dardaux G., Lacouture J. et S. Les émirats-mirages, p. 263—264.

³ The Times of India, 23. I. 1975.

ства вооруженных сил Ирана составлялась при тайном содействии США и Англии, и она обошлась Ирану в десятки миллиардов долларов. Одной из главных целей этой программы являлось, по признанию газеты, «создание благоприятных условий для предстоящего ухода англичан из района Персидского залива»¹. Такая же программа была разработана и для Саудовской Аравии. К моменту назначенного «ухода» Англии в 1971 году только регулярные войска Саудовской Аравии насчитывали около 36 тысяч человек и около 100 боевых самолетов. В 1972 году численность вооруженных сил Саудовской Аравии превысила 40 тысяч, вместе с национальной гвардией — 70 тысяч человек, а ее ВВС насчитывали более 150 самолетов и вертолетов. По сообщению иностранной печати, в конце 1972 года Саудовская Аравия и Кувейт подписали с США и Англией ряд новых соглашений о поставках самолетов, вертолетов, танков, зенитно-ракетных комплексов, кораблей и другой военной техники. Значительная часть бюджетных военных расходов Саудовской Аравии, увеличившихся с 387 миллионов долларов в 1971 году до 883 миллионов долларов в 1972 году², была ассигнована на приобретение современных видов вооружения американского и английского производства. В последующем ежегодные военные расходы Саудовской Аравии превышали 10 миллиардов долларов, а в 1980 году достигли 20 миллиардов долларов.

Вместе с тем провозглашение в районе Персидского залива новых суверенных арабских государств Бахрейна, Катара и ОАЭ, несмотря на их значительную зависимость от Англии и США, открыло возможности для выхода этих княжеств на международную арену и установления связей с другими независимыми государствами, что безусловно способствовало активизации политической жизни в бывших протекторатах и вовлечению их в русло национально-освободительного движения и антиимпериалистической борьбы арабских народов.

Весьма примечательно, что при провозглашении нового государства оно официально было названо не федерация, а Объединенные Арабские Эмираты. Сам по себе этот факт отражал, очевидно, стремление правителей княжеств как бы отмежеваться от лондонского варианта той федерации, который так усиленно навязывался эмиратам Персидского залива в течение более трех лет и успел за это время достаточно себя скомпрометировать в глазах общественного мнения арабских стран.

Появление трех суверенных арабских государств в зоне Персидского залива увеличило их роль не только в делах региона, но и в ближневосточной политике в целом. Расширяющееся политическое и экономическое сотрудничество эмиратов с арабскими странами объективно способствовало укреплению обще-

¹ *Kaushik D. The Indian Ocean. London, 1972, p. 91.*

² *Commerce du Levant, 1972, Septembre.*

арабского антиимпериалистического фронта, выступающего за ликвидацию последних израильской агрессии.

В то же время нельзя не замечать усилившихся тенденций к более активному вовлечению монархических арабских государств, в том числе новых независимых арабских княжеств, в сферу неоколониалистской политики империализма. Развитие военно-политического сотрудничества между монархическими арабскими государствами Персидского залива происходит прежде всего на базе объединения и координации их усилий в борьбе против революционно-освободительного движения, что всячески поощряется империалистическими кругами Англии и США

Неоколониалистское соперничество и сотрудничество

Меры, предусмотрительно принятые сначала лейбористами, а затем консерваторами в районе Персидского залива с целью осуществления той политики, которую Черчилль назвал «трудным искусством уйти, чтобы успешнее остаться», в Вашингтоне сочли, очевидно, недостаточными для сохранения «стабильности», то есть защиты неоколониалистских интересов Запада в этом важном районе.

Для укрепления позиций США в районе Персидского залива в начале 70-х годов Оман, Бахрейн, Абу-Даби и другие княжества посетил ряд высокопоставленных американских дипломатов, включая государственного секретаря Роджерса, а также многие конгрессмены и сенаторы. Интересы США к Персидскому заливу не ограничивались только экономической сферой. Докладом тому стало подписанное 23 декабря 1971 года по завершении визита заместителя помощника госсекретаря по вопросам Ближнего Востока и Южной Азии Р. Дэвиса в этот район военное соглашение США с Бахрейном, которое дало пищу для широких предположений о том, что США намерены унаследовать роль Англии в Персидском заливе¹. В соответствии с этим соглашением Бахрейн согласился сдать в аренду американским ВВС сооружения, которые раньше арендовали англичане Американскому флоту было разрешено по-прежнему занимать один сектор бывшей английской базы в Аль-Джуфейре, где постоянно базируются два эсминца и флагманский корабль американских ВМС на Среднем Востоке. Вместо командования английских войск на Среднем Востоке здесь разместились штаб-квартира американских ближневосточных вооруженных сил. Кроме того, американские компании «Нортроп» и «Трансуорлд эйрлайнс» заключили контракт на переоборудо-

¹ The New York Times, 12. I. 1972.

вание в Шардже бывшей базы английских войск в современный аэродром, способный принимать любые самолеты. В соответствии с другим контрактом американские фирмы обязались построить также здание министерства обороны ОАЭ и «крупнейшие на всем Ближнем Востоке мастерские по ремонту самолетов». Американские мероприятия в военной, экономической и политической областях и позволили, очевидно, американскому корреспонденту, совершившему вслед за Дэвисом поездку по княжествам Персидского залива, прийти к весьма примечательному выводу о том, что «в этом районе на деле нет никакого вакуума, а скорее, создано новое соотношение сил»¹.

Американский империализм, как и в других районах мира, в зоне Персидского залива «подтвердил свое стремление играть роль своеобразного гаранта и охранителя международной системы эксплуатации и гнета. Он стремится господствовать повсюду, вмешивается в дела других народов, бесцеремонно нарушает их законные права и суверенитет, силой, подкупом, экономическим проникновением пытается навязать свою волю государствам и целым районам мира»².

Задачи и цели, которые ставили английские колонизаторы в районе Персидского залива, непосредственно связаны с глобальным планом американского империализма и совместными нефтяными интересами обеих стран. Несмотря на обострение конкурентной борьбы между американскими и английскими компаниями, здесь создавался единый англо-американский фронт защиты монополий перед лицом усиливающегося антиимпериалистического движения. Это наглядно проявлялось в осуществлении широкого комплекса военно-политических мероприятий во всем бассейне Индийского океана, включающем также зону Персидского залива, где они вызывают законное возмущение народов.

Резкие протесты против пребывания американских кораблей в Персидском заливе выразили ИДРИ и Ирак. В опубликованном Аденским информационным агентством заявлении подчеркивалось, в частности, что американо-бахрейнское соглашение преследует цель усилить в районе Персидского залива влияние США, которые «на правах вождя империалистического лагеря стремятся еще более укрепить свои позиции в районе Залива, особенно после того, как их старый союзник — Англия признала свою неспособность защищать там общие интересы колонизаторов».

Вопреки утверждениям лондонских и Вашингтонских стратегов о том, что осуществленный ими комплекс военно-политических мероприятий продиктован заботами о «сохранении стабильности», «поддержании мира и безопасности» в этом районе, они

¹ The New York Times, 12. I. 1972.

² Материалы XXIV съезда КПСС, с. 15.

привели к диаметрально противоположным результатам. Напряженность в этом районе еще более усилилась. Противоречия и территориальные споры княжеств с Ираном и Саудовской Аравией, равно как и между самими княжествами, на которые указывали в 1971 году авторы солидного американского справочника как на основное препятствие в создании федерации, не только не были разрешены, но с еще большей силой обострились

Об этом, в частности, свидетельствовало резкое обострение отношений между некоторыми арабскими странами и Ираном в начале декабря 1971 года в связи с установлением иранского контроля над островами Абу-Муса, Малый и Большой Томб, на которые также претендовали княжества Шарджа и Рас-эль-Хайма. Высадка иранских войск на эти острова, расположенные в Ормузском проливе и контролирующие вход в Персидский залив, была произведена с благословения английской дипломатии 30 ноября 1971 года, за день до истечения срока договора, заключенного в 1853 году между Великобританией и княжествами Договорного Омана.

Нет сомнения, что этот конфликт, как и любой другой территориальный спор между соседними государствами, мог бы быть легко урегулирован путем мирных переговоров между заинтересованными сторонами, которые, к стати говоря, изъявляли готовность найти компромиссное решение этой проблемы

Однако усилия, прилагавшиеся обеими сторонами для мирного разрешения спора, не увенчались успехом. Высадка иранских войск на острова привела к вооруженному столкновению, в результате которого на острове Большой Томб было убито несколько иранских военнослужащих и несколько полицейских из сил охраны княжества Рас-эль-Хайма. Этот незначительный сам по себе инцидент привел тем не менее к серьезным политическим последствиям. К началу 1972 года заметно обострились отношения между Ираном и другими арабскими странами, вопрос об островах стал предметом обсуждения на состоявшемся в начале декабря 1971 года специальном заседании Лиги арабских стран и в Совете Безопасности ООН¹.

Не случайно в Иране и в арабских странах в те дни развернулась широкая кампания протестов антиимпериалистической направленности. В Каире, Дамаске, Багдаде и Адене газеты опубликовали статьи и заявления общественных организаций, в которых разоблачались маневры империализма в зоне Персидского залива, преследующие цель столкнуть арабов с Ираном, ослабить общеарабский фронт и отвлечь их от борьбы против империализма и израильской агрессии. Ливийское правительство в ответ на антиарабскую позицию Англии приняло решение о национализации английской компании «Бритиш петролеум» в

---

¹ Arab World, 15. XII. 1971.

Ливии. В Кувейте ряд депутатов парламента потребовал разрыва дипломатических отношений с Англией и США. В ряде княжеств — в Дубае, Абу-Даби и Рас-эль-Хайма — состоялись антианглийские демонстрации.

Демонстрации протеста, прокатившиеся по княжествам Персидского залива и многим другим арабским странам, носили ярко выраженный антиимпериалистический характер. И это было вполне закономерно, если принять во внимание откровенные признания некоторых органов западной прессы, что вооруженный инцидент на островах в Ормузском проливе, который мог бы привести к более опасному конфликту в Персидском заливе, спровоцировали международные нефтяные компании, заинтересованные в разжигании территориальных споров и усилении политического раздора между Ираном и прибрежными арабскими странами.

Осуждая лицемерную позицию Англии в конфликте между арабскими странами и Ираном из-за островов в Ормузском проливе, сирийская газета «Аль-Баас» писала, что спровоцированный Англией конфликт из-за островов в Персидском заливе «предпринят с целью открытия нового фронта борьбы и ослабления арабской нации» и лишней раз доказывает традиционно недружественную империалистическую политику Англии в отношении арабских стран. «Каждый араб знает враждебность Англии к арабскому народу. Англия повторила тот же прием, который ею был предпринят по отношению к Палестине. Изменений в английской политике не произошло, и последние факты только еще раз подтверждают всю фальшивость ее позиции и в ближневосточном кризисе»¹.

В ряде княжеств антиимпериалистические демонстрации и выступления приобретали и социально направленный характер, угрожавший господству самих шейхов и эмиров. Во время таких демонстраций в Шардже был серьезно ранен брат эмира, а через месяц после этого в Шардже была предпринята попытка государственного переворота, во время которой был убит сам правящий шейх Халид аль-Касими. Попытка переворота, ставившего целью «укрепление независимости» Шарджи, была подавлена с помощью «федеральной» армии и «национальных» сил Абу-Даби, получивших при осуществлении этой карательной операции свой первый «боевой опыт».

Объясняя на свой лад эти события, американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» вынужден был признать: «Неустойчивый союз семи крошечных эмиратов — самая молодая страна Персидского залива и, возможно, самая уязвимая. Давнишнее соперничество между династиями и фамильная вражда носят здесь почти неприкрытый характер. Эмираты (за исключением двух) не имеют природных ресурсов, и они представляют

¹ Аль-Баас, 2. XII. 1971.

собой благодатную почву для беспорядков... Опасность вспышки насилия в этой части мира усиливается, а не ослабевает»¹.

Вопреки, однако, утверждению американского журнала, будто особенно «благодатную почву» для беспорядков представляют княжества, не имеющие природных ресурсов, «беспорядки», «перевороты» и прочие потрясения еще в большей степени присущи нефтяным княжествам. Антиимпериалистические демонстрации, политическое и социальное брожение, забастовки, подавляемые силой оружия, происходят в Абу-Даби, на Бахрейне и в Катаре.

В результате бескровного переворота 22 февраля 1972 года был свергнут с престола правитель Катара Ахмед ибн-Али ат-Тани, место которого занял его двоюродный брат, бывший премьер-министр шейх Халифа ибн-Хамад ат-Тани. Характерно, что этот дворцовый переворот был совершен при активном участии армии и сил безопасности, выступивших против засилья англичан и за проведение «политики арабизации». Именно поэтому первыми шагами нового шейха Халифы было увольнение из армии и полиции офицеров-англичан, пользовавшихся ранее большими привилегиями по сравнению с катарскими офицерами, отстранение от должности начальника полиции англичанина, принявшего мусульманство, Джона Франка, который имел большое влияние на бывшего правителя, и издание декрета о создании Национальной нефтяной компании Катара².

Не удивительно, что изменения, происшедшие в Катаре, вызвали беспокойство империалистических кругов, связанных с интересами нефтяных компаний, которые всячески пытаются помешать опасному для них ходу событий. Этим, очевидно, можно объяснить тот факт, что эмигрировавший в Абу-Даби свергнутый правитель Катара Ахмед сразу нашел себе щедрых покровителей и союзников в соседних странах, где он начал набирать наемников для свержения своего преемника.

Перевороты и попытки переворотов в ряде княжеств, равно как и вооруженные столкновения племен, возобновление территориальных споров и притязаний,— все это, несомненно, лишь «поверхностное отражение» конкурентной борьбы империалистических монополий за раздел нефтяных богатств, а также обострения противоречий между различными странами этого региона, борющимися за усиление своего влияния в Персидском заливе Наряду с английскими послами, «советниками» и всякого рода бизнесменами в княжествах Персидского залива постоянными гостями стали теперь и американские дипломаты, офицеры и дельцы.

По сообщениям иностранной печати, во время своего визита в Тегеран в 1972 году президент США Никсон и в начале 1973

---

¹ U. S. News and World Report, 9. X. 1972.

² Ан-Нахар, 28. II. 1972, 29. IV. 1972.

года президент Картер уделили большое внимание в переговорах с шахом вопросам, касающимся координации с Ираном политики по «обеспечению безопасности и стабильности в районе Персидского залива» Основные усилия американской дипломатии направлялись на создание военно-политического блока монархических государств в районе Персидского залива. Этот вопрос обсуждался американскими руководителями и в Эр-Риаде, и в Тегеране, и в Кувейте, а также во время посещения ими ряда арабских княжеств.

США используют свое прямое военное присутствие, средства американских нефтяных компаний, влияние Саудовской Аравии на арабские эмираты для того, чтобы побудить их проводить нужную американцам политику. По оценке французских авторов, «весь этот район находится под прикрытием американского атомного зонта». Американцы активно участвуют в подавлении арабского национально-освободительного движения, в частности, в Дофаре¹.

«Ввиду увеличения роли нефти и противоборства между нефтедобывающими странами, потребляющими нефть, позиция Соединенных Штатов стала внушать подозрения,— писал в начале 1976 года английский журнал «Миддл Ист интернэшнл». — Руководители стран Персидского залива встревожились, когда в калифорнийской пустыне Мохаве начались маневры 8 тысяч американских морских пехотинцев, отработывавших боевой план — отправки морской пехоты для спасения некоей прозападной страны в пустыне от захвата страной, поддерживаемой коммунистами. После этого американские газеты много писали о слухах по поводу вторжения (в страны Залива), которые, возможно, инспирировал Пентагон Их подтвердили заявления американских высокопоставленных лиц»².

Касаясь планов военного сотрудничества государств — участников блока СЕНТО и стран Залива, тот же журнал сообщал, что в связи с этими планами весной и летом 1975 года предпринимались попытки провести специальное совещание по вопросам «региональной обороны» этого района. Ежегодно поздней осенью в рамках СЕНТО с участием США здесь проводились крупные военно-морские и военно-воздушные маневры с целью, как писала «Нью-Йорк таймс», «продемонстрировать военно-морскую мощь СЕНТО в районе, расположенном на подходе к Персидскому заливу»³.

Здесь, как и на всем Ближнем и Среднем Востоке, имеет место не только соперничество, но и сотрудничество империалистических партнеров и реакционных режимов, действующих сообща при защите своих классовых интересов.

---

¹ Dardaux G., Lacouture J. et S. Les émirats-mirages, p. 207.

² The Middle East International, 1976, Janvier,

³ См.: Правда, 1975, 1 марта.

Беспокойное «тихое захолустье»

«Тихое захолустье» Британской империи, как называли иногда в Лондоне английские протектораты в районе Персидского залива, перестало быть тихим уже в 50-х годах, когда здесь началась «нефтяная лихорадка». Мирную тишину берегов Персидского залива и глубокий покой горных районов Омана нарушили почти одновременно гуденье мощных насосов, качающих нефть, и взрывы бомб, сбрасываемых с английских самолетов, чтобы погасить разрастающееся пламя национально-освободительной борьбы в этом районе.

Это совпадение было далеко не случайным. Огнеопасное свойство нефти проявилось здесь сразу вдвойне — и во время многодневных пожаров на нефтеразработках, и в ходе разрастающейся национально-освободительной борьбы в «нефтяных» княжествах. Однако ни массовыми репрессиями и арестами, ни бомбами и блокадой, ни «либеральными» реформами и лживыми обещаниями английским колонизаторам не удалось сбить огонь этой борьбы. Он перекидывался из одного княжества в другое, преодолевая все границы и барьеры, с помощью которых колонизаторы хотели изолировать этот район от общеарабского антиимпериалистического фронта.

Первая крупная забастовка нефтяников Бахрейна состоялась в марте 1951 года. Характерно, что наряду с требованиями об увеличении заработной платы рабочие-нефтяники потребовали также увеличения концессионных отчислений в пользу Бахрейна. А через три месяца, в июне 1951 года, во многих городах Бахрейна состоялись массовые демонстрации, проходившие под лозунгами, требовавшими полной национализации нефтяной промышленности и изгнания из страны правящего шейха Сальмана и его английского эmissара Белграйва.

В начале 50-х годов в Саудовской Аравии, Кувейте, Катаре и на Бахрейне прокатилась волна массовых антиимпериалистических выступлений против засилия нефтяных монополий. В ходе забастовок рабочие-нефтяники выдвигали не только экономические, но и политические требования. В начале 1956 года весь Бахрейн был охвачен волнениями, носившими ярко выраженный антиимпериалистический характер. С большим трудом полиции и английским солдатам удалось тогда подавить это движение, а летом 1956 года на всем архипелаге Бахрейна вновь вспыхнуло всеобщее восстание в знак протеста против «тройственной» агрессии, в поддержку справедливой борьбы египетского народа¹.

В ноябре 1956 года главный политический резидент в районе Персидского залива Ч. Белграйв вызвал на Бахрейн английские

¹ См.: *Бодянский В. Л.* Бахрейн. М., 1962, с. 143—145.

войска. Британские колонизаторы ввели чрезвычайное положение. Под английским нажимом была запрещена деятельность Комитета национального единства.

Арабские патриоты нашли поддержку в Египте, в Сирии, в Ливане и в Ираке. Подпольные организации возникли в различных частях самого княжества Бахрейн, деятельность которых направлял Фронт национального освобождения Бахрейна (ФНОБ).

В знак протеста против массовых репрессий колонизаторов в марте 1965 года на Бахрейне по призыву ФНОБ началась невиданная до сих пор по своему размаху забастовка трудящихся, которая вылилась практически во всеобщее народное восстание. В нем приняли участие десятки тысяч трудящихся. Жизнь на архипелаге была полностью парализована. остановился транспорт, закрылись все магазины и общественные учреждения. На улицах Манама не раз вспыхивали схватки между демонстрантами и силами полиции. Для подкрепления местных сил на Бахрейн срочно были вызваны английские войска, которые начали совершать массовые облавы в рабочих кварталах. Только к июню 1965 года колонизаторам с трудом удалось подавить народное восстание на Бахрейне¹.

Борьба в районе Персидского залива приняла еще более решительный характер после израильской агрессии против арабских стран в 1967 году. В Кувейте, Саудовской Аравии, Бахрейне, Катаре и в других княжествах Персидского залива прокатилась волна антиимпериалистических демонстраций. Даже в «благополучно процветающем» и «самом тихом» княжестве Дубай в июне 1967 года демонстранты направились к домам американцев и англичан, чтобы выразить гневный протест против израильской агрессии, и власти вынуждены были срочно вызвать английские войска для «наведения порядка»². На нефтеразработках в Саудовской Аравии, в Катаре и в Абу-Даби местные власти и администрация нефтяных компаний уволили большое количество слишком «враждебно настроенных» рабочих палестинского происхождения и провели массовые аресты среди рабочих-нефтяников, занимавшихся «опасной агитацией».

В условиях общего подъема антиимпериалистического движения во всем арабском мире национально-освободительная борьба в районе Персидского залива вступила в новый этап.

До 1968 года отмечались лишь отдельные выступления на Бахрейне, в Катаре и периодические вооруженные столкновения с английскими колонизаторами и наемными войсками во внутренних районах Омана. В конце 60 — начале 70-х годов национально-освободительная борьба приняла более организованный характер и охватила практически всю юго-восточную часть Ара-

¹ Ан-Нида, 27.III.1966.

² Jeune Afrique, 18 Août 1970.

вийского полуострова, создав непосредственную угрозу интересам иностранных нефтяных монополий в районе Персидского залива. Национально-освободительное движение на этом этапе стало носить не только ярко выраженный антиимпериалистический, но и антифеодальный характер. Наряду с требованиями о ликвидации колониального господства и засилья, иностранных монополий в ряде случаев выдвигались также лозунги о необходимости проведения глубоких социально-экономических преобразований и свержения существующих феодально-теократических режимов.

Другая особенность нового этапа национально-освободительной борьбы состояла в перемещении ее центра тяжести из Кувейта и Бахрейна в новый нефтяной султанат Оман

Развитие национально-освободительного движения в Омане можно условно разделить на несколько этапов. На первом этапе, начавшемся в середине 50-х годов, вооруженная борьба народа Омана против английских оккупантов проходила под руководством имама Галеба. Движение хотя и носило антиимпериалистический характер, имело ярко выраженную феодально-религиозную окраску. В то же время оно в значительной степени было связано с конкурентной борьбой в этом районе иностранных нефтяных компаний. Это движение преследовало ограниченные, чисто националистические цели, отвечавшие интересам феодально-религиозной верхушки, а не народных масс в целом. Тем не менее даже на первом этапе борьбы английским колонизаторам был нанесен серьезный удар. Развязанная ими агрессивная война против народа Омана не принесла им победы.

Справедливая борьба оманского народа встретила поддержку всех арабских государств. Вооруженная интервенция английских колонизаторов была решительно осуждена Лигой арабских стран, а также специальным политическим комитетом ООН, который большинством голосов принял в декабре 1961 года резолюцию стран Азии и Африки, осуждавшую английскую агрессию в Омане и требовавшую вывода из страны оккупационных войск. Аналогичная резолюция была затем выработана специальным комитетом, созданным для изучения вопроса об Омане. И хотя закулисные маневры колонизаторов помешали принятию этих резолюций на Генеральной Ассамблее ООН, само обсуждение этого вопроса в комитетах ООН и неоднократное включение его в повестку дня очередных сессий Генеральной Ассамблеи способствовали дальнейшему развитию освободительного движения в Омане.

В немалой степени возникновению и развитию этого движения на первом этапе способствовало также то обстоятельство, что после обнаружения нефти на южных склонах Западного Хаджара обострился конфликт из-за оазиса Бурайми между Маскатом и Абу-Даби, с одной стороны, и Саудовской Аравией — с другой. За спиной Маската и Абу-Даби стояла англий-

ская нефтяная компания «Ирак петролеум компани» (ИПК), а за Саудовской Аравией — американская компания АРАМКО. Победу тогда одержали англичане, которые силой завладели всеми девятью оазисами Бурайми, из которых шесть отошли к Абу-Даби и три к Маскату. В ответ на это Саудовская Аравия решила поддержать имама Галеба и стала оказывать ему помощь в борьбе против султана Маската и англичан.

Американские нефтяные компании, пытаясь взять реванш, нанесли по своим соперникам «удар с тыла», добившись права на разведку нефти непосредственно в Омане, в его западной провинции Дофар. Этот «нефтяной фон», на котором развивался первый этап освободительного движения в Омане, обусловил и его слабые стороны

В 1963 году восстание перекинулось в Дофар. Оно носило сначала стихийный характер и не выходило за рамки межплеменной, междоусобной борьбы, за кулисами которой стояли определенные феодальные круги и соперничающие между собой иностранные нефтяные компании. Как и в горном Омане, движение в Дофаре на первом этапе не имело какой-либо законченной программы, преследовало цели не уничтожения колониального господства и связанного с ним феодально-теократического режима, а лишь его замену

Не случайно центр освободительной борьбы переместился в западную провинцию Омана, непосредственно примыкавшую к Южному Йемену, именно во второй половине 60-х годов. Когда там начали выкорчевывать остатки колониализма, ликвидировать привилегии султанов и шейхов, раздавать земли крестьянам, провинция Дофар и весь Оман все еще оставались самыми глухими и отсталыми районами на земном шаре, где сохранилось рабство и феодализм вперемешку.

В провинциальном центре Салале на 10 тысяч жителей приходилось около 3 тысяч рабов, считавшихся собственностью султана и других богачей. Население Дофара (приблизительно около 200 тысяч человек) жило, как в резервации.

На фоне проводившихся широких социальных преобразований в соседних провинциях Южного Йемена, откуда были изгнаны не только колонизаторы, но и местные эксплуататоры — султаны, эмиры и шейхи, бесправие и беспрсветная нищета населения Дофара являли собой особенно разительный контраст.

Нигде в арабском мире не созрели такие условия для вооруженного восстания против тирании, как в Дофаре, признавал французский журнал «Монд дипломатик». Именно поэтому он стал «самой горячей точкой прямой конфронтации, принявшей форму вооруженной борьбы между силами архаизма и революции»¹.

¹ Le Monde Diplomatique, 1970, Janvier.

Вооруженное восстание, начавшееся в Дофаре в июне 1965 года, знаменовало собой начало нового этапа национально-освободительного движения в зоне Персидского залива. Наряду с развертыванием партизанской борьбы в горных районах Дофара в последующие годы происходила консолидация патриотических сил во главе с Народным фронтом освобождения Омана (НФОО).

Убедившись в провале попыток подорвать движение изнутри, султан Кабус по рекомендации английских советников начал широкое наступление на партизан, бросив против них самолеты и специальные отборные десантные подразделения, которые срочно были переброшены для поддержки султана непосредственно из Англии

«Война, которую английские вооруженные силы ведут против прогрессивных арабских сил в провинции Дофар в Омане,— признавала лондонская «Санди таймс» летом 1972 года,— это целиком английская война, которая без британского участия закончилась бы в несколько дней». В свою очередь американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» почти в то же время писал: «Не будь там английских офицеров и летчиков .. партизаны, очевидно, захватили бы власть в свои руки».

В течение 1972 года султанские войска были значительно усилены за счет поступления дополнительной военной техники и подкреплений не только из Англии, но и из Ирана. Они осуществили широкие карательные операции против партизан Дофара. Одновременно были предприняты рейды в приграничные районы НДРЙ, которые подвергались бомбардировке с воздуха и артобстрелу с моря. Эти операции, проводимые при поддержке английских самолетов и кораблей, преследовали цель отрезать партизан и освобожденные районы Дофара от их основных баз снабжения. Они сочетались с одновременной активизацией подрывной деятельности и вторжением на территорию НДРЙ сил наемников со стороны Саудовской Аравии.

В район Дофара были стянуты крупные силы султанской армии, численность которой за один год была увеличена вдвое. Соотношение сил в Дофаре заметно изменилось в пользу реакции.

Однако патриоты Дофара, которые более десяти лет под руководством Народного фронта освобождения Омана ведут героическую борьбу за свободу и независимость своей страны, не сложили оружие. Даже после предпринятого в начале 1975 года карателями и наемными войсками широкого наступления патриоты продолжали контролировать значительную часть территории провинции Дофар. Вместе с тем журнал «Миддл Ист интернэшнл» отмечал, что «полная зависимость султана от иностранной помощи» поставила его фактически в изоляцию среди арабских государств¹. Это было убедительно продемонстриро-

¹ The Middle East International, 1976, Janvier.

вано на совещании глав арабских государств и правительств в Рабате в 1974 году, которые единодушно осудили присутствие иностранных войск в Омане.

Изоляция Кавуса еще более усилилась и в арабском и в мусульманском мире после того, как султан — единственный из всех арабских монархов — отказался присоединиться к общеарабским санкциям против режима Садата за его соучастие в неоколониалистском заговоре против арабских народов.

Хотя в 1976—1979 годах султану при активной поддержке империалистов и реакции удалось несколько ослабить партизанское движение в Дофаре, освободительная революция развивается. Патриоты Омана, Бахрейна и других княжеств Персидского залива продолжают борьбу за полное искоренение остатков колониализма, за укрепление независимости, за свободу и социальный прогресс.

СЮРПРИЗЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОКТАБРЬСКОЙ ВОЙНЫ

Из всех трудных решений, которые когда-либо приходилось принимать израильскому премьер-министру Голде Меир за ее долгую политическую жизнь (другой жизни у нее не было, с тех пор как она эмигрировала в Палестину, оставив в Америке мужа и детей), безусловно, самым нелегким было отказаться от принятия решения нанести по Египту и Сирии «превентивный удар», вопреки настойчивым требованиям начальника генерального штаба Элазара. Перед тем как прийти на ночное заседание «малого кабинета», генерал Элазар с одобрения министра обороны Даяна утром 5 октября 1973 года отдал приказ о приведении армии в полную боевую готовность. Израильские вооруженные силы по первому сигналу готовы были начать войну. Но «политики» не вняли требованиям Элазара. Даже «хитрая лиса» Даян в последнюю минуту переметнулся на сторону Голды Меир, которая ратовала за «выдержку».

После окончания бурного заседания «малого кабинета» Голда Меир не была уверена в том, что у нее самой хватит этой выдержки. Конечно же предложение Элазара «ударить не дожидаясь» было очень соблазнительным. Возможно, оставшись одна, она к утру и склонилась бы к такому решению. Но среди ночи к ней напросился со срочным визитом американский посол Кеннет Кетинг.

В ходе длительного и «трудного» разговора с Голдой Меир Кетинг, мягко говоря, оказал на нее «дружеское давление»¹.

На важность ночного визита Кетинга к израильскому премьер-министру указывают многие иностранные авторы. Содержание этой беседы долго сохранялось в строгом секрете. Но впоследствии сами израильские руководители признали, что главная цель этого визита состояла в том, чтобы убедить израильское правительство отказаться от намерения нанести «превентивный удар» по арабам, дабы Израиль не выглядел в глазах мирового общественного мнения «агрессором». Посол дал понять, что в противном случае США будут поставлены в затруднительное положение при оказании Израилю военной и другой поддержки.

---

¹ Guillebaud J, C, Les jours terribles d'Israel. Paris, 1974, p. 29.

О других доводах Кетинга иностранные авторы высказывают предположения, которые не лишены логичности: американский посол поделился прогнозами некоторых осведомленных ведомств США о возможных результатах нового раунда арабо-израильской войны. Во-первых, Вашингтон был уверен, что Израиль на этот раз сумеет «сокрушить арабские силы» за два-три дня даже без «превентивного» удара. Во-вторых, он не должен опасаться союза Египта с Сирией, ибо они преследуют совершенно различные цели. Если Дамаск будет воевать за освобождение оккупированных арабских земель и справедливое решение палестинской проблемы, то Каиру, да и Вашингтону, война должна в первую очередь помочь «разморозить» ситуацию на Ближнем Востоке.

Доводы и прозрачные намеки американцев о том, что «политическая выдержка» Тель-Авива будет полностью ему компенсирована Вашингтоном, по признанию М. Даяна, несомненно, сыграли «сдерживающую роль». Однако политики руководствуются своей логикой, а военные — своей. Даян же всегда считал себя и политиком и военным. Поэтому он не стал возражать против принятого все же Элазаром решения о проведении с утра 6 октября 1973 года всеобщей мобилизации резервистов.

Радиостанции, которые должны были в религиозный праздник «Судного дня» прекратить передачи, каждые четверть часа посылали в эфир загадочные фразы: «Морской волк!», «Прекрасная дама!», «Мясные котлеты!». Кодовые слова относились к различным группам резервистов, которым срочно надлежало прибыть в соответствующие воинские части. Эти мероприятия, как позднее признал Элазар, завершали те военные приготовления, которые проводились в израильской армии в течение предыдущих десяти дней¹.

Вооруженные силы Египта и Сирии в те дни были приведены также в повышенную боевую готовность. С утра 6 октября они заняли боевые позиции...

Стрелка склоняется к «буре»

Состояние «ни войны, ни мира» к концу 1972 года фактически изжило себя. Надежд на прояснение ближневосточного горизонта оставалось все меньше и меньше. Стрелка политического барометра, нервно содрогавшаяся в течение нескольких лет в ожидании перемен, неумолимо склонялась к «буре».

«Чем больше проходит времени после прекращения огня, тем больше становится проблем»², — констатировал государствен-

¹ The Jerusalem Post, 12. XI. 1973.

² Guillebaud J. C. Les jours terribles d'Israel, p. 35.

ный секретарь США Роджерс незадолго до ухода со своего поста.

Количество этих проблем неминуемо должно было рано или поздно перерасти в новое качественное состояние открытой военной конфронтации. Все американские так называемые мирные инициативы, которые проводились в рамках «плана Роджерса», выдохлись. В условиях предвыборной кампании 1972 года, когда каждый из кандидатов в президенты США — Р. Никсон и Дж. Макговерн — старались заручиться поддержкой сионистских организаций, политика США на Ближнем Востоке все более открыто делала крен в сторону Израиля.

Визит израильского премьер-министра Голды Меир в Вашингтон в марте 1973 года ускорил выполнение данных ранее Израилю обещаний. Только в 1973 году Израиль получил 40 новых американских самолетов «Скайхок» и «Фантом»¹, сотни танков, броневозов, артиллерийских орудий и минометов, зенитные комплексы, самонаводящиеся «умные бомбы», различное радиолокационное оборудование и другую боевую технику.

По мере роста поступлений нового американского оружия росло и число вооруженных провокаций израильской военщины против арабских стран, усиливался террор на оккупированных Израилем территориях. Начиная с ноября 1972 года все чаще происходили вооруженные столкновения на Голанских высотах Сирии и на израильско-ливанской границе. 8 января 1973 года бой между израильскими и сирийскими войсками происходил весь день. По официальным израильским данным, в период с ноября 1972 года по январь 1973 года в результате израильских вооруженных провокаций и нападений на территорию Сирии и Ливана было убито не менее 500 палестинских партизан и 250 сирийских солдат, не считая еще более многочисленных жертв среди мирного арабского населения, особенно на оккупированных территориях. Как признал Даян, только до 1972 года там было убито около 2 тысяч и брошено в тюрьмы около тысячи «террористов»².

В феврале 1973 года над Синайской пустыней был сбит гражданский самолет ливийской авиакомпании со 120 пассажирами на борту, которые все погибли. Совет Безопасности ООН осудил тогда Израиль за это воздушное пиратство. Но не прошло и шести месяцев, как стало известно о новом акте разбоя: два израильских военных истребителя перехватили пассажирский самолет ливанской авиакомпании MEA. И снова — в 18-й раз после 1967 года! — Израиль был осужден Советом Безопасности ООН. В марте 1973 года израильские десантники временно захватили египетский остров Зукар в Красном море. А через месяц, 10 ап-

---

¹ Guillebaud J. C. Les jours terribles d'Israel, p. 21.

² Ibid. p. 30 135.

реля 1973 года, высадившиеся в Бейруте израильские диверсанты злодейски убили трех лидеров палестинского движения сопротивления и взорвали несколько нефтехранилищ. В последующие месяцы вооруженные столкновения принимали все более широкие масштабы. 13 сентября 1973 года израильские самолеты глубоко вторглись в воздушное пространство Сирии, очевидно, с той же целью, что и перед началом июньской войны 1967 года,— проверить боеготовность сирийских ВВС и эффективность противовоздушной обороны.

Воздушный бой, в котором приняли участие несколько десятков самолетов с обеих сторон, был не просто предвестником войны. Израиль явно производил военный и политический зондаж. В бою было сбито больше сирийских, чем израильских самолетов¹. Однако приятные для Тель-Авива арифметические подсчеты привели к неприятным для него просчетам. Израильские руководители сделали неправильные выводы относительно боееспособности арабских вооруженных сил, а также относительно характера будущей войны.

Несмотря на достигнутое к тому времени соглашение между Сирией и Египтом о тесной координации действий в военной и политической области, Египет на эту агрессивную акцию Израйля против Сирии фактически не отреагировал. Сделанный из этого в Тель-Авиве вывод о неэффективности действий Египта в новой открытой военной конфронтации оказался в какой-то мере правильным. Однако Тель-Авив и Вашингтон не учли, что война имеет свою логику, которая сильнее субъективных намерений и закулисных маневров Садата. Именно эти просчеты определили в первые дни октября 1973 года линию поведения Тель-Авива, который воздержался тогда от нанесения «упреждающего» удара. Дело, конечно, вовсе не в «бездействии» израильской разведки, как заключила потом после войны специальная комиссия, разбиравшая допущенные правительством Г. Меир ошибки в октябре 1973 года. Израильская разведка систематически получала и докладывала накануне войны самые свежие данные с американских разведывательных спутников о всех передвижениях арабских войск. И дело не в «нерешительности» израильского военного руководства.

Некоторые западные и израильские авторы считают, что правительство Г. Меир воздерживалось от нанесения «упреждающего» удара по арабам не только по внешнеполитическим соображениям, высказанным американцами, но и по внутривнутриполитическим мотивам, продиктованным предвыборной борьбой. Правительство в противоборстве с правым экстремистским блоком «Ликуд» делало главный упор на то, что политика правящей коалиции обеспечила мир и спокойствие в стране. Поэтому в период подготовки к выборам правительство и по политическим

---

¹ *Heikal M. The Road to Ramadan*, p. 17.

и по экономическим причинам хотело несколько отсрочить мобилизацию резервистов, которая уже трижды проводилась в течение года.

Кроме политических причин были и чисто военные соображения, повлиявшие на отказ от идеи нанесения «упреждающего» удара по арабским странам. Как отмечала позднее правительственная комиссия Ш. Аграната, любая подобная попытка натолкнулась бы на «стену из ракет» советского производства, которыми были оснащены системы ПВО Египта и Сирии.

Однако, несомненно, главными были политические доводы, которые основывались на уверенности Вашингтона, что Садат в ходе войны лишь создаст видимость взаимодействия со своими арабскими союзниками, а на самом деле будет тесно координировать и военные, и политические действия с Соединенными Штатами Америки.

Для такой уверенности у Вашингтона уже тогда было достаточно оснований. Курс, взятый Садатом после смерти Насера на постепенное свертывание сотрудничества с Советским Союзом, в частности прекращение в 1972 году миссии советских военных специалистов в Египте, не мог не отразиться на снижении боеспособности египетских вооруженных сил. Подчеркнуто демонстративная антисоветская направленность ряда акций, предпринятых Садатом, не вызвала в Вашингтоне сомнений, что их цель — завоевать доверие США и побудить американскую дипломатию к более активному посредничеству в заключении сепаратного соглашения с Израилем. Этого не скрывала даже официальная египетская печать. Один из приближенных к Садату египетских журналистов, Ихсан Абдель Куддус, прямо писал в сентябре 1973 года, что «арабам нужна война, чтобы оказать давление на Киссинджера»¹.

В ходе многочисленных контактов с американцами, которые, как отмечает М. Хейкал, особенно активно проводились в 1972—1973 годах по двум каналам связи — официальному дипломатическому и секретному через Центральное разведывательное управление, — египетское руководство пришло к заключению, что Вашингтон придерживается следующих шести принципов в ближневосточной политике:

1) по возможности «удержать Советский Союз за пределами этого района и не допустить его активного участия в ближневосточном урегулировании»;

2) добиваться не комплексного, а частичного урегулирования конфликта на двухсторонней основе — Израиль — Египет, Израиль — Сирия, Израиль — палестинцы, «если это когда-нибудь станет возможным»;

3) проводить урегулирование поэтапно;

4) возвращение к границам 1967 года невозможно;

---

¹ *Laqueur W. La vraie guerre du Kippour*, p. 94.

5) свести палестинскую проблему к проблеме палестинских беженцев;

6) «американский вариант урегулирования должен гарантировать интересы США в этом районе»¹.

Как показали последующие события, большинство этих принципов оказались приемлемыми для Садата. Уже тогда он исподволь проводил курс на достижение поэтапного сепаратного соглашения с Израилем при посредничестве американцев, выражал готовность в обмен на это свернуть сотрудничество с Советским Союзом, пожертвовать национальными правами палестинцев и пренебречь интересами других арабских государств — жертв израильской агрессии. Однако на состоявшихся в феврале 1973 года секретных переговорах в Вашингтоне с личным представителем Садата Киссинджер недвусмысленно дал понять, что «уступки, которые ожидают от Египта, должны быть политическими и территориальными», то есть египтяне должны поступиться частью своего суверенитета для обеспечения «материальной основы безопасности» Израиля. При этом Киссинджер намекнул, что «США не могут «налагать» какие-либо обязательства на Израиль, хотя и имеются способы оказать на него давление», если будут для этого «моральные основания»².

Подобного рода намеки, сопровождавшиеся унижительными требованиями поступиться «частью суверенитета» Египта во имя «материализации безопасности» Израиля, а также безрезультатность «мирных инициатив» США все более наталкивали Садата на мысль о необходимости прибегнуть к военному методу нажима на Тель-Авив. В этом он видел один из наиболее верных способов «разморозить» ситуацию и подготовить «моральные основания», чтобы привести в действие американские рычаги давления на Израиль.

К принятию такого решения Садата побуждали и другие причины. В народе и в армии назревало недовольство. Падал личный авторитет Садата как руководителя, который, отступив от основных принципов политики Насера, не сумел добиться ни реальных сдвигов в освобождении оккупированных земель, ни улучшения жизни народа. Экономика не в силах была выдерживать огромные военные расходы, которые после окончания июньской войны 1967 года поглотили более 8 миллиардов долларов³. Но эти огромные жертвы никак не оправдывались. Египетские солдаты и офицеры не могли бесконечно сидеть в окопах и взирать на восточный берег бездействующего Суэцкого канала. Тем более большинство из них сознавало, что свертывание военного сотрудничества с Советским Союзом отнюдь не способствует укреплению военного потенциала Египта. «К 1973 году,— пишет М. Хейкал,— Египет стал чуть ли не посмешищем

¹ Heikal M. The Road to Ramadan, p. 203.

² Ibid., p. 202—203.

³ Ibid., p. 204.

в глазах арабских стран. Мы претендовали на роль лидера и защитника арабов... а показали себя неспособными защищать даже свою собственную территорию». Это сознавал и сам Садат, который приблизительно за месяц до начала октябрьской войны в минуту откровенности признался Хейкалу: «Это наш последний шанс. Если мы не ухватимся за него, мы в конце концов упустим поезд»¹.

Садат боялся также, что начавшийся процесс разрядки международной напряженности, особенно сближение позиций Советского Союза и США в вопросах о ликвидации наиболее опасных очагов напряженности, может помешать ему вести игру, в которой главную ставку он делал на Вашингтон, а также спекулировать на советско-американских противоречиях.

Выступая 2 октября 1973 года на одном из закрытых заседаний, Садат выразил опасение, что если две великие державы достигнут соглашения по всем вопросам, включая Ближний Восток, то это якобы означало бы для Египта «потерять последний шанс для действия»².

В свете этого становится понятным, почему Садат, как считают многие иностранные авторы, информировал некоторых прозападных арабских руководителей о готовящейся сверхсекретной военной операции, скрыв, однако, это от Каддафи³, несмотря на то что именно Ливия, по свидетельству Хейкала, оказала Египту перед войной самую солидную военную и финансовую помощь, оцениваемую по меньшей мере в миллиард долларов⁴. Не приходится также удивляться, что о готовящейся «сверхсекретной» операции американская разведка была осведомлена уже в мае 1973 года и непосредственно перед началом войны особенно активизировала свою деятельность в Египте по сбору чисто военной информации при содействии дипломатов других стран — союзников США⁵.

После всего этого особенно лицемерными выглядят утверждения некоторых западных авторов, будто новая вспышка военного конфликта на Ближнем Востоке явилась для США «полным сюрпризом», тем более обвинение Советского Союза в том, что он якобы «подтолкнул» арабов на октябрьскую войну.

Всем ходом событий и прежде всего агрессивными действиями Израиля, поддерживаемого США, Ближний Восток уже к началу 1973 года был фактически подведен к войне, которая могла вспыхнуть в любой момент. Советское правительство, предвидя это, использовало все возможности, чтобы обратить внимание США на взрывоопасную обстановку на Ближнем Востоке. Однако, как показали советско-американские переговоры на самом

¹ *Heikal M.* The Road to Ramadan, p. 20.

² *Ibid.*, p. 26.

³ *Laqueur W.* La vraie guerre du Kippour, p. 71, 75; *Le Monde*, 23.X.1973.

⁴ *Heikal M.* The Road to Ramadan, p. 197.

⁵ *Ibid.*, p. 18.

высоком уровне в мае 1972 и в июне 1973 года, США, признавая на словах особую ответственность великих держав за установление справедливого и надежного мира в этом регионе, на деле продолжали поощрять агрессивный курс и экспансионистские устремления Израиля. Таким образом они рассчитывали, очевидно, оказать давление на арабские страны, чтобы побудить их последовать примеру Садата.

Однако если Садат вынужден был по ряду обстоятельств прибегнуть к военным средствам давления на Израиль главным образом, чтобы облегчить себе последующий торг с Западом и сепаратные сделки с Израилем, то арабские патристические силы, в том числе и в самом Египте, требовали перевести разговоры о необходимости вооруженной борьбы в практическое русло, видя в ней эффективное и законное средство противодействия разбою и насилию. Иначе и не могло быть. Борьба против израильской агрессии за освобождение оккупированных арабских земель означала для арабов продолжение борьбы против одной из разновидностей колониализма и расизма. Арабские народы не могли смириться с политикой «свершившихся фактов», незаконным захватом их земель и узурпацией прав палестинцев.

Советский Союз, проводя последовательную и принципиальную ленинскую политику поддержки освободительной борьбы народов против империализма и колониализма, естественно, считал и считает своим интернациональным долгом помогать арабским народам в их справедливой борьбе против агрессии. Оказывая эту поддержку, Советский Союз не только помогал в сдерживании агрессии и ликвидации ее последствий. Он решительно противодействовал пособникам агрессоров, а также неоколониалистским маневрам и заговорам против арабских народов.

В заявлении Советского правительства в связи с возобновлением войны в октябре 1973 года особо подчеркивалось, что «ответственность за нынешнее развитие событий на Ближнем Востоке и их последствия целиком и полностью ложится на Израиль и те внешние реакционные круги, которые постоянно покровительствуют Израилю в его агрессивных устремлениях»¹.

Возмездие «Судного дня»

Военному конфликту, возобновившемуся на Ближнем Востоке в октябре 1973 года, посвящены на Западе, в Израиле и в арабских странах сотни книг и исследований. Итоги арабо-израильской войны 1973 года обсуждались под различным углом зрения на всевозможных международных форумах, в том числе

---

¹ Правда, 1973, 8 октября.

и на специальных симпозиумах в Каире и Иерусалиме в октябре 1975 года. Они дискутировались также на заседаниях различных комиссий и правительственных органов как в Израиле, так и в арабских странах и даже на специальных заседаниях НАТО.

Такое повышенное внимание к военно-политическим и экономическим итогам октябрьской войны объясняется главным образом двумя причинами. Во-первых, ее результаты и последствия оказались для многих совершенно неожиданными. Во-вторых, они были слишком противоречивы. Недаром многие иностранные авторы называют ее «войной-сюрпризом».

Сюрпризом явилось не само возобновление войны, а ее характер, размах и интенсивность боевых действий. Полной неожиданностью, особенно для Израиля, были результаты первого же удара значительно окрепших за шесть лет после июньской войны 1967 года вооруженных сил Египта и Сирии. Они были неожиданными не только для Тель-Авива, но в какой-то степени даже для самого Садата. Он думал, как пишет М. Хейкал, что для форсирования Суэцкого канала и прорыва израильских оборонительных сооружений «линии Барлева» потребуется потратить несколько дней и принести в жертву по крайней мере около 20 тысяч солдат. Однако Суэцкий канал был форсирован и «линия Барлева» преодолена в течение первых же шести часов и ценой сравнительно небольших потерь, не превышавших ста человек. Операция по форсированию канала, имевшая кодовое название «Бадр» («Молния»), была осуществлена, в самом деле, почти молниеносно.

Знаменитая «линия Барлева», которая строилась в течение 70 дней и ночей и стояла Израилю, по оценке израильских авторов, около 600 миллионов долларов, пала за несколько часов, так и не обеспечив «безопасность» далеко выдвинутых вперед «новых границ» Израиля¹.

Этот успех был достигнут «благодаря двум важнейшим элементам: людям и оружию» — к такому выводу приходит Хейкал. В своей книге «Путь к Рамадану» он приводит слова Садата, который, сообщив по телефону советскому послу об успехе первой операции египетской армии, воскликнул: «Передайте Брежневу, что именно советское оружие совершило это чудо перемены!»²

Позднее лондонская «Санди таймс» писала: «За шесть коротких, стремительных часов 6 октября Египет продемонстрировал, как военное искусство в сочетании с современной боевой техникой смогли разрушить стратегию Израиля». Эти шесть часов были кульминацией успеха египетской армии в октябрьской войне. Недаром после окончания войны, которая продолжалась

¹ Крахмалов С. П. Арабская Республика Египет и ее вооруженные силы. М., 1975, с. 27; Аль-Маллюхи А. Линия Барлева сокрушена! Бейрут, 1974, с. 93 (на арабск. языке).

² Heikal M. The Road to Ramadan, p. 81, 214.

около 20 суток, в Египте все еще предпочитали ее называть «шестичасовой войной». Под таким же заголовком позднее в Египте стали выходить объемистые книги и исследования. Однако многие исследователи, в том числе и египетские, вынуждены констатировать, что последующие часы и сутки не были столь удачными для египтян, хотя они и имели возможность развить свой первоначальный успех.

На сирийском фронте, хотя события развивались и не так стремительно, успешное наступление арабских войск продолжалось в течение двух суток. Сломив упорное сопротивление противника, сирийские войска продвинулись на 5—6 километров, а на отдельных участках — до 20 километров. «Наступление сирийской армии рассматривалось Израилем как более опасное, чем египетское»¹, — пишет израильский автор Калмановиц.

В последующие дни израильтяне, воспользовавшись пассивностью египетского командования и придавая первостепенное значение сирийскому фронту, подтянули к нему резервы и перешли в контрнаступление. На сирийском фронте в течение семи дней шли ожесточенные кровопролитные бои. Сирийские солдаты оказывали упорное сопротивление врагу, который рвался к Дамаску. Израильские самолеты сбрасывали бомбы не только на столицу Сирии, но и подвергали бомбардировке экономические и хозяйственные объекты в глубине страны.

Активными действиями против Сирии, как отмечают американские и израильские авторы, Израиль преследовал несколько целей. во-первых, добиться максимального ослабления военного и экономического потенциала страны, а также свержения существующего режима; во-вторых, оказать «определенное влияние на Египет»; в-третьих, «помешать Иордании вступить в войну». Поэтому Израиль решил «сосредоточить свои основные усилия на разгроме в первую очередь сирийских войск» и именно поэтому «первые отоброшенные части бросил на Голанские высоты»²

Иностранные военные наблюдатели признавали, что сирийские войска были не только хорошо оснащены современным оружием и боевой техникой, но и сражались очень умело, используя эффективным образом советское вооружение³.

На помощь сирийцам пришли иракские войска, небольшие воинские контингенты прислали также Иордания, Марокко, Саудовская Аравия. На каменистых плато между Эль-Кунейтрой и Дамаском шли упорные кровопролитные бои. Об их ожесточенности можно судить хотя бы по тому, что в течение первых двух недель войны, по оценке западных военных специалистов, сирийские войска понесли более значительные потери, чем египетские, хотя общая численность вооруженных сил АРЕ во время

¹ Kalmanovitz A. Yom Kippur War. New York, 1974, p. 56.

² Ibid., p. 97.

³ Ibid., p. 96.

войны (около 415 тысяч человек) более чем в три раза превосходила вооруженные силы Сирии (132 тысячи человек)¹. Общие потери Сирии вместе с другими арабскими войсками, сражавшимися на сирийском фронте, составляли более 8 тысяч человек убитыми и ранеными, а египетских войск — менее 7 тысяч человек². Израильское командование из имевшихся у него 36 бригад на четвертый день войны сосредоточило на сирийском фронте 12 бригад и значительные силы сохраняло в резерве.

«Даян,— пишет французский журналист Жан-Клод Гийбо,— считал необходимым сконцентрировать основные силы на северном фронте. К исходу второго дня войны израильские самолеты обрушились на сирийские войска, неся при этом ощутимые потери». Гийбо считает, что из 115 потерянных Израилем в первые дни войны самолетов около 80 были сбиты в сирийском небе³. Сирийское командование неоднократно обращалось тогда к Садату с просьбой «предпринять какие-либо действия, которые бы вынудили израильтян перебросить часть сил на египетский фронт и тем самым ослабить натиск на сирийцев»⁴.

Как же реагировало на эту просьбу египетское руководство, возглавляемое Садатом? На него, как известно, была возложена обязанность координировать действия арабских вооруженных сил, участвовавших в войне. Многие западные и арабские военные специалисты, в том числе египетский генерал С. Шазли, занимавший во время октябрьской войны пост начальника генерального штаба, сходятся во мнении, что Садат проявлял в те дни странную медлительность под предлогом избежания якобы «лишних потерь». Именно эта медлительность стоила впоследствии жизни и крови многих тысяч не только сирийских, но и египетских солдат. Она не была оправдана никакими военными соображениями, тем более что египетские солдаты и младшие командиры, воодушевленные успешным форсированием Суэцкого канала, сами рвались в бой и недоумевали по поводу наступившей так называемой «оперативной паузы».

«Египетские войска на Синае,— пишет Хейкал,— успешно отражавшие контратаки израильтян, упустили благоприятную возможность прорваться к горным перевалам в центре Синая. Это был период так называемой «оперативной паузы», который привел к яростным спорам между египетским и сирийским политическим и военным руководством. Эти споры не разрешены до сих пор»⁵.

Этой «паузе», по поводу которой недоумевали сирийцы, не могли тогда дать объяснение ни арабские, ни многие западные военные специалисты.

¹ Österreichische militärische Zeitschrift, 1973, № 6, S. 479.

² Time, 29. X. 1973.

³ Guillebaud J. C. Les jours terribles d'Israel, p. 126.

⁴ Heikal M. The Road to Ramadan, p. 212.

⁵ Ibid., p. 211, 215.

«Офицеры США считают,— писал американский журнал «Ньюсуик»,— что если бы египтяне предприняли стремительный бросок в самом начале военных действий, они могли бы иметь успех. По словам одного американского эксперта, «Египет имел на восточном берегу Суэцкого канала пять механизированных и две бронетанковые дивизии, которые могли бы сокрушить израильскую оборону, пока она была еще слабой. Но египетские войска слишком долго выжидали, прежде чем нанести удар, а когда они предприняли свое наступление, оно не имело успеха. Когда же они отступили, чтобы залечить свои раны, Израиль сумел перехватить инициативу»¹.

Медлительность войск на восточном берегу канала в первые дни войны, а также непонятную инертность египтян после израильского прорыва на западный берег многие западные и израильские эксперты пытались объяснить на проходивших в Иерусалиме и Каире международных симпозиумах чисто военными ошибками и просчетами.

Официальное египетское издание, озаглавленное «Два года после четвертой арабо-израильской войны», изобилует голословными утверждениями, будто Израиль был лучше вооружен, чем Египет, и будто в ходе войны «русские не поставили Египту ни одного орудия»².

Самому себе противореча, Садат в своей книге «В поисках самого себя», с одной стороны, признает эффективность советского оружия, значительно возросшую благодаря советской помощи боеспособность египетской армии и изменившееся в пользу арабов общее соотношение сил в октябрьской войне, с другой стороны, пытается доказать, будто Советский Союз поставлял Египту «устаревшее оружие», которое якобы и в количестве и в качественном отношении уступало западному вооружению, которым была оснащена израильская армия³.

Но эта ложь опровергается простым сопоставлением соотношения сил Египта и Израиля. По данным Лондонского института стратегических исследований, Египет к началу войны превосходил Израиль не только по общей численности личного состава, но и по танкам, артиллерийским орудиям, минометам, зенитным ракетным комплексам и почти не уступал по количеству боевых самолетов. Что же касается качества оружия, находившегося на вооружении египетской армии и поступавшего в Египет во время войны, то оно, по оценке многих иностранных военных экспертов и арабских специалистов, отвечало всем современным требованиям и по своим тактико-техническим данным ничем не уступало соответствующим образцам западной военной техники.

¹ Newsweek, 29. X. 1973.

² In the Memory of the Passing of 2 Years on the 4-th Arab-Israeli Round. Cairo, 1975, p. 76, 79.

³ Sadat A. In Search of Identity. London, 1978, p. 252—255.

В своей книге «Оружие арабам», которая носит откровенно антисоветскую направленность, Глассмен тем не менее признает, что «поставки русского оружия по морю и воздуху явились событием величайшего политического и военного значения, без советского обеспечения, как считают западные специалисты, египтяне могли бы вести военные действия не более пяти дней»¹.

Отмечая отличные качества поставленной Египту советской военной техники, Г. Концельман пишет: «Это было прекрасное оружие в руках арабов»².

«У египетской армии,— подчеркивал М. Хейкал,— и вооружение было самое лучшее, какое можно было иметь, и наши войска были полностью обучены умению им пользоваться»³.

Следовательно, главные причины неудач Египта в военной кампании в октябре 1973 года, последовавших за успешным форсированием Суэцкого канала, были не в количественных и качественных показателях оружия, которым воевали египетские солдаты, а в плохом руководстве войсками. Египетское командование не сумело наладить координацию действий не только с Сирией, но и четкое взаимодействие между своими соединениями. В ряде случаев оно не умело правильно ориентироваться и принимать нужные решения в быстро меняющейся обстановке, «грешило,— как пишет Хейкал,— излишней осторожностью во время разработки и осуществления своего оперативного плана... а также недооценило силы противника, который смог ввести в сражение не 11 танковых бригад, как предполагало египетское командование, а 17 таких бригад»⁴. В значительной степени из-за этих «оплошностей» Садата сорвалось наступление египетских войск на Синае 14 октября и был осуществлен израильянами прорыв на западный берег Суэцкого канала, что привело к окружению 3-й египетской армии, уничтожению большей части системы ПВО на западном берегу, после чего израильская авиация стала фактически безнаказанно действовать над территорией Египта; израильские войска захватили также два египетских аэродрома, окружили Исмаилию, Суэц и начали продвигаться к Каиру.

В чем причина такой поразительной беспечности и самоуспокоенности Садата в роли главнокомандующего? Только ли в оперативно-тактических просчетах? Нет, большинство западных и арабских исследователей склонны считать, что дело здесь не столько в военных ошибках Садата, сколько в политических и стратегических целях, которые преследовал он в ходе войны.

В Египте не случайно под угрозой ареста строго запрещено чтение и распространение мемуаров находящегося в эмиграции генерала С. Шазли. В этих мемуарах, опубликованных в выхо-

¹ *Glassman J.* Arms for the Arabs, p. 130.

² *Konzelmann G.* Die Schlächt um Israel. Der Krieg der Heiligen Tade. München, 1974, S. 30.

³ *Heikal M.* The Road to Ramadan, p. 241.

⁴ *Ibid.*, p. 241—242.

дящем в Париже на арабском языке журнале «Аль-Ватан аль-Араби», приводятся многочисленные факты, свидетельствующие не об ошибках или просчетах Садата в октябрьской войне 1973 года, а о заранее согласованных с его зарубежными покровителями действиях, которые нанесли большой ущерб национальным интересам Египта.

В ходе октябрьской войны 1973 года, по мнению С. Шазли, могли бы быть достигнуты гораздо большие успехи и с гораздо меньшими издержками, если бы «удалось обуздать капризы Садата», унять его «диктаторские устремления» и «не допустить его вмешательства в чисто военные дела»¹.

Если бы военное руководство Египта действовало более самостоятельно, не прислушиваясь к президенту, пишет С. Шазли, «мы могли бы в ходе октябрьской войны добиться гораздо большего... мы провели бы войну по нашим планам, а не по тем, которые нам навязал противник»². Именно по вине Садата египетская армия понесла большие потери после форсирования Суэцкого канала. Из-за бездействия Садата израильтянам удалось осуществить прорыв на западный берег и окружить 3-ю египетскую армию в районе Суэца. Это нельзя, заключает Шазли, считать обычными ошибками. «Это величайшее преступление Садата, которое требуется расследовать ради исторической истины, ради того, чтобы арабские народы узнали правду»³.

Октябрьскую войну называют «войной тактики», поскольку войска воюющих сторон ограничивались в основном действиями в тактической глубине. Но для Садата, как показали его дальнейшие действия, она была «войной тактики» и в политическом смысле. Свои «промахи» на военных фронтах Садат надеялся компенсировать с помощью США на дипломатическом фронте. Но за эти «промахи» пришлось дорого расплачиваться египетским солдатам 3-й армии. Очутившись в окружении без продуктов, без воды и медикаментов, неся большие потери, она оказалась фактически в роли заложника закулисной политики Садата. В те дни Садат, чтобы снять с себя ответственность за неоправданно большие потери и моральное унижение 3-й армии, приказал казнить двух египетских генералов за «неправильную оценку израильской угрозы в центральном секторе»⁴. Однако подлинным виновником были не эти египетские генералы, а сам Садат. Именно он, по мягкому выражению Хейкала, «недостаточно уделил внимания анализу политической обстановки», что привело к «колебаниям и недоразумениям в отношении срока и масштабов прекращения огня»⁵. Садат надеялся, что его «самый

---

¹ Шазли С. Октябрьская война 1973 года.— Аль-Ватан аль-Араби, 1978, декабрь, с. 8—9.

² Аль-Ватан аль-Араби, 1979, февраль, с. 14.

³ Там же, с. 15.

⁴ Newsweek, 5. XI. 1973.

⁵ Heikal M. The Road to Ramadan, p. 242.

большой друг» — государственный секретарь США Киссинджер сумеет «остановить продвижение Израиля» и заставить Тель-Авив выполнить резолюцию Совета Безопасности ООН о немедленном прекращении огня. Большие надежды возлагались им также на немедленный эффект объявленного Саудовской Аравией и другими нефтяными арабскими государствами нефтяного бойкота Западу

Однако, как выяснилось позднее, израильтяне, несмотря на «нажим» Киссинджера и нефтяное эмбарго, намеревались полностью «убрать» всю 3-ю египетскую армию и, возможно, продолжить движение на Каир, если бы не решительные акции Советского Союза по немедленному пресечению агрессии Израиля.

И. Гласмен приводит в своей книге высказывание бывшего министра обороны Израиля Даяна, который считает, что именно Советский Союз «оказал давление на США, чтобы те принудили Израиль к прекращению огня»¹. Это американское «принуждение» имело, правда, в силу ряда объективных и субъективных причин ограниченные пределы. Хотя «Ньюсуик» и утверждает, что Киссинджер «закручивал гайки на Израиле», чтобы тот выполнил резолюцию ООН о прекращении огня, его старания не имели результатов до тех пор, пока Советский Союз не сказал своего решительного слова². Зато, используя «невидимые» связи с Каиром, Киссинджер в большей степени преуспевал в «закручивании гаек» на Египте. В те дни Киссинджер не установил прямые контакты с Садатом только из-за «решительных возражений израильских руководителей».

Однако, как позднее признал сам Садат, Вашингтон нашел возможность категорически предостеречь Египет от попыток нанести решительный удар по израильской группировке на западном берегу канала И, судя по всему, Садат прислушался к этому предостережению. По оценке многих военных специалистов, фронт после создания израильского плацдарма на западном берегу представлял собой «слоеный пирог». В сложном положении находилась не только 3-я египетская армия на восточном берегу, но и прорвавшиеся на западный берег израильские войска, которые имели весьма уязвимые каналы сообщения со своей основной группировкой на Синае: связь осуществлялась через понтонную переправу и коридор шириной всего в 6 километров. Отдельные подразделения египетской парашютной бригады, состоящие из добровольцев десантников, достигли тогда израильской переправы и готовы были взорвать понтонные мосты, однако командир бригады получил из Каира строгий запрет на осуществление этой операции. Верховная ставка, возглавляемая Садатом, запретила также продолжать артиллерийский обстрел израильских мостов и переправы, по которым уже

---

¹ *Glassman J. Arms for the Arabs*, p. 91.

² *Newsweek*, 5. XI. 1973.

велся огонь египетскими батареями, и командующие артиллерией 2-й и 3-й армии вынуждены были, как пишет М. Хейкал, «неохотно отнять руку от горла израильтян, которых готовы были уже задушить»¹.

Теперь становится понятным, почему Садат отвел эту «руку», хотя у египтян, по его признанию, было значительное превосходство в огневой мощи — приблизительно в два раза. Он испугался американского предупреждения о том, что США не потерпят поражения израильтян. Вместе с тем он не прислушался к предостережениям Советского Союза, который, по свидетельству многих иностранных авторов, предлагал Садату принять своевременные шаги по недопущению дальнейшего ухудшения обстановки в связи с израильским прорывом на западный берег.

Как сообщали в то время американские корреспонденты, после израильского прорыва под Суэцем многие арабы «изменили свое мнение относительно лидерства Садата», который «снова утрачивает контроль и колеблется со всеми его разительными противоречивыми заявлениями»². Все эти колебания и политические зигзаги Садата во время октябрьской войны и в последующий период были продиктованы его стремлением заключить закулисную сделку с Израилем при посредничестве США за счет или в обход интересов Сирии, палестинцев и в целом арабского революционно-освободительного движения. Однако убедительные успехи, достигнутые в целом арабскими странами в октябрьской войне, решительная поддержка их Советским Союзом, а также его последовательная и принципиальная позиция в вопросе о справедливом урегулировании ближневосточного конфликта помешали тогда американской дипломатии и Тель-Авиву навязать арабам отдельные соглашения с Израилем на капитулянтских условиях.

Конец мифов

Чисто военные итоги октябрьской кампании оцениваются не только на Западе, но и на самом Ближнем Востоке как «война вничью». В ней, считают, не было «ни победителей, ни побежденных»³.

В самом деле, на этот раз Израилю не удалось в результате войны сколь-либо значительно расширить территориальные приобретения. Напротив, в первые дни войны он потерял важные плацдармы на восточном берегу Суэцкого канала и на Голанских высотах Сирии, компенсировав, правда, это в последние дни войны захватом плацдарма на западном берегу Суэцкого канала и незначительным продвижением на сирийском фронте.

¹ *Heikal M.* The Road to Ramadan, p. 235.

² *Newsweek*, 5. XI. 1973.

³ *Хамдан Г.* Шестое октября в мировой стратегии Каир, 1975, с. 128 (на арабск. языке).

Людских потерь Израиль понес в этой войне больше, чем во всех предыдущих арабо-израильских войнах, вместе взятых. По свидетельству израильских авторов, только в первый день войны Израиль потерял около 500 человек убитыми, тысячу человек ранеными, большое количество пленных. Достаточно сравнить эти цифры с израильскими потерями в предыдущих войнах, чтобы стали ясны размеры катастрофы. В 1956 году во время синайской кампании израильская армия за пять дней боев потеряла 180 человек убитыми. Во время июньской войны 1967 года на египетском и сирийском фронтах погибло 850 человек¹. По официальным данным, опубликованным в Израиле, его потери в октябрьской войне 1973 года убитыми составили более 2500 человек, около 500 человек попали в плен, число раненых превышает 7 тысяч человек. Однако эти данные, очевидно, значительно занижены. Военный комментатор израильской газеты «Гаарец» Шифф считает, например, что только за первые девять дней боев Израиль потерял 2521 человека убитыми и пропавшими без вести, не считая раненых².

Израильские и западные военные специалисты полагают, что арабские страны понесли не менее тяжелые людские потери, чем Израиль. Однако никто не решается оспаривать тот факт, что потери Израиля пропорционально общей численности населения намного превосходят потери арабов, даже если внести соответствующие поправки в весьма противоречивые данные об итогах войны, опубликованные в различных иностранных источниках. Такая же картина и в соотношении потерь боевой техники воюющих сторон. Сопоставляя различные и весьма противоречивые данные, можно прийти к заключению, что Израиль лишился в ходе войны около 900 танков и более 200 самолетов (часть из которых, возможно, была отремонтирована), что составило более одной трети всех имевшихся на вооружении израильской армии этих видов боевой техники. Учитывая даже не менее значительные общие потери арабских стран, Израиль, во всяком случае, был в гораздо большей степени ослаблен войной, чем арабские страны.

Исходя из интенсивности боевых действий и размеров потерь в первую неделю войны, военных запасов Израиля без американских поставок могло бы хватить, по оценке иностранных военных специалистов, не более чем еще на две недели, то есть за три недели войны (она продолжалась 18 дней) Израиль был бы полностью истощен³.

Но даже если исходить из «ничейных», чисто военных итогов войны, ее общие результаты оказались явно не в пользу Израиля. Впервые почти за три десятилетия военной конфронтации с Израилем арабские государства нанесли ему столь ощу-

¹ Kippur. Tel-Aviv, 1974, p. 8.

² Schiff A. History of the Israel Army, 1870—1974. New York, 1974, p. 285.

³ Flight, 1973, 25 October.

тимый урон. Война вновь с еще большей убедительностью продемонстрировала бессилие политики силы, проводившейся в отношении арабских стран империалистами и сионистами. С ее помощью ни сионистским заправилам Тель-Авива, ни их империалистическим покровителям не удалось достигнуть главной политической и стратегической цели — остановить развитие революционно-освободительного процесса в арабском мире.

«Военные действия воочию показали,— отмечал Л. И. Брежнев,— что арабский мир ныне уже не тот, каким он был шесть лет тому назад. Они показали возросшую силу арабских государств — жертв агрессии и развеяли миф о непобедимости вооруженных сил Израиля. Вместе с тем мир стал свидетелем действенной солидарности государств арабского мира, которая проявилась как в военной области, так и в осуществлении политических и экономических мер по защите совместных интересов на мировой арене»¹.

Достигнутый Израилем в июне 1967 года военный перевес над арабами оказался недолгосрочным и ненадежным, несмотря на то что в последующие за июньской войной шесть лет Израиль пользовался неизменной политической и военно-экономической поддержкой США.

«Война 1973 года,— писал израильский публицист А. Капелюк в книге «Конец мифов»,— развеяла мифы, на которых зиждилась официальная политика Израиля в отношении арабских стран. Один из основных выводов, к которому должны были прийти израильские руководители в результате октябрьской войны 1973 года, состоит в том, что арабо-израильский конфликт невозможно разрешить военным путем»².

Октябрьская война убедительно подтвердила, что время работает против Израиля. В частности, это вынужден был признать бывший президент Всемирного еврейского конгресса Н. Гольдман в своей книге «Куда идет Израиль?».

Сам факт, что на этот раз не Израиль, а сами арабы «навязали характер войны», которую Тель-Авив не сумел закончить «молниеносно» убедительной победой и ценой минимальных жертв, свидетельствовал о несостоятельности военной доктрины израильских стратегов, делавшей упор на обеспечение «безопасности» Израиля за счет далеко выдвинутых границ и создание на оккупированных территориях укрепленных линий обороны и военных поселений. К аналогичным выводам приходят также многие западные и израильские военные специалисты и исследователи. В специальном разделе книги «Конфронтация — 73» (во французском издании — «Подлинная война Судного дня»), посвященном военным аспектам ближневосточного кризиса в октябре 1973 года, У. Лакёр и его соавторы — израиль-

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 4 М., 1974, с. 384.

² Kapeliouk A. Israel: la fin des mythes, Paris, 1975, p. 103.

ский генерал в отставке М. Пелед и доктор М. Ван Крефельд — отмечают, в частности, ошибочность решения израильского командования создавать главную линию укреплений на Суэцком канале, которая не имела «никакого логического оправдания». В более широком плане, говорится в книге, это было просчетом и интеллектуальным и политическим, так как Израиль, закрепившись на канале, сам «спровоцировал эскалацию военных действий... Основополагающая гипотеза после 1967 года, будто присоединение Синая усилит безопасность Израиля, оказалась ошибочной»¹.

Израильские стратеги и пропагандисты перед октябрьской войной создали миф о «непреодолимости» так называемой «линии Барлева». Вскоре после создания этой линии израильский автор Гилан писал: «Основная цель Египта изгнать израильтян за «линию Барлева» вдоль канала недостижима без вмешательства Советской Армии»². Однако, как позднее вынужден был признать коллега Гилана, преодоление «линии Барлева» силами одних египтян в течение первых же часов войны «вне всякого сомнения доказало, что высшее израильское командование слишком полагалось на эти укрепления»³.

Просчеты израильских военных стратегов заключались не только в переоценке «линии Барлева», но и, как отмечают военные специалисты, в недооценке боевых возможностей арабов⁴. Возросшие боевые возможности арабских вооруженных сил были убедительно продемонстрированы не только во время форсирования египетской армией Суэцкого канала, но и в ожесточенных танковых боях на сирийском фронте и при отражении налетов израильской авиации на Дамаск и другие города Сирии. Как отмечается в книге арабского автора А. Маллюхи, израильтяне потеряли на сирийском фронте около 400 танков. Только в ходе одного из боев на седьмой день войны, пишет он, противник потерял 78 танков. Израилю не удалось осуществить ни одной из преследуемых им основных целей в отношении Сирии: ни уничтожить главную часть сухопутных сил, ни завоевать полное господство в воздухе, ни парализовать экономическую жизнь страны.

Многие иностранные авторы указывают на эффективность противовоздушной обороны Сирии и АРЕ, которая сумела практически не просто «нейтрализовать» действия израильской авиации, но фактически лишить израильтян господства в воздухе. Благодаря высокой эффективности и точности попадания зенитных ракет израильские самолеты не могли в большинстве случаев осуществлять массированные налеты на военные и промышленные объекты. По свидетельству западных корреспондентов,

¹ *Laqueur W.* La vraie guerre du Kippour, p. 116—117.

² *Israel et Palestine*, 1971, № 5, p. 8.

³ *Kalmanovitz A.* Yom Kippur War, p. 51.

⁴ *Insight on the Middle East War*. London, 1974, p. 126.

из восьми израильских самолетов, как правило, удавалось прорваться к Дамаску не более чем одному-двум, которые, беспорядочно сбросив свой груз, тут же поворачивали назад.

Израиль не мог на этот раз безнаказанно действовать и на море. Только у берегов Сирии было потоплено или серьезно повреждено восемь израильских кораблей и торпедных катеров.

Военные стратеги Израиля не учли качественные изменения, которые произошли в оснащении и в комплектовании вооруженных сил Египта и Сирии. Другим, более совершенным стало оружие, которым были оснащены их армии, другими, более стойкими и умелыми, стали сами арабские солдаты и офицеры. И для Египта, и для Сирии прошедшие шесть лет не прошли даром.

Противовоздушная оборона, налаженная с помощью Советского Союза, надежно прикрывала действия египетских и сирийских войск. Израильские самолеты не могли прорваться сквозь надежный «зонт», созданный советскими ракетными установками. В отличие от 1967 года на этот раз израильская авиация, как отмечают наблюдатели, не могла безнаказанно действовать, уничтожая египетские и сирийские самолеты на земле. Как правило, они находились в укрытиях, арабские летчики поднимались навстречу противнику и вступали с ним в воздушные бои.

В числе главных военных итогов октябрьской войны французский генерал А. Бофр отмечал, что «легенда о непобедимости израильской армии была взята под сомнение. Вследствие этого у арабов совершенно иное моральное состояние, они освободились от «комплекса неполноценности», который у них создался после 1967 года»¹.

Арабы, как признает Калмановиц, «широко используя советы и поддержку русских в вопросах вооружения и боевой подготовки, определенно достигли успеха в том, чтобы новая конфронтация не стала повторением войны 1967 года»².

Многие западные и израильские исследователи обращают также внимание на отсутствие единства взглядов и согласованности действий израильских генералов, за которыми стояли различные политические группировки, и даже на острые разногласия между командующими фронтами и различными соединениями. Это нашло, в частности, отражение сразу после окончания октябрьской войны, когда за военные просчеты были смещены фактически все высшие руководители израильских вооруженных сил, включая министра обороны, начальника генерального штаба, командующих округами и начальника военной разведки. В этом шаге, а также в явном преувеличении влияния фактора внезапности на ход октябрьской войны проглядывается стремление перенести основной акцент с политических на военные ошибки израильского руководства, хотя хорошо известно, что несостоятельность военных доктрин была определена банкротством

¹ Forces armées françaises, 1974, № 18, p. 12.

² Kalmanovitz A. Yom Kippur War, p. 47.

сионистской идеологии и политического курса Тель-Авива в целом.

Концепция «безопасных границ», положенная в основу военной доктрины Израиля, находила конкретное проявление в курсе израильского правительства на «освоение» оккупированных арабских территорий. Ведь не случайно за месяц до начала октябрьской войны руководство правящей Рабочей партии одобрило так называемый «документ Галили», представляющий собой предвыборное обязательство партии содействовать быстрейшему заселению израильтянами захваченных арабских земель. Именно этот шаг Тель-Авива, по мнению ряда авторов, был последней каплей, переполнившей чашу терпения арабов, убедившихся, что у них не остается ничего другого для освобождения своей территории, как прибегнуть к применению силы.

Несостоятельность аннексионистского курса Тель-Авива признает даже такой яркий адвокат сионизма, как У. Лакер. По его словам, «основополагающая гипотеза после 1967 года, будто присоединение Синая и других арабских земель усилит безопасность Израиля, оказалась ошибочной», в октябрьской войне выявилась несостоятельность не только военной доктрины, но и внешней политики Тель-Авива. «Израильское правительство,— пишет Лакер,— совершенно не учло важные изменения в международной обстановке, в том числе усилившуюся изоляцию Израиля, возросшую роль «нефтяного оружия» и значительно укрепившийся благодаря советской помощи военный потенциал арабских стран»¹.

Задавая вопрос «Кто виноват в допущенных Тель-Авивом ошибках?», израильский публицист А. Капелюк отмечает, что главная причина неудач Израиля в войне кроется не столько в «бездействии армии», сколько в «бездействии израильского правительства», не искавшего с 1967 года никаких путей для достижения мира с арабами.

«Статус-кво» определяется не волей одного Израиля, а его «безопасность зависит не от состояния границ, а от взаимоотношений с соседями»².

Война показала высокую эффективность солидарности и сотрудничества арабов в различных областях. Израилю впервые пришлось по-настоящему одновременно вести войну на двух фронтах — северном и южном. Более того, на этот раз ему противостояли не только Египет и Сирия. В той или иной степени в войне участвовали также войска Ирака, Алжира, Иордании, Марокко, Судана, Саудовской Аравии и Кувейта, помогали также другие арабские страны.

При всей противоречивости результатов использования арабскими странами в октябрьской войне «нефтяного оружия» и раз-

¹ *Laqueur W.* La vraie guerre du Kippour, p. 117, 270—271.

² *Kapeliouk A.* Israel: la fin des mythes, p. 201.

личии преследовавшихся при этом целей нельзя не отметить важность того факта, что впервые в широких масштабах был применен в интересах справедливого урегулирования арабо-израильского конфликта такой мощный экономический рычаг, как нефть. После введения в действие нефтяного фактора как политического оружия ближневосточный конфликт охватил не только военно-политическую, но и экономическую сферу. Это привело к новому соотношению сил в ближневосточном конфликте, укреплению позиций арабских стран на международной арене и одновременно к усилению изоляции Израиля, росту недовольства на Западе негибкой и эгоистичной политикой Тель-Авива.

Возросшая в период октябрьской войны изоляция Израиля на международной арене, как следствие его агрессивного курса и расистской политики, проводимой сионистами внутри страны и на оккупированных арабских территориях, признается многими западными и израильскими авторами.

Если, например, в войне 1948 года, пишет Шифф, Израиль пользовался поддержкой многих стран, то в 1973 году Израиль, напротив, был в полной изоляции, его поддерживали только США и ЮАР¹. Американский журналист, специалист по Ближнему Востоку Дана Э. Шмидт прямо связывает ухудшение внешнеполитического положения Израиля прежде всего с милитаристской политикой сионистского государства². К концу октябрьской войны 1973 года большая группа африканских стран порвала дипломатические отношения с Израилем, и даже Западная Европа начала публично «десолидаризироваться» с Тель-Авивом

Французский журналист Жан-Клод Гийбо пишет, что израильтяне на пороге 1974 года оплакивали не только своих сыновей, погибших на Синае и на Голанских высотах, не только «отца Израиля» — Бен-Гуриона, умершего вскоре после окончания октябрьской войны, но и тот Израиль, который навсегда ушел в прошлое³

Западногерманские журналисты Вернер Майер и Шмидт-Полекс в своей книге, посвященной октябрьской войне 1973 года, пишут, что в этом конфликте Израиль оказался «устрашающе изолированным в военном и политическом отношении»⁴.

Один из лидеров сионистского движения — Н. Гольдман констатировал, что в годы, предшествовавшие октябрьской войне, «политика Израиля была нереалистичной и не внушающей надежд» и что «самым трагическим аспектом современного положения Израиля является его растущая изоляция в мире»⁵.

¹ Schiff A. History of the Israel Army. 1870—1974, p. 285.

² Schmidt D. Armagedon in the Middle East. New York, 1975, p. 8.

³ Guillehaud J. C. Les jours terribles d'Israel, p. 9.

⁴ Meyer W., Schmidt-Polex C. Schwarzer October. 17-tage Krieg um Israel. Percha, 1974, S. 54.

⁵ Goldmann N. Où va Israel?, p. 58, 185.

Анализируя негативные для Тель-Авива военные, политические и экономические последствия октябрьской войны 1973 года, французский историк Жан Лакутюр приходит к выводу, что она, вскрыв военную уязвимость Израиля, поставила перед ним альтернативу: «подрезать крылья сионизму» и стать нейтральной страной типа Швейцарии либо продолжать экспансионистскую политику, рискуя потерять возможность жить в мире со своими соседями¹.

Израиль после войны 1973 года оказался более, чем когда-либо, зависимым в политическом, военном и экономическом отношении от США

Война вызвала сильнейший кризис в экономике Израиля, в частности в таких отраслях, как транспорт, строительство и туризм. Только помощь США и огромные налоги с населения помешали краху израильской экономики.

Общий ущерб, причиненный Израилю войной, оценивается в 8 миллиардов долларов, значительная часть его составляла стоимость уничтоженного и поврежденного вооружения. В течение одного месяца в ходе войны и в последующие дни по воздушному мосту в Израиль были доставлены десятки тысяч тонн различных военных грузов, включая самолеты, танки, ракеты и даже теплую одежду, на случай, если израильским солдатам пришлось бы воевать с наступлением зимних холодов. Многие виды вооружения доставлялись в Израиль прямо из американских баз и частей в Западной Европе и с кораблей 6-го флота США в Средиземном море. Израилю доставлялись все виды американского оружия, включая даже те, в которых раньше США отказывали Тель-Авиву. В одной из израильских газет в дни войны появилась даже карикатура, под которой была надпись: «Единственно, что нам не доставляют американские транспортные самолеты, так это солдат, которые могли бы выбрасывать это оружие на свалку после того, как арабы выведут его из строя».

По данным иностранной печати, до конца войны в Израиль ежедневно доставлялось 7—8 тысяч тонн военных грузов. В период с 12 по 24 октября США поставили Израилю 128 боевых самолетов, 150 танков, 2 тысячи противотанковых снарядов, касетных бомб и боеприпасов с точным телевизионным или лазерным наведением². Именно благодаря срочной американской военной помощи израильские войска получили возможность перейти в середине октября в контрнаступление против египетских войск. Американская военная поддержка Израиля приняла такие масштабы, что, выступая в январе 1975 года, президент Садат, который уже тогда, забыв о недавних событиях, называл США своим «самым надежным другом», вынужден был тем

---

¹ Les conséquences de la guerre israele-arabe d'octobre 1973. Quebec, 1974, p. 18.

² Flight, 1973, 25 October.

не менее признать, что в последние десять дней войны египтяне практически «непосредственно столкнулись с военной мощью Соединенных Штатов»¹, которая была направлена, естественно, против Египта, а не Израиля.

В самом деле, несмотря на огромную военную и материальную помощь, которая предоставлялась Израилю в невиданных ранее масштабах, США оказались на этот раз непосредственно вовлеченными в ближневосточный конфликт в большей степени, чем во всех предыдущих арабо-израильских войнах.

Сразу же после вспышки войны на Ближнем Востоке президент США 7 октября отдал приказ о сосредоточении части сил 6-го флота (в том числе авианосца «Индепенденс» и вертолетоносца «Гвадалканал») у восточного побережья Средиземного моря, вблизи района боевых действий. Часть кораблей 7-го флота была переброшена из Тихого океана к Баб-эль-Мандебскому проливу с явной целью оказать давление на арабские страны.

США не только в одностороннем порядке осуществляли массовые переброски военных грузов в Израиль со своих баз в Западной Европе, но, не консультируясь со своими союзниками по НАТО, привели (24—26 октября) в повышенную боевую готовность свои вооруженные силы уже после прекращения огня, хотя эта мера и не вызывалась какой-либо необходимостью.

Вместе с тем октябрьская война показала, что в новой конкретной обстановке, сложившейся под влиянием начавшегося в мире процесса разрядки международной напряженности, а также ряда других политических и экономических факторов, США вынуждены все в большей степени прибегать к политике маневрирования. Такая политика была продиктована стремлением избежать открытой конфронтации с Советским Союзом, не допустить обострения отношений со своими западными союзниками и не оттолкнуть от себя арабские страны, особенно экспортеров нефти. Именно поэтому США, убедившись в невозможности навязать арабам американо-израильский вариант урегулирования ближневосточного конфликта, должны были изменить некоторые акценты в своей ближневосточной политике и сделать вид, будто они согласились координировать ее не только с западноевропейскими государствами, но и с Советским Союзом. Это нашло, в частности, подтверждение в принятии Советом Безопасности ООН на основе совместных советско-американских предложений 22 и 25 октября 1973 года резолюций, в которых впервые за всю историю арабо-израильского конфликта требование о прекращении огня связывалось с проблемой ликвидации основных, коренных причин конфликта.

Эти резолюции предусматривали прекращение военных действий, а также немедленное практическое выполнение резолюции

---

¹ Красная звезда, 1975, 4 января; *Laqueur W. La vraie guerre du Kippour*, p. 181.

Совета Безопасности № 242 во всех ее частях и проведение между заинтересованными сторонами переговоров под соответствующей эгидой, направленных к установлению на Ближнем Востоке справедливого и прочного мира. С этой целью Совет Безопасности постановил создать чрезвычайные силы ООН в составе примерно 7 тысяч человек из контингентов различных стран, в том числе Швеции, Финляндии, Австрии, Индонезии, а также Польши и Канады, которым было поручено в основном материально-техническое обеспечение чрезвычайных сил ООН. Эти силы были сразу размещены между позициями враждующих сторон. Почти одновременно по просьбе правительства Египта туда были направлены также советские представители. С аналогичной просьбой Каир обратился и к правительству США, которое заявило о своей готовности выполнить эту просьбу.

Резолюция от 22 октября стала своеобразной осью, вокруг которой в основном развернулась на Ближнем Востоке дипломатическая активность. Весомость этой резолюции состояла в том, что она была принята на основе совместного советско-американского проекта, отразила в себе те позитивные изменения, которые произошли на международной арене.

Наконец, важным итогом октябрьской войны 1973 года явилось крушение целого ряда антисоветских мифов, которые усиленно раздувались империалистической и реакционной пропагандой с целью подорвать арабо-советскую дружбу и отстранить Советский Союз от урегулирования ближневосточного конфликта. В злобную антисоветскую кампанию постарались внести определенный вклад — каждый на свой манер — и Тель-Авив, и Каир, чьи пропагандистские органы распространяли всяческие измышления о характере советско-арабского сотрудничества и об отказе якобы Советского Союза, заинтересованного в первую очередь в разрядке напряженности, от поддержки справедливой борьбы арабских народов за ликвидацию последствий израильской агрессии. Факты убедительно опровергли все эти домыслы.

Как известно, еще во время переговоров Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с президентом США Р. Никсоном летом 1973 года Советский Союз сочетал политику, направленную на нормализацию отношений с США и разрядку международной напряженности, с принципиальной линией поисков справедливого урегулирования ближневосточного конфликта. Именно под воздействием Советского Союза США согласились тогда впервые включить в текст совместного советско-американского коммюнике положение о признании законных интересов палестинского народа.

После начала военных действий на Ближнем Востоке Советский Союз, оказывая поддержку арабским государствам в их вооруженной борьбе за освобождение оккупированных территорий, в то же время использовал все имеющиеся у него возмож-

ности, чтобы добиться урегулирования конфликта политическими средствами на основе вывода израильских войск с оккупированных арабских территорий.

«Советский Союз,— говорит бывший премьер-министр АРЕ Хигази,— оказал нам не только военную помощь в такой мере, какая позволила Египту добиться 6 октября (1973 г.) военного успеха. Как искренний патриот Египта, защитник его национальных интересов, я не могу поставить знак равенства между позициями Советского Союза и США, тем более не могу даже сравнивать их. Советский Союз полностью поддерживал нашу политическую линию на международной арене, неизменно оказывал содействие нашим усилиям, направленным на достижение экономического прогресса Египта. Советская военная помощь сыграла важную роль в достижении нами победы. Без этой помощи мы не достигли бы успеха в октябрьской войне»¹.

Несмотря на проводившуюся Садатом еще перед войной линией на подрыв египетско-советской дружбы, Советский Союз в ответственный момент предпринял экстренные меры в поддержку Египта и других арабских стран. Был организован «воздушный мост» для срочной переброски в Египет дополнительно большого количества военного снаряжения. Вооружение и боеприпасы из СССР доставлялись также и по морю. В связи с этим в начале октября 1973 года президент Садат признавал, что позиция Советского Союза — это позиция истинного друга, «который пришел к нам на помощь в самые ответственные и трудные для нас дни. Действия советского руководства являются историческими по своему значению и, несомненно, будут иметь большое влияние не только на ход военных действий, но и на дальнейшие отношения дружбы между нашими странами»².

Известно также, что в последующем Советский Союз в тесной координации с арабами предпринял активные политические акции в ООН и вне ее в поддержку справедливой борьбы арабских народов. Не случайно главы и руководители арабских государств на состоявшемся в ноябре 1973 года совещании в арабских верхах сочли необходимым принять специальное решение о выражении глубокой благодарности Советскому Союзу и всему социалистическому содружеству за всестороннюю помощь и поддержку арабов в октябре 1973 года³.

Многие иностранные авторы отмечают, что сочетание конструктивного курса Советского Союза на продолжение разрядки международной напряженности с принципиальной поддержкой справедливой борьбы арабских стран за ликвидацию последствий израильской агрессии оказало определенное влияние на позицию Вашингтона. США и Израиль вынуждены были пойти на

---

¹ Из истории египетско-советских отношений, с. 46—47 (на арабск. языке).

² Правда, 1977, 19 февраля.

³ См.: Дмитриев Е., Ладейкин В. Путь к миру на Ближнем Востоке, с. 218.

ряд уступок, которые наметили некоторые сдвиги в урегулировании ближневосточного конфликта на первых порах после окончания октябрьской войны.

«Нефтяное оружие» в действии

Разрывы бомб и снарядов на Синае и на Голанских высотах в октябре 1973 года возвестили не только о новой фазе арабо-израильского конфликта, но и о новом этапе борьбы арабов за деколонизацию нефти. Как никто не сомневается, что сердцевинной арабо-израильского конфликта является палестинская проблема, точно так же не подлежит сомнению и его нефтяная подоплека.

«И война во Вьетнаме, и ближневосточный кризис связаны прямо или косвенно с нефтью»¹, — писали французские публицисты Ж. Бержье и Б. Томас, авторы книги «Тайная война за нефть». Это особенно правильно для Ближнего и Среднего Востока, если учесть, что там сосредоточено более двух третей запасов нефти стран несоциалистического мира. Безусловно, арабо-израильские войны, включая и «тройственную» агрессию против Египта 1956 года, были связаны с нефтяной политикой.

«Кризис вокруг нефти, — пишет Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, — предоставил благоприятную возможность экспансионистским силам в Израиле. В то же время для нефтяных корпораций и правительств США и Великобритании экспансионистские силы в Израиле стали орудием для устранения арабских лидеров, стоявших на пути получения максимальных колониальных прибылей от нефти. Без поддержки США и Великобритании Израиль никогда бы не имел ни материальных и военных средств, ни уверенности для осуществления агрессии»².

Район Ближнего Востока стал почти одновременно ареной борьбы между капиталистическими государствами за раздел нефтяных богатств и ареной разрастающегося национально-освободительного движения против нефтяного колониализма. Основные этапы этого движения на Арабском Востоке непосредственно связаны с борьбой против засилья нефтяных монополий, за деколонизацию нефти.

На первом этапе, относящемся к началу 50-х годов, подъем национально-освободительного движения в арабских странах и в Иране оказал непосредственное влияние на исход борьбы нефтяных государств, добившихся тогда у империалистических моно-

---

¹ Bergier J., Thomas B. La guerre secrète du petrole. Paris, 1968, p. 8.

² Холл Г. Революционное рабочее движение и современный империализм. М., 1974, с. 167.

полий расширения своих прав. Хотя антиимпериалистическое движение в Иране в 1951—1953 годах потерпело поражение, оно привело к активизации этой борьбы. Именно тогда нефтяные монополии вынуждены были согласиться на установление концессионных отчислений по принципу «фифти-фифти» («50 : 50») и на создание в ряде нефтяных государств национальной нефтяной промышленности.

Второй этап борьбы совпал с новым подъемом национально-освободительного движения на Арабском Востоке в конце 50 — начале 60-х годов и был отмечен наиболее ощутимыми военными и политическими поражениями империалистических сил, в результате которых произошел также ряд существенных сдвигов и на нефтяном фронте. Позиции Международного нефтяного картеля в значительной степени были потеснены «независимыми» нефтяными компаниями США, а также «аутсайдерами» — нефтяными монополиями Японии, ФРГ, Италии. Консолидация арабских сил на антиимпериалистической основе привела к изменению соотношения сил и в военно-политической, и в экономической сферах. Именно тогда ряд стран, и прежде всего правительство Иракской Республики, ограничились деятельностью нефтяных монополий, усилили контроль над ценами на сырую нефть, создали национальную нефтедобывающую промышленность. Созыв первых общеарабских совещаний и конференций по вопросу нефти, а также создание в 1960 году Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) означали начало их организованного противодействия нефтяным монополиям, перегруппировку сил в международной нефтяной промышленности, которая в значительной степени подготовила успех арабских стран в последующих битвах с нефтяными монополиями. Новый этап борьбы на нефтяном фронте развертывался в условиях возросшего влияния мировой системы социализма и крушения колониальной системы. Уже тогда империалисты стали обрабатывать и использовать неоколониалистские методы в нефтяной политике. Однако пришедшие к власти прогрессивные режимы в Ираке, Сирии и Алжире повели решительную борьбу против нефтяного колониализма. Выдвинутый ими лозунг «Нефть — орудие борьбы против империализма» нашел реальное воплощение в принятых этими странами законах о национализации природных богатств, значительном ограничении деятельности иностранных нефтяных монополий, создании национальных нефтяных компаний, которые приступили к самостоятельной добыче нефти.

Третий этап национально-освободительного движения на Арабском Востоке, принявшего особенно широкий размах после империалистической агрессии Израиля против арабов в июне 1967 года, ознаменовался еще более ощутимыми поражениями империализма. Хотя самому Израилю при поддержке сил империализма удалось в результате агрессии добиться успехов в военном плане и извлечь некоторые экономические выгоды от

оккупации арабских территорий, политические и военно-экономические позиции империализма в целом в арабском мире оказались значительно ослабленными.

На состоявшемся в марте 1970 года VII нефтяном конгрессе арабских стран в полную силу прозвучали голоса, призывавшие более активно использовать нефть как оружие в борьбе против империализма, за укрепление экономической независимости арабских государств. В ряде стран — Алжире, Ираке, Сирии и Ливии были созданы национальные нефтяные компании, которые стали участвовать не только в добыче, но и в сбыте своей нефти. В то же время эти арабские страны предъявили иностранным компаниям ряд требований о пересмотре прежних условий концессий, об увеличении отчислений от доходов, получаемых от добычи и транспортировки нефти, а также о повышении цен. Их примеру постепенно стали следовать и другие богатые нефтью арабские государства.

Неоколониалистские устремления нефтяных монополий всегда играли доминирующую роль в политике империалистических государств. Именно поэтому империалисты так остро реагировали на любые меры, ущемляющие в какой-либо степени их нефтяные интересы. Это особенно наглядно проявилось в ходе разразившегося в начале 1971 года конфликта между нефтяными монополиями и странами — экспортерами нефти, входящими в ОПЕК, по вопросу о ценах и нефтяных отчислениях. Уже в конце 1970 года арабские страны — участницы ОПЕК добились более справедливого распределения доходов от эксплуатации их нефти, заставив иностранные нефтяные компании выплачивать им не менее 55 процентов прибыли от продажи, а в начале 1971 года — значительного повышения цен на нефть.

Эти победы, одержанные арабскими странами — экспортерами нефти, создали благоприятные условия для дальнейшего нажима на нефтяные компании. В феврале 1971 года правительство Алжира издало декрет о национализации всех месторождений природного газа и всех трубопроводов, объявив одновременно о повышении своей доли участия во французских компаниях, добывающих нефть в стране, до 51 процента.

Международный нефтяной картель пошел на значительные уступки и в переговорах со средиземноморской группой нефтяных стран — участниц ОПЕК, которые состоялись в марте 1971 года в ливийской столице Триполи. От имени этой группы стран Ливия потребовала увеличить ставки налогов с 55 до 60 процентов, а также с учетом близости источников нефти к западноевропейскому рынку значительно повысить цены на свою нефть по крайней мере до уровня внутреннего рынка США. После долгих торгов нефтяным компаниям в конце концов пришлось согласиться повысить справочную цену на нефть в полтора раза, а также на reinvestицию части тех капиталов, которые они раньше переводили в качестве доходов в иностранные банки. Сразу после со-

глашения, подписанного в Триполи, повысили цены на свою нефть Алжир, Ирак и Саудовская Аравия.

Успехи, достигнутые арабскими нефтедобывающими странами, позволили ОПЕК на последующих переговорах с представителями нефтяных компаний в конце 1971 года выступить с согласованными требованиями о валютном паритете в связи с начавшимся падением курса американского доллара и об участии стран ОПЕК в операциях нефтяных компаний

На экстренном заседании представителей стран ОПЕК, собравшемся 22 сентября 1971 года в Бейруте, были приняты две важные резолюции. Первая из них предусматривала соответствующее увеличение цены на нефть в размере, покрывающем потери стран ОПЕК от девальвации доллара. Вторая резолюция касалась проблемы участия стран ОПЕК в добыче нефти. На это решение особенно болезненно реагировали нефтяные компании. Недаром иностранная печать назвала его «бомбой замедленного действия», которая, взорвавшись, может серьезно ослабить позиции иностранных нефтяных компаний

Сознавая реальные трудности, с которыми придется столкнуться в очередной битве за нефть с империалистическими монополиями, восемь арабских стран — экспортеров нефти — Ливия, Саудовская Аравия, Кувейт, Алжир, Абу-Даби, Бахрейн, Катар и Дубай, входящие в региональную организацию арабских стран — экспортеров нефти ОАПЕК, провели 9 декабря 1971 года в Абу-Даби сессию, на которой приняли решение об изменении устава ОАПЕК, разработанного членами — основателями этой организации — Ливией, Саудовской Аравией и Кувейтом в 1968 году. В ОАПЕК были приняты Ирак, Сирия и Египет. В новом уставе ОАПЕК особо подчеркивалась необходимость координации политики арабских стран в вопросе нефти — основного источника их национального дохода. Прием в ОАПЕК новых членов и выработку ее нового устава арабская печать справедливо расценила как важные шаги на пути укрепления не только экономического, но и политического сотрудничества арабских нефтедобывающих стран на антиимпериалистической основе¹.

Национализация в июне 1972 года имущества крупнейшей иностранной нефтяной компании ИПК в Ираке ознаменовала новый важный этап борьбы против нефтяного колониализма.

Не случайно этот шаг иракского правительства был расценен в Ираке как «третья революция» после июльской революции 1958 года, свергнувшей монархию, и июльских событий 1968 года, ознаменовавших новый этап движения страны по пути социального и экономического прогресса. Эта мера иракского правительства имела поистине революционное значение не только для иракского народа, но и для всех других арабских народов, уви-

¹ Впоследствии, в 1979 году, страны ОАПЕК исключили АРЕ из этой организации, предприняв этот шаг как одну из общеарабских санкций против режима Садата за его капитулянтскую политику и сепаратную сделку с Израилем.

девших в этом наиболее эффективный путь борьбы с происками нефтяного неокOLONиализма.

Нефтяные компании, опираясь на ИПК, сознательно проводили после прихода к власти прогрессивного руководства курс на создание острого кризисного положения в Ираке путем искусственного сдерживания добычи нефти.

Несмотря на высокую продуктивность иракских нефтяных месторождений, в результате этой политики «сдерживания» Ирак по приросту добычи нефти занимал одно из последних мест на Ближнем Востоке. В то время как за 1969—1971 годы добыча нефти в Саудовской Аравии возросла на 74 миллиона тонн, в Иране на 59, а в маленьком княжестве Абу-Даби на 16 миллионов тонн, в Ираке за эти три года производство нефти возросло лишь на 8 миллионов тонн¹

Начиная с января 1972 года иностранные нефтяные компании стали еще больше снижать добычу на принадлежащих ИПК месторождениях нефти под предлогом падения спроса на иракскую нефть, перекачиваемую по нефтепроводам к портам Средиземного моря. При взятых в течение первых четырех месяцев 1972 году должных темпах производства нефти ее годовая добыча в 1972 году должна была упасть почти вдвое. Подобными экономическими «санкциями» иностранные нефтяные компании хотели «наказать» иракское правительство за осуществление им прогрессивных социально-экономических преобразований внутри страны и за проводимую им политику укрепления и развития сотрудничества с социалистическими странами, особенно с Советским Союзом.

Столкнувшись с откровенным саботажем нефтяных компаний, Совет революционного командования Иракской Республики декретом от 1 июня 1972 года национализировал собственность ИПК. Богатейшие на Ближнем Востоке нефтепромыслы в районе Киркука, нефтеперегонные заводы, насосные станции, нефтепроводы — все это перешло в собственность народа. Справедливые меры иракского руководства немедленно были подкреплены аналогичными шагами сирийского правительства, которое в знак солидарности с братской арабской страной также национализировало имущество ИПК, находящееся на территории Сирии. Полную поддержку действиям правительства Ирака и Сирии выразила Лига арабских стран. Участники проходившей в июне 1972 года в Алжире VIII конференции арабских стран по вопросам нефти, заявив о своей солидарности с Ираком, призвали к укреплению единства в борьбе против иностранных нефтяных компаний.

Организация арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК) приняла, по предложению Кувейта, решение о создании специального фонда помощи Ираку и Сирии, терпящим убытки в связи с политикой нефтяных монополий, а также об оказании этим

---

¹ См.: *Медведко Л. И.* Ветры перемен в Персидском заливе, с. 52.

странам помощи соответственно в сумме 140,1 миллиона и 17,7 миллиона долларов в виде беспроцентных займов.

Национализация ИПК в Ираке и Сирии вызвала широкий резонанс во всем мире, ибо она явилась одним из финальных аккордов давно уже назревавших событий, связанных с обострением конфликта между странами — производителями нефти и Международным нефтяным картелем, в котором ИПК представляет лишь одну из «семи сестер».

Страны ОПЕК, солидаризировавшись с действиями иракского правительства, выработали ряд конкретных мер на случай бойкотирования западными монополиями иракской нефти. В частности, на состоявшейся в июне 1972 года в Бейруте чрезвычайной сессии ОПЕК была принята специальная резолюция, лишаящая нефтяные монополии возможности заменить иракскую нефть увеличением экспорта нефти из других стран, как это им удавалось делать раньше, например в 1951—1954 годах после национализации Англо-Иранской нефтяной компании (АИНК).

Не сбывлись расчеты ИПК и на бойкотирование иракской нефти странами-потребителями в Западной Европе и в Азии. В результате переговоров, проведенных представителями иракского правительства во Франции и в Италии, была достигнута договоренность о продаже иракской нефти на прежних условиях. Иракскую нефть согласились также покупать Испания, Япония, Индия и ряд других стран. Переговоры о сбыте иракской нефти в ряде европейских стран послужили толчком для обсуждения вопроса об установлении прямых связей между западноевропейскими странами — потребителями нефти и государствами ОПЕК, минуя монополии, входящие в Международный нефтяной картель.

Национализация ИПК в Ираке имела особенно важное значение в условиях начавшейся борьбы арабских государств и других стран — членов ОПЕК за усиление контроля над деятельностью иностранных нефтяных монополий и за предоставление национальным компаниям права «участия» в концессиях. В ходе переговоров между странами ОПЕК Персидского залива и иностранными компаниями об «участии» в концессиях одним из главных препятствий для достижения соглашения был вопрос о методе определения компенсации, которую должны были выплачивать компании за часть акций, приобретаемых странами-производителями. Результаты переговоров между иракским правительством и ИПК стали прецедентом для установления будущих отношений всех нефтедобывающих стран с иностранными нефтяными компаниями.

Эта победа была обусловлена рядом причин как экономического, так и политического характера. В числе этих причин западная печать обычно указывает на неблагоприятную для Запада экономическую конъюнктуру, сложившуюся на мировом рынке нефти после израильской агрессии против арабских стран в июне 1967 года. Но помимо благоприятной для нефтедобыва-

ющих стран экономической ситуации их успеху в борьбе с иностранными нефтяными компаниями еще в большей степени способствовали политические факторы. Среди них — крепнущая солидарность сил всего антиимпериалистического фронта, ослабление позиций США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке из-за их откровенно антиарабского курса в вопросе урегулирования арабо-израильского конфликта, подъем национально-освободительного движения в арабском мире, и в частности на юге Аравийского полуострова, единство действий всех нефтедобывающих стран — членов ОПЕК.

Согласованный курс, проводимый правительствами Ирака, Алжира и Ливии в нефтяной политике, значительно сузил возможности маневра и политических интриг монополий Империалистическим заправилами нефтяного бизнеса не удалось сыграть на противоречиях между арабскими странами и Ираном, вызвать раскол между странами Персидского залива, входящими в ОПЕК.

Принимая решение о национализации имущества ИПК, правительство Ирака знало, что оно может опереться на единение патриотических сил внутри страны, на поддержку всего социалистического содружества. Курс на укрепление связей с социалистическими странами, нашедший наиболее яркое воплощение в Договоре о дружбе и сотрудничестве с Советским Союзом, заключенном в апреле 1972 года, явился залогом успеха начатой Ираком борьбы с иностранными нефтяными компаниями.

С национализацией ИПК в Ираке и Сирии противоборство нефтедобывающих государств с нефтяными монополиями вступило в новый этап развития, который открыл широкие перспективы в укреплении национальной независимости освободившихся стран и в использовании ими нефти как действенного и эффективного оружия в борьбе против империализма.

Глубоко символично, что именно нефтяные круги Запада, благословившие в свое время Израиль на агрессию против арабских стран, сами вынуждены были вскоре пожинать горькие плоды своей политики. В результате неурегулированности ближневосточного конфликта, приведшего к закрытию Суэцкого канала и значительному повышению стоимости перевозок нефти из Персидского залива в страны Западной Европы, нефтяные позиции Запада оказались в целом ослабленными. Именно поэтому нефтяные монополии вынуждены были согласиться в начале 1971 года на повышение цены на нефть на переговорах в Тегеране и в Триполи, а затем летом 1972 года смириться с национализацией имущества ИПК в Ираке и Сирии, взамен на умеренную компенсацию.

Национализация имущества иностранных нефтяных компаний в Ираке, Сирии, Алжире, а также усиление контроля за их деятельностью в ряде других стран значительно подорвали позиции нефтяного колониализма на Арабском Востоке. Причем это

происходило в условиях общего ухудшения конъюнктуры для стран — импортеров нефти на мировых рынках, в частности из-за надвигающегося энергетического кризиса, истощения нефтяных запасов на территории США — крупнейшего потребителя нефти.

Напуганные перспективой дальнейшего ослабления своих позиций на Арабском Востоке, монополии перешли к тактике маневрирования. Они боялись, что примеру Алжира, Ирака, Сирии последуют и другие нефтедобывающие страны. Именно поэтому в октябре 1972 года девять нефтяных компаний, ведущих добычу нефти в районе Персидского залива, дали согласие «уступить» 25 процентов своих акций четырем арабским странам с монархическими режимами, в том числе Саудовской Аравии и Кувейту, и поднять их долю участия в капиталах компаний к 1981 году до 51 процента. Безусловно, эта уступка нефтяных монополий означала определенный успех арабских нефтедобывающих стран. Она была результатом общих успехов арабского национально-освободительного движения, в том числе и наступления на нефтяные интересы неокOLONиализма.

Вместе с тем этот шаг монополий, как отмечали многие западные и арабские газеты, был предпринят не без дальнего прицела. И основная его цель состояла не только в том, чтобы предотвратить полную национализацию нефти в главных нефтедобывающих странах. Ставка делалась на то, чтобы помешать использованию ими нефти как политического оружия в общearабской борьбе.

Тем не менее нефтяные круги Запада не в силах были уже остановить неумолимо развивающийся процесс деколонизации нефти. Под его влиянием в марте 1973 года иранское правительство усилило контроль государства над нефтедобывающей промышленностью. И хотя нефтяному картелю были гарантированы нефтяные поставки почти в прежних объемах, его позиции в Иране также были поколеблены.

В июне 1973 года международные нефтяные монополии согласились после долгих переговоров удовлетворить требование шести арабских государств — членов ОПЕК — Ирака, Ливии, Кувейта, Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара — компенсировать потери, причиненные этим странам девальвацией доллара и падением покупательной способности других западных валют. В соответствии с подписанным в Женеве 1 июля 1973 года соглашением эти страны добились нового повышения цен на свою нефть. Кроме того, компаниям пришлось согласиться гарантировать и на будущее интересы стран — экспортеров нефти в случае дальнейшего обострения валютного кризиса на Западе.

Таким образом, в результате начавшегося в 1970 году широкого наступления на нефтяной колониализм арабским нефтедобывающим странам удалось добиться от империалистических монополий ряда серьезных экономических уступок. Уже в 1972 году средняя выплата странам-производителям этого ре-

гнона за баррель нефти увеличилась на 69 процентов. С учетом дальнейших надбавок, полученных по условиям новых соглашений с нефтяными монополиями, поступления от каждого барреля нефти в 1973 году, по оценке американских экономистов, превысили вдвое уровень 1970 года. Что касается общего прироста доходов нефтедобывающих стран, то они достигли в 1973 году около 20 миллиардов долларов¹, в то время как в 1960 году они не превышали и 2 миллиардов долларов.

И все же эти потери не шли ни в какое сравнение с политико-экономическими издержками западных стран в целом, после того как арабские государства осуществили свое законное право использовать нефть в качестве рычага давления на Запад с целью добиться справедливого урегулирования зашедшего в тупик ближневосточного конфликта. Уже в мае 1973 года арабские страны приняли решение включить «нефтяную войну в конфронтацию с Израилем» 15 мая 1973 года Ирак, Кувейт и Ливия символически приостановили на некоторое время поставки нефти своим западным клиентам. Вскоре после этого, в июне 1973 года, правительство Ливии национализировало американскую нефтяную компанию «Банкер Хант ойл компани». Вслед за этим были национализированы 51 процент акций других американских компаний, в результате чего они лишились 45 процентов добычи нефти в Ливии. Даже Саудовская Аравия, которая до этого возражала против использования нефти в качестве политического оружия, вынуждена была предупредить США, что их про-израильская позиция может заставить ее пересмотреть «дружественные отношения с ними» и прекратить снабжать их нефтью.

Президент США 6 сентября 1973 года «предостерег» арабские страны от дальнейшего повышения справочных цен на нефть и экспроприации собственности иностранных компаний под угрозой лишения этих стран рынков сбыта жидкого топлива и прекращения поставок пшеницы². На эти угрозы участники сессий ОАПЕК и ОПЕК, состоявшихся в сентябре, ответили тем, что предупредили организаторов шантажа: они сами могут оказаться объектами «необходимых мер» со стороны стран — экспортеров нефти. Однако эти «предупредительные залпы» западные страны в полной мере смогли оценить лишь после того, как до них докатилось эхо начавшегося в октябре нового тура войны на Ближнем Востоке.

Уже на следующий день после возобновления войны правительство Иракской Республики в знак солидарности с борьбой за ликвидацию агрессии Израиля, пользующегося поддержкой США и некоторых западноевропейских стран, национализировало активы двух американских фирм в компании «Басра петролеум» и долю голландского правительства в компаниях

---

¹ *Андреасян Р., Казюков А.* ОПЕК в мире нефти. М., 1978, с. 178.

² *The Observer*, 7. IX. 1973.

«Шелл» и «Басра петролеум». 17 октября министры нефти арабских стран на совещании в Кувейте приняли решение о сокращении добычи нефти на 5—10 процентов. Через несколько дней после этого арабские нефтедобывающие государства объявили о полном прекращении поставок нефти в США и Голландию за их откровенно произраильскую позицию. Вскоре эмбарго было распространено на нефтеперерабатывающие заводы в Греции, во Франции, в Италии, Канаде, Тринидаде, на Багамских островах, в Сингапуре и на Бахрейне, которые снабжали США продуктами, выработанными из арабской нефти. Ограничительные меры арабских стран оказались остро ощутимыми для Запада, тем более что они сопровождались новым резким повышением справочных цен на нефть (почти втрое по сравнению с уровнем 1970 года) и увеличением рыночной, продажной цены, осуществленными сначала в октябре, а затем в декабре 1973 года некоторыми арабскими странами Персидского залива в одностороннем порядке в связи с усилившейся инфляцией.

5 ноября 1973 года 10 арабских государств — членов ОПЕК приняли также решение сократить добычу нефти в декабре на 25 процентов по сравнению с сентябрем. Практически же добыча нефти в арабских странах уже к середине ноября была снижена на 28,5 процента, что привело к падению мирового экспорта нефти по крайней мере на 17—18 процентов¹.

Использование арабской нефти для оказания давления на империалистические государства в целях справедливого урегулирования арабо-израильского конфликта ознаменовало новый этап в арабском национально-освободительном движении и в борьбе за деколонизацию нефти. Впервые в истории нефть была использована в качестве политического оружия не империалистическими монополиями против нефтедобывающих стран, а самими хозяевами нефти против неокOLONиализма в интересах арабского освободительного движения.

Нефть — одно из главных национальных богатств арабских государств — многие десятилетия, как известно, являлась объектом вождельных устремлений империалистов. Немало «секретных» и явных войн они вели за овладение нефтяными богатствами, которые использовались не только как источник колоссальных прибылей, но и как орудие политического господства колонизаторов в арабских странах. Самы империалисты не гнушались и не гнушаются никакими средствами для достижения своих колониалистских целей. Там, где нужно было отстаивать интересы нефтяных монополий, они шли на сложные политические интриги, на провоцирование междоусобных войн и пограничных конфликтов, на кровавые путчи и дворцовые перевороты. Все это вполне отвечало неписаным законам и морали колонизаторов.

---

¹ См.: Новое время, 1973, № 46, с. 14—16.

Однако, столкнувшись с контрастными на нефтяном фронте, буржуазная пропаганда сразу объявила «незаконным» и даже «аморальным» использование арабскими народами нефти для отстаивания своей национальной независимости. Империалисты наконец убедились, что нефть является обоюдоострым оружием.

Коллективные меры арабских государств, принятые ими для оказания давления на западные страны с целью быстрого урегулирования ближневосточного конфликта, привели к важным политическим переоценкам. Достаточно хотя бы напомнить о совместном заявлении девяти государств — членов ЕЭС, которые высказались за более быстрое урегулирование ближневосточного конфликта на основе выполнения ноябрьской резолюции 1967 года Совета Безопасности ООН и с учетом законных прав арабов, в том числе и арабского народа Палестины. Примечательно также, что в период октябрьской войны ни одна из западноевропейских стран, кроме Голландии и Португалии, не разрешила использовать свою территорию в качестве перевалочных баз для переброски американского оружия Израилю, что вызвало тогда явное недовольство Вашингтона и привело к некоторому осложнению отношений США со своими западноевропейскими союзниками по НАТО.

Западноевропейские государства, зависящие в большей степени, чем США, от арабской нефти, пересмотрели, однако, свою позицию не только по этой причине. В них зрело все большее недовольство негибкой, авантюристической политикой Израиля и той поддержкой, которую оказывают ему США. Эти разногласия особенно обострились после того, как США, не проконсультировавшись даже с союзниками по НАТО, привели в повышенную готовность свои вооруженные силы, в том числе и в Западной Европе.

«Большинство членов НАТО,— писала «Нью-Йорк таймс» 31 октября 1973 года,— заранее информировали в неофициальном порядке или публично, что они либо не разделяют вашингтонскую оценку кризиса, либо не могут занять позицию, которая привела бы к прекращению поставок арабской нефти»

Шаги, предпринятые арабскими странами на нефтяном фронте, заставили деловые круги западноевропейских стран искать пути для заключения двусторонних соглашений и контрактов с нефтедобывающими государствами без посредничества международных нефтяных компаний. Хорошо известно, что эти компании не замедлили использовать создавшуюся ситуацию для увеличения своих прибылей, за счет главным образом потребителей нефти, под предлогом энергетического кризиса, вызванного в значительной степени самими же империалистическими монополиями. При этом находящиеся на службе этих монополий различные органы буржуазной пропаганды вели целенаправленную враждебную кампанию против арабских стран, в ходе кото-

рой предпринимались попытки возложить на них главную вину за энергетический кризис в капиталистическом мире, а заодно реабилитировать себя в глазах общественного мнения и доказать, будто монополии тоже терпят убытки.

В действительности же объявленная арабскими странами «нефтяная война» сыграла в определенной степени роль катализатора, а не возбудителя энергетического кризиса, разразившегося на Западе в конце 1973 — начале 1974 года

Энергетический кризис не только завершил целую эпоху нефтяного колониализма, но и одновременно возвестил начало кризиса неоколониализма, в частности нефтяного неоколониализма¹.

Не случайно энергетический кризис на Западе называли «странным кризисом». Буржуазная пропаганда умышленно старалась связать переживаемые капитализмом трудности с нехваткой сырья, в частности нефти. Вот почему слова «нефть» и «кризис» употреблялись ею рядом в самых различных сочетаниях. Говорили о «нефтяной войне» и «нефтяном нажиме», о «нефтяном шантаже» и «нефтяной политике арабов», о «нефтяном голоде» и «нефтяном кризисе», даже о «нефтяном юморе». Но не упоминались почему-то нефтяной колониализм и неоколониализм

Помимо энергетического кризиса буржуазная печать писала о нефтяном и топливном, экономическом и политическом, валютном и продовольственном кризисах. Делались вынужденные признания о кризисе доверия в самом буржуазном обществе, о кризисе отношений между правительствами и населением стран капитализма, между «промышленным Севером» и «аграрным Югом», о своеобразных психологическом и моральном кризисах. Словом, признавалось наличие любых кризисов, кроме одного, главного, — общего кризиса капитализма.

Используя неоколониалистские методы, западные монополии и государства, даже лишившись своих концессий и передав более половины или даже до 100 процентов акций нефтедобывающим странам, продолжают до сих пор получать более 40 процентов всех доходов от нефти. Основные доходы они извлекают теперь из сферы нефтепереработки и сбыта. Английский автор Э Сэмпсон подчеркивает, что по мере увеличения отчислений в пользу стран ОПЕК нефтяные монополии все в большей степени грабят потребителей Запада, перекладывая на их плечи значительную часть тяжести не только энергетического кризиса, но и инфляции². Для сохранения своих неоколониалистских привилегий империалисты не гнушаются любых методов, включая шантаж и угрозы из арсенала «дипломатии канонерок».

¹ См.: Энергетический кризис в капиталистическом мире. М., 1975, с. 193.

² Sampson A. Seven Sisters. New York, 1976, p. 37—41.

Песмотря на то что в марте 1974 года большинство арабских стран ОАПЕК приняли решение о снятии эмбарго с США, через несколько месяцев на страницы буржуазной печати бурным потоком хлынули жалобы, увещевания и даже угрозы по адресу арабских государств. Особенно злобную антиарабскую кампанию подняли американские органы пропаганды

Недвусмысленные угрозы по адресу нефтедобывающих стран дали, очевидно, основание западной печати заявить о провозглашении «нового жесткого курса в отношении нефти», причина которого кроется, по словам «Вашингтон пост», в «разочаровании» и недовольстве их политикой. Однако главные причины «резкого изменения» позиции были продиктованы отнюдь не эмоциями, а вполне определенными неокOLONиалистскими целями. По признанию той же «Вашингтон пост», они заключались в том, чтобы попытаться, во-первых, создать единый фронт в виде некоего пула стран — потребителей нефти, который был оформлен в ноябре 1974 года в Вашингтоне в виде Международного агентства по энергетике (МАЭ), во-вторых, расколоть ряды государств — экспортеров «черного золота», заставив поверить их в «угрозу коллективной акции» против них в случае неподчинения западному диктату.

Такая позиция США вызвала бурю негодования в нефтедобывающих странах. Вместе с тем она встретила весьма холодный прием в некоторых государствах Западной Европы и в Японии. Многие органы западноевропейской печати осудили угрозы США, назвав их «крайне неуместными». Столь откровенное давление на арабов, писала западногерманская газета «Вельт», — неверная тактика. Такого же мнения придерживались парижская «Монд» и лондонский «Обсервер», считая, что «возврат к политике канонерок» ничего хорошего не принесет

Примечательно, что угрозы о «нанесении ударов», «высадке десантов», захвате «нефтеносных полей Саудовской Аравии, Кувейта, Катара» раздаются время от времени не только из Вашингтона, но и из Тель-Авива. Однако они не в состоянии остановить процесс деколонизации арабской нефти и превращения ее в орудие борьбы против империализма, за укрепление экономической независимости и социального прогресса. «Нефтяная война» не закончилась с отменой эмбарго на поставку арабской нефти некоторым западным странам. В ходе «нефтяной войны» арабские страны взяли впервые под свой контроль политику определения размеров добычи нефти и процесс формирования цен на нефть — они возросли в среднем в четыре раза. В последующие годы были национализированы также остававшиеся предприятия американских, английских, голландских и французских нефтяных компаний в Ираке и Ливии. Увеличена доля участия правительств ряда стран Персидского залива в нефтяных концессиях с 25 до 60, а в ряде случаев — и до 100 процентов. Кувейт, следуя примеру Ирака, с первых дней 1976 года

установил полный контроль над имуществом «Кувейт ойл компани» — дочерней компании англо-американских нефтяных монополий. Несколько ранее о национализации всех акций иностранных нефтяных концессий было объявлено в ряде княжеств Объединенных Арабских Эмиратов. Правительство Катара также полностью выкупило все акции иностранных компаний, действовавших на его территории. Даже руководители Саудовской Аравии, которые совсем еще недавно строго запрещали упоминать само слово «национализация», считая его «выдумкой агентов международного коммунизма», поставили на повестку дня вопрос о приобретении 100 процентов акций американской компании АРАМКО...

В связи с этим обращает на себя внимание изменение тактики империалистических сил в отношении арабских нефтедобывающих стран. Чем же объяснить относительно спокойную реакцию нефтяных монополий на новую волну национализаций в арабском мире? Почему они не решились осуществить свои угрозы?

Дело в том, что, хотя империалистические силы и не отказались от шантажа в отношении освобождающихся стран и от прямого вмешательства в их внутренние дела, в современных условиях они не решаются на вооруженную интервенцию в широком масштабе, учитывая изменившееся общее соотношение сил в мире, и прежде всего возросшее могущество Советского Союза, других стран социализма, силу мирового антиимпериалистического движения, которые все вместе служат надежным гарантом национального суверенитета молодых независимых государств.

Немаловажное значение имеет и другой, чисто экономический фактор. Хотя позиции международных нефтяных компаний в результате национализации их имущества и потери части их акций в целом оказались ослабленными, прибыли монополий от нефти по-прежнему превышают доходы государств — экспортеров «черного золота», даже если последние скупают все акции иностранных компаний

Значительно возросшие поступления от нефти арабских стран Персидского залива все равно уступают доходам, получаемым международными нефтяными компаниями от добычи, переработки, транспортировки и продажи нефти. При этом надо учитывать, что основная часть капитала последних вложена не в нефтедобывающую, а в нефтеобрабатывающую отрасль и в сферу сбыта нефтепродуктов, контролируемых нефтяными монополиями. В результате международные компании до сих пор господствуют на нефтяном рынке, наживаясь и на производителях, и на потребителях «черного золота».

Как показали последующие события, в поисках против арабского освободительного движения нефтяной неокOLONиализм и империализм выступают не только в союзе с сионистским Израилем, выполняющим функции их жандарма, но и с арабскими

реакционными силами. Вот почему в буржуазной литературе, посвященной октябрьской войне 1973 года, просматривается явная тенденция преувеличить значение в ней «нефтяного оружия» и тем самым поднять роль арабских нефтяных королей и шейхов, внесших якобы главную лепту в те успехи, которые были одержаны арабами в этой войне. Однако, как подчеркивали руководители компартий Ирака, Иордании и Судана, главные причины поражения империалистско-сионистской политики осенью 1973 года лежат не в нефтяной сфере, а в другой плоскости.

«Сознавая значение нефти как оружия борьбы с империализмом, арабские народы отдают себе ясный отчет и в том, что действительно эффективно его можно будет использовать только тогда, когда оно целиком окажется в народных руках, когда иностранные монополии перестанут распоряжаться арабскими нефтяными богатствами...

Нефть имеет второстепенное значение в сравнении с той стойкостью, которую продемонстрировали на полях сражений арабские народы. Более того, не прояви они этой стойкости, арабская реакция не решилась бы прибегнуть и к нефтяному «оружию». Ведь не осмелилась она это сделать во время неудачно сложившейся для арабов войны 1967 года»¹.

Нефть, как отмечалось, возымела действие лишь в сочетании с отвагой и мужеством арабских воинов, которые, овладев современной военной техникой, развеяли мифы о «непобедимости» израильской армии, и в сочетании с той поддержкой, которую оказали сражающимся арабским государствам их действительные друзья — социалистические страны².

---

¹ Проблемы мира и социализма, 1974, № 1, с. 76

² См. там же.

БАЛАНСИРОВАНИЕ МЕЖДУ ЭКСПАНСИОНИЗМОМ И КАПИТУЛЯНТСТВОМ

У американского журнала «Тайм» стало традицией преподносить своим читателям нечто вроде рождественского подарка к Новому году: на обложке последнего номера помещается в красках портрет человека, имя которого — неважно как и в какой связи — чаще всего мелькало в истекшем году. «Героем года» в 1977 году журнал определил президента Египта Анвара Садата, а в 1978 году — «сильного человека» Пекина — Дэн Сяопина

Ожидавшийся в начале 1979 года в Вашингтоне с первым официальным визитом китайский лидер заслужил за океаном громкую славу на поприще оголтелого антисоветизма и агрессивности в отношении соседних Китаю государств. Дэн Сяопин выступил в американской столице с новой клеветой на Советский Союз и воинственными угрозами по адресу социалистического Вьетнама. Вскоре Пекин развязал агрессивную войну против героического вьетнамского народа

Египетский президент Садат, также внесший свою лепту в кампанию антисоветизма, заслужил лавры «Тайма» еще за «смелость» в капитулянтстве перед израильскими агрессорами и забвение национальных интересов арабов, особенно палестинского народа.

Садат стал открыто на этот путь, совершив в ноябре 1977 года унижительное паломничество в оккупированный Израилем Иерусалим. Этот визит открыл путь к подписанию сепаратных соглашений в Кэмп-Дэвиде, которые еще туже затянули узел ближневосточных противоречий. За все это Садат удостоился еще и Нобелевской премии мира, которая была присуждена ему и израильскому премьер-министру Бегину в конце 1978 года.

Такое решение Нобелевского комитета турецкая газета «Барыш» не случайно назвала «безнравственным и противозаконным». Даже американская «Нью-Йорк таймс» вынуждена была в те дни констатировать: «Исполнен иронии тот факт, что два воинственных деятеля, Садат и Бегин, которые большую часть своей жизни были замешаны в войнах, конфликтах и терроре, объявляются Нобелевским комитетом «апостолами мира».

Арабская печать и общественность высказались на этот счет еще более определенно. «Присуждение Нобелевской премии мира убийцам палестинского народа не делает чести ни тем, кто

ее получает, ни тем, кто ее присуждает», — заявила Организация освобождения Палестины.

Во всем арабском мире египетского президента клеймили позором, называли отступником и предателем. В Дамаске и Багдаде, в Бейруте и Аммане, в Алжире и Триполи, в Адене и Эль-Кувейте расклеивались портреты-карикатуры на Садата, на которых он был изображен в американском цилиндре и с черной повязкой Даяна на глазу, символизовавшими политическое лицо Садата

Какой ценой и чего конкретно добился Садат, открыто став после октябрьской войны 1973 года на путь сепаратных переговоров с Израилем?

Официальная египетская пропаганда пытается оправдать курс Садата огромными и якобы напрасными жертвами, которые понес египетский народ в борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии и укрепление своей национальной независимости

После израильской агрессии в июне 1967 года Египет в самом деле израсходовал десятки миллиардов долларов на строительство экономического фундамента национальной независимости, создание государственного сектора, на укрепление военного потенциала страны. Но эти жертвы не были напрасными. Прогрессивные социально-экономические реформы открыли перспективы для дальнейшего развития национальной промышленности и сельского хозяйства, подготовили условия для тех военных успехов, которые были достигнуты в первые дни октябрьской войны 1973 года. И эти успехи были одержаны не в результате отхода от курса Насера, а, напротив, благодаря инерционному воздействию этой политики, которую египетское руководство проводило, опираясь на прогрессивные круги страны и всего арабского мира, на страны социалистического содружества и силы мирового антимпериалистического фронта

Точно так же и первые сдвиги в политическом урегулировании ближневосточного конфликта, происшедшие вскоре после окончания октябрьской войны, были достигнуты в русле согласованных общеарабских усилий, активно поддержанных Советским Союзом и прогрессивной мировой общественностью

Казалось бы, одержанные Египтом и другими арабскими странами успехи в октябрьской войне должны были еще больше укрепить их стойкость в противодействии неокOLONиалистским планам Вашингтона и экспансионистским устремлениям Тель-Авива. Однако объективные условия, благоприятно сложившиеся для Египта и других арабских стран после октябрьской войны, оказались неиспользованными в результате навязанной Вашингтоном «поэтапной дипломатии». Сама идея поэтапного урегулирования не отвергалась ни Советским Союзом, ни Египтом в период президента Насера при условии тесного увязывания каждого этапа с последующими шагами по пути всеобъем-

лучшего урегулирования конфликта. Но в том-то и дело, что в результате американской дипломатии «шаг за шагом», осуществлявшейся Киссинджером с согласия президента Садата в обход Женевской конференции, были достигнуты лишь разъединение войск и частичный вывод израильских оккупантов с Синая без тесного увязывания этих шагов с общим ближневосточным урегулированием.

Почему именно после октябрьской войны 1973 года официально Вашингтону удалось, преодолев сопротивление Тель-Авива и сионистского лобби в США, добиться их согласия на эти шаги, в то время как раньше подобные же меры они решительно отвергали?

Ответ на этот вопрос надо искать в комплексе военно-политических и экономических факторов, которые сложились на новом витке ближневосточного конфликта в результате воздействия не только сложных и противоречивых тенденций на Ближнем Востоке и в самих США, но также и тех важных изменений, которые произошли на мировой арене.

От магистрали — в тупик

Стойкость и героизм, продемонстрированные арабскими войсками на полях сражений октябрьской войны, военные успехи, одержанные тогда арабскими государствами при поддержке Советского Союза, а также предпринятые впоследствии Советским правительством в тесной координации с арабскими руководителями активные политические акции в ООН и вне ее в интересах установления справедливого мира на Ближнем Востоке определили на первых порах некоторые важные сдвиги в политическом урегулировании ближневосточного конфликта. Да и само перемирие в конце октября 1973 года, как признает американский дипломат Джордж Болл, вошло в силу только благодаря «давлению Советского Союза»¹.

Уже сам созыв вскоре после окончания октябрьской войны Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, на которой противостоящие в длительном конфликте стороны встретились за столом переговоров, явился успехом мирной дипломатии, метода многосторонних переговоров, как средства всеобъемлющего, а не сепаратного урегулирования арабо-израильского конфликта.

Мирная конференция по Ближнему Востоку открылась в Женеве 21 декабря 1973 года с участием СССР, США (сопредседатели), Египта, Иордании и Израиля. Сирия сохраняла за

---

¹ *Boll G. Diplomacy for a Crowded World. An American Foreign Policy.* Boston — Toronto, 1976, p. 147—148.

собой право присоединиться к ее работе в последующем. При открытии конференции глава советской делегации А. А. Громыко изложил принципиальную позицию Советского Союза, которой последовательно и твердо придерживается наша страна в урегулировании ближневосточного конфликта.

Как подчеркнул А. А. Громыко, «по твердому убеждению Советского Союза, необходимо неукоснительно провести в жизнь основополагающий принцип международной жизни — принцип недопустимости приобретения территории путем войны». До тех пор, пока израильские войска находятся на арабских территориях, мира на Ближнем Востоке не будет. Отметив необходимость обеспечения суверенитета, территориальной целостности и независимости всех государств этого региона, советский министр иностранных дел особо подчеркнул, что это подразумевает и ограждение законных прав арабского народа Палестины¹.

На первом этапе работы конференции, длившемся два дня, был достигнут консенсус (согласие) в отношении создания военной и других рабочих групп. Таким образом, был создан механизм для практического урегулирования ближневосточной проблемы. В ходе этого этапа работы конференции удалось решить вопрос о разъединении войск на Синайском полуострове и на Голанских высотах, а также заставить Израиль освободить незначительную часть арабских земель, оккупированных им в 1967 году. Вместе с тем уже тогда вызывало опасение, что все усилия оказались сосредоточенными на работе военного комитета в составе представителей Египта и Израиля, а также командующего чрезвычайными вооруженными силами ООН на Ближнем Востоке. Основное внимание акцентировалось на вопросе о разъединении египетских и израильских войск. Созданию других рабочих групп оказывалось противодействие.

Дипломатия США уже тогда стремилась к тому, чтобы дальнейшие решения принимались не в рамках Женевской конференции, а в обход ее, на основе сепаратных соглашений. Вместе с тем дискуссии на заседаниях военного комитета показали также, что Израиль пытается удержать захваченный им в последние два дня боев в октябре плацдарм на западном берегу Суэцкого канала и использовать это для политического торга.

Тель-Авив, пользуясь поддержкой своих покровителей на Западе, сделал все возможное, чтобы торпедировать работу конференции в Женеве. Благоприятные возможности для успеха деятельности Женевской конференции не были использованы и из-за непоследовательной позиции, которую заняло египетское руководство, добивавшееся разъединения войск Египта и Израиля не как предварительных шагов к политическому урегулированию, а как чисто военных мероприятий. Такая позиция поз-

---

¹ См.: Громыко А. А. Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 299—300.

волила впоследствии продолжить египетско-израильские контакты при посредничестве США уже вне всякой связи с Женевской конференцией. В этих условиях Тель-Авиву удалось лишить эти контакты всякой перспективы, особенно после заключения в сентябре 1975 года второго синайского соглашения. Это соглашение, по существу, вывело Египет из состояния военной конфронтации с Израилем при сохранении оккупации большей части захваченной им арабской территории и без малейшего сдвига в решении палестинской проблемы

Впоследствии стала известна закулисная сторона этих соглашений. Многие секреты были преданы гласности близким к госдепартаменту США профессором Гарвардского университета Э. Шиханом. Он признает, что со времени октябрьской войны Киссинджер стремился строить «арабскую политику» США «на неком подобии союза между Вашингтоном и Каиром» или, выражаясь более конкретно, «на видимости дружбы с египетским президентом Садатом» Уточняя подоплеку этой «дружбы», Шихан многозначительно замечает: «Киссинджер считал, что если Садат будет у него в руках, то за ним последуют и другие арабы, однако впоследствии это предположение было поставлено под сомнение»¹

Со своей стороны Садат еще до октябрьской войны всячески добивался расположения Вашингтона, ведя дело к тому, чтобы разрушить «два столпа насеровской политики — арабский социализм и опору на Советский Союз», чтобы затем начать строить свою «новую политику»²

Перипетии закулисной дипломатии США раскрывает также израильский журналист М. Голан «Цель переговоров Киссинджера о разъединении войск,— пишет М. Голан,— заключалась в том, чтобы обойти необходимость вести переговоры о границах и окончательном урегулировании»³. Таким образом, США, которые в Совете Безопасности ООН голосовали за резолюцию № 242, предусматривающую вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий, в то же время проводили закулисную политику с целью обойти вопрос о границах, что соответствовало интересам Израиля

Еще во время подготовки первого соглашения о разводе войск на Синае Киссинджер передал правительству Израиля секретный «Меморандум о взаимопонимании», в котором содержалось обещание, что «Соединенные Штаты предпримут все усилия, чтобы в полной мере удовлетворить израильские потребности в поставках вооружения на долговременной, длительной основе»⁴.

¹ *Shihan E. Arabs, Israelis and Kissinger.* New York, 1976, p. 13.

² *Ibid.*, p. 14.

³ *Golan M. The Secret Conversations of Henry Kissinger. Step-by-Step Diplomacy in the Middle East.* New York, 1976, p. 8.

⁴ *Shihan E. Arabs, Israelis and Kissinger*, p. 111—112.

Весьма интересно свидетельство Шихана о том, что согласие Израиля на участие в Женевской конференции было получено Киссинджером буквально накануне ее открытия, после того как он вручил израильтянам этот «секретный и весьма значительный «Меморандум о взаимопонимании», в котором фактически признавалось право израильского вето на участие ООП» в конференции Шихан вынужден признать, что, «исключая ООП с самого начала, Киссинджер исключал из процесса установления мира существо арабо-израильского конфликта». В книге Шихана отмечается, что уже тогда Садат проводил сепаратную линию. За спиной Сирии он дал секретное обещание о пропуске израильских гражданских судов через Суэцкий канал, хотя подписавший соглашение со стороны Египта генерал Гамаси, ставший впоследствии министром обороны, считал это с военной точки зрения невыгодным. Таким образом, Садат практически уже тогда вступил на путь капитуляции, дав понять, что подписанное соглашение он рассматривает как шаг к двусторонней договоренности с Израилем, а не как шаг к комплексному общему урегулированию арабо-израильского конфликта.

Такая позиция Садата в значительной степени затруднила ведение переговоров сирийцев об условиях разъединения на Голанских высотах. Как видно из приводимой Шиханом записи беседы Киссинджера с Х. Асадом в Дамаске, президент Сирии принципиально поставил вопросы: «Согласны ли Соединенные Штаты с тем, что, во-первых, при урегулировании Сирии не может поступиться территорией, во-вторых, урегулирование не может состояться без разрешения палестинской проблемы, в-третьих, является ли целью мирной конференции решение этих двух вопросов?.. Государственный секретарь США предпочел обойти эти вопросы, заявив, что на последующих стадиях должны быть дальнейшие отводы войск»¹.

В достижении первых соглашений в рамках Женевской конференции сыграли свою роль конструктивные усилия советской дипломатии. Советский Союз неизменно подчеркивал, что процедура разъединения войск должна быть лишь первой мерой на пути к достижению полного, всеобъемлющего урегулирования на Ближнем Востоке. Этого нельзя было достигнуть с помощью частичных мер и сепаратных соглашений, по пути которых шла «тихая дипломатия» Вашингтона.

Ряд американских политологов, в том числе Э. Шихан и автор специального исследования по ближневосточной политике США начала 70-х годов профессор Б. Рейх, рассматривая значение миссии Киссинджера после октябрьской войны в процессе урегулирования, приходят к выводу, что израильско-сирийское разъединение знаменовало собой «начало заката» челночной дипломатии².

¹ *Shihhan E. Arabs, Israelis and Kissinger*, p. 126.

² *Current History*, 1976, № 1, p. 32.

Это наглядно проявилось во время визита президента США Р. Никсона в июне 1974 года на Ближний Восток (он посетил Саудовскую Аравию, Египет, Сирию, Иорданию и Израиль) и в ходе многочисленных поездок («челночных операций») Киссинджера на Ближний Восток. Позднее, уже уйдя с поста государственного секретаря, Киссинджер объявил себя чуть ли не родоначальником «челночной дипломатии», заложившим основы «американского мира» на Ближнем Востоке.

Уместно напомнить, что элементарная форма «челночной дипломатии» была использована гораздо эффективнее еще в 1949 году специальным представителем ООН Р. Банчем, который добился тогда заключения арабо-израильских соглашений о перемирии без головокружительных турне по столицам ближневосточных государств, ограничившись посредничеством между израильской и арабскими делегациями, которые находились лишь в различных отелях на острове Родос. Все это делалось под эгидой ООН и без всяких театрализованных представлений и претензий на какое-то чудодействие.

Характеризуя «челночную дипломатию» Киссинджера как «предпочтение перед стратегией», американский дипломат Джордж Болл писал «Если начальный цикл «челночных переговоров» еще можно было оправдать как ограниченную дипломатическую операцию, предпринятую с целью тактической перегруппировки, то поиски реального урегулирования включали в себя политические обязательства, более сложные и важные, чем простое передвижение армий»¹. Претенциозные попытки Киссинджера урегулировать сложные проблемы Ближнего Востока с помощью личной «челночной дипломатии» Болл назвал «примером неуклюжего образа действий, политические последствия которых оказались для самих США скорее негативными, чем позитивными», поскольку Соединенные Штаты взяли фактически «единоличную ответственность» за создавшийся тупик в ближневосточном урегулировании².

США, по существу, и не ставили своей задачей способствовать возобновлению работы Женевской конференции. Напротив, они действовали преимущественно в обход этого международного форума. Правда, в ряде подписанных США в 1974 году документов подтверждалось их стремление к достижению мирного урегулирования на Ближнем Востоке. Однако на деле американская политика «балансирования» не способствовала разрядке напряженности в этом районе мира

В октябре 1974 года в Рабате состоялась конференция глав арабских государств, на которой Организация освобождения Палестины была единогласно признана единственным законным представителем палестинского народа. За это решение

¹ *Boll G. Diplomacy for a Crowded World. An American Foreign Policy*, p. 148.

² *Ibid.*, p. 149.

голосовала и Иордания, в результате чего провалился американский план достижения сепаратного соглашения между Амманом и Тель-Авивом. В свете растущего международного признания ООП это решение Рабатской конференции давало ключ к разрешению одной из кардинальных проблем ближневосточного урегулирования. Израиль сразу же отказался считаться с этим решением и выдвинул категорическое требование исключить участие ООП в поисках ближневосточного урегулирования

США практически поддержали такую obstructionistскую позицию Израиля. В конце 1974 года Киссинджер совершил новую поездку на Ближний Восток — якобы для приведения в соответствие своей «поэтапной» дипломатии с принятыми в Рабате решениями. Но на деле в тех переговорах, которые он вел, речь шла о продолжении и развитии прежнего курса «балансирования».

Немаловажную роль в укреплении непримиримой позиции Израиля играло сионистское лобби в США, особенно Американо-израильский комитет по общественным делам, который вел активную произраильскую деятельность. Не случайно в США совершали периодические поездки так называемые израильские «бригады правды», возглавлявшиеся Эбаном, Аллоном, Даяном, Рабином и другими сионистскими лидерами. Под их давлением администрация Форда выполнила почти все требования Тель-Авива о новых американских военных поставках на общую сумму 2,5 миллиарда долларов, которые должны были компенсировать некоторые территориальные уступки Израиля в торге при обсуждении второго соглашения по Синаю. Шихан признает, что американцы использовали в этом торге альтернативу созыва Женевской конференции как «средство угрозы».

Как отмечает Б. Рейх, США лишь на короткий срок заговорили об использовании Женевской конференции в качестве орудия всеобщего урегулирования, «но вскоре от этого отказались в пользу возобновления усилий по достижению египетско-израильского соглашения»¹

В июне 1975 года в Зальцбурге произошла встреча Садата с президентом США Дж. Фордом, который затем совещался в Вашингтоне с израильским премьер-министром Рабином. Во время этих переговоров уточнялось содержание второго соглашения о разведении египетских и израильских войск, которое и было подписано 4 сентября.

Стороны достигли договоренности о новой дислокации египетских и израильских войск, об ограничении численности войск и вооружений на Синайском полуострове, а также об использовании на постах дальнего предупреждения американских специалистов. Соглашение предусматривало проход через Суэцкий канал израильских невоенных грузов. Израиль заявил о возвра-

---

¹ Current History, 1976, № 1, с. 32.

щении Египту части оккупированных территорий, в том числе месторождения нефти Абу-Рудайс на Синае¹. Кроме незначительной территории на Синае, Египет ничего практически не добился.

По этому соглашению Египту передавалось лишь 5,5 процента территории Синайского полуострова, а 7 процентов территории составили буферную зону между египетской и израильской армиями. Главное же, с точки зрения Тель-Авива, состояло в том, что Египет взял на себя обязательство не использовать силу для решения конфликтных вопросов и дал согласие на присутствие американского персонала на нескольких радиолокационных станциях раннего оповещения в буферной зоне. Станции раннего оповещения, в частности станция, построенная американцами в Умм-Хашибе, позволяли Тель-Авиву быть в курсе любых передвижений египетских войск. Тем самым в военном отношении соглашение поставило Египет в неравноправное положение.

Прогрессивная арабская печать отмечала тогда, что, хотя стороны согласились решать конфликт «мирными средствами», Израиль, по существу, продолжал использование военных методов для удержания большей части Синайского полуострова и других оккупированных арабских земель. Полоса с ограниченным вооружением после развода войск противостоящих сторон у Израиля была определена в два раза меньше, чем у Египта. Вместе с тем Египет в соответствии с соглашением не вправе был устанавливать зенитные ракеты не только на оставленной израильскими войсками части полуострова, но и на расстоянии менее 10 километров от западного берега Суэцкого канала, что практически оставляло незащищенными такие важные центры страны, как Порт-Саид, Суэц и ряд других городов в зоне канала.

Этим не исчерпываются негативные стороны синайского соглашения. Израиль обусловил его заключение предоставлением ему дополнительной военно-экономической помощи со стороны США, которые в последующем ежегодно выделяли Израилю более 2 миллиардов долларов в виде кредитов и безвозмездной помощи, из них почти 1,5 миллиарда долларов — на закупку военных материалов. В приложенном к соглашению секретном меморандуме было опять подтверждено политическое обязательство США не признавать ООП и не вести переговоры с этой организацией.

Синайское соглашение, по существу, вывело Египет из состояния военной конфронтации с Израилем при сохранении оккупации большей части захваченной им арабской территории и без малейшего сдвига в решении палестинской проблемы. Сепаратные методы осуществления соглашения о втором разъеди-

---

¹ См.: История внешней политики СССР, т. 2. М., 1977, с. 565.

нении войск на Синае и его заведомо ограниченный характер в значительной степени облегчили израильским экспансионистам и их американским покровителям политику раскола и разобщения арабских стран. Вот почему заключение синайского соглашения вызвало резкую критику и осуждение в арабском мире.

Сопоставляя военные и политические результаты октябрьской войны 1973 года, многие арабские наблюдатели отмечали тогда не только их несоответствие, но даже некоторую противоположность в сравнении, например, с итогами развязанной против Египта «тройственной» агрессии и июньской войны 1967 года, когда арабы даже в условиях военного поражения укрепили свою солидарность и одержали ряд важных побед на политическом фронте.

Это несоответствие произошло потому, что реакционные силы в арабском мире, ориентирующиеся на Запад, попытались направить урегулирование ближневосточного кризиса в русло антисоветизма, придать борьбе арабских стран за ликвидацию последствий израильской агрессии чисто националистический характер. Эти силы, по выражению египетского журналиста М Хейкала, хотели бы отстранить СССР от политического урегулирования на Ближнем Востоке и отвести ему «лишь роль поставщика оружия». Вместе с тем кое-кто после октябрьской войны 1973 года уповал и на то, что в результате изменения соотношения сил на Ближнем Востоке произошло и коренное изменение американской политики в отношении арабов

Результатами заключенного при посредничестве США египетско-израильского соглашения по Синаю воспользовался в первую очередь Тель-Авив. Несмотря на то что Египет пошел на ряд серьезных политических уступок Израилю и широко распахнул двери перед западным капиталом, надежды Садата не оправдались. Внутривосточное и экономическое положение Египта ухудшилось. Синайское соглашение еще более осложнило обстановку на Ближнем Востоке. К власти в Израиле пришел блок правых партий «Ликуд». Новое правительство во главе с лидером этого блока М. Бегином стало проводить откровенно экспансионистский курс и политику геноцида, развязав, по существу, пятую войну на Ближнем Востоке. На этот раз главной мишенью были избраны Ливан и палестинское движение сопротивления.

Ливанский «оазис» в огне

Ливан долгое время называли «витриной» и «оазисом» Запада на беспокойном Арабском Востоке. В пользу этого мифа приводился такой довод: хотя Ливан граничит и с «воинственным Израилем» и с «бурлящей Сирией», все арабо-израильские

войны и «арабские революции» проходили до сих пор якобы стороной, не касаясь ливанского «оазиса стабильности». Даже когда в Ливане вспыхнула в 1958 году гражданская война и высадились американские войска, буржуазные историки, в том числе и ливанские, предпочитали объяснить их не столько социально-классовыми, сколько религиозными и межарабскими противоречиями. Например, в книге ливанского политолога К. Салиби, вышедшей в разгар гражданской войны в середине 1976 года, утверждается, будто кризис в 1958 году возник из-за «восстания друзов (одна из мусульманских общин) против президента Шамуна (христианина), которое было инспирировано президентом Египта Насером»¹. Впрочем, автор вместе с тем признает, что кризис имел не только религиозную, но и социальную основу.

Уже вскоре после израильской агрессии 1967 года Ливан оказался вовлеченным в сферу ближневосточного кризиса и испытывал внутривосточные потрясения. В последние дни 1968 года израильская военщина совершила ряд вооруженных провокаций против Ливана. Израильские солдаты врываются в населенные пункты, убивали и грабили мирных жителей, угоняли заложников. Все это делалось под предлогом борьбы с палестинскими партизанами. Но жертвами этих бандитских налетов были не только палестинские беженцы, но и ливанские крестьяне. После высадки десанта в Бейрутском аэропорту, где было сожжено 13 гражданских самолетов, Израиль фактически начал вести необъявленную войну против Ливана. Ливанский «оазис мира» оказался ввергнутым в пламя войны. Вместе с изрешеченными израильскими пулями стеклянными стенами Бейрутского аэропорта вдребезги разлетелась и «витрина» ливанского «благоденствия и процветания». И в осколках этой разбившейся «витрины» отразились социальные, политические, религиозные, классовые, национальные, региональные, а также межимпериалистические противоречия... «Витрина» буржуазного Запада в Ливане отразила запутанный клубок разногласий и противоречий, которые переплелись в тугом узле ближневосточного кризиса.

По стране прокатилась волна забастовок и демонстраций. Сначала в Триполи, а затем и в Бейруте происходили вооруженные столкновения с полицией. В парламенте шли шумные, но бесплодные дебаты. Народу нужны были не громкие слова, а обеспечение безопасности страны и решение назревших социально-экономических проблем. Сменяющие друг друга правительства не хотели и не могли удовлетворить эти законные требования народа. Они все еще уповали на то, что Запад сумеет защитить Ливан.

---

¹ Salibi K. Crossroads to Civil War, Lebanon 1956—1976. New York, 1976, p. 2.

Однако Запад не удерживал, а фактически подталкивал Израиль на «необъявленную войну» против Ливана. Империалистические круги периодическими израильскими рейдами в приграничные районы, обстрелами, бомбардировками и бандитскими налетами хотели запугать Ливан, изолировать его от арабского фронта борьбы, ослабить, а по возможности ликвидировать палестинское движение и поддерживающие его прогрессивные силы в стране.

Почему именно Ливан был избран главным объектом агрессивных акций Израиля и подрывной деятельности сил империализма и реакции? Во-первых, потому, что Ливан, где в конце 60-х годов проживало не менее 320 тысяч палестинцев, из которых около 100 тысяч — в лагерях палестинских беженцев, стал после трагических событий в Иордании главной опорной базой палестинского движения, пользующегося поддержкой национально-патриотических сил страны. Во-вторых, империалистические и сионистские круги всегда рассматривали Ливан как наиболее уязвимое звено в арабском фронте борьбы, поскольку империализм имеет здесь довольно сильные экономические позиции и наиболее надежного политического союзника в лице правохристианских партий и других реакционных сил, связанных с местными феодальными кругами и компрадорской буржуазией.

При этом учитывалась также крайне запутанная и сложная внутривнутриполитическая система страны, строящаяся, как уже отмечалось, по религиозному принципу. В Ливане с населением более 3 миллионов человек, из которых 90 процентов составляют арабы, около половины считаются христианами и более половины — мусульманами. Последние подразделяются на 18 различных общин и сект, из них 10 пользуются правом представительства в парламенте и правительстве по принципу: на каждые 6 христиан — 5 мусульман во всех государственных и правительственных институтах. В соответствии с этим «джентльменским соглашением», относящимся к периоду 40-х годов, в парламенте из 99 депутатов 54 представляли христиан и 45 — мусульман. По этому же неписаному закону распределялись и важнейшие государственные посты, президент — обязательно католик-маронит, премьер-министр — мусульманин-суннит, председатель парламента — мусульманин-шиит, заместитель председателя парламента — представитель христианской православной общины¹. Преимущественное положение в управлении государством представителей христиан, тесно связанных с иностранным капиталом, позволило им занять ключевые посты не только в экономике, но и в руководстве вооруженных сил и органов безопасности.

Пестрота религиозного состава населения находит отражение и в партийной системе страны. В Ливане насчитывается около 50 различных партий и организаций, из которых 20 офици-

¹ *Barrat D. Liban escale du temps. Paris, 1967, p. 109—110.*

ально называют себя политическими партиями, хотя большинство из них представляет собой конфессионально-клановые группировки, возглавляемые представителями знатных феодальных и буржуазных семей Ливана.

Нерешенность палестинского вопроса, эскалация израильских вооруженных провокаций против Ливана, обострение социально-политических и экономических проблем, их переплетение с империалистической и межарабской борьбой за влияние в стране, с конкуренцией иностранных компаний, междоусобицей местных феодальных и буржуазных кланов, с распрями религиозных общин — все это накапливало горячий материал, который в раскаленной атмосфере неурегулированности ближневосточного кризиса мог вспыхнуть в любой момент

В начале 70-х годов Израиль еще более усилил военное давление на Ливан, совершая планомерные налеты на ливанские города и села, особенно на районы расположения лагерей палестинских беженцев в Южном Ливане. Сионистские и империалистические органы пропаганды намеренно окрестили этот район «Фатхлендом» («страна Фатха») с целью оправдать «репрессалии и возмездия» против палестинского движения сопротивления и его боевых организаций, в том числе «Фатх». Однако эти агрессивные действия не достигли главной цели. Израилю не удалось уничтожить базы палестинских партизан на юге Ливана и подорвать солидарность ливанцев со справедливой борьбой палестинцев.

Тель-Авив не скрывал, что своими агрессивными вылазками он стремился ослабить, деморализовать ПДС и одновременно разжечь к нему неприязнь ливанских властей. Такая цель ставилась трехдневным рейдом в Южный Ливан в сентябре 1972 года и редким по своей наглости террористическим актом израильских командос в Бейруте 10 апреля 1973 года. В тот день были убиты три палестинских лидера и пострадало несколько ливанцев. Эти разбойничьи нападения Израиля неоднократно осуждались мировой общественностью и еще больше сплачивали ливанских патриотов и палестинцев

Эта солидарность была особенно наглядно продемонстрирована в ходе шестидневных боев у приграничной деревни Кфар-Шуба в начале 1975 года. «Ливанские жители не только выразили искреннюю солидарность с борющимися палестинскими бойцами,— писал журнал «Палестина»,— но и оказали им решительную поддержку, сражаясь вместе с ними против общего врага»¹.

Именно в этих условиях стали предприниматься попытки осуществить против палестинцев и прогрессивных сил страны своеобразную операцию «клещи»: синхронно с продолжающимися вооруженными акциями Израиля в южных районах Ливана

---

¹ La Palestine, 1975, № 1, p. 4.

на местная реакция начала провоцировать вооруженные столкновения с палестинцами, опираясь на поддержку арабских реакционных сил и империалистических кругов Запада.

Однако в Ливане ситуация в значительной мере была более сложной, чем в 1970 году в Иордании. Ливанское правительство не могло опереться на армию, командование которой было представлено в основном христианами, а большинство рядовых военнослужащих составляли мусульмане. Костяк правых сил составляли вооруженные формирования фалангистов — буржуазной христианской партии «Катаиб» (по-арабски означает «фаланги»), которая была создана П. Жмайелем в 1936 году. Партия насчитывает в своих рядах около 50 тысяч человек, из которых несколько тысяч сведены в регулярные вооруженные отряды.

Кроме фалангистов на стороне правых выступали также вооруженные формирования национально-либеральной партии, возглавляемой бывшим президентом К. Шамуном, так называемая освободительная армия Згорты, включавшая сторонников бывшего президента С. Франжье, правозкстремистская военная организация Фронт защиты кедра во главе с Ф. Шимали, организация маронитских (католических) монастырей, возглавляемая епископом Ш. Кассисом, часть ливанской армии, доукомплектованная христианскими добровольцами под командованием полковника А. Бараката¹.

Салиби опровергает утверждения некоторых западных буржуазных авторов, будто в Ливане шла в основном война между ливанцами-христианами и палестинцами. Перечислив около двадцати различных ливанских партий и организаций, составивших блок национально-патриотических сил (НПС) и включавших как мусульман, так и христиан, Салиби, в частности, отмечает: «Положение усугублялось тем обстоятельством, что все ливанские партии и группировки, а также палестинцы были хорошо вооружены, и поэтому конфронтация на любом уровне должна была неизбежно повлечь за собой страшное кровопролитие и разрушение»².

В ходе этих кровавых событий только в 1975—1976 годах погибло не менее 40 тысяч человек, еще больше ранено, сотни тысяч ливанцев и палестинцев лишились крова и средств к существованию. Материальный ущерб страны оценивался суммой, равной нескольким годовым доходам Ливана.

Ливанский кризис тесно связан с общей неурегулированностью ближневосточного конфликта. Его основные этапы — периодические затухания и возобновления вооруженных столкновений внутри страны, а также эскалация военных провокаций Израиля против Ливана — увязывались с различными фазами

---

¹ Khuri E. Crisis in Lebanon. Washington, 1976, p. 79.

² Salibi K. Crossroads to Civil War. Lebanon 1956—1976, p. 90.

американской «поэтапной дипломатии» и «челночных операций», проводившихся на Ближнем Востоке с целью заключения сепаратного египетско-израильского договора. В рамках самого ливанского кризиса США и другие империалистические государства, Израиль, а также арабская реакция, несомненно, преследовали общие цели — ликвидировать или значительно ослабить палестинское движение и национально-патриотические силы Ливана. В этом плане они полностью поддерживали правохристианские силы, которые явно добивались в конце 1975 — начале 1976 года раскола Ливана. Тем не менее США даже в условиях наметившегося в ходе кризиса перевеса палестинских (ПДС) и национально-патриотических сил (НПС), которые контролировали большую часть территории Ливана, не решались сами и не позволяли Израилю предпринять широкую агрессию с целью осуществления плана раздела страны и установления израильского контроля над Южным Ливаном. Американская вооруженная интервенция или оккупация Израилем части ливанской территории в условиях подготовки сепаратного мира, несомненно, привели бы в действие центростремительные силы в арабском мире, что способствовало бы его сплочению на антиимпериалистической основе. Все это могло серьезно помешать осуществлению сепаратного сговора Садата с Израилем при американском посредничестве и привести к ослаблению позиций США в арабском мире.

Вместе с тем и США, и Израиль были заинтересованы в затягивании и углублении ливанского кризиса для достижения преследовавшихся ими целей на Ближнем Востоке. Это нашло проявление в новом обострении ливанского кризиса в конце 1975 — начале 1976 года. Междоусобные столкновения вылились в гражданскую войну, несмотря на достигнутую к тому времени при активном содействии Сирии принципиальную договоренность о прекращении кровопролития в Ливане и об условиях политического урегулирования этого кризиса. В то время западная и арабская печать прямо писала, что возобновившиеся в Ливане кровавые события были спровоцированы империалистической и израильской агентурой с целью отвлечь внимание общественности от заключенного в сентябре 1975 года Садатом второго синайского соглашения с Израилем, которое вызвало широкую волну протестов и негодования в арабском мире.

Именно поэтому, как писал французский журналист Эрик Руло, правые христианские силы были уверены не только в поддержке США и Израиля, но и в «благосклонном нейтралитете» Египта, ибо «Садат не заинтересован в том, чтобы палестинское движение одержало верх в тот момент, когда он пытается претворить в жизнь временное соглашение с Израилем»¹.

---

¹ Le Monde, 25.IX. 1975.

Последующие события полностью подтвердили тот факт, что Ливан стал после подписания сепаратного египетско-израильского соглашения по Синаю не только мишенью израильских вооруженных провокаций, но и одним из объектов неокOLONиалистского тройственного заговора — империализма, сионизма и реакции,— направленного на раскол страны и арабского антиимпериалистического фронта.

Характеризуя причины кровопролитных событий в Ливане, Л. И. Брежнев в речи на октябрьском (1976 года) Пленуме ЦК КПСС отмечал, что «если смотреть в корень событий, то тут мы имеем дело с новой попыткой мирового империализма, то есть США и других держав НАТО, нанести удар по силам антиимпериалистической революции на Ближнем Востоке, сохранить и укрепить здесь свои позиции. Империализм идет теперь по пути провоцирования междоусобных конфликтов арабов против арабов. Возможности для этого кроются в усилившемся классовом расслоении внутри арабских стран, в росте социально-политических различий между ними»¹.

Вооруженные столкновения в Ливане, в которые оказались втянутыми не только политические силы Ливана, но и палестинское движение и в значительной степени Сирия, удалось на некоторое время приостановить лишь после того, как созданное в октябре 1976 года совещание глав арабских государств в Эр-Рияде приняло решение для обеспечения прекращения огня в Ливане создать специальные «межарабские силы безопасности» (МСБ) в количестве 30 тысяч человек. Межарабские силы, основной контингент которых составили находившиеся в Ливане сирийские войска, были расквартированы главным образом в районе Бейрута и на севере страны. Однако ни центральное правительство Ливана, ни межарабские силы так и не сумели стабилизировать положение в южных, приграничных с Израилем районах.

Тель-Авив, объявив эти районы «полувакуумом», установив, по существу, над ними свой военный контроль, проводил курс на их постепенную экономическую интеграцию, закупая у ливанских крестьян урожай и используя труд ливанских рабочих в Израиле. Израильская военщина непосредственно участвовала в боевых действиях на стороне правых христиан против находившихся в южных районах палестинцев и поддерживающих их ливанских патриотов.

Израильское командование не скрывало, что оно ведет подготовку для широкого вторжения в Ливан. Однако и в Вашингтоне и в Тель-Авиве, помня печальный опыт заполнения «вакуума» в Ливане в 1958 году, понимали, что для осуществления широкой интервенции требуется создать благоприятные условия не только внутри страны, но и в целом на Ближнем Восто-

---

¹ *Брежнев Л. И. Ленинским курсом*, т. 6. М., 1978, с. 162.

ке. Такие условия и были подготовлены непрекращающимися провокациями правых христиан, а также сепаратным египетско-израильским сговором в рамках «тихой дипломатии» Вашингтона.

Реакционные силы внутри страны использовали прекращение огня и политические консультации как передышку для перегруппировки сил. Они отвергали любые предложения об урегулировании внутривосточного кризиса, выдвигая в качестве главного условия ликвидацию палестинского присутствия в Ливане. Их действия явно были скоординированы с закулисными маневрами американской дипломатии, капитулянтской политикой Садата и вооруженными провокациями Тель-Авива. Не случайно правохристианские силы развязали в начале 1978 года новый раунд кровавой войны против палестинского движения и Сирии, которые наиболее решительно противодействовали новому неокOLONIALИСТСКОМУ заговору на Ближнем Востоке.

Существовала и обратная связь между неокOLONIALИСТСКИМИ маневрами на Ближнем Востоке и внутренними событиями в Ливане. Основной акцент на последующих этапах ливанского кризиса после заключения второго синайского соглашения делался на провоцирование антисирийских настроений внутри Ливана с целью скомпрометировать и изолировать Сирию в арабском мире, представив ее чуть ли не как главного виновника нового раунда кровавых событий, и одновременно создать повод для вооруженной интервенции Израиля в Ливан.

Тот, кто направлял этот заговор, надеялся, очевидно, столкнуть Сирию и ПДС, используя определенные сложности в их взаимоотношениях, или навязать им войну сразу на два фронта — против правохристианских сил и Израиля. Однако этим замыслом не суждено было сбыться. Сирия и ПДС перед лицом коварного неокOLONIALИСТСКОГО заговора сумели, отбросив прежние разногласия, наладить тесное сотрудничество как в политической, так и в военной области. Именно они выступили в декабре 1977 года инициаторами создания Национального фронта стойкости и противодействия проискам империализма и капитулянтской политике Садата. В этот фронт вошли также Алжир, НДРЙ, Ливия, а позднее его поддержали некоторые другие арабские государства.

Наряду с новой расстановкой сил на Ближнем Востоке после визита Садата в Иерусалим произошла и перегруппировка сил реакции внутри Ливана. Укрепив свои позиции при активном содействии Израиля, некоторых западных государств и реакционных кругов на Ближнем Востоке, правохристианские силы в феврале 1978 года начали открытые военные действия против сирийских войск, входящих в состав межарабских сил безопасности. Воспользовавшись новым осложнением обстановки в Ливане, Израиль в марте 1978 года развязал широкую агрессию, оккупировав почти весь юг Ливана до реки Литани, за исклю-

чением узкой приморской полосы и города Сура, то есть территорию общей площадью 1700 квадратных километров. В результате этой агрессии и продолжавшихся после отвода израильских войск бандитских налетов погибло по меньшей мере 2 тысячи, ранено около 4 тысяч ливанцев и палестинцев. Полностью было разрушено более 7 тысяч и серьезно повреждено 15 тысяч жилых домов. Таким образом, более 200 тысяч человек оказались без крова¹. Более трех месяцев продолжалась открытая оккупация Израилем ливанской территории. Но и после вывода отсюда израильских войск по решительному требованию мировой общественности и специальных резолюций № 425 и № 426 Совета Безопасности ООН (он был формально завершён 13 июня 1978 года) Тель-Авив продолжал закамуфлированную оккупацию, передав приграничный район шириной от 5 до 20 километров под контроль израильской марионетки — правохристианской «армии защиты юга Ливана», возглавляемой «майором» Хаддадом.

Как было отмечено на состоявшемся в конце 1979 года IV съезде Ливанской коммунистической партии, действия предателя Хаддада и его марионеточной армии направляются израильской военщиной, а сложившаяся на юге Ливана взрывоопасная обстановка является прямым следствием египетско-израильской сепаратной сделки и продолжающихся попыток Вашингтона и Тель-Авива создать на арабской земле своеобразные «подмандатные» территории Израиля — на Западном берегу Иордана сохранить израильскую оккупацию под видом «административной автономии» для палестинцев, а на юге Ливана — держать под своим контролем провозглашенное марионеткой Хаддадом так называемое «независимое государство свободный Ливан» в районах, где совместно разбойничают правохристианские головорезы и израильская военщина. На самом деле это «государство» не что иное, как плацдарм для совершения периодических налетов и обстрелов не только мирного ливанского населения и лагерей палестинцев, но и расквартированных в южных районах Ливана войск ООН, которые были направлены туда по решению Совета Безопасности для поддержания мира. Подобные планы, преследующие цель территориального и конфессионального расчленения Ливана, обособления его в арабском мире и установления там фашистского режима, были охарактеризованы съездом как «фашистско-изоляционистский замысел с сионистской окраской»².

Бросая вызов мировому общественному мнению и пренебрегая неоднократными резолюциями ООН, осудившими агрессив-

---

¹ Подробнее см.: *Медведко Л. И.* От «доктрины Эйзенхауэра» к «дипломатии истребителей» — США: экономика, политика, идеология, 1978, № 9, с. 17—30; *Правда*, 1979, 6 сентября.

² *Проблемы мира и социализма*, 1979, № 12, с. 24.

ные действия Израиля, Тель-Авив, по существу, продолжает агрессию против Ливана.

Весьма симптоматично, что незадолго до израильского вторжения в Ливан состоялся секретный визит туда израильского министра обороны Э. Вейцмана, который вел переговоры с правохристианскими лидерами о координации действий. Вскоре же после вооруженной интервенции израильских войск в Южный Ливан Э Вейцман вел переговоры в Каире лично с президентом Садатом, а израильский премьер-министр Бегин добивался в Вашингтоне на встрече с президентом Картером и руководителями Пентагона увеличения и ускорения американских военных поставок Тель-Авиву.

В это же время на различных уровнях продолжались и американо-египетские контакты с целью подготовки кэмп-дэвидских соглашений. Участники закулисного сговора пытались делать вид, будто все эти контакты и переговоры не имели никакого отношения к событиям в Ливане, а преследовали якобы более важную цель — выработать основы израильско-египетского соглашения и «долгосрочного» урегулирования на Ближнем Востоке. Мировая пресса, в том числе и некоторые органы американской печати, с удивлением отмечала тогда, что в коммюнике о переговорах с Бегинном, посетившим США в период вторжения израильских войск в Ливан, официальный Вашингтон не решился хотя бы формально осудить израильскую агрессию.

Нетрудно усмотреть прямую взаимосвязь между этими событиями и американской политикой «балансирования» с явным креном в сторону агрессора. Об этом свидетельствовала также и объявленная с таким шумом в Вашингтоне незадолго до израильской агрессии в Ливан так называемая «комплексная» сделка об одновременной поставке военных самолетов Израилю и Египту

Все это еще более осложнило обстановку в Ливане, как и в целом на Ближнем Востоке. Правохристианские экстремисты, несмотря на решительное осуждение их сотрудничества с Израилем совещанием министров иностранных дел арабских стран в октябре 1978 года, продолжали вооруженные провокации против палестинцев и сирийских войск из состава межарабских сил в Ливане. Одновременно происходила дальнейшая эскалация израильской агрессии на юге Ливана

Ливан всегда был наиболее чутким «барометром» Ближнего Востока. Нерешенность ливанского кризиса — это отражение неурегулированности прежде всего самого ближневосточного конфликта. И эта взаимосвязь с особой наглядностью проявилась в том опасном обороте, который приняли события в Ливане и в ближневосточном регионе на пороге 80-х годов. Они показали порочность и бесперспективность близорукого курса сепаратных сделок с дальним неокOLONиалистским прицелом.

Спираль предательства

По возвращении Садата из Иерусалима в Каир в ноябре 1977 года были приняты чрезвычайные меры по обеспечению его безопасности, еще более строгие, чем в Израиле. И не удивительно! Ведь буквально через несколько дней после того, как Садат объявил о своей готовности развивать всесторонние связи и «дружить» с Израилем, были разорваны дипломатические отношения с арабскими государствами, с которыми Египет находился в течение трех десятилетий в общем антиимпериалистическом фронте. Одновременно по приказу Садата в Египте был закрыт ряд учреждений стран социалистического содружества. Естественно, при таких крутых поворотах, когда вчерашние враги становились «друзьями», а многолетние союзники по общей борьбе объявлялись «врагами», нельзя чувствовать себя спокойным даже в собственном доме.

«Каирские власти,— писал американский журнал «Ньюсуик»,—приняли все меры предосторожности, чтобы предотвратить вспышки недовольства, которые могли омрачить первые дни Садата после возвращения»¹. И хотя военный министр поспешил тогда заверить, что вся армия поддерживает Садата, арабские газеты писали о другом. В те дни появились сообщения об аресте около 400 египетских офицеров и генералов, высказавших недовольство политикой Садата.

Из-за несогласия с его курсом подали в отставку даже некоторые министры и видные египетские дипломаты, считавшиеся ранее единомышленниками Садата, в том числе заместитель премьер-министра и министр иностранных дел И. Фахи. Его примеру последовали государственный министр иностранных дел М. Риад, а также посол АРЕ в Лиссабоне генерал С. Шазли, который в период октябрьской войны 1973 года был начальником генерального штаба вооруженных сил Египта.

Что заставило Садата делать столь опасные политические «сальто-моргале»?

Предпринятые Садатом сепаратные акции были логическим продолжением не только соглашательского курса Садата в ближневосточном урегулировании, но и его отступничества от основных принципов внутренней и внешней политики президента Насера.

Капитулянтству Садата в ближневосточном урегулировании предшествовали политика «открытых дверей» в экономической области, поощрение крупной буржуазии и реакции внутри страны, сговор с ними на межарабской арене, антисоветская кампания, ряд недружественных актов в отношении Советского Союза и других социалистических стран, разрыв в 1976 году в одностороннем порядке Договора о дружбе и сотрудничестве

¹ Newsweek, 5 XII. 1977.

с Советским Союзом. Все это были витки одной спирали — от забвения принципов египетской революции к прямому предательству интересов арабских народов в их борьбе против империализма и сионизма.

Не случайно, очевидно, А. Садат и некоторые из его приближенных, например С. Марей, которые раньше выдавали себя за соратников вождя египетской революции Г. А. Насера, в своих мемуарах фальсифицируют недавние исторические события, всячески чернят деятельность президента Насера.

В автобиографической книге «В поисках самого себя» Садат не скрывает «горячих чувств восхищения», которые он с детства питал к Гитлеру и Муссолини. Получив образование сначала в исламской школе, а затем в королевском военном училище, Садат, по его признанию, и в последующие годы делил свои политические симпатии между фашизмом и реакционной идеологией, проповедуемой мусульманской организацией «Братья-мусульмане».

Первые шаги на политическом поприще Садат делал в рядах реакционной организации «Мыср-аль-Фатат», созданной в Египте в 1935 году при содействии итальянских фашистов. В 1936 году Садат прошел в Италии специальную шестимесячную подготовку, а по возвращении в Египет сотрудничал с немецкой и итальянской разведками. Садат не делает тайны из этих эпизодов своей жизни, признаваясь, что нисколько не сомневался в победе фашистской Германии над союзниками после нападения Гитлера на Советский Союз. Он выдвинул даже свой «план революции» с профашистской ориентацией, который, однако, был отвергнут Насером. Не найдя понимания у египетских «свободных офицеров», Садат в годы войны через немецкого агента пытался оказать посильное содействие в организации фашистского военного путча в Ираке, руководимого Рашидом аль-Гайлани. Садат пытался и сам установить прямые контакты с гитлеровским генералом Роммелем. Он подготовил послание к Роммелю с предложением создать «альянс» в совместной борьбе против «врагов Германии». Хотя Насер и не одобрил подобную идею, Садат, по собственному признанию, пытался лично доставить этот документ Роммелю, однако был арестован англичанами и посажен в каирскую тюрьму¹

Эти эпизоды не только достаточно красноречиво воссоздают политическое лицо Садата, но и указывают на истоки того предательского курса, который он впоследствии проводил.

Хотя Садат и признает в своей книге выдающуюся роль Насера в египетской революции, он не скрывает, что они разошлись во мнениях и в подходе ко многим социально-экономическим и внешнеполитическим проблемам, особенно в оценке роли США. Садат гордится тем, что именно он с первых дней

¹ *Sadat A. In Search of Identity*, p. 32—43

египетской революции устанавливал и постоянно поддерживал доверительные контакты с американским военным атташе и послом США в Каире. Более того, Садат даже обвиняет Насера в том, что его отказ дать «необходимые гарантии» американцам помешал тогда получить от США оружие. О каких «гарантиях» идет речь, нетрудно догадаться. Впрочем, сам Садат уточняет: американцам нужно было только иметь уверенность, что их оружие «никогда не будет использовано против интересов США»¹, то есть и против их креатуры на Ближнем Востоке — сионистского Израиля.

Сетуя на Насера за его «излишнюю настороженность и подозрительность», Садат косвенно дает понять, что — будь его воля — он дал бы подобные гарантии еще в 50-е годы, направил бы египетскую революцию в русло соглашательства с империализмом. Поэтому, очевидно, Насер, по признанию Садата, и не доверял ему. Он обижается, что Насер, в частности, скрыл от него решение о национализации компании Суэцкого канала в 1956 году. Но главный упрек Садата по адресу Насера состоит в том, что из суэцкого кризиса не были сделаны «правильные выводы» и извлечены «полезные уроки». Даже в том, что Египет оказался «на грани прямой конфронтации с США» и на Ближнем Востоке разразилась война, Садат опять же обвиняет Насера, а не израильских агрессоров и их заокеанских покровителей.

Тот факт, что в мемуарах основная вина за неудачи в июньской войне 1967 года возлагается на Насера и затем после его смерти были амнистированы подлинные виновники поражения, дает достаточно оснований предположить о косвенной, если не прямой, причастности Садата к заговору египетской реакции, которая хотела избавиться от Насера еще в июне 1967 года. Однако массовые выступления египетского народа в поддержку президента Насера сорвали эти планы реакции.

После смерти Насера правое крыло египетской буржуазии, позиции которой оставались еще достаточно прочными в стране, сразу же воспрянуло духом. Сравнительно быстрое поправление египетского режима во внутреннем плане и изменение его внешнеполитического курса с резким креном в сторону США — результат не только чисто волюнтаристских шагов Садата, отражавших его давнишние политические взгляды и концепции. Конечно, в такой отсталой стране, как Египет, с непреодоленным до конца наследием колониального прошлого, с отсутствием развитых демократических традиций и доставшимися в наследство от монархического режима глубоко укоренившимися в государственной структуре абсолютистскими и патриархально-феодальными пережитками, личность главы государства и его политические взгляды играют немаловажную роль в определении

---

¹ *Sadat A In Search of Identity*, p. 147.

политики страны. Однако нельзя отрицать и наличие определенных объективных условий, которые облегчили Садату после смерти Насера задачу постепенного свертывания и отмены ряда прогрессивных социально-экономических преобразований, реставрации капитализма в Египте и его самоизоляции в общеарабском фронте борьбы против империализма и сионизма. Этими объективными факторами были противоречивое развитие самой египетской революции, половинчатость и незаконченность социально-экономических и политических преобразований, которые в период Насера не всегда проводились с достаточной решительностью и последовательностью.

Совершив важные прогрессивные сдвиги в экономической и политической сферах, революция не сумела ликвидировать или коренным образом ослабить социальную базу эвентуальной контрреволюции в лице сельской, торговой, бюрократической и военной буржуазии, которая впоследствии стала опорой режима Садата. Революция оказалась отброшенной назад, ибо она опиралась в большей степени на личный авторитет Насера, а не на авангардную политическую партию, вместо которой была создана аморфная, малоэффективная организация Арабский социалистический союз (АСС). В нее сумели проникнуть представители неликвидированных эксплуататорских классов, правого крыла египетской буржуазии, олицетворяемой А. Садатом, С. Мареем, А. Османом и др.

Прежде чем начать свертывание советско-египетского сотрудничества и приступить к сговору с израильскими агрессорами, Садат шаг за шагом шел по пути отступничества от завоеваний египетской революции, от прогрессивного курса президента Насера. Сначала Садат постарался избавиться от наиболее верных соратников президента Насера, которые могли бы оказать решительное противодействие садатовскому курсу.

Летом 1971 года была создана специальная правительственная комиссия, на которую возложили задачу изыскать пути привлечения иностранных инвестиций в Египет. Для облегчения «сближения» с Западом возмещались все убытки, понесенные иностранцами в ходе проведения аграрной реформы, и выплачивалась им компенсация за национализированные предприятия. Позднее в ущерб государственному сектору была полностью реорганизована банковская система. Частные инвесторы, как национальные, так и иностранные, были освобождены от таможенных пошлин и налогов, получив право беспрепятственного перевода капиталов за границу, а также твердые гарантии в том, что их предприятия не будут национализированы. Под предлогом «повышения рентабельности» государственного сектора были разработаны мероприятия, направленные на его ограничение.

От новой ориентации правительства выиграли в первую очередь городская и сельская буржуазия, спекулянты, торгаши,

маклеры, всякого рода посредники — все те, кого египтяне называют «жирными котами». Вновь обретя силу, они в конечном счете быстро взяли под свой контроль государственный аппарат, парализованный бюрократизмом и коррупцией. Буржуазия торжествовала, спеша насладиться жизнью: словно по мановению волшебной палочки, вновь появились фешенебельные рестораны, магазины, ночные кабаре, шикарные лимузины и... толпы безработных.

Поворот к «либерализации экономики» не оставил безучастными народные массы. Об этом свидетельствовали антиправительственные выступления в 1972 году студентов, протестовавших против «сдвига вправо» и требовавших продолжения насеровского курса. В течение всего 1972 года трудящиеся массы выступали с протестами против попыток возродить буржуазию в Египте. Тем не менее правительство продолжало поощрять свободное предпринимательство, нанося серьезный ущерб развитию государственного сектора.

После октябрьской войны 1973 года Садат еще более укрепил альянс с США и реакционными арабскими кругами, ускориł «либерализацию экономики». В конце октября 1973 года было создано новое министерство «реконструкции», которое возглавил крупнейший египетский капиталист-миллионер Ахмед Осман. Летом 1974 года правительство утвердило закон о создании «зона свободной торговли», что расширило возможности иностранного капитала. Согласно новому законодательству, иностранный капитал не мог быть национализирован и на него нельзя было наложить арест. В соответствии с законом о денационализации земли, подписанным в конце июля 1974 года, нескольким тысячам крупных землевладельцев были возвращены ранее конфискованные у них угодья. Тем же законом многие предприятия, национализированные при Насере, были возвращены их бывшим хозяевам. Поощряемые правительством, в Египет возвратились представители крайней реакции, в свое время изгнанные из страны.

Провозглашенная Садатом после октябрьской войны 1973 года политика «открытых дверей» перед западным капиталом привела не к росту иностранных вкладов и занятости населения, а к тому, что в «открытые двери» хлынули все беды и трудности, переживаемые миром капитализма: инфляция, дороговизна жизни, безработица. По официальной статистике, долги по долгосрочным кредитам Египта превысили к 1976 году 15 миллиардов долларов. Только в счет погашения краткосрочных кредитов Каир должен выплачивать не менее 1 миллиарда долларов. Дефицит платежного баланса страны за последнее десятилетие вырос в пять раз и составил в 1976 году 2,2 миллиарда долларов, а пассивное сальдо торгового баланса превысило 3,1 миллиарда долларов¹.

¹ The Middle East and North Africa 1978—1979. London, 1978, p. 304.

Идя по пути уступок иностранному и местному капиталу, правительство Садата в 1975 году приняло новый закон об аграрной реформе, который нанес тяжелый удар по крестьянам. По этому закону арендная плата увеличилась на 20—25 процентов, арендные договоры между землевладельцами и крестьянами предусматривают внесение арендной платы натурой, а не только деньгами. Другими словами, была восстановлена издольщина, что категорически запрещалось после июльской революции 1952 года; землевладельцам разрешалось сгонять крестьян с земли, если они не внесут арендную плату в установленные сроки.

Вскоре после заключения второго синайского соглашения Садат выпустил на свободу многих реакционных политиков, которые были осуждены раньше за контрреволюционную деятельность и сотрудничество с империалистическими разведками. На свободе оказался и агент ЦРУ — бывший редактор газеты «Ахбар аль-Яум» Мустафа Амин, которому Садат разрешил вернуться в ту же газету. Выйдя на волю, Амин на почве антисоветизма нашел полное взаимопонимание и с главным редактором газеты «Аль-Ахбар» Муса Сабри и с самим президентом Сада-том.

В марте 1976 года Садат расторг советско-египетский Договор о дружбе и сотрудничестве. Вслед за этим односторонним шагом Садата по его команде в стране усилилась антисоветская кампания. Египетские органы пропаганды пытались очернить все, что делал и делает Советский Союз для египетского народа. А между тем, как писала алжирская газета «Аль-Муджахид», «мало найдется таких стран, которые бы для другой страны столько сделали, сколько Советский Союз сделал для Египта. СССР, по крайней мере, четырежды на протяжении 10 лет спасал Египет, что представляет собой уже достаточно редкое явление в жизни народов»¹.

Антисоветские шаги египетского руководства были встречены с нескрываемой радостью врагами арабского национально-освободительного движения. Иначе и быть не могло. Ведь эти шаги ослабляли общеарабский фронт борьбы против империализма и сионизма, внесли в него раскол.

Дальнейшие события полностью подтвердили предостережение, которое содержалось в Заявлении Советского правительства по поводу прекращения Договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и АРЕ. В нем особо подчеркивалось, что политика нынешнего руководства Египта идет вразрез с подлинными интересами египетского народа, народов других арабских стран. Подобный курс существенно затрудняет достижение справедливого ближневосточного урегулирования, ослабляет усилия арабских государств с целью добиться освобождения оккупированных Израилем арабских территорий, обеспечить законные

---

¹ Аль-Муджахид, 19 III. 1976.

национальные права арабского народа Палестины. Эта политика идет на пользу только врагам египетского и других арабских народов, силам империализма, сионизма и реакции.

Идя на свертывание военного и политического сотрудничества с Советским Союзом, Садат рассчитывал, что американцы сумеют быстро «оценить и компенсировать» издержки проводимого им курса. Однако, как отмечал в конце 1976 года французский журнал «Монд дипломатик», Египет Садата оказался в двойном тупике: политическом и экономическом. Этими двумя причинами журнал объяснял значительное ухудшение внутренней обстановки.

С начала 1976 года как в Каире, так и в других городах и в сельских местностях происходили столкновения между полицией и населением.

Антинародная политика Садата, затронувшая коренные интересы населения, не могла не вызвать недовольства, в том числе даже в среде либерально настроенной буржуазии, не связанной с западными монополиями. Оппозиционным выступлениям Садат противопоставил репрессии. Однако жесткие меры не могли скрыть провала политики «открытых дверей». В январе 1977 года страну потряс взрыв народного возмущения, вызванный отменой правительственных субсидий на товары первой необходимости.

Хотя в организации этих волнений Садат обвинил «коммунистов», газета «Нью-Йорк таймс» признавала, что сторонником и в какой-то мере вдохновителем политики, приведшей к волнениям, являются Соединенные Штаты, самый влиятельный покровитель Садата. Именно кредиторы Садата — Международный валютный фонд, правительство Соединенных Штатов, частные американские банки — настояли тогда на этом повышении цен.

«Во время волнений, — писала «Нью-Йорк таймс», — не раздавалось возгласов «Долой Соединенные Штаты!», но западные дипломаты говорят, что, поскольку бунтари кричали «Долой Садата!» и «Да здравствует Насер!», они вынесли свое суждение об узах Садата с Америкой»

В области внешних отношений, — откровенничала газета, — благодаря помощи Америки Египет смог вернуть лишь часть оккупированной Израилем территории на Синае. От «челночной дипломатии» государственного секретаря Генри Киссинджера, благодаря которому Египет и Израиль заключили соглашения о разъединении войск, ожидали здесь гораздо большего¹.

Экстремизм, авантюристичность и слишком уж прямолинейная агрессивность позиции нового израильского правительства, равно как и одиозность самой политической фигуры — бывшего террориста М. Бегина, на первых порах вызвали определенное смущение даже в официальном Вашингтоне.

---

¹ The New York Times, 21. I. 1977.

Бегин при первом же своем официальном визите в США не скрывал, что главная цель выдвинутого им «мирного плана» состояла в том, чтобы не допустить возобновления работы Женевской конференции, необходимость и возможность созыва которой были подтверждены администрацией Картера в советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года.

«План Бегина» в то время был отвергнут Садатом как «неприемлемый» в своей основе для ближневосточного урегулирования. Но в то же время Садату импонировало в «плане Бегина» стремление избежать созыва Женевской конференции. В преследовании этой общей цели они руководствовались разными мотивами. Бегин прежде всего не хотел иметь дело на Женевской конференции с объединенной арабской делегацией, включающей представителей ООП, тем более одновременно с несколькими их делегациями, ибо в этом случае нельзя было бы избежать обсуждения палестинской проблемы. Что же касается Садата, то, по мнению многих политических наблюдателей, его главным мотивом было стремление максимально уменьшить роль Советского Союза в ближневосточном урегулировании. Это стремление Садата разделял, конечно, и Бегин. Именно антисоветизм стал одним из отправных пунктов последующего сепаратного египетско-израильского сговора. Каждая из сторон при этом надеялась заработать на антисоветизме наибольший политический, да и финансовый капитал, рассчитывая получить щедрое вознаграждение от США и извлечь кое-какие другие выгоды. Однако, как показали последующие события, Садат явно оказался в просчете. Одно предательство повлекло за собой серию других. Поступившись дружбой с Советским Союзом, Садат затем предал и интересы арабских народов, прежде всего арабского народа Палестины.

В результате Садат, оказавшись в изоляции, вынужден был в конце концов принять почти полностью пресловутый «план Бегина», который отвергался Каиром как «неприемлемый» в конце 1977 года.

Западная печать пыталась представить визит Садата в Иерусалим как некий «непредвиденный» шаг, который якобы заставил администрацию Картера отойти от согласованной с Советским Союзом позиции, нашедшей отражение в советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года. На самом же деле эта акция явилась результатом заранее согласованных действий. В вышедшей уже после встречи в Кэмп-Дэвиде книге директора Вашингтонского центра анализа проблем национальной безопасности М. Гальперина «Совершенно секретно» прямо говорится о том, что к моменту приезда Садата в Иерусалим основные элементы двусторонней египетско-израильской сделки уже были при посредничестве Вашингтона согласованы. «Проблема, которую оставалось решить и которая все

еще не решена,— пишет М. Гальперин,— состоит в том, как от-
вратить от Садата обвинение в предательстве интересов других
арабов»¹.

Конечно же решение Садата посетить Иерусалим, которое он
объявил в Национальном собрании Египта 9 ноября 1977 года,
не было ни «спонтанным шагом», ни «рискованным экспромтом»,
как это пытались представить сначала некоторые иностранные
наблюдатели. Тогда многих из них удивила быстрота, с которой
Бегин отреагировал на зондаж Садата, направив ему пригла-
шение посетить Иерусалим, несмотря на возражение всех членов
израильского кабинета. Однако это тоже не было случайностью.

Как явствует из книги хорошо осведомленного американского
журналиста С. Циона и связанного с разведкой Тель-Авива из-
раильского публициста У. Дана, озаглавленной «Тайны ближне-
восточного мира», которая вышла вскоре после подписания
кэмп-дэвидских соглашений, встречные «рискованные» шаги Са-
дата и Бегина были заранее подготовлены спецслужбами Из-
раиля и Египта. Они начали сотрудничать между собой сразу
же после прихода к власти правительства блока «Ликуд». Лично
по приказу Бегина начальник израильской разведки передал не
через ЦРУ США, как это обычно делалось раньше, а непосред-
ственно египетским властям «полученные» или сфабрикованные
Тель-Авивом «секретные данные» о готовящемся якобы с уча-
стием Ливии заговоре против Садата. Шеф израильской развед-
ки с этой целью специально встретился в третьей стране со
своим египетским коллегой, генералом Камалем Хасаном Али,
ставшим впоследствии министром обороны. Результаты встречи
быстро дали о себе знать. Сначала в Каире произошли широ-
кие аресты лиц, списки которых были составлены в Тель-Авиве,
а через пять дней, после возвращения К. Х. Али в Каир, Египет
совершил вооруженное вторжение в Ливию. «И не случайно,—
свидетельствуют Цион и Дан,— в те дни Бегин с высокой три-
буны кнессета заявил, что Израиль не предпримет ничего, чтобы
сковать египтян на Синае, пока они действуют в Ливии»². По-
доплеку этого «непонятого» заявления прояснили позднее тре-
вожные сообщения информационных агентств о новом сосре-
доточении египетских войск на границе с Ливией, начавшемся
после визита Садата в Иерусалим.

Закулисные шаги по сближению Тель-Авива и Каира на вы-
соком уровне были предприняты еще в середине сентября
1977 года. На этот раз, как пишут Цион и Дан, министр ино-
странных дел М. Даян по пути в Нью-Йорк тайно встретился,
опять же в третьей стране, с личным представителем Садата,
его доверенным лицом в ранге министра Хасаном Тухами.
В личном докладе Бегину о результатах сверхсекретных пере-

¹ New Republic, 3. III. 1978.

² Jeune Afrique, 7 Mars 1979, p. 48.

говоров Даян уже тогда сделал заключение, что Садат готов «конфиденциально» встретиться с израильским премьер-министром для обсуждения с ним «по крайней мере договора о прекращении войны» или заключения сепаратного «мирного договора» между Египтом и Израилем¹.

Когда Садат под звуки фанфар и перед объективами фотоаппаратов, кино- и телекамер обходил в Иерусалиме выстроенный в его честь почетный караул, ему казалось, что теперь он лично, а не кто-либо другой, держит в руках ключ к миру на Ближнем Востоке. Но очень скоро он убедился, что его «историческая миссия» свелась лишь к политическому спектаклю. Предпринятый им «смелый шаг» оказался шагом не к справедливому миру, а к унижительной капитуляции. Вот почему Садату аплодировали в израильском кнессете, но не в арабских кварталах Иерусалима.

Когда Садат по случаю самого большого мусульманского праздника — жертвоприношения присутствовал на религиозной службе в знаменитой мечете «Аль-Акса» в оккупированной восточной части Иерусалима, собравшиеся у мечети арабы встретили его почти в гробовой тишине. Выражая их чувства, мулла мечети, по свидетельству сопровождавших Садата журналистов, саркастически произнес вместо приветствий горькие слова: «Мы ждали Аладдина, а прибыл Садат. Без огня, без факела, без волшебной лампы, с одной лишь коптящей свечой, неверный свет которой умножил призраки беспокойства и недоверия, омрачающие арабский мир»

«У всех присутствующих,— писал в те дни алжирский журнал «Революсьон африкэн»,— было такое чувство, что Садат пришел в святыню мусульманского мира не для того, чтобы по традиции принести на заклание «ягненка», а пожертвовать всем, за что в течение многих лет боролись арабские народы, отстаивая свою свободу и независимость».

Как ни старался Садат, но Аладдина — «чудотворца» — из него не получилось. После первых же переговоров с Бегинном Садат убедился, что Израиль не пойдет ни на какие уступки. Правда, он все еще надеялся, что американцы все-таки заставят Бегина смягчить свою позицию.

Надежды Садата на последовавшую в декабре 1977 года встречу в Каире с израильскими представителями при посредничестве американцев и на переговоры Картера с Бегинном в Вашингтоне также не оправдались. В каирской встрече, которую пытались представить как подготовительную к Женевской конференции, никто, кроме Израиля, Египта и США, принять участие не согласился.

Чтобы облегчить Садату заключение сделки с Израилем на основе выдвинутого Бегинном «мирного плана», на Ближний Во-

---

¹ Jeune Afrique, 7 Mars 1979, p. 47.

сток в декабре 1977 года срочно прибыл государственный секретарь США С. Вэнс, который затем выступил посредником в сепаратных египетско-израильских переговорах. В ходе своего ближневосточного турне С. Вэнс безуспешно пытался оживить «поэтапную дипломатию», подтолкнуть других арабских руководителей, чтобы они последовали примеру Каира.

С. Вэнс заверил Израиль в «неизменной поддержке» США и подтвердил готовность выполнить все взятые обязательства по укреплению его военного и экономического потенциала.

Присутствие американцев на сепаратных египетско-израильских переговорах не помогло смягчить позицию Тель-Авива. Не сумел этого сделать и лично президент США Картер, который в конце 1977 года вел переговоры с Бегинем в Вашингтоне. Безрезультатными оказались также переговоры Картера с королями Иордании, Саудовской Аравии и самим Садатом в Асуане в первые дни 1978 года, когда президент США совершал зарубежное турне. Даже госдепартамент вынужден был тогда официально предостеречь участников сепаратных переговоров против «чрезмерного оптимизма».

Ни о каком, естественно, «оптимизме» не могло быть и речи, ибо ни переговоры в Каире с официальным израильским представителем Бен-Элиссаром, ни короткий обмен мнениями с прибывшим туда министром обороны Израиля генералом Э. Вейцманом, ни последовавшая затем встреча Садата с премьер-министром Бегинем не принесли никаких конкретных результатов, кроме договоренности о создании военного и политического «рабочих комитетов» для продолжения консультаций.

В Вашингтоне, однако, не теряли надежд, что в результате сепаратных египетско-израильских переговоров удастся решить заранее главные проблемы урегулирования, которые не только бы касались Египта, но и хотя бы в слабой степени удовлетворяли Иорданию. Это позволило бы, как писал журнал «Ньюсуик», поставить Женевскую конференцию перед совершившимся фактом¹.

Но этот маневр был сразу разгадан Советским Союзом и другими эвентуальными участниками Женевской конференции. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев, отвечая на вопрос корреспондента «Правды» о возможном развитии событий на Ближнем Востоке в сложившейся обстановке, заявил: «...СССР — сторонник созыва Женевской конференции, причем в условиях, которые исключали бы ее превращение в ширму, прикрывающую сепаратные сделки в ущерб интересам арабов и делу справедливого и прочного мира».

«Мы отнюдь не считаем,— подчеркнул Л. И. Брежнев,— что путь односторонних уступок Израилю и сепаратных переговоров

¹ Newsweek, 5. XII. 1977.

с ним — таких, как пресловутые переговоры египетских и израильских руководителей, — ведет к этой цели. Напротив, он уходит от нее, создавая глубокий раскол в арабском мире. Это — линия на срыв подлинного урегулирования, и прежде всего на подрыв Женевской конференции еще до ее начала.

А усиленное расхваливание воображаемых «преимуществ» так называемых прямых переговоров, то есть переговоров Израиля с каждой из подвергшихся его нападению стран, есть, по сути дела, не что иное, как попытка лишить арабов силы, которая заключается в их единстве и в поддержке их справедливого дела дружественными государствами¹.

Садат, убедившись в тщетности усилий заставить Тель-Авив пойти на какие-либо существенные уступки, вынужден был в целях маневрирования отозвать египетскую делегацию во главе с министром иностранных дел М. Камелем из Иерусалима. Переговоры, как заявил официально египетский министр, оказались в «порочном кругу ястребиной позиции» израильских руководителей. Однако «драматические» демарши Садата никак не повлияли на Тель-Авив.

Тем не менее Садат, как он заявил вскоре после возвращения из Иерусалима, решил «дойти по начатому пути до конца».

Первые же встречи египетских и израильских представителей, а также новый тур переговоров Садата с Бегинем в Исмаилии, затем — с министром обороны Вейцманом в Асуане показали, что Израиль вовсе не намерен уходить с оккупированных им арабских земель.

Двусторонние переговоры из-за их полной бесперспективности в конце января 1978 года были прерваны.

В начале февраля 1978 года Садат совершил длительное турне по Соединенным Штатам и ряду стран Западной Европы. В Вашингтоне ему был оказан пышный прием. Садата с супругой принимали не только в Белом доме, но и в загородной резиденции президента. Садат получил там много обещаний и заверений. Однако в их подлинной цене Садат имел возможность убедиться уже через несколько недель. Посетивший Вашингтон вслед за Садатом израильский премьер-министр Бегин добился гораздо большего. Он получил не пустые обещания, а твердые гарантии в неизменности американской поддержки Израиля, и в частности в ускорении поставок различных видов современного оружия.

Вашингтон попытался вывести сепаратную дипломатию из создавшегося тупика. Поскольку израильская позиция оставалась неизменной, был только один выход — заставить пойти на уступки Каир. И эти уступки были сделаны в самом главном — в палестинской проблеме. В интервью одному американскому журналисту Садат уже в мае 1978 года дал понять, что готов во имя достижения сепаратного соглашения с Израилем фактически

---

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 6, с. 645—646.

пожертвовать национальными правами арабского палестинского народа и интересами Сирии. Суть преданного гласности нового египетского плана, который был результатом совместных усилий США и Египта, сводился к следующему. На пятилетний срок предлагалось передать палестинские земли, оккупированные Израилем, под контроль соответственно Иордании (Западный берег) и Египта (сектор Газа) с установлением там — по аналогии с израильским планом — местного самоуправления и постепенным выводом оттуда израильских войск. Ни об Организации освобождения Палестины, ни о Голанских высотах в плане не было даже упоминания. Американская печать, с одобрением отозвавшись о египетских предложениях, пыталась убедить Тель-Авив, что они в значительной степени «перекликаются» с «планом Бегина». Тем не менее Израиль отверг эти предложения, даже до того, как они официально были преданы гласности.

И вновь Садат пошел на попятную.

На состоявшейся 13 июня 1978 года в Зальцбурге встрече с израильским министром обороны Вейцманом Садат внес «модифицированные» предложения, которые благословляли «временное военное присутствие» Израиля на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, а также сохранение там израильских военизированных поселений. Более того, Садат даже соглашался и на «некоторое изменение» существовавших до 1967 года границ этих территорий.

Но все-таки и этих уступок Тель-Авиву было недостаточно. Он требовал от Садата не уступок, а фактической капитуляции. Это стало совершенно очевидно на созванной по американской инициативе трехсторонней встрече министров иностранных дел Египта, Израиля и США, которая состоялась 18—19 июля в английском городке Лидсе. Несмотря на заверения египтян о готовности внести некоторые новые изменения в свои предложения, Израиль отказался пойти хотя бы на чисто символические уступки. Стороны не сумели даже выполнить возлагавшуюся на них минимальную задачу: «разработать хотя бы механизм для продолжения переговоров».

Стало ясно, что дал осечку весь механизм «сбалансированной» ближневосточной политики США. Тогда Вашингтон перевел стрелку в Кэмп-Дэвид. Ближневосточное урегулирование было направлено из одного тупика в другой.

Иллюзии Кэмп-Дэвида

В живописных горах Катоктин, в штате Мэриленд, расположилась в густых зарослях деревьев загородная резиденция президентов США — Кэмп-Дэвид. Обычно здесь президенты отдыхают. Иногда в Кэмп-Дэвиде принимают высоких гостей, кото-

рым предлагают провести досуг в кругу ближайших помощников президента. В такие дни аллеи парка и площадка перед президентской виллой в Кэмп-Дэвиде заполняются журналистами, фото-, теле- и кинорепортерами.

Президент Картер в начале сентября 1978 года нарушил эти традиции. В течение 13 дней и ночей в Кэмп-Дэвиде не отдыхали, а вели «изнуряющие переговоры» по многу часов подряд, иногда даже за счет сна. Напряженно работали президент, государственный секретарь, их помощники. Не до отдыха было и гостям Картера — президенту Египта Садату и премьер-министру Израиля Бегину, которых сопровождали их министры иностранных дел.

Переговоры проходили в обстановке полной секретности и даже таинственности. На этот раз охотившихся за сенсациями журналистов и репортеров не подпустили к Кэмп-Дэвиду и на пушечный выстрел. Уже сам по себе этот факт был большой сенсацией с точки зрения американских журналистов. По словам «Вашингтон пост», это означало фактически «поворот почти на 180°» в образе действий администрации Картера. Ведь не кто иной, как сам Джимми Картер совсем еще недавно объяснял неудачи внешней политики США именно тем, что «американский народ держат в неведении о происходящем»¹.

Когда же предали, наконец, гласности результаты проходивших в Кэмп-Дэвиде переговоров, подтвердилось — на этот раз уже документально, — что «поворот почти на 180°» был сделан не только в протокольных вопросах, но и в самой позиции администрации Картера по проблемам ближневосточного урегулирования.

Незадолго до вступления на пост президента Дж. Картер обещал разработать некий «более гибкий и эффективный» курс ближневосточной политики. Отправным пунктом этого курса должен был стать вывод о том, что «частичные меры» так называемой «поэтапной дипломатии» Г. Киссинджера исчерпали себя². Такой вывод был вполне закономерен. Ведь даже сам творец «поэтапной дипломатии» Г. Киссинджер к тому времени сделал весьма знаменательное признание, что «следующим логическим шагом на Ближнем Востоке должно быть всеобъемлющее урегулирование».

В основу разрабатываемого «нового» ближневосточного курса администрации Картера должны были, как полагали, лечь рекомендации авторов специального коллективного исследования Брукингского института в Вашингтоне, который был подготовлен в конце 1976 года 16 видными американскими учеными-политологами и дипломатами. Многие из них, например З. Бжезинский, заняли впоследствии важные посты в верхнем эшелоне администрации Картера.

¹ США: экономика, политика, идеология, 1978, № 11, с. 59.

² Jeune Afrique, 14 Mars 1979, p. 76.

Авторы этого исследования, признав, что на Ближнем Востоке время начинает работать против США и «лучшим способом решения назревших проблем является достижение всеобъемлющего соглашения», сделали выводы, которые можно свести к трем ключевым положениям. Во-первых, подтверждалась необходимость «обеспечения мира и безопасности» Израиля, а также признания этого требования арабами; во-вторых, признавалось, что Израиль должен дать обязательство вывести свои войска с территорий, оккупированных в июне 1967 года, с взаимоприемлемыми изменениями границ, которые могут быть «согласованы заинтересованными сторонами»; в-третьих, подчеркивалась важность «концентрации усилий на переговорах о всеобъемлющем урегулировании, которое не может быть достигнуто без признания Израилем принципа самоопределения палестинцев вплоть до, как крайней альтернативы, возможности создания независимого палестинского государства»¹.

При всей половинчатости и некоторой расплывчатости положений этой программы в ней были зафиксированы положительные моменты, которые явно вступали в противоречие с откровенно экстремистским агрессивным курсом правительства Бегина.

Однако первые же шаги администрации Картера были приняты ею в том же направлении, в котором двигал ближневосточное урегулирование Г. Киссинджер.

Тем не менее опыт, извлеченный из безуспешных попыток возродить «поэтаную дипломатию», очевидно, подвел Вашингтон к необходимости признания того, что Советский Союз и США, как это было отмечено в совместном советско-американском сообщении о результатах переговоров А. А. Громько с госсекретарем С. Вэнсом 18—20 мая 1977 года, должны направлять совместные усилия на возобновление Женевской конференции в течение осени 1977 года. Признавая важность тщательности подготовки этой конференции, стороны условились также действовать в этом направлении и в своих контактах со сторонами, непосредственно вовлеченными в конфликт².

Выступая на одном из публичных митингов в штате Массачусетс, Дж. Картер в несколько туманной формулировке все же признал право за палестинскими беженцами иметь «свое отечество». Но и это осторожное заявление вызвало тогда негодование официального Тель-Авива.

В американской политической литературе и в периодической печати часто выдвигается тезис о «непослушности» Израиля, о «невозможности» воздействовать на него в нужном направлении, удержать его от вооруженных акций против арабов или пойти на какие-либо уступки в переговорах с ними. Цель подобной обработки общественного мнения состоит в том, чтобы, во-первых,

¹ Toward Peace in the Middle East. Report of a Study Group. Washington, 1976, p. 2—17.

² См.: Правда, 1977, 22 мая.

оправдать «неизбежность» и даже некую закономерность агрессивных устремлений Израиля против арабских государств, вторых, использовать Тель-Авив наряду с другим таким «неконтролируемым» элементом в лице Пекина для срыва разрядки международной напряженности в глобальном масштабе, в-третьих, доказать непричастность Вашингтона к их авантюристическим акциям.

Несостоятельность таких «теорий» слишком очевидна. Они опровергаются многими фактами и признаниями самих израильских руководителей.

Ведь на первых порах администрация Картера сумела найти нужные рычаги для воздействия даже на таких «несговорчивых» израильских деятелей, как правоэкстремистский лидер М. Бегин.

В условиях наметившейся согласованности действий США и Советского Союза по вопросам ближневосточного урегулирования Бегин вынужден был заявить во время своего первого визита в США летом 1977 года, что «израильское правительство готово начиная с сентября 1977 года участвовать в новой дополнительной сессии Женевской мирной конференции»¹. Необходимость созыва этой конференции была после этого подтверждена и правительством Картера в совместном советско-американском заявлении по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года.

Но, как это уже бывало не раз, когда намечался какой-то реальный сдвиг в пользу разрядки международной напряженности, сразу же начинали действовать ее противники. Атаку на разрядку и торпедирование Женевской конференции почти одновременно начали проводить не только сионистское лобби и милитаристские круги США, но и Тель-Авив и Каир, каждый в своем направлении и на свой манер.

В книге Циона и Дана приводится чуть ли не в стенографической записи беседа Дж. Картера с министром иностранных дел Израиля М. Даяном, который, прибыв в США сразу после опубликования советско-американского заявления по Ближнему Востоку, на вопрос президента, что «не устраивает» Тель-Авив в этом заявлении, односложно ответил:

— Все!

— Но давайте разберем его по пунктам! — предложил Дж. Картер.

— Бесплезно! — отрезал Даян. — Достаточно, что вы опять вводите в игру русских. Вы должны знать, что Израиль никогда не согласится на независимое палестинское государство, как бы оно ни называлось, и ни за что не сядет за стол переговоров в Женеве с каким бы то ни было представителем ООП!²

Этот диалог весьма красноречиво говорит об отношении Тель-Авива к перспективе созыва Женевской конференции.

¹ The New York Times, 21. VII. 1977.

² Jeune Afrique, 14 Mars 1979.

Хотя ключевые вопросы возобновления работы Женевской конференции, казалось, были решены, Израиль, используя капитулянтский курс Садата, по существу, торпедировал созыв конференции и направил урегулирование в русло нового тура сепаратных переговоров. Это было сделано конечно же не без активного содействия Вашингтона. Отступив от собственных международных обязательств и договоренностей, США согласились на этот раз на роль официального соучастника сепаратных сделок, надеясь укрепить свои военные и политические позиции на Ближнем Востоке.

В начале августа 1978 года государственный секретарь США С. Вэнс совершил новую поездку на Ближний Восток. Он вручил А. Садату и М. Бегину официальное приглашение президента Дж. Картера прибыть в Кэмп-Дэвид для «деблокирования» зашедших в тупик переговоров. Конечно, их сепаратный характер отрицали и Вашингтон и Каир. С этой целью Вэнс предпринял безуспешную попытку склонить к участию в этих переговорах хотя бы Иорданию. Садат, со своей стороны, направил главам ряда арабских государств личные послания, в которых пытался доказать, будто он едет в Кэмп-Дэвид не для заключения сепаратного договора с Израилем, а для выработки «общих принципов» ближневосточного урегулирования.

Однако на переговорах с израильскими руководителями в Кэмп-Дэвиде Садат был более искренен, чем с арабскими лидерами. Не случайно, как свидетельствуют Цион и Дан, после длительной беседы с Садатом с глазу на глаз Даян пришел к твердому заключению, что Египет действительно готов пойти на заключение сепаратного мира и что «соглашение может быть заключено и без короля Хусейна»¹.

Вашингтон и Каир, конечно, в большей степени, чем Тель-Авив, хотели согласовать и некоторые «общие принципы» урегулирования, которые нужны были по крайней мере как ширма для прикрытия сепаратной египетско-израильской сделки. Однако именно по этим «общим принципам» обнаружились самые большие разногласия между Садатом и Бегиним. Это были скорее разногласия по тактике, а не по принципам готовившейся сепаратной сделки. Тем не менее уже в процессе подготовки встречи в Кэмп-Дэвиде Вашингтон попытался сблизить позиции Каира и Тель-Авива. И это сближение было осуществлено не столько на базе взаимных уступок, сколько на основе встречного американского варианта урегулирования. Но этот «компромисс» был достигнут за счет полного пересмотра согласованных в советско-американском заявлении основ ближневосточного урегулирования.

Ревизия произошла по трем главным направлениям в сторону сближения позиций США и Израиля, а также отхода от тех ре-

---

¹ Jeune Afrique, 4 Avril 1979.

комендаций, которые содержались в упоминавшемся коллективном исследовании Брукингского института.

Во-первых, частичный отвод израильских войск осуществлялся не со всех оккупированных в 1967 году арабских земель, а только с Синая, и не как этап всеобщего урегулирования. По существу, еще до начала переговоров в Кэмп-Дэвиде США признали «правомерность» территориальных притязаний Израиля, выдвинув идею о необходимости проведения «различия» между «оборонительными линиями» («безопасностью») Израиля и «юридическими границами» («суверенитетом») арабских государств, которые, дескать, не обязательно должны «совпадать» друг с другом. Это означало подмену требования полного вывода израильских войск частичным, и не к границам, существовавшим до июньской войны 1967 года, а к неким «оборонительным линиям» по усмотрению Тель-Авива.

Во-вторых, американо-израильско-египетский сговор оформлялся за счет коренных интересов арабского народа Палестины. От признания необходимости «отечества» для палестинцев администрация Картера сползла к прямому отрицанию неотъемлемого права палестинцев на самоопределение и создание собственного государства, взяв одновременно курс на игнорирование единственного законного представителя палестинского народа — ООП.

В-третьих, международные гарантии, которые должны были обеспечить надежность ближневосточного урегулирования и безопасность конфликтующих сторон, подменялись односторонними обязательствами США в отношении участников сепаратного сговора, предусматривающими увеличение поставок им американского оружия и наращивание прямого «военного присутствия» США на Ближнем Востоке, что само по себе создавало дополнительную угрозу миру и стабильности в этом регионе. Это означало фактически замену политического урегулирования ближневосточного конфликта созданием нового военно-политического альянса, с помощью которого США стремились укрепить свои позиции на Ближнем Востоке.

Такие действия означали вместе с тем пересмотр собственной позиции США, которую они официально провозглашали сразу после октябрьской войны 1973 года. Тогда они выдвигали идею о «нежелательности» непосредственного военного присутствия великих держав в районе арабо-израильского конфликта. Отход от этого принципа еще больше усложнял и обострял обстановку на Ближнем Востоке.

Направления, по которым было достигнуто сближение позиций участников встречи в Кэмп-Дэвиде еще до начала сепаратных переговоров, в значительной степени определили характер и содержание разработанных там документов. Туман таинственности, атмосфера секретности и просачивание сенсационных слухов об угрозе срыва переговоров в Кэмп-Дэвиде инспирирова-

лись специально, чтобы выдать беспринципный торг за отстаивание сторонами каких-то мнимо важных принципов, создать видимость титанических усилий в преодолении невероятных трудностей и в конечном итоге намеренно драматизировать возможные чуть ли не катастрофические последствия недооценки или бойкотирования достигнутых там соглашений.

«Никто,— заявил Дж. Картер по окончании кэмп-дэвидских переговоров,— не должен недооценивать историческое значение сделанного... Встреча на высшем уровне превзошла наши ожидания, позволив выработать «поистине всеобъемлющие и справедливые рамки для мира на Ближнем Востоке»¹.

Премьер-министр Израиля М. Бегин охарактеризовал переговоры в Кэмп-Дэвиде как «уникальное совещание, возможно, одно из самых важных после Венского конгресса в XIX веке».

Еще более высокую оценку встрече в Кэмп-Дэвиде дал президент А. Садат, назвав ее «великой победой Египта, Израиля и всего человечества»².

Совсем по-иному оценили итоги кэмп-дэвидской встречи руководители арабских стран, многие политические деятели других государств и в целом мировая печать. Составленные в Кэмп-Дэвиде так называемые «Рамки мира на Ближнем Востоке» и «Рамки для заключения мирного договора между Египтом и Израилем» сразу же затрещали и зашатались, как только были предъявлены на суд мирового общественного мнения. Несмотря на все недомолвки участников сделки и намеренно туманные формулировки, содержащиеся в этих документах, всем было ясно, что в Кэмп-Дэвиде был оформлен фактический отказ Вашингтона, Тель-Авива и Каира от основополагающих принципов ближневосточного урегулирования, которые содержатся в ряде резолюций Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН.

В «рамках» Кэмп-Дэвида высокопарно декларировалось: «Мир предусматривает уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости каждого государства в данном регионе и признание его права жить в мире в пределах границ, надежно обеспечивающих его безопасность и признаваемых другими государствами, не подвергаясь угрозам и не становясь объектом насилия»³. Но эти высокопарные слова полностью противоречили действительности.

Как можно было говорить, например, об уважении суверенитета и политической независимости Иордании, если в Кэмп-Дэвиде без участия этой страны заранее предписали, как ей нужно действовать, и даже попытались навязать ей определенные обязательства, попирая суверенные права иорданского государства?

Как можно говорить о территориальной целостности Сирии,

¹ США. экономика, политика, идеология, 1978, № 11, с. 59

² Там же, с. 59—60.

³ A Framework for Peace in the Middle East. Agreed at Camp David. Office of the White House Press Secretary. September 18, 1978, p. 1.

если Израиль продолжает оккупировать значительную часть ее территории, а в «рамках мира» даже нет и намека на готовность Тель-Авива обсудить вопрос об отводе израильских войск с Голанских высот?

О каком признании «права жить в мире» в пределах «безопасных границ» может идти речь, если израильская военщина в те дни постоянно нарушала границы Ливана, сеяла смерть в ливанских городах и селах, проводила демонстрацию силы у его границ и угрожала новым вторжением и оккупацией его южных районов? Никаких обязательств воздерживаться от подобных действий в будущем Тель-Авив и не думал на себя брать.

Не только арабская, но и мировая общественность расценила поэтому соглашения, достигнутые в Кэмп-Дэвиде, как антиарабскую сделку. И в этом действительно нетрудно было убедиться. Вне «рамок» выработанной в Кэмп-Дэвиде иллюзорной схемы мира на Ближнем Востоке оставались главные требования арабов о выводе израильских войск с оккупированных в 1967 году территорий, об уважении их национальных и суверенных прав. Соглашения имели особенно ярко выраженную антипалестинскую направленность. В документах Кэмп-Дэвида ни слова не говорилось ни о палестинском государстве, ни об Организации освобождения Палестины, единственном законном представителе палестинского народа. Упоминаемое же участниками торга в Кэмп-Дэвиде так называемое право палестинцев на самоуправление на поверку оказывалось чистой фикцией, поскольку палестинские земли оставались под военно-политическим контролем Израиля, не говоря уж об Иерусалиме. Даже в состав делегации для переговоров об условиях создания органов самоуправления на Западном берегу Иордана и в секторе Газа могли быть включены лишь те палестинцы, которые нравятся Израилю или Египту. Не случайно Бегин предложил вообще называть палестинцев Западного берега реки Иордан и сектора Газа «арабами государства Израиль». Хотя документы Кэмп-Дэвида отражали сепаратный характер египетско-израильского сговора, они, по существу, имели и антиегипетскую направленность. Египту фактически были продиктованы условия для заключения в трехмесячный срок сепаратного соглашения, признающие лишь его ограниченный суверенитет над Синаем, откуда Израиль обязывался вывести свои войска не раньше чем через два три года¹. Иностранная печать не без основания связывала эти сроки с политическими соображениями Бегина, который, таким образом, обеспечил отсрочку отвода израильских войск по крайней мере до новых выборов в Израиле в 1980 году.

Как ни пытался Садат создать впечатление о тесной увязке египетско-израильского соглашения с общим урегулированием

---

¹ A Framework for the Conclusion of a Peace Treaty between Egypt and Israel, p. 3.

на Ближнем Востоке, его сепаратная сущность была совершенно очевидна.

Капитулянтский, унижительный для Египта характер кэмп-дэвидских документов настолько бросался в глаза, что от них отмежевался даже сопровождавший Садата в Иерусалим и в Кэмп-Дэвид министр иностранных дел М. Камель, который подал в отставку. Садат поспешил по возвращении в Египет провести реорганизацию правительства. Большинство министров и военных руководителей страны было заменено. Вместо генерала Гамаси на пост министра обороны был назначен бывший начальник контрразведки, прошедший незадолго до этого специальную подготовку в США, генерал Али, который по поручению Садата осуществлял секретные контакты с израильскими руководителями до поездки египетского президента в Иерусалим.

Против кэмп-дэвидских соглашений решительно выступили все оставшиеся в живых члены Совета руководства революцией, возглавившего июльскую революцию 1952 года в Египте,— А. Багдади, З. Мохи эд-Дин, Х. аш-Шафии, К Хусейн, которые занимали при Насере высокие государственные посты. Они охарактеризовали эти документы как отступничество от основных принципов египетской революции, измену общеарабскому делу борьбы против империализма и сионизма, как попытку навязать Египту «фальшивый мир, ведущий к потере плодов прошлой борьбы и надежд на будущее», а также своеобразную форму американско-израильского неокOLONиализма, стремящегося отторгнуть часть оккупированных земель или ограничить арабский суверенитет над ними.

По свидетельству иностранной печати, помимо официальных документов, подписанных в Кэмп-Дэвиде, там был оговорен и ряд секретных двусторонних соглашений между участниками переговоров. Содержание этих секретных соглашений, как оно было изложено в журнале «Жен Африк» 2 октября 1978 года, а затем, по существу, подтверждено 10 ноября 1978 года американским журналом «Севен дейз», раскрывает механизм тройственного неокOLONиалистского заговора с участием американского империализма, сионистского Израиля и Египта, а также распределение ролей между ними.

Не успели, как говорится, просохнуть чернила на официальных и секретных документах Кэмп-Дэвида, как Бегин сделал ряд «уточнений», подтвердив их подлинный смысл и антиарабский характер. Бегин заявил руководителям еврейской общины в Нью-Йорке, что Израиль сохранит свое военное присутствие на Западном берегу и после истечения пяти лет и будет добиваться от Картера, чтобы Восточный Иерусалим, захваченный во время войны 1967 года, рассматривался бы не как «спорная» территория, а как неотъемлемая часть столицы Израиля.

В отношении израильских поселений на оккупированных

арабских землях Бегин также поспешил сделать оговорку, что этот вопрос «еще далек от своего окончательного решения» и речь пока идет лишь об объявлении моратория на создание новых поселений сроком на три месяца. Такие «уточняющие» заявления Бегина заставили президента Картера срочно направить вдогонку Садату «успокоительное» письмо и тут же откомандировать С. Вэнса на Ближний Восток, чтобы обеспечить необходимые подпорки зашатавшимся «рамкам» Кэмп-Дэвида.

В международной практике обычно не принято проявлять спешки в оценке дипломатических документов, тем более когда они касаются путей урегулирования длительного конфликта и заключения мира. На этот раз реакция общественности и правительств большинства арабских государств была мгновенной. Она опередила даже сверхзвуковые самолеты, на которых Садат и Бегин возвращались домой.

Руководители Алжира, Сирии, Ливии, НДРЙ и Организации освобождения Палестины решительно осудили тройственный сговор в Кэмп-Дэвиде. На состоявшемся в Дамаске в сентябре 1978 года совещании глав арабских стран, создавший Национальный фронт стойкости и противодействия, его участники не только разоблачили цели этого заговора, но и обсудили пути его срыва. Они подчеркнули важность для достижения этой цели укрепления арабского единства на антиимпериалистической основе, расширения и развития сотрудничества с силами мирового революционного движения, особенно с государствами социалистического содружества, и в первую очередь с Советским Союзом.

Правительство Ирака также решительно осудило итоги переговоров в Кэмп-Дэвиде. О неприемлемости составленных в Кэмп-Дэвиде «рамки» как основы для ближневосточного урегулирования заявили Саудовская Аравия, Иордания, Тунис, Ливан, Кувейт, Катар, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты.

В Вашингтоне все же питали надежды на возможность подключения к кэмп-дэвидским соглашениям Иордании. Соглашению короля Хусейна присоединиться к продолжению переговоров придавалось особенно большое значение. И Садат, и Картер приложили, по свидетельству иностранной печати, немало усилий, чтобы добиться от Иордании такого согласия. Когда же это не удалось, последние надежды возлагались на запланированную на обратном пути из США встречу Садата с королем Хусейном. Однако эта встреча не состоялась.

Правительство Иордании недвусмысленно заявило, что любое окончательное и справедливое урегулирование непременно должно предусматривать уход Израиля со всех оккупированных арабских территорий и право палестинского народа на самоопределение в рамках мирного и всеобъемлющего урегулирования.

Реакция арабской общественности, особенно палестинцев, была еще более резкой и бурной. В Багдаде, Аммане, Бейруте, Дамаске, Хартуме и других арабских столицах состоялись массовые демонстрации протеста против заключенной в Кэмп-Дэвиде сделки за счет арабского палестинского народа. В Рамаллахе, Наблусе и ряде других городов на Западном берегу Иордана были объявлены всеобщие забастовки, закрыты все учреждения, школы и магазины. На улицах появились баррикады. Израильские войска, которые Бегин обещал со временем вывести, снова были пущены в ход, и вовсе не для обеспечения «безопасности» границ Израиля, а для выполнения карательных полицейских функций. Опять загремели выстрелы, и мостовые улицы обгарились кровью мирных жителей.

Волна протестов прокатилась по всему арабскому миру. В этих условиях даже правительства тех арабских государств, на благосклонное отношение которых особенно рассчитывали Вашингтон и Каир, не решились выступать с открытой поддержкой подписанных в Кэмп-Дэвиде соглашений. Переговоры государственного секретаря Вэнса в Аммане и Эр-Рияде закончились безрезультатно.

Подписанные в Кэмп-Дэвиде соглашения фактически означали, как подчеркнул в Заявлении совещания коммунистических и рабочих партий арабских стран, состоявшегося в декабре 1978 года, «оформление египетско-израильско-американского союза, направленного против арабского и африканского национально-освободительного движения»¹. Вот почему режим Садата, ставший соучастником этого откровенно неоколониалистского заговора, оказался в арабском мире после Кэмп-Дэвида в еще большей изоляции, чем раньше. Главы арабских государств — участники Национального фронта стойкости и противодействия, принявшие еще на декабрьском (1977 года) совещании в Триполи решение о разрыве всех отношений с Египтом, предупредили Каир, что в случае подписания египетско-израильского сепаратного договора изоляция АРЕ примет общеарабский характер.

Это предупреждение было подтверждено главами арабских государств и правительств, которые на созванном в ноябре 1978 года в Багдаде совещании в арабских верхах единодушно выступили против сепаратного египетско-израильского договора.

Совещание приняло решение о разрыве дипломатических и всех других отношений с Египтом, о приостановлении его членства в Лиге арабских стран, и оно было реализовано сразу после подписания сепаратного египетско-израильского договора. Был выработан ряд других практических мер по противодействию капитулянтскому курсу Египта и новому неоколониалистскому заговору на Арабском Востоке. Совещание позволило

---

¹ Правда, 1979, 13 января.

укрепить сотрудничество между различными отрядами революционных сил арабского мира, расширить антиимпериалистический фронт борьбы. С передовыми арабскими странами в большей степени стали координировать свою политику монархические государства — Иордания, Саудовская Аравия, Кувейт, другие княжества Персидского залива, которых до этого Вашингтон рассматривал как своих потенциальных союзников.

С участием нефтедобывающих арабских государств был создан специальный фонд для оказания финансовой помощи странам, находящимся в непосредственной конфронтации с Израилем, — Сирии, Иордании, а также Организации освобождения Палестины.

Все это никак нельзя было считать политическими дивидендами ближневосточного курса США. Тем не менее многие из этих отрицательных последствий Вашингтон мог предвидеть, к тому же была надежда, что их действие, как пытался убедить своих покровителей Садат, будет носить временный характер. Но произошло еще одно событие — иранская революция. Хотя тучи над районом Персидского залива сгущались уже давно, Вашингтон не ожидал, что они разразятся громом революции, значительно спутавшей ближневосточные карты США.

Пассивное сальдо сепаратной сделки

Еще до обострения иранского кризиса в Вашингтоне занялись усиленными поисками путей «компенсации» возможной потери Ирана. Главный упор в создавшейся ситуации делался на быстрое оформление сепаратной египетско-израильской сделки. Она должна была, по замыслу Вашингтона, заложить основу более широкого военно-политического альянса, а также наращивания прямого военного присутствия США на Ближнем Востоке.

«Все обратили внимание, — отмечал итальянский журнал «Эуропо», — на совпадение взрывоопасной ситуации в Иране с датой, намеченной для подписания договора между Израилем и Египтом. Волнения в Тегеране поставили под угрозу мир, который пытались установить США в этом районе. Страх за судьбу этого призрачного мира перерастал в страх перед вполне реальной возможностью новой войны на Ближнем Востоке. И это, конечно, был бы не лучший способ завершить год объятий и улыбок в Иерусалиме, Кэмп-Дэвиде, Вашингтоне, Каире и Осло (где были присуждены Нобелевские премии мира Садату и Бегину)»¹.

В создавшейся ситуации Дж. Картер предпринял «отчаянную и драматическую» попытку спасти «кэмп-дэвидское дело», в которое была вложена значительная доля политического капитала

¹ Еуропо, 4. I. 1979.

самого президента США. Картеру, по выражению египетского публициста М. Хейкала, «пришлось бросить весь престиж своего поста на чашу весов новой поездки на Ближний Восток». Но и эта поездка в конечном итоге превратилась не в очередной тур переговоров, а в политический спектакль.

В те первые дни марта 1979 года, когда Дж. Картер в сопровождении своих ближайших помощников из Белого дома, Пентагона и госдепартамента совершал финальную «челночную» поездку между Каиром и Иерусалимом, буржуазная печать по всем правилам рекламы подобных политических шоу немало потрудилась, чтобы драматизировать события и придать больше сенсационности итогам этого необычайного ближневосточного турне.

По утверждению некоторых западных органов печати, ссылавшихся на «авторитетные источники», президент Картер ставил целью вернуться домой уже с подписанным договором, но этому помешала «несговорчивость» Бегина.

Однако последующие события и содержание подписанных позже документов убедительно опровергли эти домыслы. Картер добивался не столько «смягчения» позиций Тель-Авива, сколько новых уступок от Садата. Главный же торг велся вокруг военных обязательств и «гарантий» Вашингтона участникам сепаратной сделки. Выработка соответствующих «гарантийных писем» и «меморандумов» в виде конкретных военных соглашений требовала дополнительных переговоров. Очевидно, из-за этого и пришлось перенести подписание договора в Вашингтон. До приезда туда Бегина и Садата для завершения переговоров прибыли руководители военных ведомств Израиля и Египта, которые провели серию встреч с министром обороны Г. Брауном.

Финалом первого действия многоактного политического спектакля было подписание соглашения в Кэмп-Дэвиде. Его второе действие завершилось подписанием «мирного договора между Арабской Республикой Египет и государством Израиль», под которым поставили подписи египетский президент А. Садат и израильский премьер-министр М. Бегин, а также президент США Дж. Картер. Оно происходило 26 марта 1979 года в Вашингтоне. В его первом акте Садат и Бегин подписали и обменялись соответствующими протоколами и приложениями, регламентирующими порядок отвода израильских войск с Синая, будущие отношения между договаривающимися сторонами и «сотрудничество в области развития и установления добрососедских отношений». Не забыты даже были взаимные обязательства об «уважении и соблюдении прав человека и основных свобод». Во втором акте, проходившем под открытым небом на северной лужайке перед Белым домом, стороны подписали в присутствии многочисленных гостей и журналистов сам текст «мирного договора» и обменялись тройным рукопожатием, которое должно было, очевидно, символизировать конец войны на Ближнем Востоке и наступление «новой эры мира».

Третий, заключительный акт, рассчитанный тоже на публику, состоялся после небольшого антракта уже на южной лужайке Белого дома под специально разбитыми для этой цели шатрами, где был дан торжественный «государственный обед». За удволение тщеславного удовольствия участвовать в нем была установлена плата в тысячу долларов. Свидетель этой церемонии, советский журналист М. Стуруа, телеграфировал в те дни из Вашингтона, что капитаны «концернов смерти» охотно откликнулись на призыв администрации и быстро раскупили тысячедолларовые билеты. Холеные джентльмены, сидевшие вперемежку с пентагоновскими генералами, весело аплодировали цитатам из библии о «перековке мечей на орала», а сами в уме подсчитывали, сколько надо будет заплатить из государственной казны своим клиентам за их «примирение», сколько надо будет поставить американского современного оружия для Израиля и устаревшего — для Египта, сколько на этой операции можно будет «заработать»¹.

Главные «герои» этого представления — Садат и Бегин — произносили тосты и славословили хозяина Белого дома за его усердие и щедрость, давали клятвы в преданности «миру», составленному по американскому рецепту, позировали фоторепортерам, улыбались и театрально пожимали друг другу руки. Политики показали себя в тот день поистине старательными актерами. Их актерское искусство отметила даже Голда Меир, которая в те дни, незадолго до смерти, ехидно произнесла, что Бегина и Садата следовало бы наградить не Нобелевской премией мира, а высшей голливудской премией «Оскара».

На торжественных церемониях в Вашингтоне и в последующих речах лидеры трех стран расхваливали друг друга за усиление, увенчавшиеся якобы наступлением «новой эры». Картер назвал ее «эрой мира», Садат — «эрой любви», а Бегин — «эрой вечной дружбы между Америкой, Египтом и Израилем». Но общественное мнение США, арабского мира и других стран оценивало совсем по-другому то, что произошло в тот день в Вашингтоне. Чтобы убедиться в этом, достаточно было перейти улицу от Белого дома в сторону Лафайет-сквера, где происходил митинг арабских студентов, обучающихся в США, и их американских единомышленников. Там произносились слова, которых не было в договоре, приложениях к нему и в письмах договаривавшихся сторон. Но эти слова с предельной точностью и лучше всего определяли сущность этих документов.

— Садат — предатель! Садат — предатель! Настоящий Египет — это Египет Насера, а не Садата! — скандировали студенты.

— На-сер! На-сер! — отвечала эхом толпа, продолжая скандировать: «Садат — предатель! Долой договор!»

---

¹ Известия, 1979, 27 марта.

В этих голосах протеста, доносившихся до Белого дома с Лафайет-сквера, отражалось подлинное отношение арабских народов к сепаратному сговору Садата и Бегина при соучастии Вашингтона.

Под договором и приложениями к нему Дж. Картер поставил свою подпись в качестве «свидетеля». Однако ни у кого не было сомнения относительно подлинной роли американской стороны. Ведь недаром М. Бегин предложил во время подписания кэмп-дэвидских соглашений называть их «соглашениями Картера», а Садат охарактеризовал подписанный договор своей излюбленной формулой, заявив, что он является «на 99 процентов детищем США».

Президент Дж. Картер на церемонии подписания договора патетически воскликнул: «Мы победили!» Садат и Бегин пытались убедить общественное мнение своих стран в том, что каждый из них тоже одержал крупную победу.

Возможно, заключение сепаратного египетско-израильского договора и означало в краткосрочном плане достижение определенных конъюнктурных целей, которые преследовали правящие круги США, Израиля и Египта в этой сделке. Однако если его рассматривать в долгосрочной перспективе, то этот договор противоречит национальным интересам всех государств этого региона, включая Египет и Израиль. Его нельзя назвать, как это утверждается в преамбуле договора, «важным шагом в поисках всеобъемлющего мира в этом районе»¹. Напротив, сепаратный договор создал новые завалы на пути к миру, посеял в изобилии семена новых конфликтов и потрясений.

В конечном итоге дестабилизация обстановки в этом взрывоопасном регионе не может отвечать и национальным интересам США. Американская печать подчеркивала, что подобный «полумир» приведет к усилению напряженности на Ближнем Востоке и оттолкнет от Вашингтона даже те арабские государства, которые обычно ориентировались на США.

Хотя в преамбуле договора и делаются ссылки на статьи Устава ООН и на «неотложную необходимость установления справедливого, всеобъемлющего и прочного мира на Ближнем Востоке, в соответствии с резолюциями 242 и 338 Совета Безопасности»², содержание всех этих сепаратных документов противоречит духу и букве указанных резолюций, а также совместного заявления СССР и США по Ближнему Востоку от 1 октября 1977 года. Они игнорируют главные требования резолюций ООН и советско-американского заявления, предусматривающие вывод израильских войск с оккупированных в 1967 году арабских земель и признание законных национальных прав арабского народа Палестины. Сепаратный договор стал тормозом в процессе

¹ The Egyptian-Israeli Peace Treaty. Office of the White House Press. Washington, March 26, 1979, p. 1.

² Ibidem.

разрядки международной напряженности, что противоречит и подлинным интересам США.

Выступая гарантом осуществления этого «мирного» договора, США взяли на себя не только определенные финансовые, но и военные обязательства, которые способствовали наращиванию прямого и косвенного военного присутствия США в этом регионе. Даже американские политические наблюдатели с беспокойством констатировали, что ни одно из мирных соглашений новейшего времени не сопровождалось такими масштабами гонки вооружений, какие предусмотрены сепаратной египетско-израильской сделкой. В самом деле, по оценке госдепартамента, на Ближний Восток США уже затратили больше, чем на осуществление «плана Маршалла». Если в первые 19 лет своего существования Израиль получил от США 1,5 миллиарда долларов, то с 1973 года он ежегодно получал по 1 миллиарду на военные и по 800 миллионов долларов на экономические цели. После же подписания второго синайского соглашения, с 1975 года, «посредничество» США обошлось в сумму, превышающую 15 миллиардов долларов, из которых до 1978 года 3,4 миллиарда получил Египет, а более двух третей всей суммы — Израиль¹. После подписания кэмп-дэвидских соглашений Израилю, кроме миллиардов долларов ежегодных кредитов и помощи на покупку американского вооружения, было выделено дополнительно еще 3 миллиарда долларов, а Египту — 2,6 миллиарда долларов на военные расходы в 1979—1981 годах².

Это только объявленные цифры, касающиеся самого ближайшего будущего. Как признают сами участники сепаратной сделки, многое скрыто еще в секретных приложениях к договору. Более 20 миллиардов долларов — такова, по некоторым американским оценкам, цифра, в которую выльются взятые из карманов налогоплательщиков американские субсидии Израилю и Египту до 1982 года.

Таким образом, взятые Вашингтоном обязательства и далеко не эквивалентные гарантии перед Израилем и Египтом превратили США, как указывала американская печать, в соучастника не столько «мирного урегулирования», сколько самого неликвидированного конфликта на Ближнем Востоке. И эти опасные для Соединенных Штатов последствия увеличиваются по мере наращивания прямого военного присутствия США, тем более их вооруженного вмешательства в дела ближневосточного региона под предлогом «гарантирования безопасности» Израиля, обеспечения бесперебойного снабжения нефтью, или заполнения «вакуума» в районе Персидского залива.

Главные аргументы Садата и египетской пропаганды в пользу заключения договора с Израилем состояли в том, что он яко-

---

¹ The New York Times, 29. III. 1979.

² The New York Times, 21. I. 1980.

бы покончил с войной на Ближнем Востоке, позволит без кровопролития освободить оккупируемый Израилем Синайский полуостров, а затем и другие арабские земли, наметит продвижение в урегулировании палестинской проблемы, избавит, дескать, египтян от тяжелого бремени военных расходов и откроет путь для экономического процветания в условиях мира. Однако ни один из аргументов, выдвигаемых египетскими органами пропаганды в пользу договора, не выдерживает критики при сопоставлении высокопарных деклараций с реальными фактами.

Фактически позиция Израиля не претерпела изменения ни по одному из спорных пунктов с момента «исторического визита» Садата в Иерусалим. Вместе с тем ни одно из пяти положений проекта «мирного договора», представленного тогда Садатом, не осуществлено: не освобождены оккупированные Израилем арабские территории, в том числе значительная часть Синайского полуострова; арабское палестинское государство не создано и никакого прогресса в этом направлении не достигнуто — ни Тель-Авив, ни Вашингтон не признают даже права за палестинцами на суверенное существование; так называемое «мирное урегулирование» осуществляется не в рамках ООН, а под односторонним контролем Соединенных Штатов; «право безопасных границ» признано только за Израилем, но в нем фактически отказано Египту, уж не говоря о других арабских странах; вместо прекращения войны достигнут лишь выход Египта из конфронтации с Израилем на капитулянтских условиях.

Так называемые «гарантии безопасности» представлены, по существу, не Египту — жертве агрессии, а Израилю, то есть именно той стране, которая неоднократно развязывала войны против Египта и других арабских стран. Договор не покончил с войной, а, напротив, подлил масло в огонь непотушенного очага ближневосточного конфликта. Об этом свидетельствуют усилившиеся вооруженные провокации Израиля против Ливана, военные демонстрации израильской военщины против соседних арабских стран, массовые репрессии и карательные операции против мирного населения на оккупированных арабских землях. Окончание состояния войны между Израилем и Египтом декларируется только на словах. На деле же Израиль даже после отвода своих войск 26 января 1980 года на линию, проходящую восточнее Эль-Ариша до Рас-Мухаммеда, продолжает удерживать значительную часть Синайского полуострова. И за этот частичный отвод израильских войск с Синайского полуострова Египет фактически не только в полном объеме установил дипломатические, экономические и культурные отношения, но и наладил даже военное сотрудничество с Израилем, которое носит откровенно антиарабскую направленность.

Так называемые «меры по обеспечению безопасности» после полного вывода израильских войск с Синая также далеко не рав-

нозначны для двух сторон. В то время как Египет дал согласие на создание обширных демилитаризованных зон и размещение станций раннего оповещения на территории Синае, по другую сторону границы будет установлена лишь небольшая полоса шириной до трех километров с ограниченным размещением войск и не обусловливается вообще установка аналогичных радиолокационных станций наблюдения на территории Израиля. Кроме того, Египет согласился на дислокацию войск неких «международных сил» под эгидой США на Синае, а в Израиле могут находиться лишь наблюдатели этих «международных сил». На большей части Синайского полуострова, даже в тех районах, которые были освобождены египетской армией во время октябрьской войны 1973 года, установлено ограниченное размещение войск и вооружений с «лимитированными функциями». Предусмотрено также создание полностью демилитаризованных зон, а также районов, в которых размещаются только войска пограничной охраны и полиция. Дислокация же регулярных вооруженных сил разрешена лишь по линии горных перевалов Митла, Гидди. Что же касается мер по ограничению войск и вооружений израильской стороны, то они предусматриваются на чисто символической полосе. Таким образом, военные границы Египта проходят фактически на расстоянии 50 километров от Суэцкого канала, то есть отодвинуты в глубь египетской территории и почти изолированы от государственной границы Египта. При таком размещении вооруженных сил Египет, как подчеркивается в заявлении Национально-прогрессивной (левой) партии АРЕ, фактически не в состоянии будет успешно защищать свои границы, в то время как израильские войска смогут захватить Синай вплоть до горных перевалов, не встречая на своем пути никакого сопротивления или хотя бы символического препятствия со стороны войск ООН, тем более что срок их размещения на Синае не продлен Советом Безопасности.

Приложения и протоколы к договору, считающиеся его неотъемлемой частью, свидетельствуют о том, что ущемление суверенитета Египта распространяется и на другие области.

В соответствии с так называемым «Протоколом об отношениях между договаривающимися сторонами», Египет обязался заключить с Израилем соглашения по вопросам торговли и культуры, по организации взаимных рейсов гражданской авиации, соглашения, касающиеся радио- и телефонной связи и телевидения, в срок, не превышающий шести месяцев с момента завершения первого этапа вывода израильских войск, то есть более чем за два года до окончания полного ухода Израиля с территории Египта.

Египет должен воздерживаться от любой пропаганды, направленной против Израиля или сионизма, несмотря на то что сионистская доктрина официально осуждена ООН как одна из форм расизма.

Египет взял на себя все эти обязательства в то время, когда Израиль продолжает оккупировать его территорию, находится в состоянии войны с другими арабскими государствами и полностью игнорирует национальные права палестинцев. Нарушение же этого обязательства Египтом считается нарушением договора и обязательств Египта по отношению к Израилю.

Израильские суда и грузы получили право свободного прохода по Суэцкому каналу. Акабский залив стал использоваться Израилем еще до начала вывода израильских войск с Синая.

Израильские самолеты пользуются правом свободного пролета над Синайским полуостровом, а США компенсируют к тому же Тель-Авиву утрату военно-воздушных баз на Синае, обязавшись финансировать строительство двух новых аэродромов в пустыне Негев.

По специальному пункту третьего протокола к договору Египет обязался продавать Израилю египетскую нефть, что также рассматривается как одно из ограничений египетского суверенитета, поскольку такое договорно-юридическое обязательство не совместимо с правом на свободу торговли.

Сепаратный договор обеспечил Израилю такие военные и политические выгоды, на которые он даже не мог рассчитывать. Самая крупная арабская страна оказалась выведенной из общеарабской борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии и восстановление законных прав и интересов арабов. Ведь именно к этому всегда стремились Тель-Авив и Вашингтон. По существу, Израиль добился того, чего не смог достичь в 1967 году, — продиктовал свою волю руководителям Египта, которые фактически признали себя побежденными.

Договор поставил Египет в неравноправное, во многом униженное положение. Он приобрел лишь урезанные права на Синайском полуострове, и то при условии, что Израиль выведет оттуда к 1982 году свои войска. Садат пошел на грубое нарушение решения Лиги арабских стран, принятое в 1950 году по предложению самого Египта, которое запрещает арабским странам заключать сепаратные соглашения с Израилем и требует исключения из ЛАС виновного в нарушении этого положения. Таким образом, египетско-израильский договор юридически закрепил дезертирство Каира с фронта общеарабской борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Египетско-израильский договор, противоречащий интересам всех арабских народов, вместе с тем является актом предательства Садата в отношении арабского народа Палестины. Создавая иллюзию какого-то продвижения в направлении решения палестинского вопроса, договор, по существу, представляет попытку вообще снять эту стержневую проблему конфликта с повестки дня и под видом предоставления палестинцам административной автономии, по выражению Я. Арафата, «узаконить оккупацию Израилем арабских территорий и обречь на вечное изгнание

арабский народ Палестины»¹. Но даже в отношении предоставления так называемой «административной автономии» Израиль уклонился от конкретных обязательств и временной увязки решения этого вопроса с выводом израильских войск с Западного берега Иордана и сектора Газа.

Подытоживая создавшееся после заключения сепаратного договора положение и зашедшие в тупик египетско-израильские переговоры по вопросу о так называемой «палестинской автономии», один из ведущих редакторов египетской газеты «Аль-Ахрам», М. Сид-Ахмед, должен был констатировать, что Египет, очутившийся на переговорах об автономии в тисках между жесткой позицией Израиля и бойкотом арабских государств, оказался «зажатым в угол». Израиль, исходя из того, что Египет связан «мирным» договором, а другие арабские государства якобы не в состоянии вести войну, может теперь претендовать на суверенитет над всей Палестиной и аннексировать все палестинские территории. Это даже больше, чем предусматривал первоначальный план Бегина. В первоначальном варианте основной упор делался на замораживание вопроса о суверенитете Западного берега и сектора Газа, а не на открытое требование суверенитета Израиля над этими территориями. Теперь Израиль, пишет Сид-Ахмед, не страшась больше угрозы войны и не встречая отпора в своих военных вторжениях в Ливан, ужесточил свою позицию на переговорах о предоставлении автономии палестинцам. Бегин заручился поддержкой своего кабинета и провел состоящий из 22 пунктов план, гораздо более откровенный, чем тот, который он представил на переговорах в Исмаилии в январе 1978 года. В новом варианте плана вполне определенно говорится, что предлагаемые органы управления будут подчиняться израильским военным властям, что Израиль будет обеспечивать внешнюю и внутреннюю безопасность и общественный порядок, а также контролировать использование общих земель и водных ресурсов.

Разработанный Бегинем план содержит также два принципиально важных пункта, в одном из которых полностью отвергается возможность создания палестинского государства, а в другом — излагается намерение Израиля потребовать себе суверенитет над «Иудеей и Самарией» (Западным берегом) и Газой по истечении пятилетнего переходного периода. Но и этого, очевидно, недостаточно! Генеральный директор канцелярии Бегина Бен-Элиссар, ставший затем первым послом Израиля в Каире, подготовил документ, который содержит не нашедшие отражения в израильском плане рекомендации о том, как «помешать переходу Палестины от самоуправления к независимости». В соответствии с этими рекомендациями палестинский орган самоуправления не может взимать пошлины, создавать радио- и те-

---

¹ Международная жизнь, 1979, № 5, с. 29.

левизионные станции, чеканить монету и выпускать почтовые марки, контролировать импорт и экспорт и открывать центральный банк. Люди, осужденные за антиизраильскую деятельность, не смогут участвовать в выборах. Израильская армия удержит под своим контролем несколько районов, не считая уже созданных военизированных поселений, на Западном берегу для своих военных нужд¹.

Весьма примечательно, что Садат в своей официальной речи после подписания договора на лужайке перед Белым домом проявил весьма символическую «забывчивость» по поводу палестинцев, опустив якобы «по ошибке» целый абзац, касающийся палестинской проблемы. Таким образом, палестинцы оказались забыты и в прямом и в переносном смысле слова. Права палестинского народа стали для Садата вроде разменной монеты в торге за дополнительные американские подачки и частичный вывод израильских войск с Синая. Поистине, как образно выразился лидер палестинского движения Я. Арафат, они были Садатом «проданы за горсть синайского песка».

Все же египетская печать пыталась убедить, что ряд «издержек» сепаратного договора, которые косвенно признавались ею, компенсируется одним главным «выигрышем». Он состоит якобы в том, что Египту не придется больше воевать, он избежит от тяжелого бремени военных расходов и к тому же получит щедрое вознаграждение в виде экономической помощи от США и других западных стран. Но и этот «выигрыш» Садата при внимательном рассмотрении оборачивается «проигрышем» для египетского народа.

Египет, покидая поле боя с Израилем, выразил устами Садата готовность вести борьбу против «советской и коммунистической угрозы» не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в Африке.

Садат, по сообщению журнала «Африк-Ази», заключил с Бегинном в рамках сепаратного договора ряд секретных соглашений о координации действий и распределении ролей в подрывной деятельности против прогрессивных арабских режимов, провоцировании пограничных и междоусобных вооруженных конфликтов, в расколе и подавлении палестинского движения сопротивления.

Эти соглашения накладывают на Садата вполне конкретные обязательства, которые, в изложении журнала «Африк-Ази», предусматривают, в частности, нагнетание напряженности на границе с Ливией и создание благоприятных условий для вторжения египетских войск с целью изменения существующего там режима; организацию антиправительственных выступлений в Сирии; разжигание разногласий Ирака с другими арабскими странами, чтобы не допустить увеличения вклада Ирака в конфрон-

---

¹ The Middle East International, 8. VI. 1978, p. 12.

тацию с Израилем, провоцирование вооруженных столкновений в Ливане, все большее втягивание Сирии в ливанский кризис и вооруженные конфликты на израильско-ливанской границе для получения предлога обвинить ее в «агрессии» и навязать войну при наиболее благоприятных для Тель-Авива условиях.

В секретных соглашениях имеются также пункты, касающиеся углубления разногласий между членами королевской семьи Саудовской Аравии и оказания давления на короля Иордании с целью заставить их поддержать сепаратный египетско-израильский договор, разжигания конфликта между Алжиром и Марокко, срыва соглашений об урегулировании конфликта между Северным и Южным Йеменом, внесения раскола в палестинское движение и «нейтрализации» наиболее активных палестинских деятелей вплоть до их физического уничтожения¹. Так что, судя по всему этому, Садат заранее побеспокоился, чтобы египетской армии было найдено другое применение, нежели противодействие израильской агрессии. Дальнейшие события на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке (новые кровавые столкновения в Ливане, сопровождаемые воздушными боями между израильскими и сирийскими самолетами, вооруженные пограничные конфликты в различных частях арабского мира, убийство видного палестинского лидера Зухейра Мохсена, военные демонстрации против Ирана, нагнетание обстановки на юге Аравийского полуострова и в Африке) свидетельствуют о том, что это соглашение уже осуществляется.

Добровольно подрядившись на роль жандарма в подавлении национально-освободительных революций в этом регионе, Садат еще до подписания сепаратного договора, не дожидаясь даже прибытия обещанного американского вооружения (благо Пекин опередил в этом Вашингтон, поделившись своим оружием для такого дела), направляя египетских военнослужащих и технику в Заир и на Африканский рог, в Судан, в Северный Йемен и Оман — везде, где требовалась срочная поддержка контрреволюционных сил. Чтобы доказать свою готовность выполнять жандармские функции, Садат использовал египетскую армию в 1977 году в вооруженном нападении на братскую арабскую страну Ливию. Затем Каир неоднократно провоцировал вооруженные столкновения на ливийской границе, участвовал в демонстрациях против Ирана и начал даже оказывать прямую помощь контрреволюционным силам Афганистана. Не случайно египетский министр обороны К. Х. Али признал в начале 1980 года, что если раньше Египту угрожал только Израиль, то теперь «опасности окружают нас со всех сторон». Али уточнил, что эти «опасности» он усматривает в Ливии, Судане, Сирии, Йемене, Эфиопии, Чаде, Иране, Афганистане и даже в Европе².

---

¹ Afrique-Asie, 16 Avril 1979, p. 23.

² Аль-Ахрар, 24. I. 1980.

Военные расходы Египта, превышающие 1 миллиард египетских фунтов, не сократились. Они поддерживаются на том же уровне, как и в годы состояния войны с Израилем. Но если раньше египетский народ шел на жертвы во имя справедливых целей борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии, защиты своей родины от посягательств империализма, то теперь он вынужден это делать во имя достижения заветной цели неокolonизаторов — подавления освободительного движения в арабском мире и Африке руками самих арабов и африканцев.

Никакие американские займы и подачки не помогут Египту преодолеть нарастающие с каждым годом экономические трудности, тем более в условиях прекращения ему финансовой помощи со стороны арабских государств. А эта помощь, составившая за годы после октябрьской войны 1973 года около 17 миллиардов долларов¹, была важным подспорьем в поддержании египетской экономики, заведенной в тупик политикой «открытых дверей». Кроме того, известно, что нефтедобывающие арабские страны держали значительные суммы в египетских банках, вкладывали капитал в смешанные предприятия, почти полностью финансировали закупки Египтом западного оружия. В соответствии с решением Багдадского совещания министров иностранных дел и экономики арабских стран в конце марта 1979 года Египту объявлен не только политический, но и экономический бойкот. В результате Каир лишился всех этих арабских источников финансирования экономических планов и военных программ. Саудовская Аравия, Катар и Объединенные Арабские Эмираты, создавшие в Египте Арабскую организацию военной промышленности (АОВП) с капиталом более 1 миллиарда долларов, предназначенных для строительства военных предприятий, приняли решение о роспуске этой организации и изъяли свои вклады.

Египет исключен из Организации арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК). Не только арабские страны, но и Иран решили прекратить поставки нефти Саудату.

Принадлежащие ОАПЕК арабские судоремонтные верфи на Бахрейне отказались допускать египетские суда в свои доки. Арабские страны, имеющие нефтеналивной флот, перестали перевозить египетские нефтяные грузы. Ливия, Сирия, Ирак прекратили полеты в Египет самолетов своих национальных авиакомпаний. Этому примеру последовали затем и другие арабские страны.

Экономические санкции арабских стран в отношении Египта за капитулянтскую политику Садата поставили страну на грань катастрофы. В 1977 году внешний долг Египта составлял 12 миллиардов долларов, а в условиях, когда ежегодно импорт почти

---

¹ См.: Международная жизнь, 1979, № 6, с. 58.

второе превышает экспорт, а внешнеторговый дефицит составил в 1978 году 2,2 миллиарда долларов, его задолженность в 1978 году перевалила далеко за 15 миллиардов долларов. Уже в начале 1979 года была произведена крупнейшая за всю историю девальвация египетского фунта по отношению к доллару на 80 процентов¹.

«Утверждение, будто египетско-израильский договор может принести Египту процветание,— говорится в Заявлении Национально-прогрессивной (левой) партии Египта,— является большой ложью... Новый договор открыл дверь настезь перед Израилем, с тем чтобы он проник в египетскую экономику и оказал воздействие на ее развитие... Любая же помощь, которую предоставит Египту США, если она даже сможет быть полезной для развития экономики страны, будет меньше той помощи, которую оказывали Египту арабские государства начиная с 1974 года»².

Не оправдались надежды египетского руководства на продвижение идеи нового ближневосточного варианта «плана Маршалла», или, как его заранее льстиво называла египетская печать, «плана Картера», в рамках которого Садат, по сообщению египетского журнала «Октябрь», рассчитывал получить в течение пяти лет не менее 20 миллиардов долларов в качестве «награды» за свое капитулянтство. Расчеты на экономическое процветание, планировавшееся за счет «перераспределения песка Синайской пустыни», оказались воздушными замками, построенными на песке. Иначе и не могло быть! Как показывает опыт еще ни одному развивающемуся государству не удалось стать развитым и обеспечить экономическое процветание за счет «помощи» империалистических государств, преследующих корыстные неокOLONиалистские цели. К тому же, как выяснилось позднее, ни США, ни другие капиталистические государства, создавшие вместе с Международным банком реконструкции и развития нечто вроде международного консорциума по оказанию помощи Египту, не так уж горят желанием вкладывать деньги в экономику страны, увязшей в трясине кризиса и подвергнувшейся всеобщему бойкоту в арабском мире. Опрос, проведенный в июне 1979 года газетой «Нью-Йорк таймс» и телевизионной компанией Си-би-эс, показал, что 73 процента американцев выступают против увеличения военной, не говоря уже об экономической, помощи Египту в качестве награды за сепаратный договор с Израилем.

Не спешат поддерживать Садата и страны Западной Европы и Японии, транснациональные корпорации. Они ограничиваются лишь общими декларациями о готовности оказать содействие

---

¹ Baghdad Observer, 28. V. 1979; The Financial Times, 30. V. 1979.

² Заявление Национально-прогрессивной партии Египта, с. 12 (на арабск. языке).

Египту. Однако и страны Европейского экономического сообщества и Япония заняли осторожную позицию в отношении сепаратного египетско-израильского договора. В ходе поездки по ряду арабских стран в марте 1980 года президент Франции выразил сомнение в возможности установления прочного мира на Ближнем Востоке без справедливого решения палестинской проблемы с участием ООП. Такая позиция разделяется и рядом других западноевропейских стран. Вот почему они не проявляют особого энтузиазма к американской идее «разделения бремени» экономической помощи Израилю и Египту и уклоняются от безоговорочной поддержки ближневосточной политики США. Да и Вашингтон вместе с Тель-Авивом, навязав Садату «мирный договор», сознают, что мир между агрессором и жертвой агрессии не может быть надежным, равно как нельзя быть уверенным в стабильности самого садатовского режима. Не случайно американский журнал «Тайм» с тревогой констатировал, что с точки зрения неустойчивости больше всего сходства между садатовским Египтом и Ираном при шахском правлении¹.

Естественно, Вашингтон понимает, что в случае, если Садата достигнет участь шаха, сепаратный египетско-израильский договор и приложенные к нему различного рода секретные соглашения могут повиснуть в воздухе. Вот почему еще до начала выполнения «мирного договора» Картер и Бегин подписали специальный «Меморандум о согласии между правительствами Соединенных Штатов и Израиля». Этот меморандум, в котором подтверждаются все прежние американские гарантии Израилю, имеет, по существу, форму военного соглашения. Вместе с тем он носит такой откровенный антиарабский и оскорбительный даже для садатовского режима характер, что премьер-министр Египта Халиль, а затем и Садат сочли необходимым, хотя бы для проформы, заявить официальные протесты Вашингтону². Однако администрация Картера фактически оставила без внимания эти протесты, которые прозвучали как глас заблудшего в песках Синайской пустыни. В Вашингтоне прекрасно понимали, что официальный Каир протестовал только для отвода глаз, ибо этот меморандум отвечает и тайным помыслам Садата — заручиться военным вмешательством США в случае, если судьба сепаратного «мирного договора», а следовательно, и режима Садата окажется под угрозой. Что же касается премьер-министра Бегина, то он лишь подтвердил, что Израиль никогда не выведет свои войска за границы, существовавшие до июньской войны 1967 года, не вернет Иерусалим и не пойдет на создание палестинского государства на Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Для президента Картера, судя по всему, это заявление не явилось большой неожиданностью. Ведь он собственноручно

¹ Time, 15. I. 1979.

² См.: Международная жизнь, 1979, № 5, с. 94.

добавил к американскому и израильскому экземплярам текста договора примечание о своем согласии, что выражение «Западный берег» означает для израильского правительства «Иудею и Самарию», под названием которых подразумеваются провинции Израиля¹.

Возможно, у премьер-министра Израиля М. Бегина было больше оснований, чем у его компаньонов по переговорам, чувствовать себя победителем. Ведь практически ему вместе с генералами М. Даяном и Э. Вейцманом удалось навязать крупнейшей арабской стране капитуляцию на условиях Тель-Авива. Недаром западная печать, комментируя итоги многочисленных встреч с Садатом М. Даяна и Э. Вейцмана, писала, что израильским генералам в роли дипломатов удалось добиться с помощью переговоров того, чего они не сумели в ходе всех предыдущих военных кампаний, когда они выступали в роли военачальников.

Однако Бегину все же потребовались дополнительные американские гарантии, предусматривающие прямое вооруженное вмешательство США на Ближнем Востоке, ибо Тель-Авив сознает, что Садат не выражает волю подавляющего большинства арабских народов, включая египетский. Фарс с «референдумом» в поддержку сепаратного договора, который был инсценирован Садатом 19 апреля 1979 года в условиях жесточайшего полицейского террора и подавления любой оппозиции, естественно, не смог убедить мировое общественное мнение, в том числе и израильтян, в прочности режима Садата. Если же для спасения договора придется приглашать в Израиль и Египет американские войска, то какова же подлинная цена такого «мира»? О какой «надежной безопасности» и «подлинном суверенитете» этих стран можно говорить, если для их обеспечения Тель-Авив и Каир намереваются предложить американским войскам оккупировать страну и готовы разместить на своей территории базы НАТО?

Израиль и так считается «государством-гарнизонам», своеобразным рекордсменом по военным расходам на душу населения, страной с милитаризованной экономикой и политической структурой. Там самые высокие налоги в мире, самые большие темпы роста дороговизны и инфляции. Внешний долг Израиля в 1978 году, по данным «Бэнк оф Израэль», превысил 11 миллиардов долларов.

Причина тяжелого экономического положения Израиля, говорилось в заявлении Политбюро ЦК Коммунистической партии Израиля, опубликованном в конце июля 1979 года, кроется в проводимой правительством Бегина политике: в агрессивной войне против Ливана и отказе Тель-Авива установить справедливый и прочный мир на Ближнем Востоке.

---

¹ The Egyptian-Israeli Peace Treaty. Annex-2, p. 7.

Правительство Бегина толкает страну к катастрофе. Израиль переживает в настоящее время самый острый кризис в своей истории, охвативший политическую, экономическую и социальную сферы¹.

Подписанный под эгидой США сепаратный египетско-израильский договор не является шагом в направлении установления прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке, заявил Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля М. Вильнер, наоборот, это шаг против мира. «Стержень осуществляемого сговора,— подчеркнул М. Вильнер,— создание союза сионистской и арабской реакции вместе с американским империализмом, обращенного против независимых государств и национально-освободительных движений на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива и в Африке»².

Израилу и Египту Вашингтон отвел роль жандармов американского империализма в этом регионе. Но, как показала революция в Иране, такая роль вряд ли может устраивать народ какой-либо страны.

---

¹ См.: Правда, 1979, 27 июля.

² Международная жизнь, 1979, № 5, с. 95.

ОТПОР ТРОЙСТВЕННОМУ ЗАГОВОРУ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА

Бывают события с поистине символическими совпадениями. Они происходят словно специально для того, чтобы напомнить о тщетности попыток повернуть колесо истории вспять, остановить неодолимый поток освободительных революций.

Именно такое стечение событий произошло на пороге 80-х годов. Ожидавшаяся кульминация неоколониалистской сделки, которая должна была в декабре 1978 года получить «юридическое» оформление в виде сепаратного египетско-израильского договора, совпала с одним из самых ощутимых ударов по неоколониализму, который нанесла ему иранская революция.

Регион Ближнего и Среднего Востока всегда представлялся империализму как нечто единое целое под углом зрения обеспечения нефтяных интересов Запада и его военно-стратегических позиций. Именно поэтому, наверное, с момента возникновения ближневосточного конфликта в него постепенно оказались втянуты в той или иной степени не только почти все арабские страны, но и Иран. Неудивительно, что и революционные процессы в арабском мире и в Иране развивались в тесной взаимосвязи.

Революционные события в Иране в начале 50-х годов, когда империализму лишь с помощью грубой силы удалось водрузить шаха опять на трон, получили глубокий резонанс в арабском мире. Именно с Ирана начался тогда мощный подъем национально-освободительного движения на Ближнем и Среднем Востоке, которое империализм попытался задушить в зародыше.

Однако победа контрреволюции в Иране лишь на некоторое время отсрочила падение там монархии. За этот период арабское революционно-освободительное движение одерживало одну победу за другой, были нанесены ощутимые удары по нефтяному колониализму, ослаблены позиции неоколониализма в целом. И вот в тот самый момент, когда Вашингтону казалось, что после капитуляции Садата в Кэмп-Дэвиде империализму удастся остановить освободительное движение на Ближнем и Среднем Востоке, революционный процесс в этом регионе получил новый импульс с победой революции в Иране.

Еще в 1977 году президент Картер, обращаясь к шаху Мохаммеду Реза Пехлеви, восклицал: «Иран — это остров стабильности в одном из самых беспокойных районов мира. И в этом огромная заслуга Вашего Величества, Вашего умелого руковод-

ства. Ваш народ дарит Вам свое уважение, восхищение и любовь...»¹

Не прошло и года, как иранский народ убедительно показал, какие чувства на самом деле он питал к своему монарху и его покровителям. Вышедшие на улицы Тегерана, Исфахана, Тебриза, Мешхеда, Кума и других городов Ирана миллионные толпы людей разбивали на куски многочисленные бюсты и статуи шаха, сжигали его портреты. При этом раздавались не только возгласы: «Долой монархию!» Демонстранты с гневом выкрикивали также: «Американцы, убирайтесь вон!», «Долой империализм!», «Нет — сионизму!», «Позор Садату!», «Нет — агрессивным пактам!».

И эти лозунги очень скоро стали проводиться в жизнь. Шах не просто бежал из страны. Как и в начале 50-х годов, его выгнал иранский народ. Но теперь с монархией было покончено навсегда. Тысячи американских военных советников и специалистов покинули Иран. Американские базы в стране были ликвидированы. Новое правительство Ирана расторгло многие военные контракты с США и порвало отношения с Израилем. В здании так называемой израильской торговой миссии, выполнявшей функции посольства в Тегеране, открылось представительство Организации освобождения Палестины. Иран вышел из СЕНТО, после чего преемник Багдадского пакта окончательно распался. В знак протеста против капитулянтства Садата и его публичной поддержки шаха Иран порвал дипломатические отношения с Египтом. Неравноправные договоры с империалистическими нефтяными монополиями были пересмотрены и расторгнуты.

В начале марта 1979 года из главного нефтяного порта страны — кораллового острова Хорг в Персидском заливе — отправился первый после победы антишахской революции танкер с нефтью. Она шла на экспорт уже без посредничества международного нефтяного консорциума, который по специальному соглашению 1978 года пользовался привилегированным правом в течение 20 лет приобретать на льготных условиях и продавать 90 процентов добываемой иранской нефти. Американский доллар был отвергнут как расчетная единица в торгово-нефтяных операциях. Один за другим в стране стали закрываться иностранные, в первую очередь американские, банки и компании. В ответ на предоставление в США временного убежища свергнутому шаху в Иране развернулась общенародная антиамериканская кампания.

Посольство США в Тегеране оказалось блокированным революционными студентами, объявившими американских дипломатов заложниками. Америко-иранский конфликт принял форму затяжного кризиса, который империализм снова, как и тридцать лет назад, попытался разрешить, по существу, теми же ком-

¹ Цит. по: Новое время, 1980, № 3, с. 29.

бинированными методами старого и нового колониализма. И на этот раз — уже в рамках «доктрины Картера» — они опять включают и военный шантаж, и экономические санкции, и подготовку контрреволюционных заговоров против Ирана и арабских стран.

Не случайно буржуазная печать на Западе сравнивала иранскую революцию в историческом плане с национализацией Суэцкого канала, а в политическом аспекте говорила о ней, как о «возмездии за Кэмп-Дэвид».

Эхо иранской революции

До революции Иран в западной политической литературе называли «тылом арабо-израильского конфликта» и «витриной Запада» в мусульманском мире. Несмотря на то что Иран — мусульманская страна, он был опорой Запада и Израиля, а не арабских государств, борющихся за ликвидацию последствий израильской агрессии и выкорчевывание остатков колониализма.

Лозунги, выдвинутые иранской революцией, убедительно свидетельствовали о том, что она развивалась под воздействием не только нерешенности острых внутренних социально-экономических проблем, но и неурегулированности ближневосточного конфликта.

Шахский Иран был основным поставщиком нефти для Израиля, который удовлетворял ею около 60 процентов своих потребностей¹. Она поставлялась Тель-Авиву даже в период, когда он развязывал против арабских стран агрессивные войны. Между Ираном и Израилем постоянно укреплялись и развивались военные, экономические и политические связи. В течение нескольких лет иранские войска участвовали в подавлении патриотического движения в Омане. Кроме того, Иран периодически нагнетал напряженность на границах то с Ираком, то с арабскими эмиратами Персидского залива, то с НДРЙ, то с Афганистаном. Он помогал правохристианским кругам в Ливане, а также активно содействовал сепаратномуговору Садата с Тель-Авивом. Тегеран под воздействием Вашингтона выступал в роли жандарма на Ближнем и Среднем Востоке.

Революция в Иране нанесла ощутимый удар по нефтяным, финансовым и прочим интересам империалистических монополий, значительно сузила сферу их деятельности на Ближнем и Среднем Востоке. Она ослабила также и военно-политические позиции неоколониализма в этом регионе, изменила общее соотношение сил не в пользу империализма. Иранская революция, можно сказать, стала грозным проявлением кризиса всей системы неокон-

¹ См.: Азия и Африка сегодня, 1979, № 8, с. 19.

лониализма, как в свое время Суэц был кульминацией заката «классического» колониализма.

Вместе с тем события в Иране — это еще одно убедительное доказательство дальнейшего углубления общего кризиса капитализма. Ведь на примере Ирана апологеты империализма пытались доказать возможность «омоложения» капитализма на нефтеносной почве развивающихся стран, «перспективность» альянса транснациональных корпораций (ТНК) с местными феодальными и правобуржуазными кругами. Поговаривали даже о «выгодности» подобного симбиоза для широких народных масс, которые якобы тоже приобщаются к «нефтяному процветанию».

С точки зрения перспектив укрепления позиций неоколониализма Иран представлялся империалистам почти идеальной страной, которая может быть источником драгоценного сырья, высоких прибылей, дешевой рабочей силы и одновременно выгодным рынком для продажи оружия и других западных товаров. К тому же Иран рассматривался как хорошо оборудованный военный плацдарм, нацеленный против Советского Союза и соседних стран с прогрессивными режимами. Выставляя шахский Иран как привлекательную «витрину» неоколониализма, западная буржуазная печать сулила ему даже роль новой великой державы.

Однако рост производительных сил и резкое увеличение неправильно распределявшихся нефтяных доходов вместе с происходившими стремительными сдвигами в социально-экономической структуре Ирана неизбежно должны были вступить и вступили в острое противоречие с сохранявшейся крайне реакционной феодально-монархической надстройкой. Как и в других подобных случаях, это вызвало продолжительный политический кризис в Иране, который привел к сравнительно быстрому свержению шахского режима.

Иранская революция, таким образом, вырвала одно из ключевых звеньев в системе нефтяного и военного неоколониализма на Ближнем и Среднем Востоке. Империалистические монополии использовали шахский Иран и некоторые нефтедобывающие арабские монархические государства для внесения раскола в Организацию стран — экспортеров нефти каждый раз, когда поднимался вопрос об использовании «нефтяного оружия» в интересах антиимпериалистической борьбы. Навязывая Ирану и другим нефтяным монархиям систему неоколониалистских соглашений об «участии», транснациональные корпорации пытались противопоставить ее политике национализации, которую проводили арабские нефтедобывающие страны с прогрессивными режимами.

Такая система устраивает ТНК и нефтедобывающие монархии, ибо представляет собой наиболее удобную форму дележа нефтяных доходов между ними. О темпах роста вывоза иранской нефти и доходов, полученных от этого иностранными компа-

ниями, можно судить по таким сравнительным данным: с 1914 по 1950 год они вывезли из Ирана 324 миллиона тонн нефти¹. После 1971 года из Ирана ежегодно вывозилось более 200 миллионов тонн, а всего в 70-х годах было экспортировано в США и другие страны Запада более 2 миллиардов тонн иранской нефти. Только американские нефтяные компании от продажи иранской нефти и выработанных из нее нефтепродуктов ежегодно получали сотни миллионов долларов прибыли. С учетом прибылей от продажи нефти другими иностранными компаниями доходы Ирана, превысившие в 1978 году 20 миллиардов долларов, составляли, очевидно, менее половины той суммы, которую он мог бы оприходовать в национальный бюджет. Но расходы на закупку американского вооружения и других товаров росли еще большими темпами, чем нефтяные доходы страны. В 1972 году было закуплено только американского оружия на 500 миллионов долларов, в 1973 году — на 2,2 миллиарда, в 1974 году — на 4,3 миллиарда долларов. Всего за период с 1970 по 1977 год шах заказал в США военной техники на 18 миллиардов долларов². На долю Ирана приходилось 40 процентов всего американского экспорта боевой техники³.

За этот же период доходы Ирана от резкого повышения цен на нефть составили более 100 миллиардов долларов. Но на этом повышении цен не меньше заработали и американские банки и компании. В секретном документе ЦРУ, ставшем достоянием печати, прямо говорится, что «самое большое в истории повышение цен на нефть» было осуществлено по инициативе шаха при поощрении Вашингтона. В то время как западная печать на все лады проклинала страны ОПЕК, Нельсон Рокфеллер в секретном послании шаху от имени «Чейз Манхэттен бэнк» и деловых кругов США благодарил его за «спасение Запада»⁴.

По подсчетам иранской прогрессивной печати, из 100 миллиардов долларов нефтяных доходов Ирана 38 миллиардов было израсходовано на закупки боевой техники, содержание армии и на строительство военных баз, а 26 миллиардов долларов потрачено на приобретение ценных бумаг в западных странах, предоставление займов Англии, на помощь Египту и другим реакционным режимам Ближнего и Среднего Востока. Из оставшихся около 35 миллиардов долларов большая часть была расхищена коррумпированными правителями и высшими чиновниками, помещена на частные счета в иностранных банках. Только в 1977—1978 годах частные лица ежегодно переводили за границу около 10 миллиардов долларов⁵. Личное состояние шаха Ирана в США оценивалось в 3 миллиарда долларов, не считая его

¹ См.: Новое время, 1980, № 2, с. 29.

² Nore P., Turner T. (ed.). Oil and Class Struggle. London, 1980, p. 161.

³ См.: Правда, 1980, 28 января.

⁴ См.: Известия, 1980, 8 января.

⁵ См.: Азия и Африка сегодня, 1979, № 8, с. 20.

вкладов в западноевропейских банках. Впоследствии иранское правительство, потребовав суда над бывшим шахом, обвинило его в том, что он вместе со своим семейством присвоил народного добра на общую сумму 25 миллиардов долларов¹.

На Западе уже притчей во языцех стали несметные богатства и темпы обогащения шаха и его окружения, а также некоторых нефтяных султанов и шейхов. При этом буржуазная печать особенно любит подчеркивать, что по абсолютным размерам их личные состояния далеко превосходят богатства, которыми владеют известные западные миллиардеры из олигархических кланов Рокфеллера, Меллона, Моргана, Ротшильда и других.

В самом деле, истинные размеры состояний нефтяных монархов не поддаются даже ориентировочной оценке, ибо держатся чаще всего в строгом секрете. В ряде нефтяных княжеств, например в Катаре, государственный бюджет фактически отождествляется с бюджетом правящих семейств, насчитывающих сотни отпрысков. К тому же эти огромные суммы находятся, по сути дела, в единовластном распоряжении семейных монархических кланов. С одной стороны, это — результат традиционно сохраняющихся там феодальных и даже иногда дофеодальных отношений. С другой стороны, эти доходы по способу их получения и использования все более становятся капиталистическими.

На такой основе в нефтяных монархиях не только складываются частнокапиталистические отношения, но и насаждается государственный капитализм. Однако государственным сектором его можно назвать лишь условно. Он формируется не вследствие обычных процессов концентрации капитала, типичных для развитых капиталистических государств, а создается обуржуазивающимися феодально-монархическими режимами. В этих странах в сферу капиталистических отношений втягиваются не только монархи, но и торгово-посредническая, бюрократическая и военная буржуазия. Происходит своеобразный процесс становления «неклассического» капитализма, в котором империализм хотел найти в Иране, как и в других развивающихся странах, новую социальную опору². Ставка при этом делается на насаждение в освободившихся странах как частнособственнического, так и государственного капитализма с феодальными или военно-диктаторскими надстройками.

Подобная гибридная феодально-капиталистическая структура была создана в Иране и до сих пор сохраняется в ряде нефтяных монархических государств. Такой тип отношений советский ученый Р. Н. Андреасян охарактеризовал как «своеобразный государственный феодально-монополистический капитализм», который тесно связан с государственно-монополистиче-

¹ См.: Известия, 1980, 8 января.

² См.: Мирский Г. Меняющийся облик «третьего мира». — Коммунист, 1976, № 2, с. 111.

ским капиталом империалистических держав и местным частным капиталом¹.

Вместе с тем эти связи нельзя назвать равноправными. Феодално-нефтяные кланы, включающие также местную компрадорскую и бюрократическую буржуазию, хотя и являются акционерами империалистических транснациональных корпораций, находятся в подчиненном от них положении. И это происходит несмотря на то, что они имеют акции и недвижимость в западных странах на суммы, исчисляемые в миллиардах долларов. По оценке «Морган гаранти трест», общая сумма зарубежных вкладов нефтяных арабских монархических государств (Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ и Катара) превысила к 1978 году 120 миллиардов долларов, которые при семипроцентной ставке приносят 8,5 миллиарда долларов дохода ежегодно. Эти миллиардные суммы используются не только для приобретения недвижимости за рубежом, но и в виде банковских авуаров, акций иностранных компаний, вкладов в инвестиционные фонды и международные банки. Подобным путем вместе с ТНК они осуществляют экономическую экспансию в развивающиеся страны для поощрения и укрепления там капиталистических отношений. В тех случаях, когда финансовые податки не в состоянии остановить революционный процесс в той или иной стране, пускается в ход военная сила.

Таким образом, нефтяные монархии выступают не только в роли финансовых компаньонов, но и военно-политических союзников империализма, транснациональных корпораций. Вместе с тем они, как бы интегрировавшись в капиталистическую систему, остаются на ее крайней периферии».

Их подчиненно-зависимое положение в капиталистической системе обуславливается прежде всего сохраняющимися там довольно прочными позициями ТНК, которые активно действуют даже после национализации добычи нефти. ТНК удерживают внутри освободившихся стран различного рода филиалы или смешанные компании с участием национального частного или государственного капитала, выполняют подрядные работы почти во всех сферах экономики. Именно такая практика способствует привязыванию этих стран к мировому капиталистическому хозяйству, усиливает их научно-техническую и технологическую зависимость от развитых капиталистических государств. В этом состоит еще одна специфическая особенность коллективных методов неокOLONИализма на Ближнем и Среднем Востоке, представляющая собой, по сути дела, замаскированную форму присвоения нефтяных и других богатств даже после их формальной «национализации»².

¹ См.: *Андреасян Р.* «Нефтяное процветание» и капиталистическая трансформация аравийских монархий.— *Азия и Африка сегодня*, 1979, № 1, с. 11.

² Механизм присвоения транснациональными компаниями большей части доходов от нефти после такой «национализации», ограничивающейся лишь

Вместе с тем в нефтедобывающих и в других развивающихся странах, идущих по капиталистическому пути, имеются круги местной буржуазии, которые рассматривают иностранный капитал как своего прямого конкурента. Однако, как отмечает академик Е. М. Примаков, соперничество групп крупной и средней национальной буржуазии с иностранным капиталом все чаще дополняется сотрудничеством с ним. Некоторые сферы не только местной частнособственнической буржуазии, но и государственного сектора нефтедобывающих монархических государств доклинают свой «патриотизм» не столько борьбой против засилья иностранного капитала, сколько стремлением установить наиболее благоприятные условия сотрудничества с ним¹.

Как для иностранного, так и для местного частного капитала, тем более в лице военно-бюрократической буржуазии, государственный сектор часто выступает в роли наиболее надежного контрагента и гаранта их обогащения. Используя его как почти «бездонную кормушку», многие члены шахской семьи, генералы, крупные чиновники, различного рода маклеры и спекулянты заставляли работать государственный сектор в интересах ускоренного становления такой модели независимого капиталистического развития, которое зиждилось бы на базе взаимовыгодного «партнерства» с неокOLONиализмом. При помощи государства феодальные нефтекраты и бюрократическая буржуазия пытаются насаждать капитализм. Вот почему госсектор нужен был шаху Ирана. Он сохраняется до сих пор и саатовским режимом в Египте, ибо используется не для укрепления экономической независимости страны, а в первую очередь для обогащения командирской и военно-бюрократической буржуазии.

Империалисты рассчитывают, что реакционные правители, феодальные круги, опирающиеся на местную компрадорскую и военно-бюрократическую буржуазию, став компаньонами и союзниками западных монополий, сумеют создать такие военно-полицейские государства, которые способны укрепить феодально-капиталистические отношения и защитить интересы неокOLONиализма в целом.

Однако широкие народные массы, различные слои трудового населения, и даже мелкая национальная буржуазия в странах, где сохраняются феодально-капиталистические отношения, приобщаются к «нефтяному процветанию» в рамках неокOLONиалистской системы в весьма ограниченной степени. Такое «процветание», как это имело место в Иране, лишь увеличило занятость населения и расширило ассортимент импортируемых в страну товаров, которые чаще всего были недоступны для подавляюще-

---

скупкой 100 процентов акций иностранных нефтяных компаний в монархических государствах, раскрывается в книге Р. Н. Андреасяна и А. Д. Казюкова «ОПЕК в мире нефти». М., 1978.

¹ См.: *Примаков Е.* Некоторые проблемы развивающихся стран.— Коммунист, 1978, № 11, с. 84—85.

го большинства населения Зато иранский народ подвергался фактически тройной эксплуатации — транснациональных корпораций, шахской камарильи и компрадорско-бюрократической буржуазии. Последняя, выступая в роли посредника между ТНК, феодально-буржуазными нефtekратами и государственным сектором, обогащалась не столько от торговли и других сфер мнимого «нефтяного процветания», сколько от подлинного процветания коррупции, системы взяток, поборов и различного рода спекуляций. В результате расширялась пропасть между богатством и бедностью. По данным Международного банка реконструкции и развития, более половины всех иранцев жили ниже порога бедности, около 30 процентов недоедали и четверть всех новорожденных не доживали до одного года.

Рост недовольства народных масс относительным, а в ряде случаев и абсолютным унижением, а также ущемлением их национально-религиозных чувств, обогащение и коррупция правящей верхушки, разочарование патриотически настроенной интеллигенции и мелкой буржуазии, которые не имели элементарных демократических свобод и питали ненависть к откровенно деспотическим, военно-полицейским методам правления, — все это способствовало накоплению горючего материала, способного взорвать прогнившую государственную систему и всю военно-бюрократическую структуру. Именно такой взрыв и произошел в Иране.

Шах, который имел, по свидетельству иностранной печати, «мощные вооруженные силы», оснащенные самым современным оружием, широко разветвленную систему разведки, городскую полицию, жандармерию, отборную дворцовую гвардию и вдобавок огромный аппарат американских военных советников и специалистов, оказался бессильным противостоять напору революционных масс.

По приказу шаха расстреливались мирные демонстрации населения и жестоко подавлялись массовые патриотические выступления народа. Антимонархическая революция в Иране не вылилась в гражданскую войну только потому, что армия в конце концов присоединилась к восставшему народу. Однако это не была бескровная революция. В результате кровавых столкновений в Тегеране и других городах были убиты десятки тысяч человек и сотни тысяч получили ранения. Если же выступления 1978—1979 годов рассматривать как продолжение антимонархической революции начала 50-х годов, то за ее победу отдали жизнь сотни тысяч сыновей и дочерей иранского народа, которые стали жертвами не только шахской охранки САВАК, но и американского ЦРУ.

Однако стремление народа к свободе не в состоянии оказались остановить не только штыки шахской армии и полиции, но и еще более внушительные силы, которыми обладает современный неокOLONиализм.

В самый разгар иранского кризиса на страницах американской печати оживленно обсуждались проблемы, связанные с выяснением причин и виновников катастрофы в Иране. Главный акцент при этом делался особенно на ее возможные последствия для региональных и глобальных интересов США. Как бы подводя итог публичной дискуссии об «уроках Ирана», журнал «Нью рипаблик» писал, что в результате этого спора важно было выяснить не столько виновников кризиса, сколько его стратегические последствия. Излагая позиции различных «команд» по этой проблеме, журнал приводил слова Г. Киссинджера о том, что провал в Иране является частью «постепенного краха прозападных правительств»¹. Но дело не только и не столько в субъективных причинах. В интервью английскому журналу «Экономист» Г. Киссинджер вынужден был признать, что дело не в каких-то «кознях» Советского Союза, не в «скованности» ЦРУ и не в нерешительности шаха, а в неправильных представлениях США о «возможных политических последствиях быстрого экономического роста» при сохранении архаичных государственных структур². Вместе с тем журнал «Форчун» усматривал одну из причин иранского кризиса в том, что Вашингтон «слишком был поглощен дипломатией Кэмп-Дэвида»³, советовал из «промахов» и «неудач» сделать необходимые выводы. Выработка правильного курса, по мнению журнала, должна начаться на основе нового сознания того, что «другие страны в конечном счете не принадлежат нам, и поэтому мы не можем их проигрывать или выигрывать. Если есть какой-то урок, который американцы должны были извлечь из вьетнамской трагедии,— резюмировал журнал,— так это то, что мы не можем декретировать ход событий в древних странах, на которые их собственная история, культура и религия оказывают колоссальное влияние. Если политическая роль буддизма в Юго-Восточной Азии часто сбивала с толку, то роль ислама в Иране еще больше поставила в тупик творцов американской политики»⁴.

«Неоисламизм» и неоколониализм

В связи с событиями в Иране и консолидацией мусульманских стран на основе противодействия израильской агрессии и капитулянтству Садата в США и в Западной Европе стали все чаще раздаваться призывы к пересмотру оценки роли исламского движения на современном этапе. В западной и арабской пе-

---

¹ New Republic, 3. II. 1979

² The Economist, 10. II. 1979.

³ Fortune, 12. III. 1979.

⁴ Ibidem.

чати до сих пор ведутся дискуссии о «феномене» так называемого «неоисламизма».

В самом деле, вопрос о роли ислама и вообще религии в современных освободительных движениях приобрел в последнее время весьма актуальное значение. На него нельзя дать однозначный ответ, ибо роль религии в них столь же противоречива, как и во всяких социальных революциях и движениях.

Классики марксизма-ленинизма подчеркивали необходимость диалектического, конкретно-исторического подхода к оценке политической роли религии. Как и национализм, она имеет две стороны — прогрессивную и реакционную. Каждая из них по-своему проявляется на различных исторических этапах в зависимости от того, где, когда и — главное — какими классами и социальными силами выдвигаются национальные и религиозные лозунги, чьи интересы они отражают и какие политические цели преследуют.

Чаще всего религия, находясь на службе господствующих эксплуататорских классов, выступает в реакционной роли. В ряде же случаев, носящих в исторической перспективе эпизодический характер, религиозные идеи могут выражать одну из форм протеста эксплуатируемых масс против национального или социального угнетения.

В статье «Проект программы нашей партии» В. И. Ленин отмечал: « выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития ..»¹

На различных этапах истории арабских народов борьба против эксплуататоров и иноземных завоевателей, например крестоносцев, часто принимала религиозную окраску. В эпоху империализма колонизаторам не только удалось быстро приспособиться к исламу, но и в значительной степени использовать его в своих корыстных целях.

В переводе с арабского «ислам» означает покорность. Для западноевропейских колонизаторов было выгодно, чтобы арабы и другие мусульманские народы оставались как можно дольше безропотными и послушными рабами, воспринимающими свое бесправное положение как «предопределение» или «волю аллаха».

Свое господство над колониями империалисты обеспечивали грубой силой и коварством. Власть над людьми держалась не только на силе, но и на внушении мусульманским народам покорности, предписываемой исламом. Непокорные объявлялись врагами ислама, отступниками от мусульманской веры

Колонизаторы искусно использовали национальную и религиозную рознь между людьми, исповедующими ислам различного толка. Сталкивая турков с арабами, арабов с персами, персов

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

с курдами, курдов с белуджами и т. д., империалисты одновременно натравливали одних мусульман против других суннитов против шиитов, ваххабитов против исмаилитов, друзов против алавитов...

Заодно с колонизаторами в большинстве случаев действовали и феодально-теократические круги, а также правое крыло национальной буржуазии. Они также стремились направить исламскую религию и некоторые религиозные организации, вроде «Братьев-мусульман», на борьбу против освободительных революций и социального прогресса

Еще совсем недавно стремление мусульман к единству выражалось главным образом в панисламистском движении, лидеры которого при поддержке империалистических кругов пытались объединить реакционные режимы мусульманских государств на антикоммунистической основе. Как ни пытались панисламисты представить это движение в виде некоего объединения «восточных народов», его реакционная сущность наглядно проявилась в годы «холодной войны», когда под флагом ислама была предпринята попытка сколотить под эгидой США и Англии блок мусульманских государств сначала в рамках Багдадского пакта, а затем — СЕНТО.

После освобождения от колониального ига народы многих мусульманских стран сделали выбор некапиталистического пути развития. В этих странах, особенно тех, которые стали придерживаться социалистической ориентации, наряду с сохранением пережитков старых традиционных форм общественного сознания все большее распространение получали идеи научного социализма. Те же государства, которые оказались после получения политической независимости втянутыми в сферу зависимого капитализма, унаследовали вместе с насаждаемыми там капиталистическими производственными отношениями бездуховность буржуазного общества. Господствующие там элиты, оставаясь политическими и экономическими союзниками неокolonизаторов, оказывались в конечном счете моральными банкротами. Они не в состоянии найти и выдвинуть сколько-нибудь популярные лозунги, способные идейно вооружить и воодушевить народ. Образовавшийся, таким образом, идеологический вакуум стал вновь заполняться в ряде случаев такой традиционной формой массового сознания, как исламская религия.

Это своеобразное «возрождение» ислама, как и национализма, происходит потому, что в определенных условиях и в ограниченных рамках они еще не исчерпали полностью антиимпериалистического содержания. Борьба за укрепление национальной независимости, преодоление неравноправия и отсталости, противодействие империализму, равно как и выступления против антинародных диктатур и социального неравенства, иногда разворачиваются и в наши дни под религиозными лозунгами. Подобные процессы могут развиваться и в аграрных странах с преоб-

ладающими докапиталистическими отношениями, и, как показали события в Иране, в странах зависимого капитализма.

«...Апелляция к «Духу», — писал В. И. Ленин, — есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки»¹.

Эта ленинская характеристика состояния общественного сознания в переломные периоды актуальна и в наше время для понимания процессов в ряде освободившихся стран зависимого капитализма, где сохраняются одновременно старые, докапиталистические социально-экономические структуры, которые подвергаются сейчас исторической ломке.

Довольно сильное еще влияние религиозных и националистических лозунгов в некоторых освободившихся странах объясняется именно той мобилизующей ролью, которую они сыграли в период борьбы против колониализма, послужив идейной платформой для объединения различных социальных и этнических групп, исповедующих одну веру и проживающих в пределах одного государства или региона.

Западная печать, анализируя причины и возможные последствия иранской революции, вынуждена была признать ее социальные корни. «Мятеж иранского народа против тирании, — писал «Монд дипломатик», — является выражением отказа целой нации от определенной модели социального и экономического развития, которая была навязана ему извне»². Эту же мысль проводил и американский журнал «Прогрессив». «Политические наблюдатели Запада, — отмечал журнал, — часто забывали, что в мусульманской религии, как и в христианстве, имеется сильный элемент социального эгалитаризма. Управляя страной с помощью небольшой богатой, в значительной мере продажной элиты, шах оскорблял веру многих мусульман в равенство всех людей»³.

Именно по этой причине религиозно-политический руководитель Ирана аятолла Хомейни в интервью американскому журналисту объяснил антиимпериалистическую направленность революции тем, что американцы поддерживали шаха, который фактически объявил войну всему иранскому народу. «Поддержка такого преступника, подавляющего наш народ, — заявил Хомейни, — это хуже и причиняет нам больше зла, чем прямое состояние войны с американцами»⁴.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 102.

² Le Monde Diplomatique, 1978, Decembre.

³ Progressive, 14. I. 1979.

⁴ Seven Days, 23. II. 1979.

Одна из характерных особенностей современной «исламской революции» заключается в том, что она направлена уже не против какой-то конкретной колониальной державы, как это имело место на первом этапе национально-освободительной борьбы, а против самой системы неоколониалистской эксплуатации, против капитализма в целом.

События в Иране показали, что «революционная оппозиция» социальному и национальному угнетению может выступать, как и в средневековье, в религиозной форме там, где, во-первых, до сих пор сохраняются отсталые, с атрибутами средневековья, социально-экономические отношения, во-вторых, где преобладающую часть населения составляет неграмотная или малообразованная масса крестьянства, ремесленников, мелкой буржуазии, находящихся под влиянием религиозной идеологии. Ислам для многих из них в течение определенного периода служит знаменем борьбы за национальную независимость и социальную справедливость.

Своеобразие и противоречивость национально-освободительных революций под флагом ислама в наши дни заключается в том, что их религиозная окраска обеспечивает наиболее массовый характер антиимпериалистическим движениям в условиях, когда отсутствуют влиятельные политические партии, способные возглавить общенародную борьбу. В этом, очевидно, и состоит пугающая Запад сила так называемого «неоисламизма».

Этот процесс носит антиимпериалистическую направленность и поэтому прогрессивен по своей сути. И от того, что эта борьба в силу особенностей той или иной страны ведется под религиозными лозунгами, ее прогрессивный характер не меняется.

Советский Союз поэтому решительно поддержал революцию в Иране. «Советские люди,— подчеркнул Л. И. Брежнев в приветственном послании первому президенту Исламской Республики Иран А. Банисадру,— с пониманием и симпатией относятся к борьбе иранского народа против продолжающихся происков империализма, за осуществление своего неотъемлемого права самому решать, как ему жить дальше»¹.

Антимонархическая революция в Иране, которая развивалась и победила не только под религиозными, но и политическими лозунгами антиимпериалистической направленности, усиливающаяся изоляция Каира в мусульманском мире как результат капитулянтства Садата перед Тель-Авивом и Вашингтоном по-новому проявили некоторые тенденции и потенциальные возможности исламского движения. Неурегулированность арабо-израильского конфликта, продолжающаяся под покровительством США оккупация Израилем арабских земель, в том числе Восточного Иерусалима, где расположены мусульманские святыни, полное забвение национальных интересов некоторыми про-

¹ Правда, 1980, 4 февраля.

западными лидерами и правыми кругами буржуазии — все это дало новый импульс процессу революционизирования и консолидации мусульманских стран на антиимпериалистической основе.

В ходе этого процесса все рельефнее стали проявляться те черты ислама, которые иноземные и местные эксплуататоры сознательно затушевывали, в то время как для широких масс, не обладающих научным мировоззрением, они имели немалую притягательную силу. Речь идет, например, об осуждении исламом коррупции и ростовщичества «Ислам по своему духу, если он правильно понят,— говорится в Национальной хартии, одобренной алжирским народом в июне 1976 года,— не имеет ничего общего ни с частными интересами, ни с отдельными религиозными деятелями... Ислам принес в мир возвышенную концепцию человеческого достоинства, которая осуждает расизм, шовинизм, эксплуатацию человека человеком»¹.

Мера воздействия религии на политические процессы в конечном итоге зависит от того, какие классы и социальные силы приходят к власти, во имя достижения каких конкретных целей они ведут борьбу.

В период колониальных войн империалисты сначала противопоставляли одну религию другой для оправдания захвата чужих территорий. В одних случаях они навязывали покоренным народам силой или обманом религию колонизаторов, в других — заставляли служить своим целям местную религию. Если раньше империализм широко использовал в своих целях межрелигиозную рознь для разобщения различных отрядов национально-освободительного движения, то в наши дни, не отказываясь от этой старой тактики, неоконизаторы пытаются налаживать мосты между различными религиозными течениями, объединить их якобы в интересах «защиты веры» от «безбожников». Подлинные цели империалистов состоят в том, чтобы увековечить неоконизалистское господство, использовать религиозные лозунги для борьбы против идеологии и практики реального социализма.

Жонглируя словами «религия», «вера», «бог», империалисты пытаются представить основные социально-классовые противоречия и главное из них — между социализмом и капитализмом — как противоборство веры и атеизма, морали и безнравственности, верности религиозным устоям и «безбожного коммунизма». Выдавая себя за защитников религии, а марксистов — за врагов всех верующих, они стремятся вбить клин между социалистическими странами и освободившимися государствами. Препятствуя верующим понять, кто их друг, а кто — враг, неоконизаторы и их приспешники хотят помешать дальнейшему развитию освободительного движения.

---

¹ Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики. 1976. М., 1979, с. 31.

Весьма показательно, что в изобретенную З. Бжезинским так называемую «дугу нестабильности», вычерченную в виде исламского полумесяца, оказались включенными главным образом мусульманские страны Азии и Африки.

Между тем «кризисный полумесяц» — это новое изобретение неокolonизаторов. Они пытаются создать впечатление, будто кризисы и нестабильность — это естественное состояние, характерное якобы именно для региона с преимущественно мусульманским населением. На самом деле, эти кризисы — результат прежде всего империалистической политики. Против империализма всегда боролись и борются мусульманские народы, видя в нем орудие национального и социального угнетения. Значительная часть мусульманского населения воспринимает ислам как своеобразную форму проявления не только патриотизма, но и протеста против этого угнетения.

Однако «исламская революция» имеет и другую, консервативную сторону, поскольку ее идеалы обращены не в будущее, а как бы в прошлое. Для нее характерна своеобразная ностальгия по «добрым старым временам», когда якобы царила всеобщая справедливость. Ей присуща фанатичная вера в некоего «богоизбранного» вождя или нового пророка — мессию. Протест под лозунгами ислама против пороков современного капитализма обращается иногда и против многих атрибутов современной цивилизации и научно-технического прогресса. Попытки же отдельных лидеров «неоисламизма» положить в основу создаваемых новых политических структур отжившие средневековые религиозные догматы шариата, внедрить их в современную жизнь и перенести в будущее неминуемо отбрасывают подобные движения в прошлое.

Появление различных теорий, призванных совместить как социалистические лозунги, так и элементы националистических и религиозных воззрений, отражает стремление наполнить старую оболочку ислама новым содержанием, отвечающим современным задачам антиимпериалистической революции и назревших социально-экономических преобразований.

Прогрессивность подобных теорий весьма ограничена. Политические лозунги в религиозной или националистической оболочках, претендующие на отражение «всеобщих» национальных интересов, затушевывают узкоклассовые интересы лидирующих группировок, связанных с национальной буржуазией или иностранным капиталом. Вместе с тем такие лозунги, неправильно отражающие реальную действительность, искажают насущные запросы и требования трудящихся масс, усугубляют стихийность их выступлений, накладывают печать региональной ограниченности, препятствуют классовой сплоченности и укреплению единства мирового антиимпериалистического движения.

В тех случаях, когда религия и национализм самоизолируются или становятся идеологической формой гегемонистских

устремлений, они легко эволюционируют из идеологии национально-освободительной борьбы в идейно-психологическое оружие неокOLONиализма для подавления прогрессивных сил. Они могут и часто приобретают откровенно антикоммунистическую, антисоциалистическую направленность¹.

Такая трансформация происходит еще и в силу того, что малообразованные религиозные массы видят в исламе лишь нечто вроде прибежища, где можно изолироваться от внешнего мира, от всех чуждых влияний Запада, чтобы сохранить национальные традиции и «чистоту ислама». Этому процессу всячески способствуют силы неокOLONиализма, стремящиеся не только оторвать «исламскую революцию» от мирового антиимпериалистического движения, но и противопоставить ему. Они сознают, что вовлекаемые в освободительную революцию мусульманские массы, провозглашая свою принадлежность к исламу, чаще всего подчеркивают не столько свою религиозность, сколько протест против империализма, «западного мира» с его «ценностями», утверждают свое стремление к независимости и социальной справедливости. «Не будучи в силах открыто выступить против такой интерпретации ислама,— писал Председатель Ливанской компартии Н. Шауи,— буржуазные идеологи всячески стараются выхолостить ее положительное содержание, пытаются сбить с толку народные массы, призывая для этого на помощь фанатиков — обскурантистов, добиваются того, чтобы от ислама, оружия борьбы с империализмом, остался лишь религиозный фанатизм, что дало бы возможность обратить его против этой борьбы»².

Империалисты резко меняют свое отношение к той или иной религии, например к исламу, в зависимости от того, какой гранью она к ним поворачивается. В тех случаях, когда под исламскими лозунгами происходят революционные выступления антиимпериалистической и антиссионистской направленности, как это имело место в Алжире, Ливии, а затем в Иране, империализм объявляет чуть ли не «крестовый поход» против ислама, усматривая в нем смертельную угрозу «цивилизации Запада». Когда же знамя ислама пытаются развернуть контрреволюционные и реакционные силы, будь то в Египте при президенте Насере или в сегодняшнем Афганистане, вчерашние воители с исламом тут же объявляют себя его «союзниками» и даже «защитниками».

Именно такая попытка сбить с толку народы исламского мира была предпринята неокOLONиалистским альянсом империализма и мусульманской реакции в связи с ирано-американским кризисом и срывом контрреволюционного заговора в Афганистане

---

¹ См.: Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974, с. 381.

² Проблемы мира и социализма, 1979, № 6, с. 5.

После свержения шаха империалисты США грозили применить против Ирана не только экономические санкции, но и всю свою военную мощь для подавления «исламской революции». Одновременно они вместе с пекинскими гегемонистами делали все возможное, чтобы дискредитировать, а затем и задуть апрельскую революцию в Афганистане. Подрыв осуществлялся изнутри с помощью палача афганского народа — Амина, который физически уничтожил первого руководителя Демократической Республики Афганистан — Нур Мухаммеда Тараки и истребил тысячи афганцев, в том числе мусульман, видных исламских духовных лиц, а также извне — силами наемников и религиозных фанатиков, которых вооружали и обучали в соседних странах американские, китайские и египетские инструкторы.

После выдворения американских «специалистов» из Ирана многие из них окопались в Пакистане, откуда они направляют борьбу против Афганистана.

Контрреволюционным силам оказывалась самая широкая помощь в разжигании религиозной и племенной борьбы в Афганистане, в организации кровавых мятежей, провоцировании массовых убийств не только активистов Народно-демократической партии Афганистана, но и мирных жителей. Убивали учителей за то, что они осмелились учить девушек, женщин — за то, что они сняли паранджу, крестьян — за то, что они согласились взять землю, принадлежавшую ранее помещику.

И этих убийц империалистическая пропаганда называла «мусульманами», а их жертвы — «неверующими коммунистами». Империалистические круги и контрреволюционные силы хотели, лишив корней афганскую революцию, повернуть развитие событий вспять не только в Афганистане. Они планировали использовать его территорию как военный плацдарм и базу контрреволюции, направленные одновременно против Советского Союза и иранской революции, против освободительных движений на Ближнем и Среднем Востоке. Не с этой ли целью готовилось отторжение от Афганистана нескольких его провинций на востоке (Бадахшан, Кунар и Лагман) и на западе (Герат, Фарах и Нимруз)? Призывы к созданию «мини»-государств — одного суннитского и второго шиитского — лишь прикрывались религиозными лозунгами, но преследовали далеко идущие неокOLONиалистские цели.

Этим планам не суждено было сбыться. И вот тогда на Западе срочно был пущен в ход миф о «естественном враге ислама — СССР и верном защитнике мусульманских стран — США». Сначала на эту тему сделал несколько заявлений помощник президента США З. Бжезинский, а потом в развязанную империалистической пропагандой кампанию подключился и сам Дж. Картер. Выступая в начале февраля 1980 года на встрече представителей факультета по изучению ислама, он старался убедить мусульманские страны, будто США стремятся «развивать отно-

шения дружбы с исламским народом», а Советский Союз, дескать, угрожает «традиционным ценностям ислама».

Подключившись в кампанию оплакивания Амина, о котором еще сравнительно недавно американский журнал «Тайм» писал, что его руки «обогреты кровью» афганских мусульман, Картер, как и другие «защитники» ислама, не нашел, однако, ни одного доброго слова по адресу новых афганских руководителей. А ведь именно правительство Бабрака Кармаля сделало все возможное, чтобы не только исправить ошибки прошлого и наладить отношения со служителями культа, но и продемонстрировать исламский характер Демократической Республики Афганистан. В январе 1980 года Революционный совет обратился к народу с заявлением, в котором подтверждалось намерение властей уважать религию и служителей культа. Всем служителям культа, муллам и шейхам племен, оказавшимся за пределами Афганистана, разрешено возвратиться на родину и заниматься религиозной деятельностью. Правительство торжественно провозгласило, что сейчас в стране обеспечена полная свобода совести для представителей различных религий и направлений ислама.

С помощью лжи и грубого нажима империалистическим кругам при содействии местной реакции удалось все же сбить с толку некоторых руководителей мусульманских стран, навязать обсуждение так называемого «афганского вопроса» на созванной в конце января 1980 года в Исламабаде чрезвычайной сессии Исламской конференции. Однако по настоянию ряда арабских стран этой сессии пришлось принять резолюции не только по так называемому «афганскому вопросу» и надуманной «советской угрозе», но и по вопросам реальной угрозы арабским и исламским странам со стороны сил империализма и сионизма.

Народы мусульманских стран хорошо знают, каким целям служит фальшивая забота об исламе, проявляемая империалистами и их слугами. Они на историческом опыте и неопровержимых фактах имели возможность убедиться, что империалисты всегда были и остаются врагами мусульманских стран, а Советский Союз и другие страны социалистического содружества являются их верными союзниками в общей антиимпериалистической борьбе. И если с этой непреложной истиной не посчитались некоторые участники сессии Исламской конференции в Исламабаде, то у народов мусульманских стран есть достаточно четкие и ясные критерии того, кто их враг и друг. Арабские и мусульманские народы, подчеркивалось в заявлении министров иностранных дел стран — участниц Национального фронта стойкости и противодействия, хорошо сознают замыслы неокolonизаторов, стремящихся разыграть в своих целях «исламскую карту» и разжечь враждебную кампанию против Советского Союза и Демократической Республики Афганистан.

Стремясь подорвать доверие мусульманских народов к Советскому Союзу, неокolonизаторы, как отметил министр иностран-

ных дел Сирии А. Х. Хаддам на состоявшихся в конце января 1980 года в Дамаске переговорах с А. А. Громыко, преследуют в отношении арабского мира несколько целей: «Во-первых, лишить арабов их друга, неизменно поддерживавшего арабские страны в их борьбе против израильской агрессии и в других делах. Во-вторых, окружить Советский Союз и подорвать его авторитет в странах «третьего мира», что позволило бы империализму втянуть их в свою орбиту, подорвать их независимость и прогресс». Не Советский Союз, заключил Хаддам, а тот, кто поощряет израильскую агрессию, обеспечивая ее помощью и поддержкой, должен фигурировать в списке врагов ислама и мусульман. «Ислам был и всегда останется движением, враждебным гнету, колониализму и угнетению. В этом своем содержании он носит антиимпериалистический и антисионистский характер»¹.

В процессе антиимпериалистической борьбы и социальных битв сформировались различные отряды революционной демократии и выдвинулись многие выдающиеся деятели освободительного движения (Г. А. Насер, Х. Бумедьен и др.), которые, оставаясь приверженцами ислама, на практике осуществляли, а их единомышленники до сих пор продолжают проводить курс социалистической ориентации. Передовые, демократические организации в мусульманских странах не противопоставляют научный социализм исламу. Они убеждены, что действительное соблюдение традиционных моральных, социальных, эгалитарных черт ислама не вступает в противоречие с борьбой за социальный прогресс, не противоречит принципам научного социализма при решении задач экономического и социально-культурного развития².

Будь то в Афганистане или в Иране, контрреволюционные силы с помощью террора, диверсий и саботажа делали все возможное, чтобы дезорганизовать политическую и экономическую жизнь этих стран, вбить клин между мусульманскими массами и революционными демократами, посеять между ними недоверие и, по возможности, столкнуть их друг с другом, преследуя при этом главную цель — направить исламское движение в русло антикоммунизма.

Журнал «Жён Африк» в дискуссионной статье о характере иранской революции особо указывал на опасные признаки проявляемой определенными кругами в Иране «нетерпимости к левым силам, особенно коммунистам», составляющим «одну из фундаментальных сил иранской революции». Если иранская революция, писал журнал, «хочет сохранить свой прогрессивный характер, она должна опираться на единый фронт, синтезирующий в себе вместе с исламским и демократическим также марк-

¹ Правда, 1980, 28 января.

² См.: Ульяновский Р. А. Современные проблемы Азии и Африки. Политика. Экономика. М., 1978, с. 86.

систское направление», ибо только оно способно «наполнить революцию социальным содержанием». Если даже не принимать марксизм как мировоззрение, подчеркивал журнал, нельзя отрицать, что «идеи народности и равноправия разработаны в марксизме фундаментальнее, изложены более четко и ясно, чем в исламе»¹. Автор цитируемой статьи в заключение резюмировал, что в ходе революции, аналогичной иранской, нет серьезных препятствий для объединения «исламского, марксистского и либерально-демократического» направлений, которые должны «любой ценой сохранить общий фронт» борьбы против империализма и социальной несправедливости.

По существу, эту же мысль о необходимости наполнения «возрожденного ислама», или «неоисламизма», прогрессивным антиимпериалистическим содержанием подчеркнул в интервью журналу «Африк-Ази» и глава Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии М. Каддафи: «Не забывайте, — сказал он, — что первоначально ислам был революционным. Он был создан для борьбы с несправедливостью, коррупцией, расчленением общества на классы». При этом Каддафи особо подчеркнул, что «если не произойдет преобразования ислама в прогрессивную революцию, он будет заброшен и отойдет в прошлое»².

Недавние события на Ближнем и Среднем Востоке убедительно показали, что исламское движение объективно приобретает все более антиимпериалистическую направленность, по мере того как трудящиеся-мусульмане активнее включаются в борьбу за лучшее будущее и отстраняют от руководства феодальные и буржуазные круги. При этом условии оно не может не выступать союзником сил национального освобождения, революционных демократов и других прогрессивных отрядов антиимпериалистического фронта. Именно в едином фронте трудящиеся, как верующие, так и неверующие, сумеют выкорчевать остатки колониализма и воплотить в жизнь свои сокровенные идеалы и чаяния.

Как записано в Национальной хартии Алжирской Народной Демократической Республики, в нашу эпоху решающих социальных перемен мусульманские народы призваны освободиться от пережитков феодализма, деспотизма и обскурантизма во всех их формах «Мусульманские народы, все более и более усиливая свою борьбу против империализма и твердо вступив на путь социализма, осуществят наилучшим образом предписания своей веры и приведут свои действия в соответствие со своими принципами»³.

---

¹ Jeune Afrique, 7 Mais 1979, p. 37.

² Afrique-Asie, 1979, Mais, p. 21.

³ Национальная хартия Алжирской Народной Демократической Республики. 1976, с. 32.

«Доктрина Картера» — неоколониалистский гибрид

Армады военных кораблей, подтянутых к берегам Персидского залива и Аравийского моря... С ревом поднимающиеся с палуб авианосцев самолеты, готовые в любой момент обрушить смертоносный груз на нефтяные сооружения Ирана и арабских стран... Еще более устрашающий рев срочно переброшенных сюда из США стратегических бомбардировщиков Б-52... Спешащие на всех парах десантные суда с американскими морскими пехотинцами... Вместо «челночных» вояжей дипломатов и политиков «челночные» инспекции и поездки американских генералов... Длительные маневры у входа в Персидский залив американских и английских кораблей... Совместные полеты американских и египетских военных самолетов над Суэцким каналом и Аравийским полуостровом... Прибывающее морем и по воздуху оружие различного производства — американского, английского, французского, западногерманского, шведского и даже... китайского: самолеты, танки, орудия, ракеты, радары... Горы оружия всех видов и всех классов. Это оружие предназначено на тот случай, если продавцам придется «быстро реагировать» для спасения своих клиентов — вроде иранского шаха, президента Садата или султана Омана...

Все это наглядно иллюстрировало «новую стратегию», которая стала осуществляться на Ближнем и Среднем Востоке на исходе 70-х годов, еще до того, как президент США сформулировал сначала в совете предпринимателей, а затем в традиционном послании «О положении страны» так называемую «доктрину Картера».

После того как враги разрядки международной напряженности сделали все возможное, чтобы возродить атмосферу «холодной войны», добившись решения о размещении новейшего ракетно-ядерного оружия в Западной Европе, они с особым рвением принялись за нагнетание военного психоза на Ближнем и Среднем Востоке. Общественность арабских и других стран с тревогой констатировала на пороге 80-х годов, что самое крупное после второй мировой войны сосредоточение американского военноморского флота у берегов Ирана и Аравийского полуострова, попытки широкого вмешательства во внутренние дела Афганистана весьма напоминают ту ситуацию, которая предшествовала развязыванию вооруженных агрессий и интервенций во второй половине 50-х годов, совершавшихся, кстати говоря, под такой же аккомпанемент антисоветской шумихи.

Снова, как и во времена Эйзенхауэра и Даллеса, администрация США пыгается обосновать свою откровенно империалистическую политику рассуждениями об отсутствии стабильности

и некоем «вакууме» в обширном регионе вокруг Персидского залива, об угрозе прекращения поставок нефти Западу и о пугающем воздействии на него «перемен после революции в Иране» и «неопределенного будущего во многих странах развивающегося мира».

Крики об «угрозе» Западу со стороны «неоисламизма» иранской революции, а затем об «угрозе», исходящей якобы от ограниченного контингента советских войск, направленных в Афганистан по просьбе его законного правительства, для того и понадобились Вашингтону, чтобы оправдать наращивание прямого американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке, а также рекордную программу гонки вооружений. Двадцать два из тридцати трех разделов внешнеполитической части послания американского президента полностью или частично посвящены военным приготовлениям США и их союзников, а также планам возможных их действий с применением вооруженных сил в самых различных районах мира, и в первую очередь на Ближнем и Среднем Востоке. Объявив зону Персидского залива «жизненно важным районом для Соединенных Штатов» и их союзников, Дж. Картер в своем послании откровенно заявил, что страны этого региона лишены права самим распоряжаться природными богатствами. «Отказ поставить нефть нам или другим,— подчеркивается в послании,— поставил бы под угрозу нашу безопасность и вызвал бы еще более серьезный экономический кризис, чем великая депрессия 50 лет назад, причем это привело бы к радикальному изменению нашего образа жизни. В прошлом году мы начали расширять свои возможности переброски своих вооруженных сил в район Персидского залива и сейчас изучаем возможность более активного использования военных объектов в этом районе. Мы увеличили свое военноморское присутствие в Индийском океане. Наши силы быстрого развертывания... можно было бы использовать в поддержку дружественных правительств в районе Персидского залива и Юго-Западной Азии, а также в других районах»¹.

Из этой тирады становится ясно, что ни одна нефтедобывающая страна не может без разрешения Вашингтона распоряжаться своей нефтью. Зато американские нефтяные монополии, судя по посланию, хотят сохранить за собой право диктата, который подкреплялся бы «силами вторжения», то есть сотысячным корпусом интервентов, подкрепленных всей мощью военно-морского флота и авиации США, готовых пустить в ход даже «тактическое» ядерное оружие. Все возможные варианты использования такого оружия были заранее, еще за два года до объявления «доктрины Картера», рассмотрены в докладе Пентагона, озаглавленном «Военные варианты в Персидском заливе», о котором в феврале 1980 года поведала газета «Нью-Йорк таймс»².

¹ За рубежом, 1980, № 6, с. 10.

² The New York Times, 4. II. 1980.

В этом докладе содержались рекомендации создать помимо «корпуса быстрого реагирования» также специальный контингент для экстренного восстановления ущерба, который может быть причинен нефтепромыслам в этом районе.

Таким образом, изложенная Картером и уточненная Пентагоном «новая стратегия» является выражением самого открытого гегемонизма. В ней открыто изложены и «обосновываются» с цинизмом колонизаторов далеко не новые претензии американского империализма на роль мирового жандарма. В этом отношении «доктрина Картера» представляет собой не очень оригинальный гибрид прежних империалистических доктрин, которые безуспешно пытались проводить после второй мировой войны предшественники Картера. Почти каждый из них — Трумэн, затем Эйзенхауэр в соавторстве с Даллесом, а потом и Никсон в соавторстве с Киссинджером — тоже выдвигал доктрину с гегемонистскими претензиями.

По убеждению Дж. Вутена, официального биографа Дж. Картера, «он стал президентом именно потому, что страна была разочарована старой музыкой. Он (Картер) обещал новые песни». Но на пороге 80-х годов из Белого дома прозвучала песня со старыми вариациями. Ее вернее было бы называть даже не песней, а попури из старых мелодий, набивших оскомину в десятилетия «холодной войны».

«Возрождая «холодную войну», — писал журнал «Ньюсуик», — и применяя к Юго-Западной Азии доктрину военного сдерживания, президент Картер мнит себя наследником Гарри Трумэна». В самом деле, фактически «доктрина Картера» возвращает политику США к тому, чего тщетно домогался Трумэн, с той только разницей, что пресловутый 4-й пункт программы Трумэна об оказании американской «помощи» распространялся на отдельные страны выборочно и по просьбе их правительства, а в 80-х годах американская администрация хотела бы навязать «военное покровительство» США сразу, оптом, группе освободившихся государств, особенно нефтедобывающих стран Персидского залива, не дожидаясь от них никаких просьб и не спрашивая даже на то их согласия»¹.

Газета «Вашингтон пост», сравнивая «новую стратегию» Картера с доктриной Эйзенхауэра — Даллеса, писала, что «по мере того как все глубже в умы людей проникает смысл президентского послания «О положении страны», оно обретает форму не столько новой доктрины Картера, сколько возрожденной старой и отброшенной даллесовской доктрины «массированного возмездия», обанкротившейся потому, что она не вызывала к себе доверия»².

Сопоставляя отдельные фрагменты обеих доктрин, касаю-

---

¹ Newsweek, 18. II. 1980.

² The Washington Post, 24. I. 1980.

щиеся Ближнего Востока, обозреватель «Нью-Йорк таймс» Дж. Рестон находит их почти адекватными. Вместе с тем, признавая, что «доктрину Картера» никак нельзя назвать «новой», Рестон отмечает, что она не представляет собой буквального повторения заявления Эйзенхауэра. Она не просто развивает его, но и идет гораздо дальше в части, касающейся экспансионистских устремлений и гегемонистских претензий США. Эйзенхауэр определял обязательства США «использовать вооруженные силы для оказания помощи любой стране или группе стран» только в том случае, если они попросят о таковой, и лишь под предлогом отражения «вооруженной агрессии со стороны государств, находящихся под контролем международного коммунизма». Картер же оговаривает себе такое право даже без обращения к США за помощью со стороны любого государства и не только в случае «вооруженной агрессии» против него, но и при «любой попытке какой-либо посторонней силы установить контроль над районом Персидского залива»¹.

В «доктрине Картера» намеренно не уточняется, что следует понимать под «попытками какой-либо посторонней силы установить контроль» в зоне Персидского залива и какими рамками ограничивается этот район, входящий в сферу «жизненно важных интересов США». Ясно, что цель таких расплывчатых и многозначительных формулировок — использовать любые политические события, касающиеся межгосударственных отношений или социальных перемен в этом регионе, для прямой вооруженной агрессии США.

Для того-то, очевидно, и понадобилось Картеру, как пишет Рестон, сделать «новое эффектное заявление», не заручившись даже предварительным согласием своих союзников и других государств этого региона быть соучастниками такой авантюристической и весьма рискованной политики Вашингтона. В противном случае не было бы нужды в появлении «доктрины Картера», тем более что «доктрина Эйзенхауэра», по убеждению Рестона, «все еще отражена в американском законодательстве» и, оказывается, до сих пор имеет юридическую силу (?!), хотя все были уверены, что она давно уже списана в архив и выброшена на свалку истории.

Администрация Картера не прочь, конечно, была бы включить в свою «новую стратегию» чисто неоколониалистские компоненты, позаимствовав их из «доктрины Никсона». Естественно, она тоже отдала бы предпочтение тому, чтобы за интересы США воевали американским оружием арабы против арабов, персы против персов или афганцы против афганцев. Однако в свете революционных потрясений в Иране, антиамериканских выступлений во многих мусульманских странах и усиливающейся изоляции в арабском мире режимов, которые вступили в от-

---

¹ The New York Times, 28. I. 1980.

крытый сговор с империализмом, больше приходится рассчитывать на свои собственные силы.

Менее чем через неделю после провозглашения «новой стратегии» Картер в беседе с группой редакторов американских газет признал, что для ее осуществления «Соединенным Штатам понадобится вся помощь, какую они только могут получить от своих друзей, старых и новых». Поэтому, как писал журнал «Ньюсуик», срочно и были направлены не только в Европу, но и на Ближний Восток, в район Персидского залива и в Африку высокопоставленные эмиссары американской администрации, дабы, по выражению журнала, нарастить «мясо» на «скелет» картеровской доктрины¹.

Вместе с возрождением империалистической «дипломатии канонеров» встал вопрос и о возрождении с некоторыми коррективами стратегии «коллективного колониализма», составляющего стержень политики современного неоколониализма. Таким образом, провозглашение «новой» доктрины, как мы видим, вовсе не означало полного отказа от старых концепций.

Приспосабливаясь к новым условиям и учитывая постоянно изменяющееся не в пользу империализма соотношение сил на мировой арене, неоколониализм на каждом этапе делает особый акцент на тех или иных методах, используя вместе с тем весь арсенал приемов, выработанных империалистами в предшествовавшие периоды. Однако тот факт, что «доктрина Картера» отдает предпочтение прямым военным методам, а не косвенным (экономическим) формам воздействия на освободившиеся страны, свидетельствует о глубоком кризисе всей неоколониалистской системы. Он находит отражение и в социально-экономической политике, и в военной стратегии, и в идеологии неоколониализма.

Кризис социально-экономической политики наиболее убедительно и ярко проявился в антимоноархической и антиимпериалистической революции в Иране. Военно-политический аспект кризиса неоколониалистских методов нашел наглядное проявление в безрезультатных попытках навязать с их помощью арабским странам «кэмп-дэвидский мир» как одну из форм установления господства неоколониализма на Ближнем и Среднем Востоке. Обострившийся же конфликт между капиталистическим Западом и мусульманским Востоком стал одним из ярких отражений идейно-морального кризиса неоколониализма, поскольку речь фактически идет об отказе капитализму в моральном доверии исламской религией, считавшейся недавно его надежным союзником.

Каковы особенности современных методов неоколониализма и какие коррективы пытаются внести империалисты в свою стратегию в этих условиях?

---

¹ Newsweek, 4. II. 1980.

Как и прежде, она разрабатывается и по мере возможности реализуется в рамках *коллективных* методов при главенствующей роли США, что не исключает конкурентной борьбы между капиталистами и не снижает остроты межимпериалистических противоречий. Основные усилия неокOLONиализма направляются на то, чтобы воспрепятствовать социально-экономическому прогрессу освободившихся стран. При этом учитывается, что сфера маневров и воздействия капитализма на развивающиеся страны резко сократилась: появление социализма в качестве мировой системы, дальнейший рост могущества и влияния социалистических стран ограничили возможности империализма, подорвали его монополию на займы, кредиты, поставки оборудования, вооружений, на помощь кадрами. Ликвидация колониальной системы лишила прежние метрополии рычагов прямого политического контроля над освободившимися странами. Примирившись с политической независимостью бывших колоний и полуколоний, империализм стремится сохранить главное — удержать их в рамках капиталистической системы в сфере своего влияния в качестве объектов эксплуатации, прибегая к коллективным методам — экономическим, политическим, идеологическим и военным. В этом выражается сущность политики современного неокOLONиализма, его приспособления к новой, изменившейся международной обстановке.

Коллективный характер его методов вытекает из основной политической особенности неокOLONиализма как колониализма без колоний. Империалистические государства, утратив политическое господство над бывшими колониями, не имеют возможности каждое в отдельности претендовать на монопольное сохранение там своих экономических и военных позиций.

Экономическое проникновение в эпоху империализма принимает коллективную форму прежде всего в силу транснационального характера самого монополистического капитала. Девять десятых всего экспорта частного капитала в 70-х годах осуществлялось по каналам транснациональных корпораций (ТНК). Их экономическое вторжение, особенно в нефтедобывающие арабские страны с консервативными режимами и до последнего времени в Иран, оказывало все большее воздействие на их хозяйственную жизнь, превращая экономику этих государств в филиалы международных монополистических гигантов.

Из числа других экономических методов современного неокOLONиализма используется также отказ в поставках современной техники даже тем странам, которые в состоянии заплатить за нее, дискриминация в области цен, эмбарго на ввоз из развивающихся стран ряда товаров, особенно «нетрадиционных», конкурирующих с производством бывших метрополий, а в некоторых случаях, как это имело место в отношении Ирана в период американо-иранского кризиса в 1979—1980 годах, принятие даже мер экономического бойкота, вплоть до установления блокады.

Для проникновения в другие, более бедные освободившиеся страны активно используется метод предоставления на кабальных условиях различных видов экономической и финансовой «помощи». Она поступает по государственным и частным каналам из главных капиталистических центров — развитых стран Северной Америки, Западной Европы и Японии; в тех случаях, когда капиталисты извлекают наибольшую выгоду из предоставления кредитов и «помощи», они, как правило, направляются по частной или государственной линии и сопровождаются даже конкурентной борьбой. Когда же финансовые инъекции в экономику и «помощь» преследуют больше военно-политические цели, они все чаще осуществляются по государственным каналам или через международные финансовые организации типа Международного банка реконструкции и развития (МБРР) и Международного валютного фонда (МВФ). Более того, в подобных ситуациях США стремятся переложить на своих союзников часть финансовых обязательств или создать с их участием международные консорциумы, вроде специальной консультативной группы по изучению состояния экономики Египта, в которую входят 11 капиталистических государств.

В социально-экономической сфере неокOLONиализм пытается использовать тот факт, что правящие элиты, пришедшие к власти в освободившихся странах, в ряде случаев не только не заинтересованы в углублении социальных преобразований, а наоборот — стремятся их тормозить. Часто они готовы за определенную плату выполнять роль «младших партнеров» капиталистических «центров». Именно в этих странах наиболее активно внедряются частнокапиталистические отношения, наиболее широко используются рецепты МБРР и МВФ. Однако опыт того же Египта показывает, что такой путь неизбежно ведет к обнищанию широких народных масс и порабощению того или иного освободившегося государства империализмом. В тех случаях, когда правящие элиты, будь то феодальные или буржуазные, идут на открытый сговор с империализмом, они, по существу, порывают с освободительным движением.

В политической и идеологической областях империалисты предпринимают попытки совместными усилиями «деидеологизировать» национально-освободительную борьбу, оторвать ее от мирового антиимпериалистического движения, направив ее в русло национализма или сепаратизма. Этой же цели служат раскол прогрессивных сил, провоцирование антикоммунизма и антисоветизма, разжигание всякого рода межнациональных, территориальных, межплеменных и религиозных конфликтов.

Использование неокOLONиализмом новых, более изощренных методов для сохранения в сфере своего господства освободившихся стран отнюдь не означает отказа от «проверенных» военно-политических методов старого колониализма — субсидирова-

ния террористических групп, организации переворотов и заговоров, разжигания междоусобных конфликтов, грубого военного диктата и военной интервенции. После позорного провала интервенции во Вьетнаме США предпочитали совершать военные акции против других стран чужими руками. Однако посылка военных флотов в район Персидского залива и юга Аравийского полуострова, создание «сил быстрого реагирования» для действий на Ближнем Востоке говорят о том, что метод прямой военной интервенции не снят американским империализмом с повестки дня. Именно американский империализм остается главной ударной силой международного империализма, и без его поощрения, санкции или прямого участия остальные страны, в том числе и Израиль, не решаются на военную интервенцию.

Особая роль в арсенале неоколониалистских средств отводится стимулированию гонки вооружений на Ближнем и Среднем Востоке и созданию военно-политических альянсов.

Каких бы противоположных мнений ни придерживались сторонники и противники сепаратного египетско-израильского договора, одна истина остается бесспорной. Договор, названный «мирным», увеличил военную опасность на Ближнем Востоке. Нельзя строить сколько-нибудь надежный мир на пирамиде из американского оружия, под которой продолжают тлеть непотушенные угли ближневосточного пожара. Эта затея представляется тем более безнадежной, что такой «мир» пытаются «сбалансировать» новыми, еще более широкими поставками американского оружия.

Разница между политикой в торговле оружием участникам арабо-израильского конфликта, проводимой администрацией Картера и его предшественниками, заключалась лишь в незначительном нюансе. Никсон, как он пишет в своих мемуарах, сразу же после окончания октябрьской войны запросил конгресс о выделении Израилю срочной помощи в размере 2,2 миллиарда долларов, стараясь вместе с тем проводить политику вооружения Израиля в таких пределах, чтобы он «не мог пренебрегать переговорами»¹. Администрация же Картера продолжала вооружать Тель-Авив все увеличивающимися темпами и в таком масштабе, которые позволили бы ему во время переговоров с Саадом диктовать арабам свои условия мира.

Американский ученый П. Джаббер признал, что именно возрастающие поставки вооружения на Ближний Восток и в зону Персидского залива в значительной степени способствовали расширению конфликта и обострению обстановки в этом регионе в целом. При этом «арабо-израильский конфликт остается первой потенциальной искрой и очагом крупнейшей политической и военной нестабильности во всем регионе Ближнего Востока». Согласно приведенным им данным, США продали и поставили

---

¹ *Nixon R. The Memoires, vol. 2. New York, 1979, p. 489.*

в порядке «помощи» вооружения Израилю, некоторым арабским государствам и Ирану только в 1974 году на общую сумму около 7 миллиардов долларов по сравнению с 1,2 миллиарда долларов в 1950—1963 годах¹. В 1978 году американские военные поставки этим странам оценивались уже на сумму более 10 миллиардов долларов, из них около 2 миллиардов долларов приходилось на долю Израиля. Всего США в 1974—1978 годах поставили Тель-Авиву вооружения и боевой техники на сумму, превышающую 10 миллиардов долларов. Помимо продажи американского оружия на коммерческой основе США выделили в 1980 финансовом году для оказания безвозмездной военной помощи всем своим клиентам 4,3 миллиарда долларов, из которых более 70 процентов предназначается ближневосточным странам, в основном Израилю и Египту².

Если гонка стратегических вооружений в глобальном масштабе мешает углублению процесса разрядки международной напряженности, то наращивание арсенала оружия в горячих точках планеты затрудняет ликвидацию там очагов напряженности и, способствуя расширению региональных конфликтов, препятствует вовлечению освободившихся стран в процесс разрядки. Для развития их экономики она становится самым ощутимым тормозом, теми непосильными веригами, которые затрудняют их движение по пути прогресса и укрепления национальной независимости. Процесс милитаризации освободившихся стран истощает их ресурсы, усиливает зависимость от системы неокOLONиализма, разжигает старые, доставшиеся в наследство от колониализма, распри и разногласия и способствует появлению новых конфликтов и локальных войн. Вот почему для всех освободившихся стран гонка вооружений выступает в роли универсального орудия неокOLONиализма, принимает все большие масштабы и развивается рекордными темпами.

Соединенные Штаты Америки выступают главным застрельщиком раздувания гонки вооружений на Ближнем Востоке. Только за 70-е годы они увеличили продажу оружия за рубежом примерно в 13 раз. В 1978/79 финансовом году США продали иностранным государствам оружия больше, чем все остальные страны, вместе взятые. При этом принципиально изменились потоки направления этого оружия. Если во второй половине 60-х и в самом начале 70-х годов основная часть экспорта американского оружия приходилась на страны Юго-Восточной Азии, то в последующие годы больше половины направлялось на Ближний Восток. Только на три страны — Иран, Саудовскую Аравию и Израиль — в 1974 финансовом году приходилось 82 процента, в 1975 году — 50, а в 1978 году — более 70 процентов общего объе-

---

¹ Hurewitz J. (ed.). Oil, The Arab-Israel Dispute and the Industrial World. Horizons of Crisis. Colorado, 1977, p. 154, 161.

² См.: Новое время, 1979, № 25, с. 22.

ма продажи американского оружия за границей, а с учетом его поставок Египту, Кувейту, Объединенным Арабским Эмиратам, Иордании и ряду других ближневосточных стран на весь регион Ближнего Востока приходится не менее 80 процентов американского экспорта оружия¹. С 1975 по 1978 год только в Саудовскую Аравию американские военные поставки, которые были оплачены наличными, оценивались в 5,1 миллиарда долларов, а общая стоимость заключенных ею контрактов на закупку американского оружия составила 15,3 миллиарда долларов².

С 1971 по 1979 год объем заказов всех ближневосточных стран на американскую боевую технику увеличился почти в девять раз. На эти страны пришлось по крайней мере четыре пятых всех зарубежных поставок США в 1979 году. По данным американских официальных источников, они возросли за этот период с 10,4 миллиарда до 16,4 миллиарда долларов³.

С одной стороны, гонка вооружений на Ближнем Востоке, как и в других районах мира, служит целям обогащения империалистических монополий и преодолению финансовых трудностей, связанных с ростом инфляции в капиталистическом мире.

С другой стороны, гонка вооружений помогает империализму укреплять свои военно-политические позиции в освободившихся странах, оказывает воздействие на формирование их политического курса. Вот почему американский план ближневосточного урегулирования тесно увязывался не с гарантиями обеспечения подлинной безопасности, а с так называемыми «сбалансированными» обязательствами США насчет новых поставок американского оружия Израилю, Египту и некоторым другим ближневосточным государствам. По этой же, очевидно, причине на заключительном этапе переговоров о заключении сепаратного договора, как отмечала западная печать, более важную, если не основную, роль играли не дипломаты, а военные министры (Г. Браун от США, Э. Вейцман и бывший министр обороны М. Даян от Израиля и К. Х. Али от Египта).

Вместе с тем Вашингтон, стараясь как-то «задобрить» критиков сепаратного египетско-израильского договора, одновременно сделал жест в сторону Саудовской Аравии и Марокко. Сначала было принято решение увеличить продажу оружия Эр-Рияду на 1,2 миллиарда долларов⁴, а позднее было объявлено о продаже дополнительного вооружения Марокко и Тунису. В условиях неликвидированности западносахарского конфликта и обострения алжиро-марокканских, мавритано-марокканских, ливийско-тунисских отношений такое решение было расценено арабской общественностью не только как вовлечение США в эти

---

¹ См.: Международная жизнь, 1978, № 6, с. 97.

² U. S. News and World Report, 2. IV. 1979.

³ См.: Новое время, 1979, № 25, с. 23; За рубежом, 1980, № 5, с. 6.

⁴ U. S. News and World Report, 30. VII. 1979.

конфликты, но и как враждебный акт в отношении народов Алжира, Мавритании, Ливии и Западной Сахары.

Продажа оружия Тель-Авиву и арабским клиентам Запада производится на принципиально различных основах как в финансово-экономическом, так и в военно-технологическом отношении. Задавая тон в гонке вооружений на Ближнем Востоке, Израиль оплачивает ее больше чем наполовину за счет притока американских кредитов и субсидий, а также денежных пожертвований сионистских организаций, то есть в конечном итоге при активном содействии транснациональных корпораций. Эти суммы достигают 3 миллиардов долларов в год. Израиль не только импортирует оружие в больших масштабах, но и сам производит различные его виды. Если в 1976 году Израиль поставлял оружие 40 странам на общую сумму 320 миллионов долларов, то в 1978 году его экспорт оружия превысил 1 миллиард долларов. В этом бизнесе он конкурирует уже с рядом развитых капиталистических стран¹.

Таким образом, правящие круги Израиля используют гонку вооружений и как предлог для выкачивания дополнительных субсидий от США и международных сионистских организаций, и как источник получения больших экспортных доходов.

Тот факт, что Израиль занимается не только экспортом, но и реэкспортом оружия (поставляя, например, различное американское вооружение ливанским правохристианским формированиям), уже сам по себе говорит о многом.

Следует также иметь в виду, что Израиль получает от США наиболее современные виды оружия (например, самолеты F-15 и F-16) еще даже до того, как они поступают на вооружение некоторых европейских стран. Израиль сделал заказы на самые новейшие американские истребители F-18.

Западное оружие поставляется другим ближневосточным, особенно нефтедобывающим, странам с оплатой наличными. Продавая им военную технику, империалистические монополии возвращают себе значительную часть средств, полученных этими государствами за нефть.

Широкие поставки западного оружия, включая чрезвычайно сложную военную технику и оборудование, в освободившиеся страны, создание там современной инфраструктуры, а также некоторых отраслей военной промышленности усиливают военнотехническую зависимость этих государств от Запада, расширяют возможности воздействия на национальные кадры их вооруженных сил.

Характеризуя действия механизма, с помощью которого утверждаются позиции военного неокOLONIALИЗМА, американский журнал «Форин афферс» писал, что процесс увеличения зависимости этих стран от Запада, и в особенности от США, проис-

---

¹ Newsweek, 6. IX. 1979, p. 33; Новое время, 1979, № 25, с. 22.

ходит потому, что «оборудование, технология как для нового оружия, так и для новых отраслей промышленности должны поступать извне, зависеть от решений иностранцев, а современная сложная техника требует сотен и тысяч западных специалистов, которые должны помочь обучить местных жителей»¹.

С ростом закупок американского и другого западного оружия возрастает не только военно-техническая, но и политическая зависимость освободившихся стран от системы неокOLONиализма. Этому способствует, во-первых, сохранение и создание американских военных баз или различного рода военных объектов. Во-вторых, в силу технологической отсталости эти страны для освоения закупаемого оружия и эксплуатации военных объектов вынуждены обращаться к услугам всякого рода американских и других специалистов и советников. К началу 1977 года только в Иране и Саудовской Аравии находилось более 80 тысяч американцев, а к 1980 году их число предполагалось довести — если бы, конечно, не помешала иранская революция — чуть ли не до 150 тысяч человек².

Присутствие такой армии «тихих американцев» значительно усугубляет суверенные права государств — покупателей западного оружия и открывает большие возможности для иностранного вмешательства в их внутренние дела. Тем более что в ряде случаев поставки американского оружия арабским странам прямо или косвенно обуславливаются жесткими ограничениями в его применении. Когда же это не представляется возможным, США, чтобы не нанести вред «особым отношениям» с Израилем, уступают дорогу своим западноевропейским конкурентам. Такая политика преследует сразу несколько целей. Во-первых, сглаживает противоречия с союзниками по НАТО, во-вторых, помогает избежать острых трений с Израилем и сионистским лобби в США, в-третьих, способствует укреплению позиций неокOLONиализма в арабском мире, особенно в нефтедобывающих странах. Именно поэтому Вашингтон, не отказываясь от экспорта американского оружия в арабские государства и по возможности стараясь даже его расширять за счет приобретения новых клиентов, вместе с тем не препятствует и развитию военных связей между арабскими странами и Западной Европой.

Вот уже несколько лет Израиль — опять же не без помощи США — усиленно осуществляет свою ядерную программу. В западной печати не раз появлялись сообщения о том, что в арсенале Тель-Авива имеется ядерное оружие. Он даже провел испытание ядерной установки совместно с ЮАР. Не скрывают и того, что в его разработке Израилю была оказана необходимая научная и техническая помощь со стороны США и других

---

¹ Foreign Affairs, 1977, October, p. 102.

² United States Arms Policies in the Persian Gulf and Red Sea Areas, p. 9.

западных стран. По оценке западных экспертов, Израиль уже в настоящее время располагает от одного до двух десятков единиц ядерного оружия и необходимыми средствами их доставки¹. Такая «атомная дубинка» в руках израильских экспансионистов при определенной ситуации может стать не только орудием психологического устрашения, но и реальной угрозой для стран Ближнего Востока и Африки.

Таким образом, в результате по-новому «сбалансированной» ближневосточной политики США стала еще большими темпами наращаться гонка вооружений, а следовательно, и увеличиваться угроза международному миру и безопасности. Бесперспективность такого курса состоит в том, что гонка вооружений, как показали события в Иране, в конечном итоге не только ложится тяжелым бременем на экономику освободившихся стран, но и создает все новые очаги напряженности.

В стремлении вновь утвердить «военное присутствие» США и их союзников по НАТО на Ближнем и Среднем Востоке особенно наглядно проявляется империалистическая сущность «доктрины Картера», ставящей снова во главу угла стратегию заполнения «вакуумов» и «отбрасывания» освободительных революций.

Несмотря на, казалось бы, доказанную самой историей полную несостоятельность теории заполнения «вакуумов», глава Пентагона еще в начале 1978 года, то есть за два года до официального провозглашения «доктрины Картера», заявил о готовности США к вооруженному вмешательству во внутренние дела всех государств Ближнего Востока и зоны Персидского залива, если события там будут развиваться не так, как этого хотелось бы США².

По существу, идея заполнения «вакуумов» была возрождена и взята на вооружение администрацией Картера сразу же вскоре после прихода ее в Белый дом. В начале 1977 года министр обороны Г. Браун впервые выдвинул концепцию, согласно которой США должны быть готовы вести в любое время «полторы войны»: одну — в зоне ответственности НАТО и «половину», то есть ограниченную локальную войну, — в любом другом районе, где возникает опасность создания «вакуума» и тем самым ставятся якобы под угрозу «национальные интересы» Соединенных Штатов³.

Как писал французский журнал «Монд дипломатик», «эта концепция» «полтора войн» означала, что, по мнению Соединенных Штатов, их национальная безопасность может оказаться под угрозой как в случае гипотетической войны между

---

¹ Lefevr E Nuclear Arms in the Third World, U. S. Policy Dilemma. Washington, 1979, p. 52.

² Foreign Affairs, Spring 1979, p. 823.

³ The Financial Times, 5. VII. 1979.

Востоком и Западом в Европе, так и в силу экономических и политических пертурбаций в третьем мире»¹.

Некие признаки создающихся «кризисных очагов» и «вакуумов» то в зоне Персидского залива, то в бассейне Красного моря, то в других регионах высскивались Пентагоном еще до кульминации иранского кризиса, специально, чтобы создать повод для «посредничества» или военного вмешательства Вашингтона.

При этом отчетливо проглядывалось стремление использовать «посреднические» услуги в урегулировании местных конфликтов или всевозможные экстренные меры по «тушению пожаров» в первую очередь для укрепления военно-политических и экономических позиций США в этих регионах.

Однако, в отличие от других региональных конфликтов, в отношении которых США пытались хотя бы создавать видимость «нейтральности» или «беспристрастности», администрация Картера в вопросах урегулирования на Ближнем Востоке даже не старалась скрыть произраильской ориентации. Одним из наиболее опасных последствий такого курса явилась усилившаяся вовлеченность США в ближневосточный конфликт. Новая ситуация поставила военных стратегов США перед новой трудной дилеммой. Теперь нужно было либо перепоручить охрану нефтяных интересов Запада на Ближнем Востоке в еще большей степени Израилю и для этого настолько укрепить его, чтобы он был в состоянии самостоятельно выполнять полицейско-карательные функции в этом регионе, либо идти еще дальше по пути наращивания прямого военного присутствия США на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива.

Представляя мир на Ближнем Востоке в виде «сбалансированной» огромной чаши с нефтью, покоящейся на пороховой бочке, Вашингтон, очевидно, руководствуется следующим соображением: если Израиль приобретет «стратегическую автономию», то значительно отстающие от него в научно-техническом отношении такие арабские государства, как Египет, Саудовская Аравия, княжества Персидского залива, окажутся в результате увеличивающихся поставок им современного американского оружия в еще большей военно-политической и экономической зависимости от США.

Вместе с тем в милитаристских кругах Соединенных Штатов, видимо, полагают, что арабы, в частности Саудовская Аравия, после капитуляции Садата не в состоянии будут отразить новую израильскую агрессию, и вот тогда американская армия сможет выступить в роли их «защитника» или «миротворца».

Не отвергая вариант использования Тель-Авива в качестве дубинки против арабских нефтедобывающих стран, Вашингтон на основе расширившихся после заключения сепаратного египетско-израильского договора новых возможностей стал уже не

¹ Le Monde Diplomatique, 1979, Juillet.

в теоретическом, а в практическом плане рассматривать идею создания специальных «сил вторжения» или так называемого «корпуса быстрого реагирования» для использования их в конфликтных районах, в первую очередь в зоне Персидского залива.

Идея «сил вторжения» не нова. Она является развитием давнишнего проекта создания специальных американских сил вмешательства для подкрепления «глобального военно-морского присутствия» США. Эти силы должны быть готовы к быстрой переброске в любую точку «третьего мира», где создается угроза экономическим и военным интересам Запада. Что касается глобального «военно-морского присутствия», то оно уже на практике осуществляется Вашингтоном на протяжении нескольких десятилетий в различных регионах мира, в том числе на Ближнем и Среднем Востоке. По данным, приводимым в исследовании Брукингского института в Вашингтоне, с 1946 по 1975 год США 215 раз использовали свои вооруженные силы за рубежом, при этом в 177 случаях — с развертыванием ВМС для выполнения как «дипломатических» (демонстрация силы), так и военных задач¹.

Еще в 1948 году было специально создано ближневосточное оперативное соединение ВМС, корабли которого периодически курсировали у юга Аравийского полуострова, причем три американских корабля постоянно находились в Персидском заливе. С января 1972 года район к востоку от Суэца был включен в зону ответственности 7-го (Тихоокеанского) флота, а Восточное Средиземноморье и район к западу от Суэца — в зону ответственности 6-го флота. В бассейне Индийского океана и в Средиземном море регулярно проводились маневры и учения с участием не только кораблей США, но и их союзников по блокам НАТО, СЕНТО и АНЗЮС. Только в бассейне Индийского океана за период с 1971 по июль 1979 года побывало 18 американских авианосных соединений и более 20 раз американские корабли прибегали здесь к «демонстрации силы» против прибрежных, в том числе арабских, государств².

Однако какими бы ни были масштабы военно-морского присутствия США на Ближнем и Среднем Востоке, они всегда казались недостаточными американским военным стратегам. Пентагон настойчиво добивался расширения военного присутствия, повышения активности ВМС и усиления координации их деятельности с союзниками. Бывший начальник штаба ВМС США адмирал Э. Замуолт признает в своих мемуарах «На вахте», что он и его единомышленники в Пентагоне настаивали на том, чтобы это присутствие было «постоянным, регулярным и по возможности скоординированным с англичанами, австралийца-

---

¹ *Blechman B., Kaplan S. Force without War. U. S. Armed Forces as a Political Instrument.* Washington, 1978, p. 38—39.

² См.: США: экономика, политика, идеология, 1979, № 10, с. 22.

ми и другими союзниками, имеющими для этих целей военные корабли»¹.

После вывода английских войск из зоны Персидского залива и ухода Англии из района «к востоку от Суэца» Вашингтон попытался применить к этому району провозглашенную Никсоном «гуамскую доктрину», то есть распространить политику «вьетнамизации» на Ближний и Средний Восток «Вакуум» стал быстро заполняться американским оружием, а также американскими советниками и специалистами, однако в отличие от Индокитая это предоставлялось уже не бесплатно, а за деньги, из тех самых нефтяных доходов ближневосточных стран, которые резко возросли в 1973—1974 годах. В те годы главный упор был сделан не на наращивание прямого американского военного присутствия, а на увеличение экспорта американского вооружения и поощрение создания местных вооруженных сил в зависимых от США нефтедобывающих странах Ближнего и Среднего Востока. Как писал американский журнал «Нейшн», в период Никсона — Киссинджера — Форда политика США в области поставок оружия за границу базировалась на «предоставлении дружественным правительствам оружия, достаточного для того, чтобы они могли противостоять угрожающим им внутренним силам, не прибегая к прямому вмешательству американских войск, на формировании «особых отношений» с ведущими региональными державами, с тем чтобы переложить военное вмешательство на плечи своих младших партнеров»².

С приходом к власти администрации Картера она стала делать все больший упор на наращивание одновременно с косвенным и прямого военного присутствия США в районе Ближнего и Среднего Востока.

Военная политика администрации Картера, писал Луис Краар в журнале «Форчун», базировалась на концепциях, которые нашли отражение в совершенно секретном меморандуме, известном как «президентская директива-18» (ПД-18). В этом документе признавалось, что в современном мире военная сила сама по себе уже не столь эффективна, как в старые времена. Ряд богатых нефтью и другими природными ресурсами стран, такие, как, например, Саудовская Аравия, стали «новыми влиятельными субъектами международных отношений», которые уже далеко не полностью подчиняются Соединенным Штатам, и поэтому, чтобы добиться их дружбы, американская внешняя политика должна принимать во внимание не только свои, но и их цели. Главный упор в отношении таких стран предлагалось делать не столько на «демонстрацию силы», сколько на «демонстрацию поддержки»³.

---

¹ *Zumwalt E. On Watch. A Memoir. New York, 1976, p. 363.*

² *Nation, 9. VI. 1979.*

³ *Fortune, 10. VI. 1978, p. 127.*

Наряду с усилением НАТО в Европе документ предписывал уделять больше внимания укреплению позиций на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива. Этот регион, который объявлялся в документе «наиболее вероятным районом конфронтации» между двумя сверхдержавами, уже тогда впервые был включен в зону «жизненно важных интересов» США, распространявшуюся как на нефтеносные районы, так и на Израиль. По важности для «национальной безопасности» США этот регион был приравнен бывшим председателем Комитета начальников штабов Дж. Брауном к Западной Европе, Японии и Корее. Исходя из пресловутой концепции готовности США вести «полторы войны», он считал возможным начать ради предотвращения утери контроля над Персидским заливом «полувойну», не боясь даже перерастания ее в «большую войну».

С этой целью было рекомендовано иметь постоянные мобильные ударные силы как в рамках НАТО, так и «односторонние», то есть американские, которые могли бы быть срочно использованы в случае резкого обострения обстановки на Ближнем Востоке, включая и вспышку нового арабо-израильского конфликта. Кроме того, в подготовленном Дж. Брауном «секретном» меморандуме в подобной ситуации предусматривалось «развертывание военно-морских и, возможно, сухопутных сил США», а также готовность и способность США совместно с местными силами и силами союзников по НАТО «задержать развитие конфликта»¹.

Приблизительно тогда же, в середине 1978 года, министр обороны США Гарольд Браун в своем ежегодном докладе о бюджете на 1979 финансовый год охарактеризовал Ближний Восток как важнейшее из пяти региональных направлений, поскольку оно непосредственно связано с двумя проблемными направлениями, имеющими отношение к «национальной безопасности» США,— проблемой энергетики и контроля над вооружениями². При этом Г. Браун энергетическую проблему, тесно связанную со «стабильностью на Ближнем Востоке», выделил как первостепенную, так как она включает в себя достижение таких важных для США целей в энергетической политике, как «обеспечение безопасного доступа» к энергосырью для Соединенных Штатов и их союзников, а также предотвращение перехода источников энергетического сырья в «недружественные руки»³.

В следующем годовом докладе конгрессу по вопросам бюджета военного ведомства на 1980 финансовый год Г. Браун под влиянием, очевидно, нарастающего иранского кризиса, форму-

---

¹ Fortune, 10, VI, 1978, p. 128—130.

² Posture of Defence in Department of Defense Appropriations F. Y. 1979. Washington, 1978, p. 28—30.

³ Ibid., p. 24—25.

лируя политическую стратегию США на начало 80-х годов, хотя и сделал оговорку, что США не должны играть роль «мирового полицейского» и вмешиваться во все конфликты, тем не менее подчеркнул наличие такой необходимости там, где «возникает угроза американским интересам».

Из всех районов он опять особо выделил Ближний Восток. Г. Браун заявил, что, во-первых, у США «имеются глубокие моральные и исторически обусловленные обязательства в отношении независимости и территориальной целостности Израиля»; во-вторых, Соединенные Штаты, Западная Европа и Япония во многом зависят от ближневосточной нефти. Исходя из этого, подчеркнул Г. Браун, «стабильность» на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива «имеет существенное значение для благополучия Соединенных Штатов и западных демократий»¹.

Американские политические деятели и военные руководители неоднократно заявляли о намерении и готовности направлять боевые корабли США в «любые районы земного шара независимо от того, будут ли там вестись военные действия». Об этом говорили не только министры (Г. Браун, Дж. Шлесинджер), но и президент Дж. Картер, в частности, в своем выступлении 5 августа 1978 года на церемонии спуска на воду крейсера «Миссисипи» в Норфолке².

Когда же в феврале — марте 1979 года наступила развязка иранского кризиса, Совет национальной безопасности США и Комитет начальников штабов сразу же приступили к рассмотрению конкретных вариантов наращивания американского военно-морского присутствия на Ближнем Востоке, в районе Персидского залива и во всем бассейне Индийского океана. Именно тогда появились сообщения о намерении Пентагона создать в Индийском океане 5-й флот в составе от 15 до 50 кораблей и 2 авианосцев и выделить специальные ударные силы в виде «корпуса быстрого реагирования».

Планы создания отдельного флота в Индийском океане тоже рассматриваются в Соединенных Штатах не впервые. Этот вопрос дебатировался в 60-х и 70-х годах. Летом 1971 года в ходе дебатов в одной из комиссий палаты представителей конгресса не только обсуждался вопрос о создании отдельного командования ВМС США в зоне Индийского океана, но и было уже выдвинуто предложение о координации действий флотов США, Великобритании и Франции. Однако формирование постоянного флота в Индийском океане по ряду причин, в первую очередь по финансовым соображениям, было тогда признано нецелесообразным. С учетом увеличения расходов на строительство военных кораблей и инфляционных тенденций в экономике США создание такого специального флота в конце 1979 года

¹ Report of Secretary of Defense Harold Brown to the Congress of the F. Y. 1980. Budget F. Y. 1981. Washington, 1979, p. 54.

² См.: США: экономика, политика, идеология, 1979, № 10, с. 22.

оценивалось американцами суммой в пределах не менее 12—15 миллиардов долларов¹.

21—22 июня 1979 года на совещании межведомственного комитета по изучению политики, состоявшемся в Белом доме, были разработаны «специальные рекомендации» президенту относительно усиления американского военного присутствия в районе Ближнего Востока и Индийского океана. Пентагону было поручено подготовить план возможного использования американских вооруженных сил в регионе, предусматривающий создание флота США постоянного базирования в Индийском океане, увеличение поставок вооружений и «более тесное военное планирование с надежными государствами региона»².

Что же касается проекта формирования ударных сил, или, как их еще называют, войск вмешательства на односторонней основе, то он, по свидетельству американского специалиста М. Клэра, руководящего исследовательской программой «Милитаризм и разоружение», представляет собой, по существу, «довольно старый проект создания специальных сил для вторжения в пределы иностранного государства и оккупации его территории» в случае резкого изменения там политической и военной обстановки.

На языке Пентагона, пишет М. Клэр, это означает, что они должны быть способны «проникнуть силой, подавляя вооруженное сопротивление, на занятую противником территорию, находящуюся на большом удалении». Они могут быть также использованы для «демонстрации силы» в целях запугивания враждебных держав или оказания помощи союзническому правительству либо для того, чтобы оказать поддержку регулярным силам в случае крупного столкновения. В отличие от классических сил они должны быть способны оккупировать находящуюся в руках противника территорию далеко за пределами обычного переднего края круговой обороны»³.

Среди возможных ситуаций, при которых должны быть задействованы «силы вмешательства», рассматриваются такие варианты, как возникновение «внутренних беспорядков в жизненно важных для США районах», блокада важных путей снабжения Запада нефтью и «вторжение вражеских сил», а также два основных возможных сценария, предусматривающих как наиболее благоприятные условия, когда «какая-либо нефтедобывающая страна на Ближнем Востоке попросит о вмешательстве США», так и менее благоприятные, но более вероятные обстоятельства, когда, не дожидаясь никаких призывов, «придется быстро реагировать на прямую угрозу». Как отмечается в подготовленном исследовательским отделом Библиотеки конгресса США специальном докладе «Использование американских во-

¹ Times of India, 14. IV. 1979.

² The New York Times, 28. VI. 1979.

³ Le Monde Diplomatique, 1979, Juin.

оруженных сил для обеспечения поставок нефти из Персидского залива», подобные обстоятельства, «конечно, привели бы к созданию гораздо более сложной ситуации с возможностью эскалации до всеобщей ядерной войны»¹. Иными словами, вполне допускается возможность, что «корпус быстрого реагирования» может выступать инициатором развязывания не только локальной, но и глобальной войны.

Предполагается, что в состав создаваемого «корпуса быстрого реагирования», насчитывающего не менее 110 тысяч человек, войдут 82-я воздушно-десантная, 101-я аэромобильная дивизии, две дивизии морской пехоты, до тысячи истребителей и бомбардировщиков, около 500 транспортных самолетов, от двух до четырех соединений ВМС, включая авианосец². В случае, если всех этих сил окажется недостаточно, для ведения «половойны» могут быть выделены три пехотные дивизии, дополнительные воздушно-десантные части и подразделения командос, специально обученные для борьбы с партизанами, морские десантные силы, части тактической авиации. Весь контингент вмешательства, по оценке М. Клэра, может насчитывать не менее 600 тысяч военнослужащих, то есть примерно 28 процентов численности всех вооруженных сил США. На его содержание в 1980 финансовом году выделено 22 процента всего военного бюджета, что составляет 28,5 миллиарда долларов³.

Однако Пентагон считает, что всех этих сил все же недостаточно «для обеспечения безопасности основных американских интересов за границей», а главное, они не могут быть введены в действие «в достаточно короткий срок, если потребуются реагировать на крайне опасную ситуацию в районе Персидского залива»⁴. При этом американские стратеги ссылались на развивавшиеся с необычайной быстротой события в Иране, которые привели к падению шахского режима раньше, чем успела на них отреагировать администрация Картера.

Взятые США обязательства выступать гарантом обеспечения хрупкого «мира» на Ближнем Востоке в соответствии с заключенным в марте 1979 года сепаратным египетско-израильским договором дали сторонникам наращивания американского военного присутствия в этом регионе дополнительные доводы. Теперь они получили некие «юридические» основания не только для оправдания дальнейшей гонки вооружений под предлогом сохранения «баланса» сил на Ближнем Востоке, но и для утверждения там прямого военного присутствия США под видом гаранта сохранения этого «военизированного мира». Но еще важнее этих «юридических» оснований для Пентагона было заручиться реальными «подпорками», то есть базами, на которые

¹ The Middle East, 1979, June, p. 39.

² U. S. News and World Report, 12. III. 1979, p. 24.

³ Le Monde Diplomatique, 1979, Juin.

⁴ Ibidem.

можно было бы опереться при наращивании своего военного присутствия и с которых возможно было бы осуществлять постоянный контроль за всем регионом Ближнего Востока и сопредельными с ним районами, включая южные границы Советского Союза.

Для всех этих агрессивных целей США на основе подписанных с Израилем и Египтом соглашений планируют использовать как строящиеся с их помощью новые израильские базы в пустыне Негев, так и египетские базы на Синае после ухода оттуда Израиля, а также получить право на пользование их военно-морскими базами. Эти базы, писал лондонский журнал «Миддл Ист интернэшнл», будут играть главную роль при проведении совместных американо-египетских и американо-израильских военных и военно-морских учений в «районах, прилегающих к Аравийскому полуострову»¹. Арендная плата за эти базы может выплачиваться Израилю и Египту в форме различных военных поставок. Часть из них будет использоваться для оснащения их вооруженных сил, а излишки (поскольку размеры закупаемого Израилем и некоторыми другими ближневосточными странами американского оружия явно превосходят потребности их национальной обороны) могут создать именно тот необходимый готовый арсенал, который потребуются при развертывании перебрасываемых в этот район американских сил вторжения. По свидетельству израильской газеты «Едиот ахронот», Тель-Авив уже заранее дал согласие предоставить для использования американцами в зоне Персидского залива имеющиеся у него запасы оружия и боевой техники для того, чтобы формируемому в США «корпусу быстрого реагирования» не нужно было доставлять их из-за океана.

Имея в виду именно эти дальние цели, Вашингтон заключает не только с Израилем, но и с рядом арабских государств Аравийского полуострова контракты на выполнение строительных работ по созданию там развитой военно-экономической инфраструктуры (дороги, аэродромы, порты, склады, казармы и т. д.), которая также может использоваться американскими войсками на будущем театре военных действий при осуществлении «операций вторжения» или ведения там локальных войн.

Этими же соображениями, помимо чисто финансовых, очевидно, руководствуются США и их западноевропейские союзники, в обилии снабжая различными видами современного оружия Саудовскую Аравию и арабские княжества Персидского залива.

Есть еще и другие важные причины повышенного интереса и заигрывания Вашингтона с нефтяными монархами Аравийского полуострова. Одной осью с участием Тель-Авива и Каира явно недостаточно, чтобы утвердить американское военное присутствие на Ближнем Востоке. Даже считающаяся наиболее надежным союзником США из всех нефтедобывающих арабских стран Сау-

---

¹ The Middle East International, 22. VI. 1979,

довская Аравия, как писал американский журнал «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», хотя и не возражает против усиления американской роли в Персидском заливе, опасается присутствия американских вооруженных сил на своей территории и не хочет участвовать ни в какой поддерживаемой Вашингтоном программе обеспечения региональной безопасности¹.

Учитывая настороженное отношение, а еще чаще открытое недоверие арабских государств к Вашингтону из-за его откровенно произраильской позиции, США все более настойчиво добиваются активной поддержки своей ближневосточной политики со стороны западноевропейских союзников по НАТО. При этом вашингтонские политики и стратеги принимают во внимание как объективные, так и субъективные факторы.

Во-первых, капиталистические страны Западной Европы и Япония в не меньшей степени, чем США, заинтересованы в защите своих нефтяных и других экономических интересов в арабском мире, а посему должны, по убеждению Вашингтона, вносить свой финансовый и военный вклад в обеспечение «безопасности» этого региона.

Во-вторых, и Англия, и Франция располагают крупными силами вмешательства, которые могут оказаться полезными в случае возможного кризиса в Африке или на Ближнем Востоке, имея на вооружении по два авианосца каждая, парашютно-десантные части и силы подавления мятежей. К тому же Англия уже изъявила желание «восстановить» свое военное присутствие в районе «к востоку от Суэца», а Франция и Бельгия, как напоминает журнал «Монд дипломатик», на практике доказали свою готовность участвовать в «полицейских операциях», используя американские транспортные самолеты для защиты интересов Запада в Африке².

В-третьих, США для расширения своего военного присутствия и осуществления контроля за этим регионом начали совместно использовать сохранившиеся или бывшие английские военные базы в Средиземном море (на Кипре), в зоне Персидского залива (на острове Масира) и в Индийском океане (остров Диего-Гарсия). Воздушное наблюдение за выполнением египетско-израильского договора или за Ормузским проливом выдвигается при этом лишь как оправдание значительного увеличения американского военного присутствия на Ближнем и Среднем Востоке.

В-четвертых, после падения шаха в Иране монархические режимы нефтедобывающих арабских стран, с одной стороны, стали проявлять больший интерес к созданию некой системы «коллективной безопасности» в зоне Персидского залива, с другой — стремиться к большей самостоятельности от США и уста-

---

¹ U. S. News and World Report, 2. IV. 1979.

² Le Monde Diplomatique, 1979, Juillet.

новлению прямых экономических и военных связей с западноевропейскими государствами, занимающими умеренную позицию в вопросе ближневосточного урегулирования. Вместе с тем, как считают в Вашингтоне, появляются возможности играть не только на соперничестве между Ираном и Саудовской Аравией за лидерство в Персидском заливе, но и на взаимном недоверии между шиитами — иранцами и суннитами — арабами.

Все это, вместе взятое, служит Вашингтону основанием, как рекомендовал «Форин афферс», более энергично «подталкивать местные режимы к созданию региональных союзов и блоков» как на антисоветской, так и на антииранской основе. Одновременно журнал настоятельно советовал активно «приобщать к созданию таких блоков страны НАТО и Японию, которые больше, чем США, зависят от нефти Персидского залива... и выработать совместную «западную» политику и стратегию, в том числе в военной области, что позволит избежать одностороннего вовлечения США в кризисные ситуации в этом регионе»¹.

При этом автор цитируемой статьи недвусмысленно намекал на определенные «выгоды», которые могут извлечь США из обострения отношений между арабскими странами и Ираном, поскольку это помешает укреплению сотрудничества между ними «на антисионистской и пропалестинской основе». Поэтому США, резюмировал журнал, «должны всячески поощрять создание местных блоков и быть готовыми оказать им поддержку», учитывая, что «региональные союзы арабских режимов имеют гораздо больше возможностей, чем египетско-израильская коалиция в Средиземноморье»².

Исходя, очевидно, из всех указанных соображений, Вашингтон попытался «уравновесить» ось Каир — Тель-Авив на Средиземноморье неким подобием пакта в зоне Персидского залива под видом совместной защиты Ормузского пролива. На свет вновь был вытаскен давно скомпрометировавший себя проект «системы региональной безопасности», которую могли бы согласиться финансировать США, Великобритания, ФРГ и некоторые консервативные арабские режимы. Естественно, предполагалось, что они же выделили бы и соответствующие контингенты вооруженных сил. Об их составе, правда, скромно умалчивалось. Зато сразу же была названа в качестве приманки сумма в 100 миллионов долларов, которая якобы в любой момент могла быть выделена как первый пай. Этот проект поручили выдвинуть султану Омана Кабусу. Однако он нашел поддержку только в Каире. Во всех других арабских столицах проект был, как говорится, отвергнут с порога. Тогда на Западе попытались отмежеваться от «инициативы» султана, сделав вид, будто эта идея принадлежит только Кабусу и не более.

---

¹ Foreign Affairs, Spring 1979, p. 833—834.

² Ibid., p. 833.

В арабском мире сразу разгадали маневр неокolonизаторов. Не только в передовых арабских государствах, но и в странах с консервативными режимами планы наращивания прямого американского военного присутствия на Ближнем Востоке, как и проекты создания новых региональных блоков с участием западных держав, вызвали тревогу и решительные протесты.

Развивавшийся в 70-х годах процесс развала «традиционных» военных блоков заставил империалистов, как это видно из «доктрины Картера», внести некоторые изменения в свою блоковую политику. Она «корректируется» по двум направлениям

Во-первых, как уже отмечалось, образовавшийся «вакуум» после развалов азиатских блоков СЕНТО и СЕАТО Вашингтон пытается заполнить путем распространения зоны ответственности НАТО на этот регион и более активного привлечения к выполнению жандармских функций в зонах освободительных революций западноевропейских стран, Японии и Австралии. Уже на вашингтонской сессии совета НАТО в 1978 году США под предлогом угрозы для безопасности Заира предлагали создать «коллективные силы» блока, предназначенные для подавления освободительных движений в Африке при соучастии Египта и некоторых других африканских стран. Задолго до обострения американо-иранского конфликта была предпринята попытка распространить сферу действия военно-политического союза АНЗЮС на бассейн Индийского океана. Вопрос о включении Индийского океана в зону ответственности ВМС Североатлантического блока неоднократно поднимался в конгрессе США и снова обсуждался по настоянию Вашингтона на сессии Совета НАТО в Анкаре в июне 1980 года.

Во-вторых, уже в рамках провозглашенной Никсоном так называемой «гуамской доктрины» стала проводиться сначала в Юго-Восточной Азии, а затем и в других районах линия на создание субимпериалистических регионально-групповых коалиций с наиболее надежными местными опорами, которые могли бы выполнять роль «подрядчиков» империализма. Как правило, такие «привилегированные союзники» выбираются из наиболее крупных государств в региональных масштабах, которые проводят согласованный с Западом внешнеполитический курс. Именно эти государства получали наибольшую часть поставляемого американского вооружения, и именно в них наиболее активно действовали транснациональные корпорации. Роль такого империалистического «подрядчика» на Ближнем Востоке выполняет Израиль, теперь на эту же роль стал претендовать режим Садата. В зоне Персидского залива и на Среднем Востоке до свержения шаха главную свою опору империализм видел в лице Ирана.

После провала неокolonиалистской политики в Иране и в связи с событиями в Афганистане Вашингтон стал вести усилен-

ный зондаж для выяснения возможностей возродить идею «исламского» союза, который мог бы служить барьером на пути усилившихся в мусульманском мире антиимпериалистических освободительных движений. Уже через месяц после победы иранской революции, в марте 1979 года, в Дели состоялось совещание американских дипломатических представителей в странах Южной и Юго-Западной Азии, в том числе Иране, Афганистане, на котором обсуждался вопрос о создании «исламского» военно-политического союза в составе Пакистана, Бангладеш и Саудовской Аравии.

Эту же идею обсуждали совершавшие в 1979—1980 годах турне по ряду стран Ближнего и Среднего Востока заместитель государственного секретаря США У. Кристофер, помощник президента США З. Бжезинский и английский министр иностранных дел лорд Каррингтон.

Однако зондирование, судя по всему, не дало ожидаемых результатов. Даже консервативные мусульманские режимы после падения монархии в Иране боятся переступить определенный «порог сотрудничества» с неокOLONиализмом, опасаясь народного взрыва и изоляции в арабском мире. В этом отношении показательна позиция Саудовской Аравии. Принципиально не выступая против американского военного присутствия в этом регионе, Эр-Рияд вместе с тем заявил американским эмиссарам о нежелательности официального размещения военных баз непосредственно на территории Саудовской Аравии. Было высказано предпочтение так называемому «военному присутствию США на горизонте». Другие страны зоны Персидского залива, в частности Кувейт, заняли еще более отрицательную позицию в отношении иностранного присутствия в этом регионе.

Неудивительно, что после этого Вашингтон стал делать все большую ставку на создание под своей эгидой «мини-блоков» и неофициальных альянсов без непосредственного участия империалистических держав. Подобные альянсы планируется сколачивать под видом провозглашаемых в «доктрине Картера» неких «рамок консультативной безопасности и сотрудничества» при участии афро-азиатских стран с наращиванием прямого военного присутствия западных держав и созданием соответствующих опорных баз. В базовую политику вносятся также небольшие коррективы. Предполагается арендовать готовые базы без размещения там многочисленных воинских гарнизонов, поскольку они могли бы «раздражающе действовать на местное население». Эти базы предназначаются для оборудования военно-морских стоянок, перевалочно-транзитных пунктов и для заблаговременного создания там запасов необходимого оружия и боевой техники.

Не объясняя сути планируемого нового военного альянса со странами Юго-Западной Азии, Картер вместе с тем достаточно полно раскрыл содержание неокOLONиалистских «рамок», заявив,

что США «должны помочь государствам этого региона развить свою способность противостоять советскому нажиму в каких-то укрепленных рамках сотрудничества в этом регионе». Под оказанием подобной помощи подразумевается в первую очередь наращивание прямого американского военного присутствия и «более активное использование военных объектов в этом районе».

Расшифровывая обтекаемые формулировки президента, американский еженедельник «Бизнес уик» уточнил, что Вашингтон не только «помышляет об использовании баз ВВС в Египте и в Израиле, но и более настойчиво добивается права вести операции с других аэродромов», а также получить доступ к морским портам в зоне Персидского залива и бассейне Красного моря. Необходимость подобных баз и объектов журнал объяснил тем, что США «могли бы там заранее держать суда, груженые танками, артиллерией и другой тяжелой техникой, чтобы войска по прибытии в этот район сразу же могли ими воспользоваться»¹.

В свете таких обстоятельных разъяснений становится понятным, почему Вашингтон так настойчиво добивался заключения соглашений об аренде ряда военных баз в Омане, Кении, Сомали, а также подписывает контракты на массовые поставки американского оружия в Саудовскую Аравию. С целью замаскировать создание новых арсеналов американского оружия оно размещается, как сообщала иностранная печать, на саудовских базах Дахран, Табук, Хамис-Мушайт под прикрытием поступления вооружения для Саудовской Аравии. Таким образом, американская военщина намерена ускорить создание наиболее благоприятных условий для будущих действий в этом районе «корпуса быстрого реагирования».

Попытки навязать арабским странам различные неокOLONиалистские формы военного вмешательства то под видом «дипломатии истребителей», означающей одновременную поставку американского вооружения Израилю и некоторым арабским государствам, то под видом «дипломатии авианосцев», выражающей стремление Вашингтона расширить свое прямое военное присутствие в Средиземноморье и в бассейне Индийского океана,— все это лишь неокOLONиалистские разновидности колониалистской политики «дипломатии канонерок». Дипломатия, уточняемая различными видами вооружений, выражает скорее эволюцию технических средств ведения империалистических войн, нежели изменение самих методов неокOLONиализма.

Империалисты глубоко заблуждаются, думая, что им удастся с помощью интервенционистского «корпуса быстрого реагирования» найти выход из этого кризиса и заставить арабские страны поступиться их неотъемлемым правом распоряжаться своей

---

¹ Business Week, 25. II. 1980.

судьбой, своими национальными богатствами. Как напомнил в связи с этим Л. И. Брежнев, «государственная мудрость не в том, чтобы «реагировать быстро» пулеметом и винтовкой, главное — реагировать **правильно**, с учетом объективных реальностей сегодняшнего мира, искать мирного решения проблем.

Рецидивы империалистической «политики канонеров» в ее современном обличье могут повести лишь к возникновению новых опасных очагов напряженности и обострению старых, ухудшить международную обстановку в целом. Попытки возродить в наши дни бесславную политику колонизаторов обречены на неизбежный провал...»¹.

Безрассудство и авантюристичность империалистической «новой стратегии», изложенной в «доктрине Картера», очевидны. Она таит немалую угрозу всем народам мира и международной безопасности. Поэтому, как подчеркнул Л. И. Брежнев, «дать отпор этим зловещим замыслам — дело всех, кому нужен и дорог мир»²

Новое размежевание сил

На тихом живописном островке Элефантин посреди Нила в Асуане египетский президент Анвар Садат и израильский премьер Менахем Бегин провели несколько дней первой декады 1980 года в беседах с глазу на глаз, на этот раз уже без посредничества Картера. Египетские и израильские газеты называли эту встречу, как и кэмп-дэвидскую, «исторической»: она происходила в преддверии установления дипломатических отношений между двумя странами. Сами участники называли ее «дружеской»: на устроенной в Асуане 10 января 1980 года пресс-конференции каждый обращался к своему собеседнику не иначе как «мой дорогой друг». Об этом же должны были свидетельствовать и опубликованные в западной печати многочисленные фото. На них можно было видеть Садата и Бегина то с протянутыми навстречу друг другу руками, то интимно шепчущими что-то друг другу на ухо, то с поднятыми бокалами... Официальные же органы пропаганды Египта и Израиля старались представить эту встречу как сугубо «деловую»: обе стороны надеялись, что на ней удастся наконец найти приемлемую формулу решения «палестинской проблемы». В этом особенно был заинтересован Садат. Незадолго до встречи с Бегиним он в интервью израильской газете «Маарив» утверждал, что без «всеобъемлющего мир-

---

¹ Правда, 1979, 25 октября.

² Брежнев Л. И. Наш курс — мирное созидание. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы 22 февраля 1980 г. М., 1980, с. 14.

ного урегулирования» Египту и Израилю невозможно будет наладить «широкое сотрудничество в стратегическом плане».

Увы, заклинивания Садата не помогли. «Друг Менахем» остался глух к просьбам своего «друга Анвара». Никаких уступок по «палестинской проблеме» Садат не добился. Однако это обстоятельство не помещало перейти от слов к делу в установлении египетско-израильского сотрудничества по всем направлениям. Было объявлено об установлении прямой телефонной связи и об открытии авиалинии между Тель-Авивом и Каиром, о развитии туризма. Без лишнего шума стала налаживаться и торговля всевозможными товарами, особенно... контрабандными. Незадолго до передачи Египту одного из районов Синайской пустыни там было закопано в песке более сотни украденных израильскими контрабандистами автомобилей «Мерседес», которые затем были проданы по баснословным ценам на «черном рынке» в Египте. Так что деловое сотрудничество между египетскими «жирными котами» и израильскими гангстерами установилось раньше, чем официальные дипломатические отношения.

Впрочем Садат и Бегин, протаскивая тоже контрабандой «кэмп-дэвидский товар» на Ближний Восток, старались не отставать от деловых людей. Тупик, создавшийся в переговорах по «палестинской автономии», не помешал им продвинуться вперед в «налаживании тесной координации» действий в вопросах, так сказать, «глобальной стратегии» и «региональной политики». Об этом довольно красноречиво говорит фото, запечатлевшее Садата и Бегина в роли «стратегов», склонившихся над картой района Ближнего и Среднего Востока. Как писал журнал «Жён Африк», Садат наглядно на карте пытался доказать Бегину «важную роль», которую может играть Египет в «обеспечении стабильности и безопасности» в этом регионе. Палец Садата указывал то на богатый нефтью район Персидского залива, куда он направил уже своих военных специалистов помогать султану Омана спасти его трон, то на Афганистан, где действуют против революции подготовленные в Египте басмачи, то на Эфиопию, куда Садат направил оружие и боеприпасы для эритрейских сепаратистов, то на Ливию, у границы которой сконцентрированы крупные контингенты египетских войск, то на Саудовскую Аравию, над пустынями которой в те дни проводили совместные полеты египетские и американские самолеты-разведчики. Как бы в подтверждение слов Садата Вашингтон тогда объявил, что в самом деле на египетскую военно-воздушную базу Кена около Луксора прибыли из США самолеты системы АВАКС и около 250 американских военнослужащих, обеспечивающих их полеты с целью ведения разведки над Аравийским полуостровом и зоной Персидского залива¹.

---

¹ В апреле 1980 года эти самолеты обеспечивали военно-диверсионную операцию по переброске американских воздушных десантников в Иран.

Садат, водя рукой по карте то к востоку, то к западу от Суэцкого канала, пытался убедить Бегина, что с помощью американского оружия и при «понимании» со стороны Израиля Египет сможет сам заполнить пугающий «вакуум» в мусульманском мире. Однако Бегин, рассеянно слушая Садата и следя за движением его пальца, думал о чем-то своем. При виде карты ему по привычке прежде всего мерещились границы «Великого Израиля» от Нила до Евфрата. Ну а что касается далеко идущих планов Садата, то, увы, это всего лишь воздушные замки.

Прежде чем добиться какого-то влияния в мусульманском мире, Садату сначала надо вырваться из изоляции в нем. А это далеко не просто. Не потому ли на все доводы Садата Бегин отвечал с задумчивым видом весьма неопределенно:

— Я вас понимаю, мой друг Анвар, но...¹

Это многозначительное «но» так и осталось камнем преткновения для творцов «кэмп-дэвидского мира» на Ближнем Востоке даже после повторных отдельных встреч Картера с Садатом и Бегоном в Вашингтоне.

Тем не менее в конце февраля было официально объявлено об установлении в полном объеме дипломатических отношений между Египтом и Израилем. 26 февраля первый посол Израиля вручил свои верительные грамоты в Каире, где над двухэтажной виллой почти перед окнами резиденции президента Садата поднялся израильский флаг с шестиконечной звездой Давида.

Этот же флаг в тот день развевался и над оккупированной частью Иерусалима, где вручал свои верительные грамоты посол Египта. Более того, флаг с сионистской звездой продолжал реять и над оккупированными исконно египетскими землями на Синайском полуострове. Садат сознательно шаг за шагом шел к этому последнему рубежу капитулянтства и предательства.

Но этот рубеж вовсе не подвел черты под состоянием войны на Ближнем Востоке. Напротив, «кэмп-дэвидский мир» расширил географические границы ближневосточного конфликта и создал еще более взрывоопасную обстановку в этом обширном регионе. В результате произошла определенная трансформация локального арабо-израильского конфликта в международный конфликтный узел на Ближнем и Среднем Востоке, в котором как бы сфокусировались многие нерешенные проблемы внутреннего и внешнего плана.

Как и прежде, внутренние региональные проблемы вызваны в первую очередь противоречиями между сионизмом и арабским освободительным движением. Внешние же проблемы обусловлены, с одной стороны, неокOLONиалистской политикой империалистических государств, оказывающих прямую поддержку агрессивному курсу Израиля, с другой — межимпериалистическими противоречиями между этими государствами, их конкурентной

---

¹ Jeune Afrique, 30 Janvier 1980, p. 34—35; 6 Février 1980, p. 36—37.

борьбой за нефть, рынки и сферы влияния на Ближнем Востоке. Однако эти внутренние и внешние причины в условиях нерешенности палестинской проблемы, неурегулированности арабо-израильского конфликта, раскола в арабском мире из-за капитулянтской политики Садата, а также обострения отношений с США арабских стран и Ирана в еще большей степени переплелись и затянулись в сложный ближневосточный узел. Несомненно, на этот процесс не могло не оказывать самого непосредственного влияния и главное противоречие в системе современных международных отношений — противоречие между социализмом и капитализмом, между мировым союзом революционных сил и империализмом. В силу этого обстоятельства ближневосточный конфликт хотя и развивался прежде всего под влиянием арабо-израильских и межимпериалистических противоречий, в широком плане, безусловно, является одновременно отражением этих главных противоречий современной эпохи.

Это нашло яркое отражение как во время суэцкого кризиса 1956 года и англо-американской интервенции на Ближнем Востоке в 1958 году, так и в ходе арабо-израильских войн 1967 и 1973 годов, а также в период ливанского кризиса и американо-иранского конфликта в конце 70-х годов.

В периоды перерастания конфликтов в кризисные ситуации и в локальные войны особенно четко проявляется классовое размежевание сил. С одной стороны — империалистические и реакционные силы, стремящиеся «поставить преграды на пути мирового революционного процесса; с другой — силы социализма и прогресса, оказывающие всемерную поддержку жертвам агрессии, народам, борющимся за национальное и социальное освобождение»¹ В этом плане локальные войны и конфликты на Ближнем Востоке явились выражением одной из форм противоборства двух систем, как бы сфокусированного в этом регионе. Именно благодаря поддержке борющихся арабских народов государствами социалистической системы империализм и сионизм, развязавшие в последние три десятилетия около десятка локальных войн и вооруженных конфликтов в арабском мире, не смогли одержать ни одной окончательной победы.

Диаметрально противоположные позиции, которые занимали Советский Союз и США в ходе этих кризисов и войн, отражали заинтересованность двух противоположных социально-политических систем в различных результатах этих конфликтов. Правильно это может быть объяснено, конечно же, не с позиций соперничества двух «сверхдержав», как утверждает пекинская пропаганда, а только с позиций классовой борьбы. Именно с классовых позиций две ведущие страны этих систем — Советский Союз и США оказывали и оказывают поддержку странам, непосредственно вовлеченным в арабо-израильский конфликт и конфронту-

---

¹ Епишев А. А. Идеологическая борьба по военным вопросам. М., 1974, с. 80.

ющим сторонам в ходе других кризисов и войн на Ближнем Востоке и в других районах арабского мира: СССР — арабскому национально-освободительному движению и прогрессивным силам, а США — милитаристским кругам Израиля и арабской реакции¹. Именно в этом же контексте можно дать правильную оценку самим арабо-израильским войнам и сопутствующим им кризисам, в ходе которых арабские народы, все его революционные и прогрессивные отряды ведут справедливую, антиимпериалистическую вооруженную борьбу, а Израиль и его империалистические покровители вкуче с арабской реакцией выступают, как правило, или в роли агрессоров и интервентов, или же контрреволюционных сил, врагов свободы и прогресса арабских народов.

Капитулянтская политика Садата, обострение ливанского кризиса и события в Иране еще более убедительно подтвердили, что размежевание сил в этом узловом ближневосточном конфликте происходит теперь на новой основе. Империалистическая и реакционная пропаганда утверждала после сепаратных шагов Садата, якобы раскол в арабском мире произошел по принципу размежевания «умеренных» и «радикальных» сил. Сам Садат пытался объяснить этот процесс некими «психологическими комплексами», утверждая, будто вообще арабо-израильский конфликт состоит на 70 процентов из психологических проблем и лишь на 30 процентов из других проблем, к числу которых он, очевидно, относит классовые и социальные. Но именно последовавшие за капитулянтскими шагами Садата события наиболее убедительно опровергли подобные утверждения.

Процесс нового размежевания сил происходит не на «психологической», не на национальной и не на религиозной основе, а по социально-классовому принципу. Сепаратные переговоры Садата прогрессивные арабские круги расценили не просто как акт предательства национальных интересов арабов, а как сговор арабской реакции и сионизма при соучастии империализма против арабского революционно-освободительного движения. Фронт борьбы между этими силами проходит не всегда вдоль границ и линий перемирия. По одну сторону этого фронта действуют силы империализма, сионизма и реакции, по другую — силы прогресса и революционно-освободительного движения, опирающегося на поддержку стран социализма и мирового рабочего движения.

Наметившийся в 70-х годах качественный сдвиг в соотношении социальных и национальных факторов нашел убедительное подтверждение в процессе дальнейшего развития освободительных революций в арабском мире, особенно в регионе Ближнего Востока. Это дает основание сделать вывод о наступлении нового, преимущественно социального этапа в арабском нацио-

---

¹ См.: *Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта*, с. 4.

нально-освободительном движении в современных условиях, на котором происходит во все большей степени объединение двух потоков — *антиколониального* (принявшего в значительной степени масштабы общеарабской борьбы за освобождение оккупированных арабских земель и создание суверенного арабского государства Палестины) и *антикапиталистического* (нашедшего проявление в избрании рядом арабских стран некапиталистического пути развития) в единый процесс *антиимпериалистической* борьбы¹. Особенность современного этапа освободительных революций в арабском мире состоит в том, что антиколониальная направленность борьбы арабов сохраняется даже после завоевания всеми арабскими странами политической независимости, поскольку актуальной остается задача освобождения оккупированных Израилем территорий и признания за палестинским народом права на суверенное существование. Эта борьба в значительной степени носит региональный, общеарабский характер, и она может вестись на широкой основе, с участием буржуазных и даже феодальных кругов. Вместе с тем цели и стратегия борьбы антикапиталистической направленности определяются конкретными условиями каждой страны, однако они оказывают влияние на расстановку сил как в национальном, так и в общеарабском масштабе. На собственном опыте арабские, как и другие народы бывших колониальных стран убедились, что объединение этих двух потоков создает наиболее благоприятные условия не только для решения национальных задач освободительных революций, но и для достижения общеарабских целей борьбы за ликвидацию последствий израильской агрессии. И напротив, как показывает капитулянтская политика Садата, свертывание антикапиталистической борьбы ведет к забвению, а иногда и прямому предательству национальных интересов арабских народов.

Иранская антиимпериалистическая революция и заключение сепаратного египетско-израильского договора явились результатом внутренних процессов в Иране и в Египте. Но это привело к изменению в расстановке сил на Ближнем Востоке в целом. США и Израиль считали, что приобрели в качестве своего союзника Египет, но они потеряли Иран. «Приобретение» и потеря оказались далеко не равнозначными как в военно-политическом, так и в экономическом отношении. Под влиянием иранских событий усилились настроения антиимпериализма не только в арабском, но и в мусульманском мире в целом. Это нашло отражение в решениях состоявшейся в Фесе (Марокко) сессии Исламской конференции, на которой министры иностранных дел мусульманских стран решительно осудили капитулянтскую политику Садата. Эти решения были подтверждены ими и на следующих сессиях в Исламабаде и в Аммане в начале и середине 1980 года.

После подписания сепаратного египетско-израильского до-

---

¹ См.: *Симония Н. А.* Страны Востока: пути развития, М., 1975, с. 229.

говора процесс «радикализации» затронул даже те «умеренные» и консервативные арабские государства, которые Запад рассматривал как своих потенциальных союзников. Требования, выдвигавшиеся в 1978 году только странами Национального фронта стойкости и противодействия, поддержало сначала на совещании министров иностранных дел и экономики в Багдаде (март 1979 года), а затем и на конференции в арабских верхах в Тунисе (ноябрь 1979 года) большинство арабских государств, которые разорвали дипломатические отношения с Египтом и объявили ему экономический бойкот.

Обострение ирано-американского кризиса в конце 1979 года повлекло за собой новую волну антиимпериалистических, особенно антиамериканских, демонстраций и выступлений в странах мусульманского мира. И хотя Вашингтон при содействии пекинских гегемонистов и местных реакционных кругов сумел, спекулируя на событиях в Афганистане, внести определенный раскол и пытается распространить на мусульманский мир атмосферу «холодной войны» с помощью жупела антикоммунизма, неоколониализму все же не удалось сбить эту волну антиимпериалистического движения и направить его в русло арабского, иранского, какого-то иного национализма или реакционного «исламизма».

Наращивание американского военного присутствия в зоне Персидского залива — то под предлогом «советской угрозы», то для осуществления морской блокады Ирана, то под лозунгом «обеспечения безопасности» поставок нефти — вызывает растущее беспокойство широкой общественности стран этого региона. Определенную тревогу испытывают даже руководящие деятели тех государств, которые в течение длительного времени поддерживали тесные отношения с Вашингтоном. Они хорошо помнят, как в свое время провозглашение «доктрины Эйзенхауэра» повлекло за собой англо-американскую интервенцию в Ливан и Иорданию. Они понимают, что такие же последствия может повлечь за собой и «доктрина Картера». Вслед за «карательными санкциями» против Тегерана или скандально провалившейся «спасательной операцией» по освобождению американских заложников в Иране может последовать вооруженная интервенция в другие страны Персидского залива.

«В Кувейте, ОАЭ и Катаре, — констатировало американское агентство ЮПИ, — на каждом шагу можно обнаружить свидетельство отсутствия взаимопонимания между США и странами Персидского залива... Руководители этих стран встревожены отнюдь не введением советских войск в Афганистан, а «чрезмерной реакцией» президента Картера на афганский кризис и полное неуважение с его стороны к интересам государств в этом регионе».

Участники состоявшегося в середине апреля 1980 года четвертого совещания глав арабских государств — членов Наци-

онального фронта стойкости и противодействия резко осудили происки США на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива. Они заявили о своей солидарности с иранской революцией, предупредив, что любые действия американского империализма против нее создают серьезную угрозу безопасности и миру в этом регионе. Они призвали арабские правительства пересмотреть свои отношения с США и считать создание американских военных баз в арабском мире прямой агрессией против стран фронта и арабских народов. На совещании была подчеркнута важность укрепления единства всех антиимпериалистических сил и расширения их сотрудничества со странами социалистического содружества. Участники фронта выразили стремление к дальнейшему упрочению и углублению отношений с Советским Союзом, расценивая их как основу эффективности противодействия империалистическим заговорам и маневрам неокOLONиализма на Ближнем Востоке.

Кризис в ирано-американских отношениях, острота которого не спала и после смерти бывшего шаха, еще более осложнил положение на Ближнем Востоке. Стало ясно, что при всем разнообразии и запутанности внутренних причин и противоречий на Ближнем Востоке два фактора — неурегулированность арабо-израильского конфликта и нефтяная проблема — были и остаются опасными внутренними детонаторами взрывной ситуации в этом регионе.

Еще до выхода Египта из арабо-израильской конфронтации в результате капитулянтства Садата французский генерал А. Бофр, выступавший в последние годы жизни в роли политолога и военного теоретика, сделал в начале 70-х годов вывод, что под влиянием возрастающей роли нефтяного фактора в ближневосточном конфликте его центр тяжести будет все более перемещаться из зоны Суэцкого канала в район Персидского залива. Позднее, после подписания сепаратного египетско-израильского соглашения, этот вывод французский публицист Ж. Лакутюр сформулировал еще более лаконично: «Прощай, Суэц, — привет, Залив!..»

Но дело, конечно, не столько в географическом перемещении центра тяжести конфликта с Суэцкого канала в богатый нефтью район Персидского залива. Безусловно, расширение географических границ района конфликта представляет собой тоже опасную тенденцию, особенно когда он распространяется на один из самых богатых в мире нефтеносных районов. Но еще большую угрозу делу мира и международной безопасности создают углубление этого кризиса и расширение круга его участников, тем более что в их числе оказались теперь Соединенные Штаты — оплот капиталистического мира и Иран — крупнейшая после Саудовской Аравии мусульманская нефтедобывающая страна.

В связи с повышением степени вовлеченности США в ближневосточный конфликт буржуазные исследователи на Западе и

пропагандисты Пекина пытаются вообще свести главные причины его неурегулированности на так называемый глобальный уровень. Такая тенденция явно прослеживается и в аргументах «доктрины Картера». Ее творцы тоже стремятся представить Ближний Восток не как арену противоборства сил национально-го освобождения и неокOLONиализма, а прежде всего как «арену конфронтации великих держав», борющихся здесь за укрепление своих экономических и военно-стратегических позиций. При этом делаются попытки доказать, что «баланс сил» на Ближнем Востоке уравнивается в значительной степени тем обстоятельством, что Запад стремится максимально нейтрализовать уязвимость здесь своих экономических, особенно нефтяных интересов. В силу этого США якобы добиваются быстреего урегулирования ближневосточного конфликта, а Советский Союз во имя достижения своих военно-стратегических целей заинтересован, дескать, в сохранении напряженности в этом регионе.

В военно-политическом аспекте Ближний Восток рассматривается ими лишь как своеобразная «арена контригры» великих держав в их глобальной политике и стратегии. При этом американские военные стратеги и политические советники президента Картера пытаются представить положение таким образом, будто очаги напряженности, будь то на Ближнем Востоке или в зоне Персидского залива, создаются не в результате неокOLONиалистского курса США и других империалистических держав, которые делают опору на экспансионистские и расистские устремления своих подручных, а в результате поддержки Советским Союзом народов, борющихся против империализма и его ставленников, усматривая в этом угрозу «жизненно важным интересам Запада».

Между тем даже некоторые американские политологи, которые не скрывают своих антисоветских взглядов, в результате углубленного анализа ближневосточных проблем последних десятилетий вынуждены были признать, что напряженность на Ближнем и Среднем Востоке создавали именно «военное вмешательство США» и их стремление «создать систему союзов и пактов антисоветской направленности», которые начал сколачивать еще Даллес с целью, чтобы «вдоль южных границ Советского Союза ощущалось военное присутствие США»¹.

Однако, как отмечал американский исследователь Р. Кэнет, большинство даже вовлеченных в союзы и пакты ближневосточных стран никогда не видели в Советском Союзе угрозы для своей безопасности. В то же время они во все большей степени сознавали, что «опора на США в смысле как экономической, так и военной помощи способствовала развитию отношений зависимости, которую лидеры этих стран желали уменьшить»².

¹ Bernard E. (ed.). *The Soviet Union: The Seventies and Beyond*. Lexington, 1975, p. 355, 375.

² *Ibid.*, p. 383.

XXV съезд КПСС выдвинул задачу «сосредоточить усилия миролюбивых государств на ликвидации остающихся военных очагов, и прежде всего на осуществлении справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке»¹. В связи с этим с новой силой была подчеркнута готовность СССР сотрудничать во всех усилиях, направленных на действительное урегулирование ближневосточного конфликта, в международных гарантиях безопасности и неприкосновенности границ всех стран Ближнего Востока — в рамках ООН или на иной основе. «Мы,— заявил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— за создание условий для развития наших отношений со всеми странами Ближнего Востока, у нас нет предубеждения против какой-либо из них»².

Однако Советский Союз вместе с тем не скрывает, что эти отношения и устанавливаемое с различными странами сотрудничество развиваются в соответствии с классовыми принципами пролетарского интернационализма, которыми руководствуются КПСС и Советское государство в своей внешней политике.

«В развивающихся странах, как и повсюду,— подчеркнул в Отчетном докладе XXV съезду партии Л. И. Брежнев,— мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе»³.

Подлинное урегулирование проблем на Ближнем Востоке, которое отвечало бы интересам народов как этого региона, так и других государств, возможно только на основе обеспечения справедливого мира, отказа от вмешательства во внутренние дела, уважения принципов равноправия и добрососедства. Попытки применения авантюристической «доктрины» под предлогом обеспечения безопасности путей доставки в США нефти несут угрозу миру и безопасности всех государств и народов. Вот почему «доктрине» военной истерии и лихорадочной гонки вооружений Советский Союз противопоставляет доктрину последовательной борьбы за мир и безопасность на земле. Именно такая доктрина изложена в Программе мира, выдвинутой на XXIV и XXV съездах КПСС, которую неуклонно проводит в жизнь Советский Союз. Как и прежде, он стоит за укрепление, а не разрушение разрядки, за сближение и взаимопонимание между народами, а не за искусственное отчуждение и вражду.

В отличие от Советского Союза и стран социалистического содружества, Соединенные Штаты и другие империалистические государства, провозглашая на словах готовность сотрудничать с освободившимися странами и даже оказывать им помощь, на деле стремятся укрепить там позиции неокOLONиализма, под-

---

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 26.

² Там же, с. 14.

³ Там же, с. 12.

держивая самые реакционные и консервативные силы США, как и прежде делая основную ставку в своей ближневосточной политике на Израиль, пытаются одновременно привести ее в соответствие со своими нефтяными интересами, развивать связи и сотрудничество с арабской реакцией, на которую они тоже возлагают определенные надежды, связанные с укреплением позиций неокOLONиализма в этом регионе.

В условиях неурегулированности арабо-израильского конфликта диапазон «балансирования» ближневосточной политики США, как и методы ее осуществления, меняются в зависимости от конкретно складывающейся международной обстановки и расстановки сил как в самих США, так и в арабских странах. В ходе сепаратных египетско-израильских переговоров и последующих поисков выхода из тупика при обсуждении проблемы так называемой «палестинской автономии» в рамках «кэмп-дэвидского мира» выявились пределы возможностей, или «лимиты проарабской ориентации», так называемого «сбалансированного курса» Вашингтона на Ближнем Востоке.

Под воздействием различных внутривосточных, военно-экономических и международных факторов ближневосточная политика США приобретает все более противоречивый характер. С одной стороны, в Вашингтоне начинают сознавать бесперспективность агрессивной, экспансионистской политики Тель-Авива, вступающей все чаще в противоречие с долгосрочными интересами США на Ближнем Востоке. С другой стороны, Вашингтон продолжает объективно поощрять агрессивные устремления Израиля и наращивать прямое американское военное присутствие в районе Ближнего Востока. На практике эта политика ведет не к справедливому и всеобъемлющему урегулированию, а к возвращению к знакомой ситуации «ни войны, ни мира», которую, однако, Тель-Авив стремится теперь трактовать по-новому, вывести арабские страны из военной конфронтации, не дав взамен им справедливого мира. Противоречивость и непоследовательность ближневосточной политики США особенно наглядно проявились в разразившемся в начале марта 1980 года политическом скандале, когда Белый дом под нажимом сионистского лобби дезавуировал занятую им ранее позицию в Совете Безопасности ООН и признал «ошибочным» голосование американского представителя за осуждение действий Израиля на оккупированных арабских территориях.

В конце июня 1980 года представитель США уже учел «промах» своего предшественника. Он был единственным, кто при голосовании в Совете Безопасности ООН не решился присоединиться к всеобщему требованию об аннулировании принятых Израилем мер по так называемому «воссоединению» Иерусалима¹.

---

¹ См.: Правда, 1980, 2 июля.

Тот факт, что в ближневосточной политике США израильские тенденции по-прежнему преобладают над проарабскими, нельзя, конечно, считать только результатом предвыборной борьбы внутриполитических сил в США и их влияния на Белый дом. Неправильно было бы также сводить объяснение лишь к тому, что Тель-Авив и сионистское лобби в США берут верх над так называемым «арабским лобби», то есть над монополистическими кругами, которые связаны с арабской нефтью и добиваются поэтому проведения более реалистического курса американской политики на Ближнем Востоке. Не менее важную роль здесь играет и другое обстоятельство. Вашингтон не отказался от антиарабского и израильского курса, направленного на закрепление оккупации Израилем части арабских земель, именно потому, что неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИМ КРУГАМ УДАЛОСЬ ЦЕНОЙ ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСТУПОК НА НЕФТЯНОМ ФРОНТЕ ДОБИТЬСЯ ЕСЛИ НЕ ПРЯМОЙ ПОДДЕРЖКИ, ТО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ АРАБСКОЙ РЕАКЦИИ НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ФРОНТЕ. Благодаря этому империализм получил возможность оказывать на арабское революционное движение не только военное давление руками Израиля, но и пускать в ход финансовые и политические рычаги арабской реакции, подкрепляя это одновременно косвенным, а иногда и прямым экономическим и военным нажимом.

Однако опыт и результаты египетско-израильских сепаратных сделок убедительно показали полную неспособность реакционных арабских лидеров отстаивать национальные интересы своих стран, добиться справедливого решения палестинской проблемы и решать задачи укрепления независимости арабских государств. Возглавляемые этими лидерами и консервативными монархами режимы не смогли предложить народам ничего, кроме новых форм зависимости от империализма.

На примере антимонархической революции в Иране, пока еще разрозненных, но все более нарастающих антиправительственных выступлений в Саудовской Аравии (например, вооруженного выступления в Мекке), взрыва антиамериканских настроений в других странах Персидского залива Вашингтон получил возможность убедиться в существовании определенных лимитирующих рамок сотрудничества с неокOLONИАЛИЗМОМ, за пределы которых даже консервативные режимы мусульманского мира не могут выходить без риска лишиться всякой национальной политической поддержки. Об этом свидетельствуют усиливающаяся оппозиция и противодействие режиму Садата внутри Египта со стороны как левых патриотических сил, так и мусульманских кругов. Садатовский режим, вступив в открытый сговор с империализмом и встав на путь капитулянтских сделок с израильскими агрессорами, показал тем самым, что олицетворяемые им националистические и правобуржуазные круги исчерпали свой антиимпериалистический потенциал. Они не могут последовательно и до конца вести борьбу за укрепле-

ние национальной независимости и ликвидацию последствий израильской агрессии. Идя на соглашения с неоколониализмом, они не останавливаются перед прямым предательством интересов этой борьбы. Движение арабских народов за освобождение от колониального гнета, за укрепление национальной независимости и социальный прогресс развивается в общем русле мирового революционного процесса. Но это развитие происходит не по прямой, а скорее зигзагообразно. Национально-освободительные революции, как и социальные, имеют свои подъемы и спады. Однако уже сам тот факт, что за сравнительно короткий исторический срок в арабском мире покончено с колониализмом в виде его политического господства и прямого военного присутствия, выбор многими арабскими странами социалистической ориентации, победа апрельской революции в Афганистане, а также свержение монархии в Иране — все это свидетельствует о поступательном характере революционно-освободительного процесса на Ближнем и Среднем Востоке.

Но неоколониализм, маневрируя, не только отстывает. Время от времени он пытается перейти в контрнаступление в том или ином регионе при опоре на своих классовых союзников. В рамках коллективного неоколониализма делается особая ставка на блокирование с Пекином и местными реакционными силами.

«На антисоветской враждебной делу мира основе,— отмечается в постановлении июньского (1980 г.) Пленума ЦК КПСС,— происходит сближение агрессивных кругов Запада, в первую очередь Соединенных Штатов, с китайским руководством. Партнерство империализма и пекинского гегемонизма представляет собой новое опасное явление в мировой политике, опасное для всего человечества, в том числе — для американского и китайского народов»¹.

Как в недалеком прошлом, когда империализм под аккомпанемент антисоветской шумихи развязывал вооруженные агрессии и интервенции на Ближнем Востоке, так и в наши дни антисоветизм и антикоммунизм превращены в орудие борьбы не только против СССР и других стран социалистического сотрудничества, не только против коммунистов, но и против всех миролюбивых сил, в средство подрыва разрядки и подавления национально-освободительных революций

В отличие от коллективного колониализма периода «тройственной» агрессии против Египта в 1956 году, блокирование в рамках регионального неоколониализма на Ближнем Востоке происходит на современном этапе не столько на межгосударственной, сколько на социальной основе, то есть не только по горизонтали, с участием нескольких империалистических государств и Израиля, но и по вертикали, с вовлечением трансна-

---

¹ Правда, 1980, 24 июня.

ционального, монополистического капитала, правонационалистического крыла еврейской или арабской буржуазии и некоторых феодальных кругов и нефтекратов, ставших акционерами империалистических нефтяных и финансовых компаний.

В новых условиях при распределении ролей в рамках объявленной «доктрины Картера» на местную правую буржуазию и феодальные круги империалисты возлагают задачу не только политического «размывания» прогрессивных режимов и освободительных революций, но и непосредственного участия в осуществлении неоколониалистских планов.

Таким образом, на новом этапе борьбы за справедливый мир на Ближнем Востоке арабским национально-патриотическим силам приходится противостоять натиску со стороны объединенных сил империализма, израильских экспансионистов и арабской реакции, которые делают ставку на трудности, переживаемые арабскими странами, на разногласия в их рядах. Определенные надежды, видимо, возлагаются и на то, что примеру президента Садата последуют и некоторые иные арабские руководители. Судя по поведению Садата, империалистам и арабской реакции показалось, что они могут действовать в этом направлении с открытым забралом, не опасаясь серьезного сопротивления. Однако они явно переоценили свои возможности и, соответственно, недооценили силу антиимпериалистических настроений в арабском мире. Вместе с тем в своих планах неокolonизаторы явно недооценивают антагонистический по своей сути характер противоречий между освободившимися странами и империализмом, прочность солидарности освободившихся стран перед империалистическими происками. Кроме того, неокolonизаторы недооценивают экономические аппетиты и националистические устремления буржуазии развивающихся стран, ее стремление не делиться ни с кем плодами эксплуатации ресурсов и народных масс этих стран. Они недооценивают также остроту соперничества империалистических держав на почве неокolonизма¹.

Противоречия между США и их западноевропейскими союзниками принимают все более острую форму в связи с явно зашедшей в тупик «кэмп-дэвидской дипломатией» на Ближнем Востоке. Как Вашингтон ни старался их приглушить, они все же вышли наружу пусть даже в половинчатой декларации по Ближнему Востоку, принятой в Венеции на сессии стран ЕЭС в июне 1980 года. Еще более наглядно эти противоречия и осуждение «кэмп-дэвидского мира» проявились на созванной в конце июля 1980 года VII чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, на которой 112 государств при 24 воздержавшихся и 7 «против» проголосовали в поддержку неотъемлемого

---

¹ См.: *Брутенц К. Н.* Освободившиеся страны в 70 е годы. М., 1979, с. 121—122.

права палестинского народа на создание собственного независимого государства и за незамедлительный уход Израиля со всех оккупированных арабских земель, включая Иерусалим. Как отмечали американские обозреватели, тот факт, что против этой резолюции не решился голосовать никто из крупных капиталистических государств, кроме США, свидетельствует о растущей изоляции не только Тель-Авива, но и Вашингтона.

Однако несмотря на обостряющиеся разногласия между США и их союзниками по ряду вопросов ближневосточного урегулирования, включая палестинскую проблему, в борьбе с национально-освободительным движением они стараются действовать сообща, тесно координируя неокOLONиалистскую политику в различных сферах.

Начавшийся на Арабском Востоке процесс консолидации прогрессивных и патриотических сил на антиимпериалистической основе является необходимым условием победы на фронтах как внешней, так и внутренней конфронтации. В этой борьбе против неокOLONиалистского тройственного заговора арабское освободительное движение, как и на всех предыдущих поворотах истории, опирается на поддержку трех мировых революционных антиимпериалистических сил — стран социалистического содружества, международного пролетариата и национально-освободительного движения во всем мире. Это его естественные и проверенные союзники как в прошлом, так и на новых этапах освободительных революций, когда одни из них приобретают все более антикапиталистическую направленность, а другие уже избрали путь социалистической ориентации.

Такое развитие событий в бывших колониях и полуколониях гениально предвидел В. И. Ленин. «И совершенно ясно, — писал он, — что в грядущих решающих сражениях мировой революции движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо большую революционную роль, чем мы ожидаем»¹.

Происходящее на современном этапе более четкое социально-классовое размежевание сил на Арабском Востоке — результат не только продолжающегося вот уже более трех десятилетий арабо-израильского конфликта, но и исторического противоборства на мировой арене сил прогресса и реакции, мирового революционного движения и империализма.

Арабские народы, которые, опираясь на поддержку мирового антиимпериалистического фронта, сумели сорвать «тройственную» агрессию в 1956 году, дать отпор израильским захватчикам в октябрьской войне 1973 года и одержать ряд побед в борьбе против колониализма, несомненно, сорвут и неокOLONиалистский тройственный заговор — империализма, сионизма и местной реакции.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 38.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Глава</i>	I. СУЭЦ — ЗАКАТ КОЛОНИАЛИЗМА	9
	Первый прорыв	11
	Просчеты в расчетах	18
	Ответ на вызов	20
	Отвлекающие маневры	22
	Операция «Мушкетер»	30
	Поражение «победителей»	36
<i>Глава</i>	II. БИТЫЕ СТАВКИ НЕОКОЛОНИАЛИЗМА	44
	Доктрина силы	45
	Нажим на Иорданию	49
	Ливан отвергает диктат	52
	«Суэц позвал Багдад»	58
	Возрождение «дипломатии канонерок»	61
	«Империализм в дворцах буржуазии»	66
	«Счастливая Аравия» борется за счастье	69
	От военных переворотов к революционному повороту	72
<i>Глава</i>	III. БУМЕРАНГ АГРЕССИИ	83
	Зловещий «Голубь»	84
	Туман рассеивается	95
	Неосуществленные цели	99
	Помощь друга	107
<i>Глава</i>	IV. ШЕСТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ «ШЕСТИДНЕВНОЙ ВОЙНЫ»	114
	Борьба на несколько фронтов	115
	«Война на изнурение»	126
	План-ширма	132
	Палестинская трагедия	137
	Балансирование в положении «ни войны, ни мира»	154
<i>Глава</i>	V. ДАЛЬШЕ К ВОСТОКУ ОТ СУЭЦА	164
	Пробуждение вулкана	166
	Этапы трудного пути	173
	«Новая» политика на старых рубежах	180
	Лондонский вариант неоколониалистской доктрины	190
	Неоколониалистское соперничество и сотрудничество	194
	Беспокойное «тихое захолустье»	200

<i>Глава</i> VI.	СЮРПРИЗЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ ВОЙНЫ	206
	Стрелка склоняется к «буре»	207
	Возмездие «Судного дня»	213
	Конец мифов	221
	«Нефтяное оружие» в действии	232
<i>Глава</i> VII.	БАЛАНСИРОВАНИЕ МЕЖДУ ЭКСПАНСИОНИЗМОМ И КАПИТУЛЯНТСТВОМ	247
	От магистрали — в тупик	249
	Ливанский «оазис» в огне	256
	Спираль предательства	266
	Иллюзии Кэмп-Дэвида	278
	Пассивное сальдо сепаратной сделки	289
<i>Глава</i> VIII.	ОТПОР ТРОЙСТВЕННОМУ ЗАГОВОРУ НЕОКОЛОНИА- ЛИЗМА	305
	Эхо иранской революции	307
	«Неоисламизм» и неоколониализм	314
	«Доктрина Картера» — неоколониалистский гибрид	326
	Новое размежевание сил	352

Леонид Иванович Медведко

К ВОСТОКУ
И ЗАПАДУ
ОТ СУЭЦА

Зав. редакцией *А. В. Никольский*

Редактор *Н. В. Попов*

Младший редактор *Л. В. Сидашенко*

Художник *В. М. Аникеев*

Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*

Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 2657

Сдано в набор 22.05.80. Подписано в печать 19.08.80. А00124. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1 Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Условн. печ. л. 23. Учетно-изд. л. 25.15. Тираж 45 тыс. экз. Заказ № 162.
Цена 1 р. 80 к.

Политиздат 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»,
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.